

ИСКУССТВО БЫТЬ ВОЛОНТЕРОМ

От доброй воли — к доброму делу

Добровольческое
движение
Даниловцы

УДК 271
ББК 86.372-4

Искусство быть волонтером. От доброй воли — к доброму делу. —
М.: Издательство «Новое Небо», 2018 — 412 с.

Как создать и развивать волонтерское движение, помогающее тысячам детей? Кто такие волонтеры на самом деле?

Книга «Искусство быть волонтером» предлагает простые истории, портреты, зарисовки, впечатления.

Волонтеры и руководство Добровольческого движения «Даниловцы» делятся 10-летним опытом, откровенно отвечая на вопросы о своей жизни и причинах, побудивших их оказывать бескорыстную помощь ближнему, рассказывают о том, что обычно остается за скобками отчетов, цифр, пресс-релизов.

Российское социальное волонтерство — удивительный мир, и эта книга приоткрывает завесу, за которой он скрыт. Книга будет интересна всем, кто хочет восстановить веру в добро, справедливость и менять мир к лучшему.

Российская система возрастных ограничений.
На основании Федерального закона
Российской Федерации от 29 декабря 2010 г.
N 436-ФЗ «О защите детей от информации,
применяющей вред их здоровью и развитию»

ISBN 978-5-907073-38-8

© Добровольческое Движение «Даниловцы», 2018
© «Новое Небо», редактурa, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие	12
«Даниловцы» сделали волонтерство доступным	13
и понятным	
Глава 1. «Даниловцы» о волонтерстве	18
«Нужно создать условия для развития волонтерства ..	19
в России»	
«Просто знать, что у тебя в больнице — друг».....	32
«Духовность и коучинг усиливают друг друга»	40
«Дайте человеку возможность быть собой,	51
и он расцветет»	
Глава 2. Волонтерские группы добровольческого	60
движения «Даниловцы». Волонтеры — о своей работе,	
подопечных и коллегах.	
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ФНКЦ ДГОИ	61
ИМ. Д. РОГАЧЕВА	
Когда уходят подопечные... ..	62
Супергерои Центра детской гематологии,	
онкологии и иммунологии имени Димы Рогачева	63
После карантина	64
Как я стал волонтером. Личный опыт «даниловца»	65
Волонтерство учит ценить жизнь.....	70
Кунг-фу панда побывала в ФНКЦ.....	71
Кунг-фу панда и воздушные птички в ФНКЦ.....	72
Быть Дедом Морозом	73
Школа любви.....	74
Отдых по-волонтерски.....	75
Маленькая история из жизни ФНКЦ.....	76
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В НИИ	78
НЕЙРОХИРУРГИИ ИМ. БУРДЕНКО	
О волонтере-эстете, за границе и настоящих.....	79
ценностях	
За час общения мальчик возродился, как феникс,.....	83
у меня на глазах	
Три эпизода из жизни волонтера.....	88

Как медведи жарили шашлык у избушки.....	92
на курьих ножках	
Чем больше отдаешь тепла, тем больше получаешь	94
Огуречный человек и группа поддержки	95
Море в конструкторе	96
Подари праздник	96
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ОТДЕЛЕНИИ	100
НЕФРОЛОГИИ И ГИНЕКОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ	
ДЕТСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ (РДКБ)	
Волонтерство — универсальный ответ на вопрос	102
«Что я могу сделать?»	
Иногда из зоны комфорта полезно выходить	107
Прожорливый пингвин или чудо узнавания.....	110
Пластилиновый слоненок, или радость быть.....	111
волонтером	
Упо и «Мафия» в РДКБ	114
Кто такие волонтеры и зачем они тратят свое время?.....	115
Будничные заботы «даниловцев» в РДКБ.....	117
Что для меня «даниловцы» и группа в РДКБ?	118
Волонтеру не обязательно быть супергероем,	119
он просто должен быть самим собой	
Младенческая грация души	121
Фиолетовая черепаха и многое другое в РДКБ	122
Твори добро на всей Земле	124
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В МОРОЗОВСКОЙ	125
ДЕТСКОЙ ГОРОДСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ	
Призвание — это место, где Богу легко творить.....	126
свою волю	
Много-много волонтерского счастья	130
Осенние краски в Морозовской больнице.....	131
Новогоднее волшебство в Морозовской больнице	132
Иногда мы возвращаемся. Опыт «даниловцев»	134
в Морозовской больнице	
Чудо преображения.....	136
Счастливые улыбки в Морозовской больнице.....	137
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОЙ	138
ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ №6	
Зачем добровольно идти в психбольницу?	139
Сердце в ладошке.....	142

Встречи с радостью и болью	143	Бестиарий или наши дети?	196
Какие бывают улыбки?	144	Я вас благодарю, ребята!	201
«Я леплю из пластилина, пластилин нежней,	145	Волонтерство — это взаимный обмен.....	202
чем глина»		Настольные игры — наше все!	203
«Мой прадед был священником	147	Сложный, но бесценный опыт волонтерства	204
в Елоховском соборе»		в наркодиспансере	
«Хочу идти к добру»	149	Сальвадор Дали в «Квартале»	205
«Хочешь прикол?».....	150	Кулинарный вечер:	206
«Даниловцы» не читают проповедей	151	десерты в микроволновке	
Маленький Принц и Лис в детской	152	Звездное небо, чай, «Мафия».....	207
психиатрической больницы № 6		ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ	209
Что ты делаешь, когда тебе одиноко?.....	153	ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ ДЛЯ УМСТВЕННО	
Счастье, которое все ждут	154	ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ (ДДИ) № 15	
О чем говорят девочки в младшем отделении?	155	Там, за забором — другая вселенная.....	210
Не размыкая объятий	158	Не надо «жалеть сиротку»!.....	215
Первый шаг к ясности	159	Первая встреча с особыми детьми	218
Игра «Лепешка» в детской психиатрической.....	161	Одно письмо. Одно дело. Одна жизнь.....	220
больнице №6		Первая прогулка с детьми в ДДИ №15	221
Про Аню	162	Птенец с копной на голове	223
Один день в 6-й психиатрической	163	Прогулка с ангелами	224
Волонтерский дебют	165	ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ	225
Счастье — в правильной мотивации	166	ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ № 24	
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ	172	ДЛЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ	
ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ № 7		Когда особые дети взрослеют	226
Волонтерство должно стать модным трендом	173	Волонтером может быть каждый.....	230
Мужчины, идите в волонтеры!.....	177	Когда аисты ошибаются	232
Первый поход «даниловцев» в ДДИ №7.....	180	Только человек может украсить жизнь	235
Как стать счастливым? Дарить радость подопечным!	181	другого человека	
Волонтерство окрыляет	182	Признания в любви.....	239
Театр теней в ДДИ №7	183	Волонтеры всегда возвращаются	239
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ	185	Когда подопечные взрослеют	240
НАРКОЛОГИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ («КВАРТАЛ»)		Трогательные встречи в ДДИ №24	241
В детстве я любила читать о войне,.....	186	Смотри, яблоки растут,	243
а не о светских раутах		или я тебя люблю	243
Наркомания в России не помолодела —	190	Весеннее настроение №24.....	245
ее превратили в младенца		Мастер-класс по боксу в ДДИ № 24	247
Гватемальские традиции в «Квартале».....	194	Шаг навстречу: солнечные дети ДДИ №24.....	248
Мастер-класс по работе с полимерной глиной.....	195	Двойной праздник в ДДИ №24.....	251
в «Квартале»		Мечты о музыке	252

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ ДЛЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ № 28	254	Преображение пространства.....	301
Волонтеры в ДДИ за короткое время	255	Остались мелочи.....	303
становятся тьюторами		ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА ПЕРЕПИСКИ	305
Три дня с Ваней	259	С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ	
С днем рождения, Вика!	260	Кто ответит на письмо пожизненного.....	306
Сказка о девочке Алисе и коте Кис-Кисе	262	заключенного?	
Садоводы в ДДИ №28	263	«Дети попадают в колонию из-за отсутствия любви...»	309
«Репка» в ДДИ №28	264	О чем просят заключенные?	313
45 побежденных мелков.....	265	Три урока от заключенного	317
Сказка про трех медведей в ДДИ №28.....	267	Новое время, новые люди, новые письма.....	319
Первое посещение ДДИ №28	268	О добре	321
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ ДЕТСКОМ ЦЕНТРЕ «САВА»	270	ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА	323
Основная роль волонтера в «СаВе» — играть!	271	В МОЖАЙСКИХ КОЛОНИЯХ	
«СаВа» — это вам не филин Мистер Ху!	276	Тюрьма — это концентрированный мир зла	324
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В СОЦИАЛЬНОМ ПРИЮТЕ В «ЗЮЗИНО»	278	Поговори с ними... ..	329
Новая эпоха в развитии группы в «Зюзино»	279	Проблемы с транспортом — не помеха.....	332
Замки для детей в приюте.....	280	для посещения заключенных	
Волшебный чемоданчик для творчества в «Зюзино» ..	281	По ту сторону забора... ..	333
Дайте детям прокричаться!	282	У тюрьмы не женское лицо	335
Игры и творчество в Центре поддержки	283	Кому нужны волонтеры?	339
семьи и детства «Зюзино»		Тренинги для подростков и женщин	342
Чудеса в будний день	284	в Можайских колониях	
ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ПРИЮТЕ.....	287	«Даниловцы» в Можайской воспитательной.....	343
«НЕЗНАЙКА»		колонии	
Солнечный день в приюте.....	288	ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА	345
«Незнайка»: русские песни наизусть	289	В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРНАТЕ	
«Даниловцы» и байкеры в «Незнайке».....	290	(ПНИ) № 30	
Блины в «Незнайке»	291	«Вы ни в чем не виноваты, Настасья Филипповна».....	346
ГРУППА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ РЕМОНТОВ	292	Знакомство с ПНИ №30	353
Побелить потолок — лучшее лекарство	293	Позитивное настроение в ПНИ №30	354
от депрессии		Волонтерство — это маленькое счастье.....	356
В новый дом под Новый год.....	295	«Психическое расстройство» — звучит довольно.....	357
Где искать себя? В волонтерстве!	297	пугающе, правда?	
Как сделать волонтерство интересным.....	299	ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА ПОМОЩИ БЕЗДОМНЫМ ..	361
и душеполезным		Волонтерская помощь бездомным: что в силах	
		волонтерской группы?	362
		Куда ведет самая неприглядная очередь и зачем	366
		она нужна	

События февраля и люди улицы	369
Главная трудность на выходах к бездомным —	371
это держать границы	
Волонтеры и бездомные	374
Пожертвуйте на носки человеку!	377
Зачем бездомному праздник?	379
Маленькие радости группы помощи бездомным.....	380
Глава 3. «Даниловцы» — сотрудники и волонтеры	384
Послесловие	392
С чего все начиналось и какими были	393
первые годы «Даниловцев»?	
Быть волонтером в Добровольческом движении	400
«Даниловцы»	

ПРЕДИСЛОВИЕ

«ДАНИЛОВЦЫ» СДЕЛАЛИ ВОЛОНТЕРСТВО ДОСТУПНЫМ И ПОНЯТНЫМ

*Юрий Белановский,
руководитель добровольческого движения «Даниловцы»*

Добровольческое движение «Даниловцы» — лучшая в Москве и одна из лучших в стране волонтерская организация. Я был в этом уверен с самого начала. И вот подтверждение — Общественная палата Российской Федерации отметила проект «Даниловцев» «Школа социального волонтерства» как лучший в стране учебный проект для волонтеров. Комитет общественных связей Правительства Москвы и ресурсный центр «Мосволонтер» признали «Даниловцев» лучшими в номинации «Социальное волонтерство» в 2016 году. Общероссийский народный фронт — в 2017 году.

«Даниловцы» организуют долгосрочные программы, отличающиеся постоянной, еженедельной работой волонтеров в медицинских и социальных учреждениях. Сегодня наше движение — это 20 постоянно действующих волонтерских групп, около 4 000 подопечных в год.

Но дело не в цифрах, не в масштабах. Дело в самой сути. Мы смогли волонтерство сделать доступным, простым и понятным. Мы разглядели в волонтерстве не только работу или помощь, но прежде всего — встречу человека с человеком, лицом к лицу. Это нечто очень глубокое и в то же время доступное каждому — возможность просто быть собой и дарить самого себя. Мы смогли создать волонтерские группы, где каждый находит что-то свое, занимает свое место, раскрывается уникальным образом. И такие волонтерские группы каждый день создают чудесные миры, особое пространство встречи, понимания, принятия и дружбы волонтеров и их подопечных. И таким образом мы достигаем очень важного — ожидания наших подопечных, а это, по большей части, дети, не бывают обмануты. Волонтеры для многих из них, пусть на небольшое время, становятся опорой и поддержкой.

Конечно, особая роль в нашем движении принадлежит координаторам волонтерских групп. Это большой труд и большая ответственность. Быть и управленцем, и лидером, и папой, и мамой, и другом, и даже психотерапевтом для волонтеров, быть волшебником и суперменом для детей, быть представителем организации перед сотрудниками казенных учреждений — все это очень непросто! Поэтому я знаю, что все наши координаторы — великие люди! Я рад и горжусь, что все мы работаем в команде.

Для меня очень важно видеть, как множество зачастую незнакомых между собой людей вместе создают живую ткань настоящей человеческой помощи. И за это я говорю «Спасибо!» всем нашим волонтерам.

Но уникальность «Даниловцев» не только в этом. У подавляющего большинства социально-ориентированных некоммерческих организаций тоже есть волонтерские группы. «Даниловцы» же с первых дней были и до сих пор остаются одним из немногих волонтерских движений в стране, постоянно развивающим само социальное волонтерство, профессионально работающим именно с волонтерами.

«Даниловцы» — это и административная команда. Это — те сотрудники, что посвятили себя волонтерству и стали профессионалами — лучшими в стране. Без них были бы невозможны учебные, творческие, психологические, досуговые программы; поддержка и сопровождение волонтеров; работа со СМИ ради популяризации волонтерства; издание первых в России книг о социальном волонтерстве; онлайн-обучение; ежегодный запуск новых волонтерских групп; консалтинговая работа; единственная в России Школа социального волонтерства.

Говоря о профессиональной работе с волонтерами, я имею в виду нечто большее, чем сервисное обслуживание. Для нас волонтеры важны так же, как и подопечные. Это базовый принцип «Даниловцев». Все наши программы, так или иначе, направлены на заботу о волонтерах и на их поддержку.

Для меня очевидно, что признание «Даниловцев» лучшими в Москве и одними из лучших в стране совершенно заслуженны. Все мы — и волонтеры, и координаторы, и сотрудники — безусловно, этого достойны. Но и впереди —

долгий путь. Мы живы, мы растем, мы учимся, мы помогаем и для меня это значит, что мы идем вперед.

КТО ТАКИЕ «ДАНИЛОВЦЫ»?

Добровольческое движение «Даниловцы» появилось в 2008 году. Ежегодно «Даниловцы» создают две-три новые волонтерские группы! Наша специализация — социальное волонтерство, то есть организация долгосрочной и регулярной работы волонтерских групп в больницах и сиротских учреждениях, а также работы с инвалидами, многодетными семьями, стариками, бездомными, заключенными.

Сегодня «Даниловцы» — это около 4 000 подопечных, около 1 300 волонтеров, 20 постоянно еженедельно действующих волонтерских групп, 30 сотрудников.

Что делают волонтеры? Организуют творческие, учебные и игровые встречи, прогулки и поездки для детей в больницах и сиротских учреждениях, кормят бездомных и общаются с ними, делают благотворительные ремонты, переписываются с заключенными. Кроме того, волонтеры оказывают значимую социальную и психологическую поддержку людям, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации. Зачастую они оказываются единственной нитью, связывающей этих людей с жизнью общества. Пациенты в больницах и интернатах, многодетные семьи, инвалиды, бездомные и даже заключенные — наши подопечные бывают очень одиноки, очень многие остаются один на один со своей болезнью, инвалидностью или другим несчастьем. Конечно, в больницах есть врачи, в детских домах есть персонал, в городах — социальные службы. Только все это не может заменить главного, того, что дорого каждому из нас, — дружбы, живого человеческого участия, внимания, заботы и любви.

Среди учреждений, где «Даниловцы» смогли реализовать волонтерские инициативы — Российская детская клиническая больница, НИИ нейрохирургии им. Бурденко, детские дома интернаты для умственно отсталых детей № 24, № 28 и № 7, детский наркологический диспансер, ФНКЦ им. Дмитрия Рогачева, детская колония в Можайске, социальный приют «Зюзино».

За десять лет «Даниловцы» прочно заняли свое место среди благотворительных организаций Москвы и России. Это одна из немногих организаций, которая профессионально реализует программы по обучению, поддержке волонтеров, подготовке и сопровождению координаторов волонтерских групп.

«Даниловцы» в 2014 году создали единственную в России Школу социального волонтерства. Это около 300 часов учебных занятий и консультаций в год для волонтеров и сотрудников волонтерских организаций. Обучение творческой работе с детьми, психологические тренинги, занятия по педагогике, семинары и мастер-классы от профессионалов социального волонтерства — вот направления работы школы.

Школа уже второй год признается лучшим учебным проектом для волонтеров Москвы и России.

ГЛАВА 1.

«ДАНИЛОВЦЫ» О ВОЛОНТЕРСТВЕ

НУЖНО СОЗДАТЬ УСЛОВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО ДЕЛА В РОССИИ

*Александр Боженков,
председатель правления движения «Даниловцы», замести-
тель руководителя Патриаршего молодежного Центра,
кандидат физико-математических наук, в прошлом зани-
мался преподавательской и научной деятельностью в тех-
нических вузах Москвы*

— **Вы — председатель правления в добровольческом движении «Даниловцы». Что входит в круг ваших обязанностей?**

— Формально председатель — это самый главный человек в общественной организации. За моей подписью принимаются основные решения при создании организации, назначается исполнительный директор, главный бухгалтер и прочее. Но настоящая моя роль в «Даниловцах» больше похожа на роль свадебного генерала. По сути, только когда возникают какие-то серьезные проблемы, которые угрожают самому существованию «Даниловцев», я пытаюсь помочь своим друзьям и коллегам эти проблемы решить. Если есть возможность, я также на добровольческих началах помогаю в том или ином проекте. В частности, я принимал активное участие в создании и организации Школы социального волонтерства, такой себе низкоуровневый менеджмент осуществлял.

— **А практически сталкивались с волонтерской деятельностью?**

— Да, конечно. «Даниловцы» родились не в чистом поле. Сначала была группа людей, имевших отношение к Данилову монастырю, Патриаршему центру духовного развития детей и молодежи. Там уже с начала 90-х, а может быть, и раньше, была волонтерская активность. Молодые люди призывались, чтобы помочь в том или ином хорошем деле. Стержнем такой работы было первоначальное религиозное просвещение (катехизация) с главной целью рассказать людям о Христе

и помочь воцерковиться. Но этим все отнюдь не ограничивалось. Мы всегда говорили ребятам, что христианин без какого-то служения — это не вполне христианин. Если есть возможность, почему бы не посвятить полтора-два часа в неделю свободного времени доброму делу? Когда я только пришел в Данилов монастырь, я и сам всем этим занимался, в свободное от работы и учебы время помогал с организацией учебных курсов и досуга для молодежи, ходил с рассказом о Христе и христианстве к бабушкам в Центры социального обслуживания, в Центры временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей, в школы и институты. Мы всегда пытались донести до людей, что необязательно что-то кому-то говорить, христианство «не доказывается, а показывается». Ты можешь просто поиграть в футбол с ребятами в детском доме, например. И если они будут видеть, что ты хороший, у них появится уважение к христианству. Таким образом, мы неформально занимались волонтерством еще в 90-х, но всегда хотелось поднять эту деятельность на более высокий уровень. Долгое время это были просто планы, надежды, а потом все оформилось в общественную структуру, которой Данилов монастырь и молодежный Центр при нем помог встать на ноги.

— Как вы оказались ответственным за церковное просвещение в Даниловом монастыре, окончили семинарию и филиал аспирантуры Московской духовной академии? Почему вообще оказались на этой стезе?

— Это связано с моим приходом в студенческие годы к вере и желанием деятельного служения во благо Церкви Христовой и ближнего. В начале 2000-х я обнаружил прекраснейшее место в христианской Москве — молодежный Центр при Даниловом монастыре, там собрались очень талантливые, горячие в вере и служении люди, с которыми, как мне казалось тогда, мы можем горы свернуть! Все, что только было возможно придумать в то время в области церковного просвещения, миссии и социального служения, там было и функционировало много лет, был накоплен потрясающий опыт. Всеми этими факторами, а также открытостью и доброжелательностью людей, обитающих в Центре, я был «сражен» и «уловлен»! Поэтому в скором времени я из «технаря» переквалифицировался в «гуманитария». До встречи

с Центром я уже пять лет был христианином, но в моем приходе, к сожалению, вообще не было общественной деятельности. Прихожане даже не знали, как кого зовут, с кем рядом они стоят на молитве много лет подряд.

— Как вы пришли к вере?

— В православии я вот уже 22 года. Окончательно утвердился и сознательно поверил в Христа как Спасителя и Бога в 1995 году, крестился в двадцатилетнем возрасте. Этому предшествовал долгий религиозный поиск, период сомнений и разочарований, так как задумываться о смысле жизни, существовании Бога и других религиозных проблемах я начал в старших классах школы.

В детстве я интересовался разными науками, в частности, биологией и астрономией. Был в этой сфере один очень талантливый автор, популяризатор из Украины Иван Климишин, который не боялся еще в 80-е годы в своих книгах писать на темы бытия Бога и обсуждать вопросы Творения. Параллельно с астрономией он затрагивал темы религии, говорил о большом количестве ученых, которые верили в Бога. Писал о том, что в некоторых научных явлениях (например, в происхождении живой клетки) многие ученые усматривают руку Творца. Самопроизвольное зарождение жизни, считает он, возможно с очень малой степенью вероятности. Это заставляло задуматься. Вывод, к которому пришел и я: очень сомнительно, что процесс Творения, создания этого Мира, первой живой клетки и человеческого мозга обошелся без вмешательства Свыше.

— Какие книги или события особенно повлияли на вас?

— В философском контексте на меня большое влияние оказал Блез Паскаль и его книга «Апология христианской мысли». Он попытался выстроить стройную апологию христианства. Он долго записывал различные мысли на эту тему, чтобы сделать объемный миссионерский труд. Но, увы, закончить книгу не удалось: Паскаль умер в 39 лет. Его «Мысли» абсолютно гениальны. Это книга о том, почему нужно верить в Бога и почему нужно верить в Христа. Его математический, строго логический образ мышления показался мне чрезвычайно убедительным. После прочтения Паскаля я окончательно убедился в существовании Бога. На мой

взгляд, существование Бога довольно очевидно, если посмотреть на мир непредвзято. Кроме Паскаля, я в то же время прочел и Евангелие Христово и понял, что такой труд не мог написать или сочинить человек, он действительно нам свыше. Убедили меня и многие святые, которые свидетельствовали, что Христос — Богочеловек, и что Он воскрес. Особенно меня впечатлил священномученик Киприан Карфагенский. У него, с одной стороны, ревностный взгляд, с другой стороны, он очень систематичен. Еще в то позднесоветское время, о котором я говорю, были очень популярны экскурсии на религиозный темы. Запомнилась две из них — «Религии Москвы» и «Известные монастыри Подмосковья». Мне было совсем немного лет, я ездил туда с какой-то изящной публикой с высшим образованием. Нас возили в синагогу, в католический костел, протестантский храм, мечеть, православные монастыри и храмы.

— **Почему вы выбрали именно православие? Как раз тогда многие увлекались эзотерикой.**

— Тогда я, в частности, побывал и в Донском монастыре. Нас завели в Большой собор. Там находился музей, и была какая-то величественная тишина, спокойствие, гармония. Я почувствовал там присутствие Бога. В остальных местах, которые мы посетили, были очень милые и приятные люди, но присутствия Бога я там почему-то не ощущал. Еще раз подчеркну, что говорю о чем-то весьма субъективном, о том, чему более приличествует наименование веры, чем логики. Перед тем, как принять православие, я, кроме Евангелия, прочитал «Катехизис» святителя Филарета (Дроздова), чтобы понимать, во что я собираюсь верить. К сожалению, очень немногие поступают также. Катехизация перед крещением не очень популярна в народе в нашей стране.

— **В конце 80-х в России практически не было волонтерских движений. Расскажите, пожалуйста, как все это начиналось.**

— Массовое и системное христианское добровольчество появилось уже в 2000-х годах. Предполагаю, что некоторое влияние оказали наши собратья по вере, находящиеся на Западе. Они передавали какую-то литературу, делились опытом, приглашали в гости. Самому мне мало довелось в этом участвовать, но знаю, что проводились совместные

конференции, приглашались наши эксперты. Благодаря этой открытости многие люди узнали о современных технологиях в области волонтерства и благотворительности. Еще в те времена владыка Пантелеимон (Шатов), например, знал и дружил с «Общиной святого Эгидия», одной из самых успешных мирянских общин в католической церкви. Важно также, что волонтерство и социальное служение произрастает из самого христианства. Это заповедь Христа, люди всегда старались ее исполнить. У нашей страны есть богатый дореволюционный опыт. Княгиня Елизавета основала сестричество, существовали общества трезвости св. Иоанна Кронштадтского.

В начале 1990-х, когда двери Церкви открылись, народ стал помогать строить разрушенные храмы. Социальное волонтерство было на каком-нибудь двадцать восьмом месте. Когда в 1983 году Церкви передали наш Даниловский монастырь, люди бесплатно выполняли работы по его восстановлению. Так в начале 90-х было на любом московском приходе: десятки людей приходили и бесплатно разгребали горы мусора. У нас в центре есть добровольческое движение «РеставросЪ». Волонтеры этого движения аж с конца 80-х занимаются восстановлением храмов и монастырей. В этой волонтерской деятельности не было какого-то учета и системности: пришел человек ради Христа — и хорошо. Когда же храмы выросли, появились разные виды волонтерства: социальное, катехизаторское и другие. Сейчас храмы строят подрядные организации. В крупных городах находятся спонсоры, участие простых людей не так необходимо, но в деревнях храмовое волонтерство до сих пор живо. Например, покойный отец моей жены вместе с компанией деревенских мужиков ездил отстраивать далекий монастырь. Или в Рязанской области есть такая святая, Матрона Анемнясевская, и тамошний батюшка периодически кидает клич: кто может — приезжайте, помогайте. И люди приезжают. Так что храмовое волонтерство живет.

— **Как вы считаете, волонтерство в регионах — это вообще реально? С русским менталитетом?**

— Это, безусловно, реально. Дело не в менталитете. У каждого народа есть свои отрицательные черты. Но важно подчеркнуть: мы не хуже других народов. Во многих странах волонтерством занимаются 50% процентов населения

и больше. У нас же этим занимаются сотые доли процента. Главная проблема провинции — финансовая составляющая. Волонтерство — это когда человек чем-то жертвует. Мы должны понять, что если регион в депрессии, людям негде работать, нечего есть — ни о каком развитии волонтерства речь идти не может. Во многих регионах безысходная нищета: человек не знает, как вырваться из плена безденежья. Как оплатить счета за коммуналку? Как заработать на хлеб с маслом и отправить детей в школу, чтоб они были одеты и обуты? Но в любом регионе есть люди, принадлежащие, условно говоря, к среднему классу. Если муж домохозяйки хорошо зарабатывает, у нее появляется время и желание не сидеть дома. Один раз в неделю отправиться куда-то на два-три часа — это вполне реально. Поэтому в любом регионе можно развить волонтерство, я уверен в этом. Но массовым оно не будет до тех пор, пока люди не начнут нормально жить.

— **А в Москве волонтерство находится на удовлетворительном уровне?**

— Думаю, что в Москве процент вовлеченных в волонтерство людей хорошо бы повесить раз в сто. Но это не просто. Вот тут уже прослеживается связь с менталитетом. Тут у людей есть возможность помогать другим, но многие говорят: «А почему я должен кому-то помогать? С какой стати? Мне что, делать нечего?» Чтобы в корне поменять ситуацию, необходим широкий спектр государственных мер, общественные организации должны принять участие.

— **У нас все же недостаточная популяризация всего этого?**

— Дело не в популяризации. Когда я был совсем молодым христианином, мне хотелось послужить Церкви и людям. Я обратился к одному батюшке, настоятелю храма. Тот дал номер прихожанки, которая руководила детским домом. Я позвонил, встретился, сказал, что хочу приходить к детям, чтобы рассказывать им о Христе или просто играть и помогать с уроками. Мне тогда было лет 20. Директор говорит: «Здорово, замечательно, я так долго просила об этом, чтобы кто-нибудь с прихода к нам ходил — приходи к нам в эту субботу». И вот я пришел в этот детский дом, меня встретил охранник с вопросом «Ты кто?» «Я такой-то, — говорю. — Марья Ивановна разрешила ходить к детям». А охранник мне

на это: «Я тебя не знаю, мне никаких распоряжений не давали, я тебя не пущу». Пытаюсь дозвониться — не дозваниваюсь: оказывается, Марья Ивановна в субботу поехала на дачу отдыхать, а сотовых телефонов еще не было. Звоню на неделе Марье Ивановне, а она мне: «Ой, простите, какая накладка, приходите в следующую субботу — все будет хорошо». Прихожу, охранник уже улыбается, встречает. Я радуюсь, вижу детей, но в коридоре меня останавливает воспитательница и говорит: «Вы нас извините, но вчера нам дали билеты в цирк, и мы сейчас уходим с детьми. Вам позвонить забыли, приходите в следующий раз». Чтобы было в третий раз, я за давностью лет не помню, но к детям я так и не попал.

Для того, чтобы волонтерство развивалось, должны быть обеспечены условия для труда волонтеров. Волонтер — он тоже человек, у него свои дела и проблемы, ему тоже хочется в выходные отдыхать, а не ходить куда-то без всякого смысла. К сожалению, мало кто понимает, что принимающая волонтеров организация просто обязана обеспечить им нормальную работу.

Очевидно, что поддержка волонтеров со стороны государства мала или практически отсутствует. Нужны правильные законы и постановления. Когда за какую-то тему берется государство, оно обычно сразу ставит преграды, решетки, двери. А надо наоборот. Если государство хочет развития волонтерства, оно должно принимать поощрительные меры. И не обязательно на федеральном уровне, много можно все сделать и на местном.

Можно, например, выделить специальный день для волонтеров (раз в неделю или раз в месяц) в одной из поликлиник в центре Москвы, чтобы они могли проходить необходимые обследования и получать справки для волонтерской деятельности. Разве это очень трудно или затратно для столицы? Нужно показать, что труд волонтеров выгоден стране, обществу. Хорошо еще, чтобы лица, которые занимают ответственные посты, сами хоть понемногу волонтерили, как на Западе. Не только на субботники раз в год выходили. Хорошо, если и медиаперсоны будут принимать в этом участие. Такой пиар я только приветствую.

Плохо, если главврач больницы или директор детского дома воспринимает волонтеров, как некую помеху.

Хорошо бы, чтобы полпроцента драгоценного времени главврача было бы посвящено взаимодействию с волонтерскими организациями. Разве трудно Минздраву сделать такое мизерное изменение в должностных обязанностях?

Кроме того, волонтерские организации нуждаются в финансировании. Понятно, что многие хотят пожертвовать на что-то, что пойдет непосредственно детям (бумага, краски). Но нужно еще и организовать волонтерскую работу, а на это мало кто хочет жертвовать. Это примерно то же самое, что и в церковной тематике. Бизнесмены согласны позолотить купол за 10 миллионов рублей, но не согласны выделить 10 тысяч рублей на воскресную школу, чтобы там обучали детей. Я немного утрирую, но вкладывать в людей у нас не принято.

И государство, и общество, и СМИ должны понимать: если мы позовем, объявим: «Все — в волонтерство», а президент скажет: «Я пошел волонтерить», будет совсем другая картина. А так, ну пришли к нам 10 миллионов человек — и что с ними делать? Так же придут, как я приходил в тот пресловутый детский дом. Это серьезный аспект, волонтерство не может развиваться исключительно силами энтузиастов.

— **Наверное, люди все еще не очень доверяют подобным организациям...**

— Это другая проблема: очень много жуликов развелось в этой сфере. И здесь государство тоже должно помочь волонтерскому сообществу — оно должно этими жуликами заниматься. А если оно не будет этого делать, доверие ко всему благотворительному сообществу будет подорвано. Это то же самое, что и нищие в метро. Когда это только начиналось — все жертвовали. Потом появились профессионалы, которые в начале девяностых собирали миллионы. Хотя народ жил очень плохо, перебиваясь с хлеба на воду. И люди перестали жертвовать, потому что перестали доверять. Теперь не знаешь, по-настоящему ли у человека беда или это актер, который отбирает хлеб у действительно бедных.

В благотворительности абсолютно такая же история. Я сталкиваюсь с тем, что пожертвования собирают люди без каких-либо документов. Они просят купить игрушку и заплатить за это 300 рублей. Начинаешь разбираться, мо-

шенничество становится очевидным, но этим никто не занимается. Максимум Владимир Берхин (президент благотворительного фонда «Предание») возмущенную статью напишет, а мошенников — миллионы. Создавать прозрачную, честную среду в благотворительности — не дело общественников. Этим должно заниматься государство.

— **Государство совсем этим не занимается?**

— Да нет, почему. Мы же сидим в здании, которое московское правительство передало волонтерскому сообществу. До сих пор у многих чиновников, и государственных, и церковных, отношение к волонтеру известно: это такой странный парень, который сидит дома, ему нечего делать, и он по первому звонку бросается делать все, о чем только не попросишь. И люди искренне удивляются: а что это они не хотят нам двор подмести? Совершенно невозможно объяснить, что волонтер — человек. Вот ты сидишь, и вдруг тебе звонят и ни с того ни с сего предлагают идти выполнять какую-то работу. И ты скажешь, конечно: «Извините, но это мне как-то не близко. Почему я должен подрываться и куда-то идти?» Люди не понимают, что волонтеры приходят по собственному желанию, движимые собственным интересом, чтобы отдать частичку своего труда, доброты и любви. Мы можем только помочь, но не можем сказать: «Иди туда, делай то и се». Это смешно.

Есть недопонимание, но оно постепенно уходит в прошлое. К счастью, во власти появляются люди, которые сами когда-то были волонтерами. Которые все, о чем я говорю, прекрасно понимают. И они стремятся на своем уровне все это дело как-то поддержать, продвинуть. Потенциал очень большой, но развиваться это будет маленькими шажками. Если государство, общество, СМИ будут уделять этому внимание, это будет развиваться. Если наоборот — в каких-то важных местах гайки закручивать, то все сойдет на нет.

— **Наверное, для этого нужно время?**

— Безусловно. Мы находимся в самом начале нашего пути. Исторически все начиналось в XX веке. 70 лет ничего не было, а если и было, то в довольно специфическом ключе. Опыт практически утрачен, и в этом смысле мы действительно начинаем строить с нуля и потихоньку развиваться.

— **Что вас лично не удовлетворяет в социуме? Куда можно было бы направить волонтерские силы?**

— Есть такая черта русского человека: мы хотим совершать какие-то глобальные вещи. Но какие уж тут глобальные вещи? Меня тревожат проблемы простые: например, моя семья не хочет выбрасывать на помойку батарейки, аккумуляторы. В прошлом году в школе была акция «Собери батарейки». Мы радостно собирали целый год. А в этом году в школе сказали — все, акция окончена. Моя семья требует, чтобы я что-то сделал и сдал батарейки на переработку. IKEA отменила такого рода прием, МТС — тоже. ДЕЗы пять лет назад принимали, но перестали этим заниматься. Я не могу найти в Москве, куда сдать батарейки, уже три месяца! Я пишу в соцсетях просьбы, мне дают адреса, но все они неактуальные. Я готов поехать куда-то за тридцать километров, но не могу найти такого пункта!

— **Это все тоже должно регулироваться на государственном уровне?**

— А почему бы и нет? Мне кажется, это вполне прибыльное дело во всех странах, поэтому государственно-частное партнерство вполне могло эту проблему решить, и мы не травили бы нашу и без того загрязненную природу. Это один из примеров, когда простой вопрос никто не хочет решить, и все просто выбрасывают в общую помойку ртутные лампы, батарейки, целлофан и автомобильные шины.

Общество у нас атомизировано и никому ни до чего нет дела. Все под прессом своих проблем и боятся окружающих. Предлагаешь: давайте что-то решим, а в ответ — полнейшая тишина.

Ведь своими силами можно решить очень многие проблемы. Но народ не хочет. Люди не чувствуют себя хозяевами этой земли, детьми этого города. Они ощущают себя временщиками, задача которых — выжить. Больше нас ни на что не хватает.

Это кардинально отличается от западного восприятия жизни. Там люди действительно могут собраться и помочь соседу решить его личную проблему. Если будет тысяча обращений к властям, чтобы сделали пункт приема батареек, то, я уверен, власть начнет что-то менять. А когда это интересует одного человека в трехсоттысячном микрорайоне, то это вро-

де как твоя блажь. И поэтому когда возникает проблема — ты остаешься с ней один на один. Ты этакий д'Артаньян, который сражается в одиночку.

Очень немногие люди социально активны, буквально единицы. Они пишут во всевозможные приемные, обивают пороги, звонят на горячие линии.

— **То есть проблема в том, что идейных лидеров нет в народе?**

— Дело в пресловутом отношении: «Это не мое, я не имею к этому никакого отношения». В советское время это осуществлялось как целенаправленная политика, чтобы разобщить народ. Чтобы не было протестов. Когда в сталинское время люди боялись, что их брат, отец, сын, друг заложит за неосторожное слово. И так было десятилетиями, и в народной памяти — недоверие к близкому, к соседу, к коллеге. Человеческое отношение вытравливалось, и атомизация достигла огромных масштабов. Мне кажется, сама архитектура — все эти небоскребы — способствуют этому. Когда ты живешь в огромном небоскребе, не на земле, ты не чувствуешь себя в одном комьюнити с соседями. С одной стороны, это проблема большого города, с другой — это наш исторический бэкграунд. Простые вещи, которые в нормальных странах решаются легко самим же обществом, у нас становятся проблемой. Может, наши власти и рады бы что-то решить, но как они могут решать, если снизу нет никакой инициативы? Не может президент и мэр смотреть за дворниками в каждом дворе. Чисто физически. Вот, скажем, РОИ (Российская общественная инициатива) — набираем 100 тысяч подписей, парламент обязан их рассмотреть. У нас обычно собирают подписи в поддержку или против каких-то политических решений. А инициатив обязать государство, чтобы в каждом микрорайоне, где живет 100 000 человек, обязательно был круглосуточный пункт приема тех же батареек — такого нет.

— **Многие даже не знают о том, что в РОИ можно подписи собирать...**

— Если набирается 100 тысяч подписей, государство обязано рассмотреть проблему. Парламент сразу соответствующий закон примет, почти уверен в этом. Это будет большой скандал, если не отреагируют, чтобы проблему решить.

А у нас людям лень подпись поставить. Я стараюсь реагировать, но очень часто вижу, что хорошие и простые инициативы не выживают.

Наша волонтерская активность — примерно о том же.

— **Если говорить именно о «Даниловцах», какие векторы хотелось бы развить?**

— Как председатель правления могу сказать: нам не хватает генерального спонсора. Это главное. А так... я считаю, что у нас все хорошо. Развивается 18 проектов — волонтерских групп. Развивается Школа социального волонтерства — большое новое дело. Оно не пропадет, потому что усилиями «даниловцев» все учебные занятия записываются, выкладываются в интернет. Все работает на перспективу. Это и помощь регионам. Взял, ролик просмотрел, все тебе расписали: как и что сделать. На мой взгляд, важно не потерять то, что уже есть.

Отношение к новым проектам, существующее у «даниловцев», очень близко к тому, каким оно было в Патриаршем молодежном центре. Какой-то энтузиаст приходит к нам и говорит: «У меня есть запрос, предложение». Мы на него откликаемся. «Даниловцы» могут даже попробовать собрать деньги на решение проблемы, бросить клич, собрать деньги. И кто-то откликнется: «Боялся сказать, но меня всю жизнь именно эта идея грела». Вот и готов новый координатор.

— **Почему, скажем, у фонда «Подари жизнь» есть спонсоры, а у «Даниловцев» нет?**

— Когда я жертвую в фонд «Подари жизнь», я жертвую конкретному ребенку, чтобы ему сделали операцию. Это очень понятное дело. Это благотворительный фонд. А волонтерство, которым занимаются «Даниловцы», людям не очень понятно. Человек должен быть хорошо разбираться в этом, чтобы понять, что для реабилитации детей нужно много чего. Если дети будут скучать в палатах, они не смогут выздороветь. Операция, может, и хорошо прошла, но ребенок находится в депрессии, а это может плохо кончиться. Но вот к нему раз в неделю приходит волонтер. Ребенок этого ждет! И самочувствие хорошее, рецидивов нет, а довольный пациент выписывается из больницы.

«Даниловцы» много денег тратят на координацию своей деятельности, а это людям непонятно. Почему, мол, этим

не занимаются бесплатно? Это справедливый вопрос. На Западе я был в гостях в «Общине святого Эгидия» и спрашивал людей из братства, получают ли хоть какую-нибудь денежку люди, которые занимаются координацией работы. И в большинстве случаев они ответили: «Нет». Я поинтересовался, не возникает ли проблем, что человек, работая бесплатно, свои обязанности плохо исполняет? Мне с удивлением сказали: «Да ты что? Это же для Бога, для Церкви!» Они работают лучше. Это связано и с менталитетом, и с религиозностью. Там религиозны 70% населения, а у нас — 2%. Плюс очень сильна протестантская этика: ты работаешь, ты дело Божье делаешь. А у нас советский менталитет: я на дядю какого-то работаю и лишний раз пальцем не двину. Мы пробовали работать, как на Западе, но поняли, что дело рассыпается. Координатор — это отчасти волонтерская работа. Платят им мало, тем не менее, для наших людей важно получать пусть небольшие, но деньги. За границей другое отношение к работе. Мы, может быть, тоже когда-нибудь к этому придем. И не надо говорить, что никогда такого не будет. У нас были координаторы, которые работали и работают бесплатно, и сейчас есть. Например, люди, которые очень много времени посвящают катехизации, принципиально не берут за это денег. Они хотят работать во славу Божью, работают не за страх, а на совесть, и в них я уверен.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

ПРОСТО ЗНАТЬ, ЧТО У ТЕБЯ В БОЛЬНИЦЕ – ДРУГ

*Павел Альшевский,
создатель и первый координатор группы в ФНКЦ ДГОИ
им. Дм. Рогачева,
исполнительный директор добровольческого движения
«Даниловцы»*

— **Павел, каково работать с неизлечимо больными детьми, причем маленькими детьми?**

— Недавно как раз обсуждали это с опытными волонтерами нашей группы. Лично у меня нет ощущения, что мы приходим к тяжелобольным детям. Да, на них медицинские маски, они худющие, лысые. Но когда начинаешь с ними общаться и играть... Ты видишь лицо, на котором редко появляется улыбка, но глаза улыбаются. Когда мы фотографируемся, они приспускают маску, чтобы хорошо получиться на фото, и в этот момент ты по-настоящему с ними знакомишься.

Мы могли месяцами встречаться и не видеть лица ребенка, а потом из-за маски вдруг появляется человек. Мне кажется, что нужно относиться к ним, как к обычным детям. Хотя у нас были и очень впечатлительные девушки-волонтеры, которые говорили: «Они же умирают! Как же так?! Почему?» Я честно говорил, что у меня нет ответа. Я сопереживаю детям по конкретным поводам: «Вот, мне болючий укол вмазали» или «Я уже тут год лежу и мне плохо», «Меня отправляют на пересадку». В такие моменты я, конечно, поддерживаю ребенка, а об остальном стараюсь не думать.

— **Тебя тянет туда приходить?**

— Да. Очень тянет.

— **А понимаешь, почему?**

— Видишь отдачу. Наверное, это серьезная мотивация. Волонтеры приходят к нам по разным причинам: кто-то хочет доброе дело сделать, кто-то в детстве болел и помнит, как это грустно, у кого-то близкий умер от рака. Я даже знаю волонтеров, которые сами были онкобольными. У нас была совсем молодая девушка, лет двадцати, которая ходила в Центр ней-

рохирургии имени Бурденко. У нее самой был рак, она уже умерла...

Проходит какое-то время, и все мотивы забываются. Остается только один: у тебя в больнице — друг. Волонтеры и дети становятся настоящими друзьями, и потом общаются вне стен больницы. Вот небольшой пример: фонд «Подари жизнь» проводит конкурс среди выздоровевших детей. Он называется «Игры победителей». И вот наши волонтеры ездили поддержать Сашу Лобанова, — это наш подопечный ребенок, который давно выписался. Он написал во «ВКонтакте», попросил его поддержать. И наши девочки за него болели.

— **Много у тебя таких друзей, с которыми ты общаешься?**

— Очень много. Большинство пациентов не из Москвы. И когда они уезжают, мы часто продолжаем общаться — в соцсетях, например. А когда они пишут, что будут проездом в Москве, стараемся встретиться.

За ними интересно наблюдать. Например, Маша Пряхина долго лежала в больнице. Никогда не пропускала наших занятий. Она очень тяжело болела, ее долго лечили и выписали, мы не виделись несколько месяцев и только переписывались во «ВКонтакте». Потом, когда она приехала на повторное обследование, нас изумило, насколько она переменилась внешне. У них иногда лица опухают, отекают от лекарств, происходят гормональные сдвиги. И часто после реабилитации такое ощущение, что с разными людьми общался. Меняется лицо, фигура. И ее мама тоже изменилась: я таких счастливых глаз ни у кого не видел. Это потрясающий момент!

Моя жена Настя до сих пор переписывается с Машей. Мы с супругой начинали волонтерить вместе. Несколько лет ходили в Российскую детскую клиническую больницу, а когда я стал координатором, — в больницу имени Дмитрия Рогачева. Настя занималась бисероплетением. Когда мы ждали первого нашего ребенка, она почти до последнего срока посещала детей, ходила с круглым животом, веселила пациентов. Потом отпросилась у меня, как волонтер у координатора, в декретный отпуск. Я, конечно, отпустил, но не без сожаления.

— **Ты чувствуешь, что волонтеры помогают?**

— Там не только чувствуешь, а дети прямо говорят: «Мы вас очень ждали. А когда вы придете? А почему так редко приходите?» Говорят, что им грустно. Дети приходят совершенно никакие, как в воду опущенные. А уходят совершенно с другими лицами. И ты видишь, как человек меняется на глазах.

Приходит, например, ребенок с ослабленным зрением или вообще слепой. А мы говорим родителям: давайте будем заниматься! Родители: у него ничего не получится. Но мы их переубеждаем, и получается, что ребенок делает очень даже многое. Мы в основном с такими детьми занимаемся лепкой. С одним слепым ребенком мы вырезали из бумаги: он чикал ножницами, а мы вертели картинку. Потом дали ему потрогать: ты чувствуешь, что ты вырезал бабочку? Он восторженно отвечал: «Да, чувствую!» Результат всегда налицо. Пришел слепой грустный ребенок, а ушел с бабочкой в руках, очень довольный, что смог что-то сделать. Разве этого мало? Ведь ребенок начинает верить в себя, понимать, что не все потеряно. Бывает, что зрение возвращается, — нейрохирурги помогают. А когда в игровой приходит понимание — «не все потеряно» — это очень важно.

Уже никто не помнит, почему именно пришел. Волонтеры ходят к своим друзьям, и я не знаю, что тянет именно меня. Между тобой и детьми протягивается ниточка. Один из наших координаторов, Дима Иванин, шутит: «Ну что, сходил посмотреть?», намекая на то, что прошло шесть лет, а я все еще волонтеру.

— **У тебя были сложности с так называемым выгоранием?**

— Когда я собирался становиться координатором, Юра, руководитель нашего движения, испугался, спросил: «Паша, как так? Куда ты? У тебя же и так много обязанностей!» А я сказал: «Не переживай». Мне было не в тягость, несмотря на то, что ходил два раза в неделю. Ходили в среду вечером, и в воскресенье, считай, пропадал выходной. Но не было при этом ощущения, что я себя ущемляю. Часто было наоборот: едешь в больницу никакой, а обратно как на крыльях летишь.

Год назад у нас в семье появился второй ребенок, нужно больше выкраивать времени для семьи. Понял, что хорошо я уже не могу делать, а плохо не люблю. Детей в больнице

подводить нельзя, я себя стал неуютно чувствовать. Мы почти целый сезон искали нового координатора. Очень приятно, что ребята-волонтеры из главного костяка группы (Оля Романова, Лена Мулюкова, Оля Никитина) поддержали и сильно помогли мне на переходном этапе.

И координаторы, и волонтеры уходят, это понятно. Наши девушки-волонтеры выходят замуж. Я часто думал: все, больше не увижу их в больнице. Но в воскресенье они оставляют своих благоверных и едут в больницу. Кто-то из семейных оставляет и детей. Много ребят-добровольцев из медицинских вузов. Я вижу по ним, как трудно учиться на врача, они зубрят до поздней ночи, очень устают, но после занятий или в выходной едут в больницу.

Волонтерство — всегда в ущерб чему-то, иногда даже здоровью. Я как координатор всегда это понимал и не обижался на волонтеров, которые по каким-то обстоятельствам уходили.

— **Павел, могут ли в церковных приходах организовываться волонтерские группы? Насколько это реально?**

— Я думаю, вполне реально. Особенно, если эти потенциальные добровольцы обучатся у нас в Школе социального волонтерства. А если серьезно, то многое зависит от настоятеля. Настоятель прихода — это всегда лидер человек, который должен направлять свою паству, находить инициативных людей, которые будут ему помогать. Это 90% успеха. Многие батюшки в Москве занимаются волонтерской деятельностью в разных формах. Что касается социального волонтерства, оно требует определенной подготовки. Если, допустим, разово попросить кого-то с прихода навестить заболевшую прихожанку — это одно. Сделать это может любой. А вот работа в больницах и учреждениях — это другое. Здесь нужно учиться.

— **Можно ли научиться волонтерству самим?**

— Многое приходит с опытом. Если какая-то работа начинается, пусть маленькая, — это уже хорошо. Какой-то человек живет рядом с больницей, он подходит к бабушке и говорит: «А можно я пойду помогу, с детьми на гитаре поиграю?» Бабушка говорит: «Да, иди. А Ваня пойдет с тобой и возьмет шахматы». Два человека пришли в больницу, слепили поделку из пластилина, поиграли с детьми, помогли ребятам сделать открытку для мамы на ее день рождения. Собственно,

это уже в малой форме то, чем мы, даниловцы, занимаемся. А потом они, допустим, вешают объявление на двери храма о том, что есть группа (а два человека — это уже группа!), которая ходит к детям в больницу. Уверен, что к ним скоро примкнут единомышленники.

Кто самый инициативный — тот и координатор. Среди собравшихся людей есть тот, который всех обзвонит, предупредит, встретит и введет в курс дела. Это и есть координатор. Он сталкивается с множеством проблем в этой больнице. Допустим, администрация хочет получить информацию — кто такие волонтеры, зачем они приходят. Координатор приходит к батюшке и спрашивает, что делать. Тогда сам храм может официально организовать структуру, которая будет заниматься волонтерством. Ее можно назвать по-разному. Начинается организационный процесс. Или допустим, координатор просит у настоятеля выделить деньги на пластилин. Батюшка соглашается выделить, а если денег нет, то он после службы с амвона говорит: «Вот, у нас есть группа, посещающая больницу. Требуется то-то и то-то. Принесите что можете. Список необходимого висит на двери храма». Вот люди и стали приходскими благотворителями, а не просто поставили свечку.

— Как думаешь, почему на постсоветском пространстве все это так мало развито?

— В 90-ые люди пошли в храмы. Батюшки не справлялись с потоком. Они даже с людьми пообщаться не успевали. К ним шли утром, днем и вечером. И даже ночью. Некоторым нужно исповедоваться прямо здесь и сейчас. Но ситуация изменилась: появились новые храмы, а главное — при них батюшкам выделяются помощники. Это катехизаторы, отвечающие на вопросы, связанные с вероучением, и социальные работники. В Москве это точно работает. Надеюсь, и в других епархиях тоже. С настоятеля снимается определенный объем нагрузки, а человек, отвечающий за социальные вопросы, и должен узнавать, кто из прихожан нуждается в чем-либо, а также объединять активных и особенно молодых для работы в находящихся рядом социальных учреждениях.

Во многих храмах есть также юристы и психологи. Часто они оказывают бесплатную помощь. Это очень здорово.

— Как в наше время найти деньги на благотворительную организацию?

— Это сложный вопрос. Он всегда будет актуален. Большие фонды существуют за счет многочисленных небольших пожертвований. При этом у них всегда есть так называемые якорные спонсоры, которые покрывают определенный объем административных расходов для того, чтобы этот фонд мог сам существовать. Благотворительная деятельность в понимании спонсоров связана, как правило, с адресной помощью. Люди хотят помочь конкретному ребенку или конкретной больнице. Но многие не понимают, что для оказания такой помощи должно работать очень много людей, которым нужно платить зарплату, налоги с этой зарплаты, арендовать для них офис, обеспечивать достойные условия труда. Мы часто сталкиваемся с этой проблемой, когда говорим: «Нам нужны деньги на работу нашего движения». Потенциальные спонсоры говорят: «У вас же волонтерское движение. Люди работают на вас бесплатно. Зачем вам деньги? Давайте мы дадим вам пластилин и краски». Приходится долго объяснять всю схему работы.

— Зачем волонтерской организации деньги?

— Чтобы волонтеры пришли к нам, нужно, как минимум, чтобы они узнали о нашем движении (то есть нужны сайт, реклама, листовки). Добровольца нужно где-то встретить, нужно, чтобы кто-то с ним поговорил, оценил его адекватность, рассказал, что его ждет в учреждении, обучил его. А если у него возникнут трудности по ходу работы, то в организации должен быть человек, который поможет ему. Все вышеперечисленные люди — это не волонтеры. Они как специалисты тоже хотят получать зарплату, потому что это их основная работа. Много денег нужно на аренду и содержание офиса, зарплату специалистов и налоги. Это наши постоянные финансовые «дыры».

Жаль, что немногие понимают: чтобы что-то работало, нужны механизмы и их нужно смазывать. Многие думают иначе: «Нет, вот дайте нам реквизиты ребеночка, и только ему мы переведем деньги». Даже у больших фондов с этим есть проблемы. Допустим, собираются деньги на лечение ребенка. Нужен миллион, а собрали два. В переводе пишут: на лечение, допустим, Ивановой Маши. Это целевое пожертвование, которое должно быть потрачено только на лечение конкретного

ребенка. И тогда возникают сложности с отчетностью. Сотрудники фондов просят: не пишите, кому конкретно вы жертвуете, потому что мы собираем больше и можем остающиеся деньги тратить на лечение другого ребенка. Мы и наши коллеги просим: переведите нам, пожалуйста, деньги на уставную деятельность. Вы можете познакомиться с нашим уставом, он размещен на сайте. Если вам близки описанные там цели, вы можете перевести деньги. В большинстве же случаев люди, не понимая сути, стремятся помочь именно адресно.

— **Почему так? Особенности менталитета?**

— Возможно, так происходит из-за того, что в 90-е годы фонды плохо себя зарекомендовали. И теперь люди им не доверяют. Слово «фонд» у нас в России слегка дискредитировано. Для многих «фонд» — это некая организация, через которую крупные фирмы отмывают деньги. В начале реформ 90-х налоговое законодательство не было четким и прозрачным. Многие этим пользовались, избегая уплаты налога на прибыль. Крупные фирмы переводили прибыль в ими же созданные фонды, существенно тем самым уменьшая налогооблагаемую базу, а доходы делили между учредителями. И до сих пор, по инерции, люди боятся давать деньги непонятно на что и стараются написать в назначении перевода, что это «Маше на лечение». Уж тогда их никуда больше не смогут потратить, побоятся нарушить финансовую дисциплину.

Человеку всегда хочется ощутить результат. Если он отрывает от себя деньги, то он, естественно, хочет увидеть результат. Увидеть, что ребенок получил лекарства, лечение и, возможно, даже выздоровел. Человеку хочется знать, что и как в судьбе конкретного ребенка и, может быть, для него это будет стимулом к дальнейшей благотворительности. Западные люди финансово и юридически подкованы лучше, и, конечно же, там само общественное мышление немного другое. У них нет недоверия к благотворительным организациям.

А нам приходится долго объяснять, для чего нам нужны деньги и доказывать: финансируя труд сотрудников нашего движения, вы помогаете именно детям в больнице. Некоторые слышат нас, но, как правило, люди приходят через своих, по рекомендациям вроде: «Я знаю это движение, они нормальные, честные. Помогать им можно».

Мы активно используем интернет. Пиарим себя в соцсетях, раскручиваем сайт. С нашими коллегами создаем другие ресурсы, где можно найти информацию о нас и пожертвовать деньги. Была у нас и попытка поставить ящики для пожертвований. Ощутимого результата это не дало. В таком случае нужна обширная реклама. Я много раз видел ящики фонда «Подари жизнь». Люди охотно им жертвуют, потому что мероприятия этого фонда очень известны, их по федеральным каналам часто показывают, их реклама на щитах по всему городу. Конечно, авторитет этого фонда оправдан их большими и очень важными делами. «Даниловцы» — небольшая организация и такого охвата аудитории у нас нет.

— **А хотелось бы?**

— Это было бы очень круто, но я понимаю, с какими трудностями это связано. Если бы кто-то откликнулся и сказал: «Я буду вашим генеральным спонсором. Если хотите какого-то развития, я готов вас всячески поддерживать»... Тогда в зоне нашей ответственности оказались бы все детские больницы, социальные приюты, реабилитационные центры в Москве, области и регионах. Ведь наше движение имеет статус межрегионального.

— **А какие-то новые направления стали бы развивать?**

— Много запросов от одиноких пожилых людей. Может, и в этой сфере мы могли бы поработать. У нас уже есть благотворительные ужины для малоимущих. Туда приходит много пожилых. Оказывать им адресную помощь — это очень сложно. Для этого нужно большое количество волонтеров, прикрепленных к каждому старику. И их нужно специально обучать. Больничное волонтерство — это уже наш профиль, конек. Если мы будем расширяться, то качественно, в больничном служении с детьми.

Но чтобы все работало, нужны специалисты — люди на ставках, которые полностью посвящают себя этой работе. И поэтому есть руководитель, который выстраивает генеральную линию организации, решает, куда двигаться, где надо сейчас ослабить, а где — подтянуть. Есть исполнительный директор, решающий финансовые, юридические вопросы, подготавливающий отчеты в налоговые органы и организации, от которых мы получаем гранты и субсидии.

Обязательно должен быть сотрудник, ведущий прием волонтеров. В идеале он же потом контролирует работу волонтеров и помогает координатору. Нужны психологи, нужны люди, способные обучить волонтеров хотя бы минимальным навыкам работы, общения с детьми. Нужны специалисты, которые занимались бы поиском средств и новых волонтеров.

Наша цель — поддержать волонтера, а не выжать из него все соки. Мы хотим, чтобы наша деятельность была качественной и долгосрочной. Поэтому мы стараемся всячески поддерживать наших добровольцев. Специалисты работают над тем, чтобы человека оберегать, помогать ему расти и сотрудничать с нами как можно дольше, чтобы человеку не навредить.

Часто волонтеры начинают винить себя: мол, они не смогли чего-то сделать, изменить, что-то дать ребенку. Только такие специалисты, как у нас, с образованием, с большим опытом, смогут помочь волонтеру, как грамотно расходовать свои внутренние ресурсы, как правильно строить отношения с подопечными. Иногда человек берет на себя больше своих сил. Нужно вовремя остановить: «Послушай, ты через месяц выгорешь!» За всем этим нужно следить. Если таких специалистов нет, получится не эффективная волонтерская работа, а мельничный жернов, который перемалывает людей.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

«ДУХОВНОСТЬ И КОУЧИНГ ДРУГ ДРУГА УСИЛИВАЮТ»

*Михаил Котляревский,
координатор дистанционных учебных курсов Школы социального волонтерства; экс-координатор волонтерской группы в Детском наркологическом центре*

— **Михаил, в «Даниловцах» ты давным-давно. Как ты туда попал и чем занимался до этого?**

— В центр я пришел в 2005 году. Хотел пойти в «Школу молодежного служения» при Даниловом монастыре. Попал на собеседование к Диме Иванину, и он пригласил меня в волонтерский проект в детском наркодиспансере. Люди

в проекте были интересные, мы работали с наркозависимыми детьми. Создали альянс с психологом Анной и одной девушкой-волонтером. Потом в центр пришел Сергей Майоров, стал координатором, развернул активную деятельность, реанимировал слегка угасший к тому времени волонтерский проект: мы тогда все время креативили, придумывали событийные и психологические занятия.

— **По твоим ощущениям, детям нравилось то, что вы делали тогда?**

— Кому-то нравилось, кому-то нет — среда ведь специфическая. У детей с зависимостями психология другая: они настроены потребительски. Не все, конечно. Были дети, почти случайно попавшие туда, а были и такие, которые ждали — мол, давайте, развлекайте нас.

— **Приходилось ли тебе впоследствии как психологу работать с такими детьми?**

— Нет, я больше имею дело со взрослыми. Летом работаю в христианском лагере, но там в основном дети без зависимостей, хотя бывают и трудные подростки.

— **Как ты начал заниматься психологией и коучингом?**

— Меня с детства интересовали глубинные смыслы бытия. В 90-е, когда был бум на подобные увлечения, я на практике столкнулся с миром оккультизма, в который привела меня одна моя знакомая. Это была какая-то нью-эйдж-секта. К счастью, я вовремя понял, что имею дело с чем-то деструктивным, затем Божий Промысл привел меня в храм. Там был один замечательный батюшка, он видел, в каком я состоянии, но не делал мне замечаний, не поучал, а, скорее всего, молился. Я сначала думал, что он откуда-то из деревни, а потом оказалось, что он окончил философский факультет МГУ, а до этого служил где-то в Средней Азии в очень трудных условиях. Он относился ко мне с добротой, юмором, и я постепенно воцерковился, отошел от мира оккультного, из которого, по моему глубокому убеждению, выйти без помощи Бога абсолютно невозможно.

Интерес к психологии возник, когда я пришел в «Школу молодежного служения» при Даниловом монастыре. Там работали интересные специалисты, они проводили полезные для меня тогда семинары, в том числе и по христианской психологии.

— **С какими проблемами ты бы порекомендовал приходить к тебе на семинары?**

— Я работаю как лайф-коуч. Ко мне приходят с разными жизненными проблемами: не получается выйти замуж, например. Приходят с проблемой депрессии. Я изучаю и, если это не психиатрическая проблема, а некий кризис, я этим занимаюсь. Коучинг — это история про достижение цели, а не про психотерапию, хотя иногда приходится заниматься и этим. Коучинг работает с ресурсом. Когда человек приходит в нересурсном состоянии, у него есть явный запрос на психотерапию. Недавно обратилась женщина, которая хотела сменить работу. Когда начали изучать проблему, выяснилось, что она в глубокой депрессии и сил ни на что нет. В этом случае нужно работать не над достижением цели, а над тем, чтобы наработать ресурс.

— **И как «починить» ресурс?**

— Это очень индивидуально. Нужно выяснить, что дает мне силы в этой жизни, «покоучить» каким-то образом эту тему. Нужно изучать степень тяжести. Иногда стоит обращаться к психиатру. Если человек не справляется, его нужно поддержать медикаментозно. Депрессия — это когда не вырабатываются определенные нейромедиаторы, и нужно разобраться: это гормональная проблема, особенность мозга, или причина кроется в какой-то жизненной ситуации? Если человек в глубокой классической депрессии, с мыслями о самоубийстве, своем ничтожестве и так далее, то необходима психиатрическая помощь, иначе случится скорый переход человека из одного мира в другой. Сейчас священников, к счастью, учат, что уныние от депрессии очень сильно отличается. И одной исповедью от депрессии человека вылечить невозможно.

— **Уныние от депрессии отличается тем, что человек не в силах осуществлять какие-то простые жизненные процессы?**

— Ничего подобного. Не всегда можно сразу определить, что у человека депрессия. Он может улыбаться, а потом броситься под поезд. Поэтому проблему нужно изучать глубоко и внимательно: каковы предпосылки, есть ли родственники, покончившие жизнь самоубийством. Иногда действительно нужны адекватные специалисты, качественно

подобранные нейрорептики. Все болезни — по грехам, зубы тоже болят по грехам, но почему-то мы с этой проблемой ходим к зубному врачу, а не на исповедь! То же касается и психических проблем. Хотя сфера психики, конечно, гораздо более тонкая, нежели физическая сфера. Больные православные люди портят жизнь себе и окружающим, когда лишают себя качественного лечения.

Недавно обращался мужчина. У его жены с периодичностью раз в год происходят какие-то странные вещи: она начинает разводиться, стремиться куда-то «налево», кого-то искать. Ее несколько раз водили на отчитку, вроде помогало, но периодически это снова повторяется. И вот, на мой взгляд, здесь имеет место быть вполне конкретная симптоматика. И необходим психиатр.

— **С какими еще проблемами к тебе обращаются?**

— Ко мне обращаются с семейными проблемами. Например, мама девушки «съедает» ее мужа или наоборот. И это православная супермама, поющая в хоре, которая берет и разрушает семью. И такое бывает: человек считает себя православным, а ведет себя, как демон.

— **Почему такое происходит, как ты считаешь?**

— Смотреть нужно, на ком ты женишься или за кого выходишь замуж. В том случае были созависимые отношения матери и дочери, они были как одно целое. Муж выбрал себе вот такую созависимую девушку и вместе с ее мамой на ней женился. Когда случилась проблема, дочь выбрала не мужа, а маму. Этот муж, моряк и нефтяник, звонил мне по скайпу откуда-то из района Персидского залива. В этой семье ситуация, как в триллере: шантаж и угрозы со стороны «православной» мамы.

— **Что, по твоему мнению, творится с такими «православными»? Причина — в невежестве или неправильном понимании православной парадигмы?**

— Эти люди родились в духовно больной семье, взяли оттуда некий шаблон, развили в себе негативные качества личности, считая, что это благо, и смогли все свои представления как-то встроить в церковную картину мира. Церковная структура органично вписалась в это их мироощущение.

— **Хотя в идеале ведь христианство — гибкая система, где главный критерий — любовь.**

ЭТО ВСЕ – МАСТЕР-КЛАСС КУН-ФУ ПАНДЫ!

Илья Комаров, мастер спорта международного класса, судья всероссийской категории, чемпион России 2006 года по ниппон кэмпо, чемпион мира 2007 года по уличной самообороне, серебрянный призер чемпионата Европы 2013 года. Но в «Даниловцах» он известен, прежде всего, как «волонтер с нунчаками».

— **Илья, вы с вашими занятиями побывали, наверно, во всех волонтерских группах «Даниловцев». А как вы нунчаки сами в руки взяли?**

— Я пошел заниматься единоборствами в десять лет, и мне очень повело с учителями. У меня были прекрасные тренеры по карате — Константин Пичугин, Николай Кузнецов, Ольга Кузнецова, Людмила Кузнецова, Владимир Валентик. А потом я попал даже не к тренеру, а к учителю — Алексею Кузнецову. А учитель — это тот человек, который дает тебе не только технику. Алексей Кузнецов — это уникальная личность, он руководит одной из крупнейших организаций в мире боевых искусств — Всероссийской федерацией кобудо. И по сути своей — это громко, наверно, прозвучит, — он воин. Не по отношению к врагам, а воин, который объявил войну своим страстям. Он всегда сдержанно себя вел, разговаривал уважительно с людьми любого возраста. Это даже не в тренировочном процессе выражалось, а больше в жизни.

Он уже тогда владел разными видами единоборств. Мы с ним изучали карате, много было приемов самбо, ударной техники бокса, кикбоксинга. Он старался развить нас разносторонне, возил на разные виды соревнований. И одно из направлений было — работа с восточными видами оружия. Учитель сам ездил к мастерам в Японию, в Европу, приглашал их в Россию, и вот он нас и познакомил с направлением нунчаку. Что я и применяю сегодня в этой прекрасной волонтерской истории.

— **Они же железные.**

— У этих людей как-то странно проявляется любовь. Православие часто используется как ширма для невротических болезней и плохих привычек.

— **И как ты помогаешь клиентам в такой деструктивной ситуации?**

— Зачастую простого решения таких сложных проблем не существует. Необходимо подняться на уровень выше ситуации, рассмотреть неожиданные варианты и неочевидные личностные ресурсы. Нужно действовать творчески, в рамках Уголовного кодекса и христианских ценностей. Найти книгу Литвака «Психологическое айкидо», почитать о правилах жестких переговоров, например. С манипуляторами нужно уметь правильно общаться, говорить с ними на их языке. И молитва, конечно, помогает, но если к ней в земном плане добавить коучинг.

— **Насколько такое направление, как коучинг, развито в России?**

— Сейчас это дикое поле. Куда ни глянь — всюду какой-то коучинг: кто чакры открывает, кто тантрические практики проводит, тренинги всяких гандапасов (Радислав Гандапас — специалист в области публичных выступлений — прим. ред.). Это все вообще не про коучинг.

— **Что тебе лично хотелось бы сделать в этой области?**

— Протестанты сейчас поголовно учатся на коучей. Они поняли, что духовность и коучинг друг друга усиливают. Путь духовного окормления похож на коучинг своими базовыми принципами: уважением к человеку, верой в его возможности, его внутренний потенциал. В каждом человеке есть уникальный внутренний ресурс. Правильный коучинг — это история про уникальную личность. Ведь Господь сделал каждого из нас уникальным. Из уникального семечка вырастает уникальное дерево. А не «вот этот пусть будет, как Серафим Саровский, этот — как Серафим (Роуз), а этот — как патриарх Кирилл». Ставить штампы — это душевердное и губительное занятие. Поэтому для меня важно помогать людям раскрывать свою уникальность, взрослеть, быть ответственными за себя и окружающий мир, становиться осознанными и творческими личностями.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

— Нет, это мягкие нунчаки, которые разработал сам Алексей Кузнецов. Там внутри легкий полый пластик, потом поролон, и сверху — ткань типа плащевки. Потому что нунчаки должны скользить по кимоно и спортивному костюму, чтобы легко пройти подмышкой, под ногой, вокруг шеи во время перехватов.

Нунчаки безопасны, это не так агрессивно, как рукопашный бой. То есть ты приезжаешь к детям с позитивной историей. Плюс нунчаки колоссально развивают моторику, координацию, задействуют работу обоих полушарий. Их можно использовать как предмет для отработки перехватов, вращений, жонглирования: когда ты нунчаки подбрасываешь правой рукой, они у тебя в воздухе прокручиваются, и ты их ловишь левой и наносишь атаку по лапе.

А можно использовать их в спарринге, когда ты надеваешь шлем и выполняешь серию перехватов, используешь блоки, акробатику. Хочу подчеркнуть, что спарринги у нас только с сэнсэем, друг с другом дети не вступают в спарринги.

— **А как вообще пришла идея применить навыки единоборств в больницах и ДДИ?**

— Мне кажется, это из-за отца. Он зимой, видя пьяного, лежащего в сугробе, всегда поднимал его, сажал на лавку и говорил: «Да, он дурак, он пьяный. Но если он тут замерзнет, в его семье будет горе». Это был живой пример того, что необходимо быть равнодушным к любому.

Отец ушел очень рано, мне было 14 лет. И тогда учитель стал заниматься со мной бесплатно. Мной серьезно занимались, я достиг хороших результатов. И стал думать о том, чтобы проводить у себя в районе бесплатные занятия для детей. Федерация кобудо их, кстати, проводит. Но у меня пока получается делать это на волонтерских началах в «Даниловцах». И за это огромное спасибо моей семье и любимой жене Марине, которая занимается нашим сыном Володей во время моих волонтерских отъездов. Я всегда говорю, что это наше совместное волонтерство.

— **Какая группа была первой?**

— Наверно, я ничего нового не скажу, но непонятно, кто кому больше помог — я «Даниловцам» или наоборот. Скорее всего, «Даниловцы» мне помогли. У меня и раньше было желание применить навыки единоборства в волонтерстве,

но я не знал, как это сделать. А полтора года назад по радио «Вера» я услышал передачу о «Даниловцах», зашел на их сайт, позвонил, прошел собеседование и посмотрел, куда я могу быть направлен в связи со своим рабочим графиком. Получалось, что это наркодиспансер и ФНКЦ им. Димы Рогачева.

Сначала я как волонтер ходил в наркодиспансер, были обычные занятия. Но потом, когда координаторы на меня посмотрели, мне разрешили привезти нунчаку. Я же сам долго канючил, — мол, у меня есть ростовая игрушка кун-фу панды, давайте, я позанимаюсь с детьми... И Саша Соломатина, на тот момент координатор волонтеров в ФНКЦ, сказала на свой страх и риск: «Ну давай!» Так что первую тренировку я провел в ФНКЦ.

— **Дети в наркодиспансере непростые. А в ФНКЦ — после операции. Это две совершенно разные программы тренировок.**

— А ДДИ — это третья!

— **Ну и как, видя детей первый раз в жизни, можно понять, что делать, чтобы тренировка прошла безопасно и со смыслом?**

— С маленькими детьми я работал в детском садике, меня курировал один из моих тренеров, он мне объяснял, как с ними работать. И этот детский садик дал мне возможность за короткое время найти в ФНКЦ понимание и взаимопонимание.

А что касается наркодиспансера, то помог опыт тренерской работы с подростками и пример тех ребят, с которыми я сам занимался. Не секрет, что спорт — это не гарантия от попадания в химическую зависимость. Спортсмены иногда даже входят в группу риска. Человек, когда выходит на крупные чемпионаты — и это не только в единоборствах, это в любом виде спорта — он преодолевает свой страх, свои волнения. Он начинает чуть отличаться от обычного человека. И сам себе говорит: «Ну я же чемпион. Если я сейчас выкурю сигарету или выпью стаканчик, я никогда не стану алкоголиком или наркоманом».

— **То есть вы таких ребят, как в «Квартале», видели?**

— Они абсолютно такие же, как те, что ходят ко мне на тренировки. В наркодиспансере я видел кандидатов в мастера спорта. Они крепче меня! Был парень с черным поясом

по карате. Я думаю, нам обоим эта встреча была полезна... А месяца три назад был такой, что и нунчаки умел крутить.

Так что это понятные мне ребята. Но я себе все время напоминаю, что они находятся в химической зависимости, и стараюсь следить за своей речью. Ребята ловят каждое слово, и какие-то шутки я успеваю сначала проговоривать про себя.

— **А как проходят занятия?**

— Основное: я никому их не навязываю. Кто хочет заниматься творчеством, остаются в одной рекреации, а кто хочет сегодня позаниматься с нунчаками, с теми мы уходим в другое помещение. Кто-то приходит первый раз, у кого-то это второе-третье занятие. Кто-то раньше был, и, к сожалению, снова вернулся в диспансер, помнит меня и идет заниматься.

Я им предлагаю мысленно переместиться из стен наркодиспансера на необитаемый остров, где встречаются лучшие мастера боевых искусств. По аналогии с Mortal Combat или фильмов с Брюсом Ли. Мы включаем интересную музыку, которая влияет на настроение. Сначала выполняем разнообразные перехваты, повторяем технику, я им еще раз объясняю, как двигаться, как выполнять защиту. Потом мы надеваем шлемы, и начинается самое интересное. Я прошу их смотреть мне в глаза. И через глаза они начинают чувствовать мою эмоцию: «Вы — мои братья и сестры». Как ни тривиально это звучит, да, я к ним прихожу, как к младшим братьям и сестрам. И в этот момент я радуюсь, что мы с ними находимся в таком вот спортивном движении. Словами эту атмосферу трудно описать.

— **Но мне кажется, важно, чтобы ребенок чувствовал, что у него получается. Чтобы он не думал: «Вот, у всех выходит, а я неумеха...»**

— Да, и тут есть маленькая хитрость. Не знаю даже, раскрывать ее или нет... Я начинаю с ними спарринговать и по первым движениям вижу их эмоциональное состояние. И подстраиваюсь. Если я вижу, что ребенок агрессивно настроен, я соответственно где-то его немного прижму — в хорошем смысле. Потом сам атакую, и он начинает более спокойно вести поединок. И у него все получается.

А иногда бывает, что ребенок вообще не ловит нунчаку, ему действительно сложно. Особенно если первый раз.

А их же надо заинтересовать! И вот если ребенку тяжело сделать перехват, он делает медленно, и я делаю медленно. Он ускоряется — я ускоряюсь. Иногда делаю нападение, замедляюсь как бы нечаянно, в этот момент он меня атакует, и я хватаюсь за колено или руку, говорю: «Слушай, это было отлично! Я не ожидал, ты молодец!» У него сразу меняется настроение.

— **А в ФНКЦ какая специфика уроков? Мамы нормально смотрят, как их дети после операции занимаются спортом?**

— Эти занятия, которые я провожу с ростовой игрушкой, мы назвали «Мастер-класс от кун-фу панды». И вот в этом мастер-классе в ФНКЦ участвовали все! И дети, и волонтеры, и мамы, и папы. Даже бабушка была удивительная одна. И все выполняли перехваты. Все взяли нунчаку и сделали.

— **Сколько же вы их привезли?**

— Штук пятьдесят. И еще «лапы».

— **А в центре «СаВа» как тренироваться? Там ведь дети с инвалидностью.**

— С инвалидами можно использовать другие виды оружия, которые есть в кобудо. Например, есть тофа — деревянная палка. И здесь большая благодарность «Клубу волонтеров», куратор которого Полина Тышкевич пришла однажды в ФНКЦ как волонтер, увидела кун-фу панду и пригласила меня в ДДИ в Калужской области, в 180 километрах от Москвы. И как раз там у меня был первый опыт тренировки с использованием оружия кобудо для детей с инвалидностью.

Допустим, ребенок сидит в кресле или он ползает по полу, но ножки с рождения с серьезными дефектами. Тогда он берет в руки тофу, делает защиту — выставляет их перекрещенными. А я с палкой дозированно делаю нападение. Если я в костюме панды, я включаю образ кун-фу панды, если в кимоно — образ сэнсэя и говорю: «Приготовился! Нападение!» Нападаю, он делает блок, и у него действительно блок, жесткий!

— **Получается! Да еще как в кино!**

— Да, он защищается, у него получается, глаза загораются. Но в «СаВу» я им тофу пока не привозил, мы используем нунчаку в техниках перехвата. Руководитель «СаВы»

Екатерина в этот момент выступает как тренер. Катя каждый раз переодевается в спортивную форму и тренируется вместе с нами. И это дает стопроцентно положительный эффект для детей. Они тренируются вместе со своим руководителем. Это очень нужно и важно.

— **А если инвалидность ментальная?**

— Тут тоже очень важен внутренний настрой. Надо перед тем, как зайти к таким детям, две-три минутки, чтобы настроиться. И тоже думать о том, что ты идешь сюда, как к своему младшему брату или сестре, которые находятся в такой вот ситуации. Потому что иногда нужны не столько даже слова. Там важен именно твой эмоциональный настрой. Твои прикосновения.

Мы сейчас не говорим о легких формах аутизма, когда можно общаться, работать, выполнять упражнения, ребенок тебя слышит. Есть дети, которые могут сосредоточиваться всего на две-три секунды. И вот здесь очень помогла моя ростовая игрушка панды. Потому что они подходили и ее обнимали, а я их просто гладил по голове.

В том ДДИ в Калужской области меня пустили к сложным детям только благодаря этой ростовой игрушке. Потому что обычно к ним волонтеров не пускают. Там в силу того, что дети могут себе навредить, их привязывают к кроваткам, ну с какой программой ты туда придешь?.. Они лежат, не поднимают, где находятся.

— **И зачем тогда приезжать?**

— Все находится в одном здании. Тут — дети с синдромом Дауна, с ними можно проводить работу. А в соседней комнате — лежачие. И в этой ростовой игрушке их можно подержать за руку, погладить.

— **То есть с одними детьми можно вести бой, с другими — делать только перехваты, третьих — просто погладить. И это все будет «Кун-фу Панда».**

— Да. Есть ребята, которые на тебя не реагируют. Они не в нашем мире. А вот на эту панду — реагируют. И особенно на прикосновение, когда пальцем касаешься носика. Они смотрят на панду, трогают ухо, ногу, а ты раз — носика коснулся. И улыбка появляется...

Интервью подготовила Анастасия Кузина.

ДАЙТЕ ЧЕЛОВЕКУ ВОЗМОЖНОСТЬ БЫТЬ СОБОЙ, И ОН РАСЦВЕТЕТ

*Юрий Белановский,
руководитель добровольческого движения «Даниловцы»*

— **Юра, как случилось, что тебя, человека с высшим техническим образованием, привело в гуманитарную сферу, волонтерство?**

— В самом конце 80-х и в 90-х годах прошлого века в стране царил специфический дух. Очень остро переживалось крушение Советского Союза: наконец-то душная и безумная тоталитарная система рухнула. Все как-то по-особенному переживали свободу. Тогдашнее отношение к Церкви со стороны приходящих в нее людей можно охарактеризовать как безграничное принятие. Благодаря советскому прошлому и гонениям Православная Церковь обрела огромный кредит доверия. Она олицетворяла нечто противоположное тоталитаризму, бесчеловечности, казарменности. После падения СССР Церковь представлялась многим пространством, где можно быть самим собой.

— **А сам ты сталкивался с проявлениями тоталитаризма?**

— В дисциплинарном плане доставалось. Какие-то завучи или старшие пионервожатые вполне могли сделать выговор за то, что неправильно повязан пионерский галстук, не так посмотрел на бюст дедушки Ленина или задал не тот вопрос.

У меня были либеральные инакомыслящие родители. В школе я так или иначе транслировал неподходящие для советской жизни идеи. Родителям на собраниях объясняли, какие у них нехорошие дети. Внутри нашей семьи было очень трезвое отношение к Ленину, Сталину и всему этому большевистскому режиму. Знаю даже, что когда я был совсем маленьким, к нам приходили с обысками. Изымали какие-то неправильные книги, самиздат, даже печатную машинку забрали! Дома никаких книг, прославляющих советскую власть, конечно, не было. При этом и антисоветских лекций родители нам не читали. Отношение к брежневскому правлению было скорее ироническим.

— **Кто твои родители по профессии?**

— Инженеры-химики. Мама трудилась на закрытом предприятии, разрабатывала специальные клеи для авиационной промышленности, в конце 80-х работала в Сбербанке, а в 90-е даже возглавляла отделение. Папа достаточно быстро ушел в социологию. Сегодня он довольно известен в этой сфере.

— **Как родители воспитывали вас, детей? Прививали какие-то нравственные или религиозные ценности?**

— Воспитывали своим примером и своими отношениями с нами. В то время родители не были воцерковленными. В доме были книги по христианству, была детская Библия, которую нам с братом несколько раз пытались читать. Прабабушка моя по маминой линии была очень верующей. Даже когда храмы закрылись, она все равно находила церковь, где была пасхальная служба. Приходила уставшая, но маме и ее сестрам запомнилось, что возвращалась она всегда очень радостная и счастливая. Их это впечатляло.

Бабушка, папина мама, тоже была христианкой. Но я об этом узнал уже в институтские годы. Она много общалась с христианами из Европы, которые присылали ей книги. У нее была хорошая библиотека христианских книг и брошюр для начинающих. Крестили меня в раннем детстве: прабабушка настояла. Недоволен этим был только дедушка, идейный коммунист. Несмотря на это, он — один из самых дорогих и важных людей в моей жизни. Но до конца жизни ворчал. Например, по поводу того, что я работаю в монастыре. При этом его любовь к нам с братом была бесконечной. Он иронизировал по поводу моей веры, но не более того.

А родители наши никому ничего не запрещали и не навязывали. Я вообще не очень понимаю, как это возможно.

— **Чем ты увлекался в детстве?**

— Я мало что помню из детства. Если встречу кого-то из старых друзей, и они начнут что-то рассказывать, я, возможно, что-то вспомню. А так, я живу, как...

— **...буддист или правильный христианин: в настоящем?**

— Наверное. Когда кто-то говорит, что помнит себя в три года — это для меня вообще непостижимо. Я живу здесь и сейчас.

— **А в 90-е перестроечные годы ты был правильным мальчиком или вот тем длинноволосым, который рок слушает?**

— Ну, тем, который рок слушает, конечно. И относительно длинноволосым тоже. Хотя внешне я, вероятно, был больше похож не на рокера, а на скромного хиппи. Одевался довольно просто. Мне до сих пор нравятся какие-то музыкальные вещи из того, что я тогда слушал.

— **В эти же годы потянуло в христианство?**

— Так сложилось: близкий друг был христианином. Он привел в Церковь и привил интерес к православным книгам. Через него я обрел веру во Христа. Я как будто домой вернулся. Это было сразу после школы. Я ему бесконечно благодарен. Благодаря ему я попал именно в Данилов монастырь, познакомился с тогда еще иеромонахом Иоасафом, которого в тот год только назначили руководителем службы катехизации при монастыре.

После был институт — время удивительных возможностей. Тогда, к примеру, можно было отказаться от изучения иностранного языка, в котором я всегда был невероятно слаб, и заменить его на что-то неожиданное. Так, я изучал предмет «Основы православия», который, конечно, понравился мне в контексте тогдашних интересов. Его вела одна замечательная верующая женщина. Сейчас, наверное, это выглядит как полный абсурд: технический вуз, один из известнейших в стране, Московский энергетический институт. И вдруг «не хочешь английский — получай православие». Преподаватель рассказала, что при Даниловом открылись православные курсы. Тогда они были первыми в Москве. Это было в конце 1992 года. На эти курсы я и пошел.

Отец Иоасаф собирал молодых людей, которые могли бы ему помогать в воскресной школе и подшефных учреждениях. И я туда прибилсь, и некоторые мои друзья, с которыми мы поначалу что-то делали. Нам предложили ездить в детский приемник-распределитель, сейчас он называется Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей. Мне было 19 лет.

— **Ты попал в серьезную церковную жизнь совсем юным человеком...**

— Да, тогда было время больших возможностей. Много плюсов, но были и минусы. Я лично не встретил в Церкви ни одного неадекватного человека или священника. Хотя

знаю многих людей, которым просто поломали жизнь. А я не встретил ни одного, который мне даже что-то приказал бы. Но знаю и тех, кому приказывали.

В храме, в который я поначалу ходил, настоятель был очень тактичный и ответственный, он не навязывался ко мне ни в какие духовники. А я и не просил. Да, я ходил на исповедь. А фраз вроде «будь моим чадом» — такого с его стороны не было. На все серьезные вопросы и этот священник, и все другие, кого я знал и знаю, говорили: как считаешь нужным — так и делай. Другое дело, что я с большим уважением относился и отношусь к их мнению.

— Где при монастыре довелось поработать?

— Лет пять я проработал на справочном телефоне. Сейчас бы назвали его телефоном доверия. При Даниловом монастыре был первый официальная справочная служба: куда сходить в храм, как покрестить ребенка, как поститься, как подготовиться к исповеди и причастию, как быть с неверующими детьми или родителями и т. д. Очень многие звонили, чтобы рассказать о личных проблемах. Тогда я познакомился с православием по-настоящему. Узнал, что свобода часто превращается в произвол и самодурство для власть имущих. Понял, что многие нуждаются в утешении, что далеко не все церковные правила и догмы работают. Узнал и понял навсегда, что каждому из нас нужно внимание, доверие и понимание.

Преподавательская работа началась с приемника–распределителя. Параллельно работал в воскресной школе, в 6-й психиатрической детской больнице, в центрах социального обслуживания пожилых людей, в детском наркологическом диспансере и т. д. Довелось и вузах со студентами работать. Большею частью это были беседы о вере и Церкви. У меня была уникальная возможность говорить о том христианстве, которое было для меня светом и правдой.

Со временем из службы катехизации образовался молодежный центр при Даниловом монастыре. Там было множество проектов и программ. Среди прочего мы открыли молодежные православные курсы. Таких в Москве не было, мы были первыми. Тогда же со Светланой Перегудовой и Дмитрием Иваниным открыли одни из первых в Москве курсы для молодых, желающих создать семью. На мой взгляд, они были одними из лучших в Москве.

— Техническую профессию самостоятельно выбирал? А потом стал делать то, что нравится?

— Дедушка закончил МЭИ. Вот я туда и подался. Для меня это было важно. По природе я технарь. В школе отлично давались естественнонаучные дисциплины. Гуманитарием стал благодаря православию. Здесь без этого нельзя, надо книжки читать, философствовать.

— Как ты познакомился со своей женой?

— Друг организовал поездку в Троице-Сергиеву Лавру. С нами среди прочих была барышня, которая училась со мной в школе в параллельном классе. С ней была сестра Татьяна, она-то и стала в будущем моей женой. Так и познакомился: в электричке. Таня тогда готовилась поступать в Православный Свято-Тихоновский институт.

— Как вы вдвоем оказались в сфере благотворительности?

— Мы пришли туда разными путями. Таня получила филологическое образование и отдала первые послеинститутские годы нашим маленьким детям. Потом наш добрый друг Илья Фомин, сказал, что есть такая Галина Чаликова (как я сейчас, спустя время, понимаю, по-настоящему святой человек), которая ищет помощников в недавно созданный фонд «Подари жизнь». Сегодня Таня — главный редактор сайта этого фонда. За годы работы Таня стала одним из самых профессиональных главредов в благотворительности.

А я пришел так. Для меня и моих друзей и коллег Молодежный центр при Даниловом монастыре был самым важным. Он был и остается пространством свободы и возможностей. Думаю, что этот дух свободы мы со временем перенесли в наше добровольческое движение «Даниловцы».

Весной 2008 года приходит Андрей Мещерин и говорит, мол, пустите меня в больницу, хочу работать с детьми. А тут еще на страну свалился какой-то очередной кризис. И стало понятно, что организация молодежной волонтерской работы не может быть на бюджете монастыря. Стало понятно, что если мы хотим развивать социальное направление, то оно должно быть самостоятельным.

— А кто же так повлиял на тебя, что ты стал таким церковным либералом?

— При воцерковлении я был очень категоричным. Но это быстро прошло. Больше всего меня изменило общение с людьми. Если говорить о том, кто сформировал мое мировоззрение, то я много читал митрополита Антония Сурожского, смотрел и слушал его беседы. Огромную роль сыграли лекции и книги дьякона Андрея Кураева. Из святых отцов — Иоанн Златоуст, Феофан Затворник, Иоанн Кронштадтский. Книги отца Александра Шмемана, особенно о церковной действительности, для меня были очень важны. Нельзя не вспомнить протоиерея Василия Зеньковского и Софью Куломзину, пожалуй, самых известных педагогов русского зарубежья. Из психологов для меня очень важны Виктор Франкл и Ирвин Ялом. Конечно, Библия. Особенно Евангелие.

Из тех, кто был и есть рядом — я бесконечно благодарен отцу Иоасафу, игумену Петру (Мещеринову) и архимандриту Луке (Пинаеву). Все они — из Данилова монастыря. Благодарен педагогу Свято-Тихоновского университета Людмиле Васильевне Суровой и христианскому психологу, основателю православной семейной психологической службы «Семейное благо» Ирине Николаевне Мошковой. До сих пор вспоминаю учителя философии в институте. Я люблю мудрых людей, которые не пытаются тебя поучать. Я считаю их своими учителями. Все они много раз поддерживали меня и вдохновляли.

— Тебя твоя сфера деятельности полностью устраивает или хочется расширяться в каком-то направлении?

— Устраивает, не на 100%, но устраивает. Это мое в том плане, что мне лично очень интересно. Сейчас мне интересно все, что связано с организацией образовательных программ и развитием волонтерства. Мне очень важно не только собирать, но и транслировать накопленный опыт. Каждый из наших сотрудников и многие волонтеры, немало наших коллег из других организаций — уникальные люди. Я считаю своей прямой задачей вытащить их опыт наружу и познакомить с ним всех желающих. Собственно, для этого мы и создали Школу социального волонтерства.

И еще. Как-то я перечитывал письма уже упомянутого Феофана Затворника. Он жил более века назад. Как-то он написал одному пожилому архимандриту — начальнику какого-то монастыря. «Вот, — говорит, — вы все кричите, ропщете на обыденность, хотите куда-то уехать, начать новое

дело и т. д. А я вам советую тянуть лямку. Что-то новое всегда привлекательно. Но ведь кто-то должен тянуть лямку». Когда я это прочитал, многое встало на места. Сейчас главенствует культура стартапов. Все стараются куда-то бежать, делать яркие проекты, переключаться... Но мне это не близко. Мне дорого и важно то, с чего мы начали. И вот уж девять лет волонтерская группа приходит к детям в НИИ им. Бурденко по понедельникам и средам. У детей в больницах жизнь непредсказуемая: много тревог, плохих ожиданий. Нет прочных связей. Но когда дети точно знают, что, несмотря ни на что, волонтеры придут, — эта встреча становится островком стабильности и спокойствия. И вот тут, как оказалось, тянуть лямку важнее феерических праздников.

— Так какими же принципами ты руководишься, управляя таким количеством абсолютно разных людей в ДД «Даниловцы»?

— Что я вынес для себя из тех семнадцати лет, отданных работе при Даниловом монастыре? Что помогла мне понять моя вера? Главное — это свобода, доверие и возможность служения Богу и ближним. В этом смысле и молодежный центр при Даниловом монастыре, и добровольческое движение «Даниловцы» очень похожи. Мы никогда не были и не являемся структурами, организациями с жесткими вертикальными связями. Жесткие связи работают в очень ресурсных системах. Ресурсных — или материально или властно. Но служение — это всегда личный ответ человека на призыв Бога или на призыв своего сердца. В этом смысле движение «Даниловцы» похоже на лоскутное одеяло, сотканное из абсолютно самобытных личностей, у которых есть возможность послужить теми дарами и теми силами, которые у них есть. В этом смысле главная задача управления — предоставить каждому — и волонтеру, и сотруднику — возможность быть собой, найти свое место. Если это происходит, то человек раскрывается, я бы даже сказал, расцветает.

И еще. Недавно я посмотрел документальный фильм о Хаяо Миядзаки и его мультипликационной «Студии Гибли».

Меня поразило, что Миядзаки, начиная фильм, не имеет сценария. Есть общее понимание, идея. Сроки выхода картины тоже вполне подвижны. Мультфильм — он как бы живой, у него своя жизнь, своя история.

Как ни странно, я увидел в словах Миядзаки подход к делу очень близкий к тому, который есть у нас в добровольческом движении «Даниловцы». Для нас любой проект с волонтерами — это тоже нечто очень живое и по-своему самостоятельное, не всегда зависящее от нас. Особенность менеджмента в благотворительной ситуации и в волонтерстве — отсутствие заранее написанного сценария, есть только ключевые моменты, опорные точки. Любой проект должен созреть, он, если хотите, должен быть выношен и рожден. В самом начале мало кто понимает, что же будет в конце.

Для нас важно, что и замысел, и результат — живые. Для нас не будет иметь ценности результат любой ценой, даже если он будет очень правильным, но мертвым.

Я бы сказал, что волонтерская организация, особенно в социальной сфере, проживает свою историю, ищет для своей внутренней жизни все новые и новые формы воплощения.

И второе. Не менее важное, чем первое. Горо Миядзаки — сын Хаяо, на вопрос журналиста о его творчестве ответил: «Я сомневаюсь, довольно ли у меня опыта. И потому, чтобы сделать фильм, мне нужна веская причина и благородная цель». Я бы хотел, чтобы все, кто хочет работать с волонтерами, поняли: волонтеры, все до единого, — это люди, которые могут сказать о себе: «Я сомневаюсь, довольно ли у меня опыта. И потому мне нужна веская причина и благородная цель». Поэтому, если хотите работать с волонтерами — дайте им вескую причину и благородную цель! И все получится.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

ГЛАВА 2. ВОЛОНТЕРСКИЕ ГРУППЫ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ «ДАНИЛОВЦЫ». ВОЛОНТЕРЫ – О СВОЕЙ РАБОТЕ, ПОДОПЕЧНЫХ И КОЛЛЕГАХ.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ФНКЦ ДГОИ ИМ. Д. РОГАЧЕВА

Краткая история этой волонтерской группы такова.

Первое посещение детей группой волонтеров добровольческого движения «Даниловцы» состоялось 7 апреля 2012 года.

Нашими подопечными стали дети дошкольного и школьного возраста, проходящие лечение в пансионате ФНКЦ ДГОИ.

Цель наших посещений — организация досуга детей (проведение творческих занятий, мастер-классов, игр, просто общение).

КОГДА ПОДОПЕЧНЫЕ УХОДЯТ...

*Павел Альшевский,
создатель и первый координатор группы в ФНКЦ ДГОИ
им. Дм. Рогачева,
исполнительный директор добровольческого движения
«Даниловцы»*

По разным причинам мы приходим в ФНКЦ или другие больницы. Становясь друзьями нашим детям, забываем о том, почему именно пришли впервые, эти причины уже неважны. Мы стали близкими с нашими маленькими подопечными и мы верим в то, что с другом легче перенести болезнь, что общение помогает отвлечься от скорби.

Но иногда мы заменяем это «почему» на «а зачем?» Есть ли от нас польза, есть ли в этом смысл или мы тратим время зря?

Совсем недавно мы пережили страшное событие: наш маленький друг — Катя Гудилина — ушла... Туда, где больше не будет болезни, скорбей и печалей. Мы больше не увидим ее в игровой, она теперь с Господом! Кате сейчас очень хорошо, а нам очень грустно...

И в прошлый понедельник, когда мы прощались с Катей, ее мама сказала удивительные слова, которые показали, что мой семилетней опыт волонтерства и труды всех моих коллег — были не зря. Эти слова навсегда останутся в моем сердце вместе со светлой памятью о Кате.

Ее мама рассказала, что Катя, несмотря ни на какие болезни, ни на самое плохое состояние, вставала и приходила в игровую и там забывала о своей болезни. Мы дарили ей несколько часов без мыслей о боли. И она всегда ждала нас.

Сегодня Кати нет с нами, но мы и не могли ее спасти. Мы могли быть с ней рядом, когда ей это было необходимо, и были рядом. Ее мама Татьяна просила передать всем волонтерам, что Катя о нас вспоминала даже в самые последние, самые тяжелые дни своей жизни.

СУПЕРГЕРОИ ЦЕНТРА ДЕТСКОЙ ГЕМАТОЛОГИИ, ОНКОЛОГИИ И ИММУНОЛОГИИ ИМЕНИ ДИМЫ РОГАЧЕВА

*Клара Минак,
волонтер группы*

Возвращаться волонтерить после небольшого перерыва непросто. Это подтвердит любой волонтер, давно работающих в «Даниловцах». Вдвойне сложно открывать сезон в новой группе. Но так уж сложилось, и я впервые переступила порог ФНКЦ имени Димы Рогачева.

Это место всегда вызывало у меня немало вопросов. Что за дети приезжают сюда со всех концов страны? Помогают ли яркие стены быстрее пойти на поправку? И, самое главное, как именно тут помогают волонтеры?

Любозытие и желание расширить границы собственного мира привели меня в просторную игровую, похожую на большую подарочную коробку. Она была похожа одновременно на карнавальную город с разрисованными машинами и домами и обычную семейную гостиную, где дети спокойно отдыхали вместе с родителями. Но наше появление моментально все изменило, — город проснулся для нового праздника. Меня и других волонтеров встречали криками, танцами и потоком идей для совместного творчества. Прямо как в РДКБ, но все-таки по-другому...

Я и не заметила, как оказалась рядом с одним из «аборигенов» Центра. Сначала я не расслышала его имени и попросила написать на бумаге. Мой новый приятель взял черный фломастер и вывел: «АСХБ». Чуть подумав, он добавил еще одну букву «А». Получилось: «АСХАБ». Так мы и познакомились.

Меньше минуты мне понадобилось, чтобы понять, черный — его любимый цвет. В этом я увидела вполне здоровое желание хоть немного уравновесить обилие ярких красок. А он увидел костюм Бэтмена. И Призрачного Гонщика.

И Самурая. И Супермена. В общем, пришлось и мне научиться смотреть внимательней.

Асхаб пересказал мне биографии всех супергероев, которых он знал. Когда закончились персонажи из фильмов, мы перешли на воинов из компьютерных игр. Я старалась не упустить ни одной детали, но иногда все же путалась в суперспособностях и приключениях.

Надо отдать должное моему первому другу в ФНКЦ: к невежеству волонтера он отнесся более чем снисходительно. Не представляю, как у него хватило терпения, столько раз повторить все этапы «Борьбы теней» и тренировок черепашек-ниндзя.

Краем глаза я видела, чем занимаются другие волонтеры. И каждый из них казался мне супергероем, способным мастерски придумать вопросы для самодельной анкеты или слепить улитку. Не помню, о чем я думала, когда покидала игровую комнату. Мы оживленно разговаривали и обменивались впечатлениями, поэтому я не сразу поняла, в какой момент закончилось мое пробное погружение.

Только приехав домой и заново прокрутив в голове моменты нашего визита в «подарочную коробку» и знакомства с обитателями необычного города, я поняла, что ошиблась и не совсем верно определила супергероев. Вне всяких сомнений, волонтеры делают многое. Но все наши навыки и умения невозможно сравнить с невероятной памятью шестилетнего Асхаба, зажигательной энергией семилетнего Коли и трудом врачей, которые, я уверена, вылечат моих новых друзей.

ПОСЛЕ КАРАНТИНА

*Александра Соломатина,
координатор волонтерской группы в ФНКЦ ДГОИ
им. Дм. Рогачева*

Вот и наступил долгожданный день посещения наших детей после карантина. Сегодня необычно жаркий весенний день, и в парке рядом с ФНКЦ, как полагается, множество счастливых семей, уплетающих мороженое, детей, катающихся на самокатах и велосипедах, рисующих на асфальте

мелками, просто радующихся жизни, солнцу, общению с родителями. А что же в это время в больнице? Захожу в пansionат, а там тишина.... поднимаюсь в игровую комнату, а она закрыта на ключ! Иду к администратору и по пути встречаю тихо-тихо идущую вдоль коридора девочку.

«Привет, пойдём лепить из пластилина», — предлагаю я.

«Давай!» — моментально меняет грустное лицо радостная улыбка (ее видно даже через медицинскую маску). Взяли ключи, идем дальше, встретили мальчика.

«Привет! Как хорошо, что вы пришли, а я ждал вас еще в среду, карантин-то сняли!» — говорит он.

И вот спустя пару минут комната наполнилась детьми. Творческий процесс закипел, кто-то придумал слепить из пластилина целую ферму, кто-то лепил домашних животных, мишьонов, сказочный лес с совой и Арктику с белыми медведями! Было настоящее веселье, дети помогали друг другу и придумывали новые идеи. Время пролетело моментально, мы слышали сегодня много слов благодарности и просьб прийти еще. А нас ведь и приглашать не надо, мы и так придем.

КАК Я СТАЛ ВОЛОНТЕРОМ. ЛИЧНЫЙ ОПЫТ «ДАНИЛОВЦА»

*Александр Валентьев,
волонтер группы в ФНКЦ ДГОИ им. Дм. Рогачева*

Социальным волонтером и членом добровольческого движения «Даниловцы» я работаю уже около года. За это время я посетил и продолжаю посещать три учреждения, которые сотрудничают с нашей волонтерской организацией. Это детские больницы (Национальный медицинский исследовательский центр детской гематологии, онкологии и иммунологии им. Дмитрия Рогачева (ФНКЦ) и Российская детская клиническая больница (РДКБ), а также Центр поддержки семьи и детства (социальный приют) «Зюзино». Во всех этих учреждениях вместе с другими волонтерами я провожу время с детьми, организуя их досуг. И часто после посещения у меня возникает ощущение, что я получил больше, чем мог дать. Это радость общения с детьми и волонтерами,

совместные интересные занятия, игры, возможность быть собой и приносить пользу людям.

Но пришел я к волонтерству не сразу. Как мне кажется, прежде всего из-за плохой информированности о том, кто такие волонтеры, чем они занимаются, что от меня потребуется, чтобы стать добровольцем, и сколько времени нужно будет этому посвящать. Сейчас с позиции своего волонтерского опыта я попробую осветить эти вопросы, которые помогут всем интересующимся данной темой понять, чем мы занимаемся, а, возможно, и стать одним из нас.

Примерно год я присматривался к волонтерству. На одном из сайтов мне случайно попала статья руководителя «Даниловцев» Юрия Белановского — о проблемах волонтерства в России. Статья заинтересовала меня, и семечко было посеяно.

До изучения опыта работы волонтерских организаций у меня было некоторое представление о том, чем я хотел бы заниматься, будучи волонтером. Но что я знал о волонтерстве тогда? Практически ничего. Да, я видел людей, называвших себя волонтерами, в следующих местах и ситуациях:

- В торговых центрах они продавали браслеты, деньги за которые, по их словам, должны были идти на помощь больным детям.
- Стояли с собаками в подземных переходах и собирали им на корм.
- Ходили по электричкам с копилкой и собирали на помощь нуждающимся.

При всем уважении к деятельности этих людей (если они действительно таким образом помогают людям или животным), заниматься подобным волонтерством желания у меня не было. Я стремился помогать нуждающимся людям: детям, больным или пожилым. При этом по определенным причинам я не был готов поддерживать их материально. Мне хотелось помогать именно делами, а не деньгами. Но сборщиком пожертвований мне становиться не хотелось.

Начав изучать предложения волонтерских организаций, я попал на сайт крупного московского волонтерского центра. Я решил посмотреть, кого они ищут на ближайшие мероприятия. И что я увидел в объявлении? Им требовался волонтер на стойку регистрации посетителей-участников конферен-

ции, посвященной туризму. Может быть, для студентов это и полезное занятие, но меня такое волонтерство совершенно не интересовало.

Продолжив свои поиски, я вышел на сайт «Даниловцев». Сайт сразу привлек меня доступностью информации. Там был приведен список учреждений, которые посещают волонтеры, описаны особенности работы с подопечными. Для каждого учреждения был приведен график посещения, можно было посмотреть фотографии, почитать отзывы волонтеров. Как я увидел, в большинстве случаев посещения занимают всего два часа. Меня это вполне устраивало.

Для того, чтобы стать «даниловцем», нужно было заполнить анкету на сайте и прийти с паспортом на собеседование. Собеседование было больше похоже на простое знакомство друг с другом. Каждый из пришедших вкратце рассказал о себе, своих ожиданиях и о том, что привело его к желанию стать волонтером. После этого всем были переданы договоры, в которых были описаны права и обязанности волонтера и волонтерской организации.

После подписания договора нам предложили выбрать группы, в которые требуются волонтеры. Затем нам сообщили номера телефонов координаторов этих групп для того, чтобы мы могли договориться с ними о посещении на конкретную дату. Я записался в два учреждения — социальный приют «Зюзино» и онкобольницу ФНКЦ.

Созвонившись с координатором группы в «Зюзино», я договорился о своем первом посещении этого социального приюта (по сути, детского дома) в качестве волонтера. Непосредственно перед посещением координатор группы провела небольшой инструктаж для меня, предупредив, что в любой сложной, непонятной ситуации нужно обращаться к ней.

И вот мы направились к детям. Признаться, меня волновал один вопрос: а нужны ли мы им? Я опасался, что приведут нас к детям, посадят в каком-нибудь актовом зале и все: типа, занимайтесь. А вдруг детям это совсем не интересно? Однако эти опасения исчезли практически сразу, когда мы поднялись к ребятам. По их радостным лицам, вопросам — «А что мы будем делать сегодня?», — я понял, что нас здесь ждут.

В тот день мы играли в настольные игры с детьми: «Дженгу», «Имаджинариум», Уно. Было забавно и так искренне,

когда дети лет семи подсказывали мне, новичку в «Дженге», какую дощечку надо передвигать, чтобы пирамида не упала. Если наши подопечные лет до двенадцати, как правило, вели себя естественно и открыто, то ребята постарше, подросткового возраста, сначала присматривались к новым волонтерам. Но потом и они начинали рассказывать о себе, задавать нам вопросы.

После посещения я был настолько воодушевлен встречей, что в тот же вечер позвонил координатору другой волонтерской группы, чтобы записаться на следующий день для посещения детской онкобольницы ФНКЦ. Там у нас были творческие занятия. Вместе с детьми мы делали поделки из бумаги. И здесь, как и в первой группе, куда я попал, дети с радостью нас ожидали. После посещения у нас было волонтерское чаепитие, мы ближе познакомились с другими добровольцами.

Хочу отметить, что в обеих группах приняли меня тепло. Несмотря на то, что раньше у меня практически отсутствовал опыт общения с детьми, я быстро освоился. И каждая наша встреча наполнялась радостью и весельем.

Часто задаваемые вопросы о волонтерстве

Довольно часто мои знакомые, узнав, что я волонтер, задают мне вопросы, ответы на которые я дам ниже. Надеюсь, они будут полезны и вам.

1) Чем вы занимаетесь в качестве волонтеров?

Волонтером может быть каждый. Каких-то специальных навыков от добровольца не требуется. В детских учреждениях волонтеры организуют досуг детей: общаются с подопечными, рисуют, делают поделки из бумаги или пластилина, играют в настольные или подвижные игры. Волонтеры-даниловцы в других группах делают благотворительные ремонты, ведут переписку с заключенными, помогают в специализированных заведениях взрослым пациентам, кормят бездомных. Каждый может найти себе занятие по душе.

2) Требуется ли от волонтера сдавать деньги для помощи нуждающимся?

Сбор средств от жертвователей и их передача нуждающимся — это основная задача благотворительных фондов. Добровольческое движение «Даниловцы» сбором средств не занимается. При желании вы можете пожертвовать любую

сумму на деятельность организации, но это исключительно добровольная инициатива.

3) Как часто я должен буду посещать выбранное учреждение, будучи волонтером?

Волонтерство — дело добровольное. Вы можете посещать выбранное учреждение только в составе волонтерской группы в соответствии с графиком посещения этого учреждения. Как часто — решать вам. Большая часть учреждений, с которыми сотрудничают «Даниловцы», открыты для волонтеров один или два раза в неделю.

4) Сколько времени занимает посещение?

В большинстве случаев в группах «Даниловцев» посещения длятся два часа. Это то время, которое раз в неделю может найти практически каждый.

5) Нужно ли оформлять медицинскую книжку или еще какие-то документы, чтобы посещать учреждения в качестве волонтера?

Это зависит от конкретного учреждения. Есть учреждения, где справок от волонтеров не требуется. Некоторые больницы требуют от волонтера справки об отсутствии контактов с инфицированными больными. Другие просят справку о прививках от кори. Вы можете уточнить эту информацию у координатора вашей группы.

Как видите, волонтерство доступно каждому. Несмотря на то, что в среде добровольцев есть представители разных профессий и социальных статусов, всех нас объединяет стремление делать добрые дела и нести свет в этот мир. В «Даниловцах» я нашел новых товарищей, интересных и умных ребят. Кстати, не секрет, что большинство добровольцев — девушки, а парни в дефиците. Так что, мужчины, не теряйтесь.

Главное — иметь деятельное желание помогать другим. А дальше вас ждет встреча с единомышленниками, радость общения, причастности к совершению доброго дела.

ВОЛОНТЕРСТВО УЧИТ ЦЕНИТЬ ЖИЗНЬ

*Елена Карпова,
волонтер группы в ФНКЦ ДГОИ им. Дм. Рогачева*

В ННПЦ имени Димы Рогачева время останавливается. Иногда мне кажется, что волонтеры ждут наших посещений больше, чем сами дети! В нашем распоряжении два больших мешка с играми, два часа и общество чудесных ребят. Администрация больницы даже разрешила нам пользоваться кабинетом, который по средам превращается в хранилище наших вещей, а по субботам в мини-столовую, где мы пьем чай с печеньем и обсуждаем планы на будущее. Молитва перед входом в игровую комнату — неотъемлемая часть наших посещений (для тех, кто хочет, конечно). Сказать по правде, когда я пришла сюда в первый раз и увидела, как дети радуются уже хорошо знакомым им волонтерам, пожалела, что не пришла раньше.

Каждую среду мы вместе с детьми выбираем новую игру — «Активити», «Крокодил», «Уно» — все, что душе угодно! Если энергия льется через край — придумываем что-нибудь активное вроде жмурок. Некоторым волонтерам посчастливилось найти единомышленников — тех мальчишек, кто так же обожает аэрохоккей. За таким веселым делом два часа пролетают, как десять минут, оглянуться не успеешь! Мне кажется, для многих наши посещения — время, когда можно быть собой! Не играть роль начальника, учителя, студента, а просто играть в веселые игры, общаться с детьми, смеяться, вспомнить детство, находясь в теплой дружной атмосфере. Как ни странно, в том месте сама жизнь ощущается более осознанно, чем в суе московского метро, в повседневной беготне.

Когда я возвращаюсь домой, кажется, что побывала в другом мире. Это помогает встряхнуться и начать ценить жизнь! Ведь делать что-то важное и полезное — очень просто! Для детей, которые находятся там по несколько месяцев, а то и году, волонтеры, «люди из внешнего мира», иногда могут быть нужны, как глоток свежего воздуха.

Думаю, ребята помогают нам гораздо больше, чем мы им. Они — наглядный пример того, как нужно справляться с трудностями и всем нам следовало бы поучиться у них этому.

КУНГ-ФУ ПАНДА ПОБЫВАЛА В ФНКЦ

*Александра Соломатина,
координатор волонтерской группы в ФНКЦ ДГОИ
им. Дм. Рогачева*

Бо, нунчаку, кама, тонфа, сай, кува — звучит, как считалочка? А вот и нет, это название совсем недетского оружия, которое используется в восточном боевом искусстве кобудо. Кобудо учит защите от вооруженного противника. Техника доступна мужчинам и женщинам любого возраста и уровня подготовки. Детей такие занятия учат ловкости, концентрации внимания и управлению своим телом и эмоциями.

Узнали мы все это от Кунг-фу панды из одноименного мультфильма. Панда пришла к детям в ФНКЦ в одно из воскресных посещений и провела настоящий мастер-класс по восточному единоборству. В роли популярного персонажа выступал опытный тренер международного класса и наш волонтер Илья Комаров.

Подробностями поделился Александр Валентьев, который помогал Илье: «Это был мой второй день волонтерства в ФНКЦ в компании «даниловцев». И он получился запоминающимся благодаря мастер-классу Кунг-фу панды, который организовал наш коллега Илья.

Сама постановка, музыка, занятия с нунчаками вызвали восторг как у детей, так и у взрослых — родителей и волонтеров. Простые приемы, показанные ребятам, вызвали живой интерес.

Когда я тренировался с нунчаками с одним из ребят по имени Омар, отрабатывая приемы защиты и нападения, ко мне обратился маленький Арсений с капельницей на теле: «Можете поиграть и со мной?» Как можно было отказать? В такие моменты понимаешь, что волонтерство действительно нужно. Особенно тем, кому в жизни выпали такие тяжелые испытания, как этим детям.

В оставшееся после мастер-класса время практически все дети рисовали панд или лепили их из пластилина. По-моему, это здорово, когда видишь такой живой отклик у детей. Ради этого стоит стараться».

КУНГ-ФУ ПАНДА И ВОЗДУШНЫЕ ПТИЧКИ В ФНКЦ

Ольга Романова,

волонтер группы в ФНКЦ ДГОИ им. Дм. Рогачева

Сначала волонтеры поздравили с днем рождения Ангелину, нашу подопечную девочку, которая уже давно лежит в больнице. Потом в роли и костюме Кунг-фу панды выступил наш волонтер Илья. Он рассказал некоторые факты из истории кунг-фу, показал боевые оружия и перешел к практике. Илья продемонстрировал приемы обращения с нунчаками. Весь мастер-класс сопровождался музыкой, что подогревало боевой настрой и детишек, и волонтеров. После активной тренировки наша Панда предложила всем сфотографироваться с боевыми орудиями.

Традиционно после активных занятий настало время творчества. Мы сделали несложную, но веселую поделку — птичку. Нужно было надуть воздушный шарик. Это сделали волонтеры. Дети вырезали детали: клювик, крылышки в виде сердечек, глазки, и наклеили с помощью скотча на основу. Приделали волосы, кто-то сделал шляпку, кто-то привязал бантик. А еще дети приделали птице лапки. У кого-то они были проволочные, кто-то смастерил картонные. Образы получились очень разнообразными: и яркие и нежные, и смешные и серьезные.

В завершение занятия мальчишки побежали играть в догонялки, а девочки стали учиться плести друг другу косы и обмениваться советами по уходу за волосами. Приятно, что в этом приняли участие и мама, и волонтеры, и маленькая пациентка Надира, которая показала плетение косы «колосок».

Это посещение было особенным. Мы готовились снимать ролик о пятилетней истории пребывания волонтеров в ФНКЦ. Очень здорово, что на встречу пришло много волонтеров. С некоторыми из них в течение четырех-пяти лет мы приходим к ребятам и стали друзьями.

Несмотря на то, что мы такие разные, у нас есть много общего. Нас объединяет желание помочь, сделать жизнь детей немного радостнее, немного разбавить их будни. Это

единение мыслей действительно чувствуется в группе ФНКЦ. Еще очень здорово, что сохраняется командный дух и дружеская атмосфера в группе, желание пообщаться друг с другом еще и после посещения ребяташек.

БЫТЬ ДЕДОМ МОРОЗОМ

Вячеслав Федоров,

волонтер группы в ФНКЦ ДГОИ им. Дм. Рогачева

Воскресенье. Последнее воскресенье уходящего года. Примерно пять-шесть часов вечера, мы пьем чай с конфетами. Уставшие, но довольные и переполненные неповторимыми ощущениями! Мы — это наш координатор Саша Соломатина и ее единомышленники, люди различных профессий, интересов, судеб, но встретившиеся в одном месте. Лично для меня — люди наиинтереснейшие.

Несколько минут назад я был в наряде Деда Мороза. У меня дикий стресс и в то же время я полон восторга!

Сегодня у меня был первый опыт публичного выступления, и какой! Я был самим Дедом Морозом! всю жизнь я избегал всяких спектаклей, представлений, публичных выступлений, прямо скажу — это не мое. А тут вдруг — главная роль... Прежде я все делал для себя, но не в этот раз, сейчас — это было для детей.

Как это произошло? Для меня самого это загадка. Я лишь постараюсь поделиться с вами опытом и новыми ощущениями.

В 2016 году я остро ощутил, что надо делать что-то полезное для людей. Возникла такая внутренняя необходимость. Я не знал, с чего начать, мысли были самые разные. Признаться, прежде сама идея волонтерства меня смущала. Казалось, этим занимаются какие-то полусумасшедшие люди... Но все же я решил попробовать.

После первого посещения было не по себе, голова кружилась, словно от избытка кислорода, но я знал, что все сделал правильно. Последующие посещения стали для меня если не праздником, то уж точно целым событием. Приближался канун Нового года, намечалось представление. Я предложил свои услуги, и меня назначили Дедом Морозом! Отказаться

для меня означало бы подвести детей, испортить им праздничное настроение.

ШКОЛА ЛЮБВИ

Женя Якубова,

волонтер группы в ФНКЦ ДГОИ им. Дм. Рогачева

Для меня дети неразрывно связаны с радостью. С той настоящей, сердечной радостью, возникающей внутри тебя после общения с маленьким светлым человеком, который еще не научился притворяться. Дети всегда искренни в проявлении чувств. В отличие от нас, взрослых, они пока могут себе позволить говорить то, что на самом деле думают и делают то, что им действительно хочется и интересно. Ребенку не нужен особый повод для улыбки. Он знает: секрет счастья состоит в умении радоваться каждому дню и ценить то, что у тебя есть. Глядя на искреннюю улыбку ребенка, начинаешь, наконец, вспоминать, что настоящее счастье — в мелочах!

Дети в ФНКЦ им. Дмитрия Рогачева — это, в первую очередь, дети, и уже потом маленькие пациенты! Они ничем не отличаются от других детей. Любят веселиться и дурачиться, играть, делать что-то своими руками и говорить обо всем на свете. И к ним не нужен какой-то особый подход. Сюда не приходят, чтобы страдать и жалеть себя, а именно это и делает человек, которому кажется, что, проливая слезы над чужим горем, он проявляет чудеса милосердия. Сюда идут, чтобы радовать и радоваться, играть и дружить, общаться, заниматься совместным творчеством и делать еще много чего веселого и интересного! Дина Корзун дает отличный совет для волонтеров: «Нужно поделиться радостью жизни, любовью, заразить их здоровым духом!»

Волонтерство — это не способ почувствовать себя хо-рошим человеком. Это не какая-то бесконечная улица с односторонним движением, где вы только жертвуете, даете и делитесь... Как хорошо сказал один из волонтеров детского хосписа «Дом с маяком»: волонтерство — это школа любви.

ОТДЫХ ПО-ВОЛОНТЕРСКИ

Александра Соломатина,

координатор волонтерской группы в ФНКЦ ДГОИ

им. Дм. Рогачева

В нашем благотворительном движении волонтер никогда не бывает один, он — часть команды; мы вместе посещаем подопечных, сообща решаем психологические вопросы, которые возникают в волонтерской службе. Разделяем позитивные эмоции, делимся чувствами и поддерживаем друг друга. Мы находим новых друзей, соратников по духу, влюбляемся и даже создаем семьи.

Помимо этого, в каждой волонтерской группе есть свои традиции. Например, наша группа волонтеров очень любит пикники. Уже не первое лето, пока у нас волонтерский отпуск, мы отправляемся в наше излюбленное место в лесопарковой зоне, берем с собой настольные игры, ракетки для бадминтона, гитару, вкусную еду.

И этот раз — не исключение. Хоть собраться всем было непросто, но мы все-таки сделали это!

Было очень приятно, что в этот раз большинство волонтеров были со своими семьями, это дорогого стоит, когда мы становимся настолько близки. В меню у нас были угощения от Павла Альшевского: овощные шашлычки, запеченная рыба, а еще был раскрыт семейный секрет, как есть запеченную картошечку. Да-да, это настоящая кулинарная магия. В воздухе разносился аппетитный аромат, мы сидели за столом, беседуя обо всем на свете.

Анастасия Лямина порадовала новыми фееричными настольными играми: «Хугермугер», «Экивоки» и «Ритм и вызов». Уже наступил вечер, а мы все никак не хотели расходиться. Заканчивали пикник за горячим чаем, вкусным пирогом и сладостями. Спасибо вам, друзья, за то, что мы есть в жизни друг друга и в жизни наших детей — подопечных. Скоро мы встретимся вновь, с нетерпением жду нового волонтерского сезона.

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ В ФНКЦ

*Павел Альшевский,
создатель и первый координатор группы в ФНКЦ ДГОИ
им. Дм. Рогачева,
исполнительный директор добровольческого движения
«Даниловцы»*

В игровой пансионата больницы есть балкончик с большим окном. На самом деле, это компьютерная комната, где дети играют в разные игры, чаще всего в так называемые «стрелялки». Ну и, естественно, когда группа волонтеров занимается внизу с детьми, это немного отвлекает от творчества.

Один раз мы рисовали с детьми на тему «Сотворение мира» и попросили закрыть компьютерную для проветривания на два часа нашего присутствия. Один мальчик спустился к нам в игровую. В руке он крутил компьютерную мышку. Она так смешно болталась у него вокруг пальца. Он был немного удручен тем, что ему теперь нечем себя занять, и стал ходить между пуфиков и столов, за которыми дети увлеченно рисовали выбранных птичек, рыбок, зверей. Я заметил это, подошел к нему познакомиться и предложил присоединиться к нашему занятию. Мальчик представился Ярославом и как-то холодно отреагировал на предложение, все ходил грустный по игровой. Но интерес в его глазах был, он внимательно разглядывал планшеты с изображениями разных дней сотворения мира, которые мы привезли, поглядывал на то, что делают дети, и все время крутил свою мышку.

И вот через какое-то время он подошел и сказал, что будет рисовать кабана. Я этому очень обрадовался, выдал мальчику бумагу, кисти и краски. У него очень неплохо получалось. Когда он закончил, то подошел ко мне и спросил: «Дядя Паша, можно я в следующий раз приду?» Получив положительный ответ, он повеселел и куда-то убежал, а его мышку мы потом нашли, когда убирались в игровой.

Сегодня мы делали валентинки. Ярослав пришел, поздоровался, но сел не за стол со всеми, а в сторонке на дива-

не. Я увидел у него планшетный компьютер и понял, что он опять увлекся какой-то игрушкой, и, видимо, к нам не присоединится. Все же я решил пригласить его за стол, где кипела работа. Но мальчик так увлекся, что отвечал односложно и даже не поднимал голову. Вскоре к нему подсел Илюшка и тоже заморожено глядел в планшет. Я стал их обоих уговаривать сделать валентинку, принес образцы разных открыток с сердечками, но все было безрезультатно. Через какое-то время пришла волонтер Надя. Так как все дети уже были заняты, я выдал ей спецзадание — спасти Ярослава и Илью от компьютера. Прошло десять минут, и что я вижу: Надя сидит с мальчиками, внимательно смотрит в монитор, о чем-то выспрашивает и одобрительно кивает. Я подумал, что нужно теперь и ее выручать. Но кто-то из детей попросил у меня пластилин, и я переключился.

А еще мне нужно было выполнить обещание, данное Сережке, и покатать его на большой подушке по игровой. Тут я совсем закрутился и забыл о своих компьютерных друзьях. И вдруг я увидел чудо! Надя сидит за столом с Илюшей, а Ярослав, закинув свой планшет в палату, бежит к ним и усаживается рядом! Ребята стали делать открытки: наклеивали на картон сердечки из бархата, что-то рисовали. У Ильи на валентинке оказались все декоративные элементы из наших запасов, даже перья и морские водоросли.

Когда в игровую зашла мама Ярослава, она изумилась: «Что происходит? Это мой Ярослав? Он умеет рисовать? Покажите мне того, кто смог оторвать его от компьютера!» Все засмеялись, а я подумал о том, какая же Надя умница!

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В НИИ НЕЙРОХИРУРГИИ ИМ. БУРДЕНКО

Краткая история волонтерской группы.

Волонтерская группа в НИИ имени Бурденко была основана в мае 2008 года и была одной из первых в движении.

Наши подопечные — это дети с заболеваниями головного мозга, требующими срочного хирургического вмешательства — опухолями (добро- и злокачественными), ДЦП, инсультами и т. п. Дети нуждаются, в первую очередь, во внимании, им нужен контакт с обычными людьми из обычного мира, это отвлекает их от болезни и дает силы выздоравливать.

Наша цель — поддержать ребенка своим теплом и вниманием, чтобы ребенку было с нами хорошо и интересно. Занимаемся мы тем, что ребенку интересно и можно делать: лепим, рисуем, складываем оригами, играем в настольные и словесные игры. Иногда проводим мастер-классы.

О ВОЛОНТЕРЕ-ЭСТЕТЕ, ЗАГРАНИЦЕ И НАСТОЯЩИХ ЦЕННОСТЯХ

Кирилл Кочкин,

координатор волонтерской группы в НИИ нейрохирургии им. Бурденко. Начинал в 2009 году волонтером в детском наркодиспансере. Три года координировал работу волонтерских групп добровольческого движения «Даниловцы», модерировал встречи координаторов по вопросам миссии, стратегии движения

— **Чем ты вообще занимаешься в жизни?**

— По профессии я — маркетолог. А образования у меня три: экономическое, в области маркетинга и менеджмента. Последние шесть лет я занимаюсь еще и тем, что пишу стихи. Люблю наших поэтов: Лермонтова, Блока и Бродского. Из зарубежных — авантюриста Средневековья, сэра Уолтера Рэли. Я больше классические стихи пишу. Но у меня есть и экспериментальные вещи. Отправил несколько стихотворений в один журнал. Наш координатор Костя Ренжин уговорил. Может, получится издать.

— **Как относишься к клише, что в волонтеры идут не от хорошей жизни?**

— Могу рассказать, кого я встретил шесть лет назад, когда пришел волонтерить в наркодиспансер. Если бы я не встретил этих ребят, я бы, наверное, в волонтерах не остался. Мне было 34 года, и это клише где-то на подкорке присутствовало. Все, кого я встретил, были людьми воцерковленными. При этом — умными раскрепощенными ребятами. Они на равных общались с подростками, которые попали в трудную жизненную ситуацию. У нас есть добровольцы разных профессий, в том числе девушка-диджей. Сейчас она в Швейцарии играет прогрессивную музыку.

Я стал волонтером лет шесть назад. Искал работу, появилось непонятно откуда взявшееся желание пойти в добровольцы. Искал по сайтам, но ничего не ложилось на сердце. Я ходил в Церковь Рождества святого Иоанна Предтечи на Пресне. В вестибюле на меня глянуло объявление. Так

и оказался в «Даниловцах». Три года волонтерил в наркодиспансере, немножко координаторствовал.

— **Насколько там тяжело? Это детский наркодиспансер?**

— Там дети от десяти лет и подростки. У них самые разные зависимости — от легких до очень тяжелых, предсмертных состояний. Сигареты, наркотики, алкоголь, игромания, проблемы с родителями...

После наркодиспансера два года занимался сразу всеми направлениями. За исключением детдомов. С апреля этого года я здесь, в Бурденко.

— **Каково тебе приходится, когда ни у кого из волонтеров твоей группы не получается прийти?**

— В понедельник я был один. Никто не смог. У людей бывают разные обстоятельства: учеба, работа, ремонт. А когда в семье рождается ребенок, это, как правило, является препятствующим обстоятельством. Мы ходим сюда регулярно. У нас два отделения подопечных. Чтобы попасть в каждое из них, нужно минимум два человека. Если их нет, случается технический дефолт. Координатор идет по своему выбору туда, где нужда или где больше ждут. Меня тогда ждали в первом отделении. Во втором тоже ждали, но, к сожалению, не мог раздвоиться.

— **Ты чувствуешь, что волонтерство — это суперважное дело или иногда кажется, что это не так?**

— Я бы покривил душой, если бы сказал, что подобных негативных мыслей не возникает. Тут спасает вера и память о благодарных нам людях. Если тебя благодарят, то это нужное дело. Конечно, это не важнее пребывания в больнице или лечения от зависимости, но это равнозначно важно. Человек — это не только тело, у него есть душа, разум, эмоции, и с ними нужно что-то делать. Бывает, уходишь уставший, даже опустошенный, но на следующее утро будет ощущение подъема. Никуда оно не денется. И через какое-то время не заметишь результаты, сказывающиеся позитивно на тебе самом, невозможно. Мы не спрашиваем, с какими диагнозами дети лежат в Бурденко. Но это великие оптимисты. То, с какой энергией они встречают волонтеров, как они шутят накануне операций, как мужественно переживают их — это достойно восхищения. А когда во время встречи ребенок за-

бывает, что у него не работает рука и начинает ею рисовать — какие могут быть комментарии? Конечно, такие чудеса вдохновляют.

Я, помимо всего прочего, встретил в «Даниловцах» свою любовь — девушку, которая стала моей женой. Она работала волонтером в наркодиспансере. Моя жена — филолог. Можно сказать, что она волонтерствует, потому что работает в храме за маленькие деньги преподавателем. Я с недавних пор преподаю английский язык. Кстати, за последние несколько лет в «Даниловцах» создалось несколько семей.

— **Ты расцениваешь волонтерство как полноценное христианское дело?**

— Конечно, оно в русле того, что заповедал Христос: ходите к нуждающимся, больным. Вера без дел мертва. Дела-то могут быть разные. Волонтерство — это одна из современных форм христианского делания.

— **Какими бы тебе хотелось видеть волонтеров? За какие проступки волонтеров просили больше не приходиться?**

— На моей памяти был один случай. У нас в больнице пространство свободное: ты можешь творить все, что хочешь. Но необходимо осознавать и границы. Ты должен и руки мыть, и правила соблюдать. Все они проговариваются в самом начале. И если человек, что называется, адекватен, он сам все понимает. Но когда человек нарушает границы личного пространства детей, их родителей и других волонтеров, когда от него исходит негатив, агрессия — это совсем не то, что нужно. В таких случаях проводится воспитательная беседа. Описываются границы. Хочешь вписываться — welcome. А не хочешь — извини. А еще, если начал ходить — ходи, потому что ребенок ждет, спрашивает о тебе.

— **Что еще, помимо волонтерства, увлекает?**

— Когда был одинок и не женат, смотрел много артхауса. Нравились Ким Ки Дук и Бергман. Читал философскую литературу. А сейчас, когда есть ребенок, очень много времени уходит на воспитание. Не до артхауса как-то. Восполняю время от времени пробелы в школьной программе: читаю Куприна и параллельно — Фромма «Искусство любить». Блаженный Августин прекрасные вещи писал. Так вот живу: поэзия, ребенок, волонтерство. Если говорить о деньгах, то пять лет до этого я жил на деньги, которые заработал в Швейцарии.

ЗА ЧАС ОБЩЕНИЯ МАЛЬЧИК ВОЗРОДИЛСЯ, КАК ФЕНИКС, У МЕНЯ НА ГЛАЗАХ

*Алексей Бородкин,
экс-координатор волонтерской группы в НИИ нейрохирур-
гии им. Бурденко*

Я окончил мединститут по специальности «врач-кибернетик». С одной стороны, это было полноценное медицинское обучение: от анатомии с физиологией до патологической анатомии и педиатрии, с другой — включало множество точных дисциплин: математику, физику, химию, кибернетику, системный анализ. Но когда я стал волонтером, больничная тема открылась для меня совершенно с другой стороны. Прежде всего, потому, что я был здесь не в роли медперсонала, а как третья сторона, совершенно неформатная для больницы.

Я шел как на войну, но...

Перед первым посещением я представлял: приду я сейчас в больницу, да не просто в отделение, а в отделение нейрохирургии. Ожидал увидеть перегоревшие лампы, слабое освещение, родителей, сидящих в коридоре с почерневшими от горя лицами, рыдающих и страдающих детей, медперсонал, всегда недовольный и эмоциональный, нервную уборщицу... И посреди всего этого я. В общем, шел туда, как на войну! В реальности все оказалось совсем иначе: помещение чистое, светлое, просторное, все спокойны, доброжелательные родители, медперсонал НИИ им. Бурденко — это вообще отдельная тема, прекраснейшие люди!

Твои невзгоды — ничто по сравнению с тем, что говорит эта девочка

Но больше всего меня поразили дети. Оказалось, они так отличаются от взрослых с онкологическими заболеваниями... Взрослые часто замкнуты, ведут замкнутый образ жизни, у них много тревог (бросит жена, уволят с работы и прочее). Когда приходит человек, готовый поделиться позитивом, такие взрослые выплескивают на него все,

— **Прямо как князь Мышкин. Получается, если можно пять лет прожить, значит, платили, мягко говоря, неплохо?**

— Весьма, весьма... Здесь, в России, последний год совсем кризисный. Но есть клиенты, которым я помогаю. Это консультации по маркетингу, позиционирование, реклама. «Даниловцам» помогал.

Я родился в Москве, вырос в Люберцах. В храм впервые попал в 18 лет, когда хоронили дедушку. Потом были два года, проведенные с протестантами в штате Теннесси. Учился в небольшом протестантском университете в зоне Библейского пояса. Там такой традиционный Юг: реднеки (фермеры, жители сельской глубинки США), коровники. Очень люблю Америку. Хорошая страна.

Два года жил в обществе сектантов. Слава Богу, меня не перекрестили. Я русский, а русских даже в бессознательном состоянии переделать невозможно. Когда был в первом браке, ходил в Церковь, потому что жена ходила. Потом отъезд от работы, приезд сюда. Началось постепенное вживание в «Даниловцев». Мы — молодежное движение не по биологическому возрасту, а скорее по внутреннему ощущению.

— Хочешь опять эмигрировать?

— Я люблю Москву и Россию. Тянет путешествовать, но жить в Америке не хочу. Там невозможно соприкоснуться с кем-то душой, поговорить по-человечески. Там разбиваешься о широкую белозубую улыбку. Да, там добродушные люди, но существует два метра расстояния, и оно непреодолимо. В Швейцарии белозубый барьер поменьше. Но это метр и не ближе. В России это «привет, брат» практически с любым. В Америке и Европе живешь в духовном и душевном вакууме. В Америке всегда присутствовало ощущение легкой пустоты, иногда вечерами некуда было себя деть. В Швейцарии я был уже достаточно взрослым, занимал себя поездками, путешествиями, компьютерными играми. Все зависит от искусства жить.

— Волонтерство является частью искусства жить?

— Мы живем ради чего-то большего, чем сам человек. Ты сам — конечен. Жить только ради себя — рано или поздно разорвет на части. Настанет пора отдавать. И отдавать хотелось бы до конца жизни.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

что их переполняет, — а переполняет их негатив. Но для детей волонтер — это не громоотвод, собирающий горе, а отдушина в больнице, посланник из внешнего мира, тот, кто дает жить нормальной детской жизнью на несколько часов. Волонтер — это человек не из родных или медперсонала. Он — третье лицо, друг. Уже в первый свой визит я почувствовал всю значимость такой роли.

Вспоминаю случай. Девочка из Краснодара. Девять лет, через полгода должно исполниться десять. С шести лет в больницах. Онкологическое заболевание. На одной из встреч мы сидели и во что-то играли. Во время игры девочка сказала мне, что ее заветное желание — прожить эти полгода и встретить свой десятилетний юбилей. В такие моменты понимаешь, что все твои невзгоды и проблемы ничего не стоят по сравнению с тем, чем живет эта девочка.

Открытием для меня стало и то, что при общении с детьми ты не только отдаешь свои эмоции и энергию, но и многое от них получаешь. Бывало, идешь после работы крайне уставший, измотанный, думаешь: «И что же я в таком состоянии могу дать детям?» Занимаешься с ними, играешь, разговариваешь, а уходишь оттуда с ощущением появившихся крыльев!

Как общаться с больным ребенком

Я думаю, что умение общаться с детьми играет большую роль. Это, конечно, не значит, что не надо идти в волонтеры, если такие навыки отсутствуют. Также очень востребована способность управлять группой детей. За время своей практики я заметил, что волонтеры из многодетных семей легко, играючи справляются с организацией детского коллектива. Им требуется в разы меньше времени для того, чтобы организовать всех и дружно заняться общим делом.

Один из важнейших секретов — общаться с ребенком, как со взрослым. Парадоксально, как быстро он начинает отвечать тебе тем же. Но хочу заметить, что наладить контакт с ребенком — совсем не то же самое, что со взрослым! Например, кандидаты в волонтеры, которые на собеседовании были закрыты в общении со мной, с детьми показали себя совершенно по-другому. Им не стоило никакого труда быстро и качественно организовать индивидуальное общение с ребенком — у всех свои особенности общения.

Когда я впервые лепил зайца из пластилина вместе с детьми, заяц оказался ужасен. Он был просто отвратителен. Дети смеялись, да и я тоже. Зато они надолго запомнили, кто из волонтеров его сотворил. Еще и другим показывали и меня, и зайца! Все просто: дети не оценивают эстетичность твоих поделок. Им важны те старания, которые ты вложил, поэтому рукодельные навыки — это замечательно, но их отсутствие никак не мешает успешному общению.

Тагир

Каждый более-менее опытный волонтер уверен, что его деятельность действительно важна для детей, но подобрать правильные слова и, главное, примеры — непросто. К счастью, жизнь иногда подкидывает настолько яркие примеры, что и искать ничего не приходится.

Некоторое время назад в НИИ Бурденко готовился к операции мальчик Тагир — крепко сбитый азиатский парень лет двенадцати, кажется, из Бурятии. Это был настоящий талант: он занимался единоборствами, увлекался математикой, любил работать на компьютере, прекрасно пел и играл на гитаре, отлично рисовал. По характеру он был рубаха-парень! Тагир хохотал так, что стены тряслись, общаться с ним было одним удовольствием.

И вот настал день операции. Операции детей для нас, волонтеров — это очень серьезные события. Никогда не знаешь, в каком состоянии ты увидишь ребенка — или ничего не изменится (даже при самых успешных операциях на головном мозге улучшение начинается далеко не сразу), или ему будет хуже, или, не дай бог, ребенок умрет.

У Тагира операция прошла успешно, и его перевели в послеоперационное отделение. Там мы с ним и увиделись: когда мы пришли в больницу, мама Тагира рассказала, что он находится в тяжелом и подавленном состоянии, и попросила зайти к нему в палату.

Я взял пластилин, краски, альбомы и прочую всячину и заглянул к нему. Картина была не самая радужная: обычно живой, яркий и неутомимый парень лежал на животе и почти не реагировал на меня, на мои слова и действия. Я присел рядом и начал ему что-то рассказывать; в таких ситуациях обычно включается знакомый многим волонтерам «режим

радио», когда ты без умолку рассказываешь что-то ребенку, понимая, что ему это надо, но не получая почти никакой ответной реакции.

Я говорил о том, что ему обычно было интересно — о бо-евиках, компьютерных играх, о чем-то еще, и тут началось самое интересное. Сперва Тагир на меня просто поглядывал, потом начал что-то односложно отвечать, через несколько минут его ответы стали более пространными, скоро на его лице появилась улыбка, и вот он уже рассказывает что-то свое... Закончилось все тем, что его было не остановить: Тагир смеялся, пел песни, пытался встать с кровати... За час нашего общения Тагир возродился, как феникс, и наполнялся жизнью буквально у меня на глазах.

Мы тепло попрощались, и уже на выходе ко мне обратилась его мама, которая рассказала, что за время нашего общения Тагир не попросил обезболивающих, — а ведь до нашего прихода его мучили боли и лекарство приходилось колоть очень часто!

Я уверен, что если волонтеры могут вот так помогать одним своим присутствием, творчеством и играми, — в этом есть глубочайший смысл, и все это делается не зря.

Мне повезло, я не был свидетелем откровенно печальных историй. Но до меня доходили рассказы других волонтеров, — они занимались с детьми продолжительное время, и наступил момент, когда ребенка не стало...

Кстати, в этом некоторое преимущество волонтерства: ты не в теме диагнозов и прогнозов. Мы просто здесь и сейчас, независимо от того, увидим ребенка завтра или нет. Мы также не даем обещания вернуться в определенный день. У нас есть два часа, которые мы тратим только на общение с детьми.

Жертвы волонтерства

Вопрос о том, следует ли заводить дружбу с подопечными — сложный и всегда индивидуальный. Волонтерам лучше устанавливать их с ведома координатора группы. Потому что бывает так, что и ребенок, и родитель обращаются к волонтеру крайне часто, порой даже используя его в своих целях.

Неправильно смешивать время, отведенное на волонтерство, со своей личной жизнью, работой, прочими делами.

Соблюдение дистанции — это очень важный момент, иначе можно «сгореть». Особенность психологического выгорания в том, что большинство из нас не могут распознать его в момент накопления. Лишь когда оно достигает крайней степени, мы понимаем, что это оно.

Каждое посещение детей в больнице наша группа начинала и заканчивала молитвой. В эти моменты я просил присутствовать волонтеров и других вероисповеданий, если они не против, воспринимать молитву как своего рода настройку на командный дух. Молитва дает возможность настроить всех на нужный тон, напомнить, зачем же мы все собрались здесь. Однажды мальчик простоял все время молитвы, наблюдая за нами. После чего задал вопрос: «А что это вы тут делаете?» Он был крайне удивлен происходящим: кто-то помимо них, мусульман, тоже всерьез относится к религии! Тут же пошел делиться увиденным со своими родителями.

Однажды мы хотели поздравить всех родителей с Пасхой. Не зная вероисповедания каждого родителя, нужно было тактично узнать, не обидим ли мы людей, преподнести подарок. Семья мусульман, в том числе, брали подарки с большим удовольствием, расценивая это как знак внимания, тепла и заботы. Будучи координаторами «Даниловцев», мы не скрывали, но и не выпячивали свою религиозную принадлежность. При этом с удовольствием рассказываем историю появления «Даниловцев», почему мы так называемся.

Я шел не спасать мир

Считаю, что к волонтерству люди приходят не потому, что вокруг них так складываются обстоятельства, а потому, что они дошли до такого этапа в своей жизни. Помогать детям не на материальной основе, а потому, что тебе так хочется. Желание идет изнутри.

Даже в самые сложные моменты, которые, определенно, были, понимание того, «зачем» и «почему» помогли двигаться дальше. Я шел не абстрактно «спасать мир», а хотел поделиться тем, чего у меня было в избытке. Эта мотивация оказалась самой важной.

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ ВОЛОНТЕРА

*Андрей Мещеринов,
создатель и первый координатор волонтерской группы
в детском отделении НИИ нейрохирургии им. Бурденко,
координатор по сопровождению волонтеров добровольче-
ского движения «Даниловцы»*

Эпизод первый: Коля

У Коли сегодняшняя встреча с волонтерами была уже третья, но со мной — первая. В этот вечер мы с мальчиком провели все два с половиной часа посещения.

Тихий, внимательный, общительный, с трудом говорящий — из-за трахеостомы, ослабленный операцией, умеющий шутить, радоваться, смеяться. В прошлый раз он лепил зверей и еду для них. С этого же мы начали и сегодня. Особенно Коля любит зайчиков. Мы слепили зайца, белку, лису и, кажется, медведя. Но так как вокруг нас другие дети делали дома из картона, то и нам захотелось дом. Дом получился хороший, только окна и дверь Коля отказался делать и сказал, что звери будут жить внутри, и им будет хорошо, а ходить к ним или им выходить на улицу — нет необходимости. Когда мы делали крышу, я все же уговорил сделать тайную дверцу на чердаке, чтобы звери хотя бы могли войти в свой дом. Мальчик согласился, и мы сделали дверцу и большую пластилинную лестницу. Конструирование лестницы принесло нам большую радость, но все же ее наличие и возможность проникнуть в дом с улицы Колю смущало.

Спустя час после начала общения Коля сказал, что хочет рисовать. У нас появился дом, солнце, трава и два зайчика — уже на рисунке. Вскоре мальчик взял черную краску, много воды и начал медленно закрашивать и размывать рисунок. Сначала я просто наблюдал, а потом спросил, в чем дело. В ответ я услышал: «Все начинает портиться!» Я ничего не стал уточнять, и на глазах рисунок превращался в грязное пятно. Зайчики тоже стали закрашиваться. Я спросил: «Кажется, зайчики тоже начинают портиться?» Коля протяжно и напряженно ответил: «О да!..» Этот ответ из уст малыша меня напугал, и я молча смотрел, как рисунок скрылся под слоем грязи.

Я спросил, хочет ли Коля продолжать, и после утвердительного ответа мы взяли следующий лист. На нем появился дом, уже один зайчик и атмосфера мрака предыдущего рисунка. Мальчик взял красный цвет и быстрыми размашистыми движениями начал закрашивать лист. «Что это?» — спросил я. «Это красный воздух, ядовитый, — ответил Коля. — Зайчику плохо и трудно дышать». Я спросил: «Ему страшно?» А Коля ответил: «Конечно, страшно! Ведь ему же плохо». Мотив удушьящего красного воздуха, страха и того, что зайчику плохо, держался долго. Я так вошел в процесс, что не смел говорить. Рядом сидящая девушка-волонтер помогла, спросив: «Может быть, зайчику нужна помощь?» И Коля ответил: «Да!» И мы, а точнее, мальчик, нарисовал человека, протягивающего зайчику руку.

Лист был закрашен, и мы взяли новый. Коля сам схематично нанес на него атмосферу предыдущего рисунка — размытый серый фон, указывая на единство сюжета и развивая начатое ранее. Пока мы готовили новый лист, Коля рассказал мне, что зайчика отвезли в больницу и что он будет лечиться неделю, что ему во сне снится красный ядовитый воздух, что ему страшно и он не может спать. Я с надеждой спросил: «Но ведь это кончится, пройдет?» Коля уверенно ответил: «Да». Я спросил: «И когда же?» — «Через неделю, — ответил мальчик. — Но пока зайчик тяжело болен и лежит в больнице».

Тут Коля взял желтую краску и начал ею закрашивать лист. «Что это?» — спросил я. «Это Дух Святой», — ответил Коля. Желтый свет медленно окутывал мрачный рисунок, и скоро весь лист стал светлый. Слева мальчик стал рисовать фигурку. «А это что?» — спросил я. «Это Лечебная Жертва», — ответил он. Было видно, что Коля очень устал, и ему тяжело рисовать дальше. Наши переживания были сильны, я испытывал шок. После долгой паузы я переспросил: «Что это?» Он подтвердил: «Лечебная Жертва». И это была некоторая точка в нашем процессе.

Мы сидели и смотрели на рисунок. Я спросил Колю, хочет ли он еще что-то нарисовать. Он согласился. Я спросил, какого цвета мы возьмем лист (со слабыми детьми мы используем бумагу для пастели разных цветов, чтобы не надо было рисовать фон. На этой же бумаге мы работаем акварелью, — Коля именно акварелью рисовал). Коля сказал —

голубой. Я испугался, вдруг сейчас наш зайчик уйдет на небо. Мне хотелось, чтобы он остался с нами.

Коля взял пастельный мелок (я не обратил внимания, но на самом деле произошла смена материала, означающая новый этап в рисовании). Мальчик нарисовал большой прямоугольник, в нем какие-то предметы. «Что это?» — спросил я. «Холодильник!» — весело ответил Коля. Пришло время кормить зайчика вкусностями. Да и нам пора было ужинать. И мы в радости и благодарности расстались. Коля в свое время выписался. Крепкого здоровья и ему, и зайчику.

Эпизод второй: Сергей

С Сергеем мы познакомились в палате интенсивной терапии накануне операции. Ожидания от операции у Сергея и у его мамы были тяжелые. Он оперировался не в первый раз. Болезнь разрушала память и способность мыслить. Взрослый кавказский подросток, почти зрелый муж.

Разговор не шел. Мама рассказала историю болезни, задавала вопросы Сергею, он поддакивал. На диалог он шел тяжело. Да и я не очень понимал, о чем говорить. Мама же подхватывала любые вопросы и отвечала сама. Сергей грустнел на глазах. Диалога не получалось, явно было одно — уходить нельзя. Когда возникла пауза, я понял: просто буду сидеть тут, и будь что будет. Мама уговаривала сына поесть. Это был последний час, когда можно было есть накануне операции. Мама решила угостить и меня. Она достала большой апельсин, предложив нам съесть его вдвоем. На половину апельсина Сергей согласился.

И вот мы сидим напротив друг друга с половинами апельсина. И тут мне пришла мысль в голову. Я сказал: «Ну, Сергей, твое здоровье!» — и, чокнувшись с ним дольками, как бокалами с вином, отправил свою дольку в рот. Глаза Сергея загорелись, мы начали разговаривать, вспоминать, шутить, мечтать. Следующим тостом мы решили «выпить» за маму, но поскольку в послеоперационной палате рядом находились и другие мамы с детьми, то мы решили «выпить» стоя «за присутствующих здесь дам». В процессе разговора рождались все новые и новые тосты. И так, в пять-шесть тостов мы «распили» апельсин под задушевную беседу. Сергей успокоился, настроение у него улучшилось. После операции он стал приходить в игровую, рисовать, общаться. С памятью

у него стало совсем плохо, но он уже хотел и не стеснялся быть среди людей. Когда он уже лежал в следующей больнице, на химиотерапии, он с радостью принимал волонтеров и активно участвовал в творческом процессе.

Эпизод третий: Алеша

Алеша появился у нас под Новый год. Маленький, с тяжелой опухолью головного мозга. Долгое лечение так повлияло на него, что он ушел в себя, перестал говорить и общаться не только со внешним миром, но и с мамой. Мама была уверена, что это последствия операции и это пройдет, но дни шли и шли, а Алеша так и не говорил, да и вообще от общения отказывался. Правда, свой подарок на Новый год он нам показал: шикарного розового зайца с кнопкой. При нажатии на кнопку заяц пел песни и размахивал ушами. Своими ногами Алеша тоже ходить не хотел. Сидел у мамы на руках, молчал, боялся и плакал.

Через несколько дней мама совсем пала духом. До выхода врачей на работу после праздников была еще неделя, а прежде разговорчивый и веселый ребенок молчал. В игровой с другими детьми на Рождество Алеша быть не захотел. А вот через день — не воспротивился, и мама с сыном на руках села за стол с детьми и волонтерами. Долгое время любые попытки что-то сделать вместе были тщетны. Я пытался наладить контакт, задавать вопросы, откликаться, выражать свои чувства, смешить, сочувствовать. Все тщетно. Тогда я взял в руки игрушку, давнего нашего волонтера — Ежа. Надо сказать, что до этого я никогда не общался с помощью Ежа, но тут, казалось, только он мог помочь.

Алеша и Еж немного порисовали. Еж и копировал, и отбегал карандашной линией от рисунка Алеши, и нападал, и дразнил, и гладил, и приглашал к себе. Все это было цветными линиями на бумаге. И Алеша даже улыбнулся два раза. Но все попытки его разговорить были напрасны. Одно радовало: мальчик контактирует, общается, улыбается. Я перенял все, что приходило в голову, и мы с Ежом вынуждены были констатировать: человек ушел в себя и не собирается возвращаться.

Я посоветовал маме обратиться к психологам в первый же рабочий день после новогодних каникул.

А Еж решил, что будет сидеть у руки Алеши и рисовать, и смотреть, и гладить, и шутить, и тихо смотреть в ту же сторону, и шебуршать, и сидеть, прижавшись к руке Алеши. До начала уборки, которой мы заканчивали каждое посещение, оставалось пять минут, я понимал, что Ежу пора прощаться, и думал, как это сделать. И начал привычную речь: «Спасибо тебе за этот вечер, мне было очень хорошо с тобой, теперь мне надо собираться домой», — тут Алеша поворачивает голову ко мне и говорит: «А у моего зайчика шарики в попе». Я сказал, что с зайчиком такое бывает. Мама — в шоке, я — в шоке: Алеша снова говорит.

Мы вернулись через несколько дней. Алеша хотел играть со мной. Удивительно, что не с Ежом, а именно со мной. Мы играли, говорили, шутили. И еще несколько раз встречались, и Алеша оживал на глазах.

Потом мы попросились, их перевели на химиотерапию. Мама звонила, рассказывала. Это был третий случай, когда я дал свой телефон. Столь глубока была связь. Прошло время, и мама на связь не вышла. Положение Алеши было крайне тяжелым. Молимся по-прежнему о нем «о здравии». У Бога все живы, хотя молчание мамы не обнадеживает...

КАК МЕДВЕДИ ЖАРИЛИ ШАШЛЫК У ИЗБУШКИ НА КУРЬИХ НОЖКАХ

*Кирилл Кочкин,
координатор волонтерской группы в НИИ нейрохирургии
им. Бурденко*

Первый день в качестве координатора Бурденко. Вроде бы ничего необычного не должно случиться. И иду не один. Екатерина, Ксения и Ирина со мной. И незамысловатую стартовую схему помню наизусть по нескольким посещениям: сбор в 17:30, гардероб, подъем на пятый этаж, молитва, санация рук, проход в отделения... А, тем не менее, волнуясь! Будут ли сегодня дети? Как они себя чувствуют? Найдем ли общий язык? И хватит ли пластилина? Ведь в прошлый раз мы уничтожили восемь коробок!

Делимся по отделениям. Сегодня мы с Ириной — во втором. Пока Ирина декорирует столы коробками с пластилином и красками, иду по палатам. Это самый сложный момент. Робость и волнение достигают предела. Но вот Тимур с папой идут по коридору. Улыбаюсь, приглашаю поиграть, полепить с нами. Папа улыбается в ответ. Сейчас подойдут. Слегка успокаиваюсь. Иду дальше. Стучусь. Малыш после операции. Желаю скорейшего выздоровления, иду дальше. Улыбки. «Сейчас подойдем». Улыбки. «Сейчас подойдем». «Лежим, после операции». В основном малыши, дошколята, младшие школьники. Но вот девушка-подросток. Читает что-то в смартфоне. Не в настроении. Извиняюсь, иду дальше.

Когда возвращаюсь в игровую зону, у Ирины уже вовсю кипит работа. Соня, Амира и Лиза взялись за краски. Сегодня хоть и тридцатое марта, но выглядит оно очень по-зимнему. Поэтому всем хочется хоть немного лета. У девочек растут цветы, зеленеют деревья, светит солнце и в небе после дождя расправляет свои крылья радуга.

Ко мне же подсаживается Тимур, и мы начинаем лепить огромный замок с черной башней, на которой живет дракон (прилетевший с прошлого, впрочем, занятия), загорающим человечком, маленькой собачкой и огромной гусеницей. С другой стороны Ваня вслух читает мне комиксы. А во главе стола маленькая неразговорчивая стесняшка на колясочке хочет рисовать цветы. И я начинаю «валиться». Одним ухом слушаю о черепашках-ниндзя. Другим принимаю заказы на кирпичи со стройки. Параллельно бегу налить воду в непроливайку. Когда понимаю, что все, не справляюсь, появляется Тамара и берет часть нагрузки на себя. Я выдыхаю.

Чтобы размяться, иду в первое отделение. Здесь все спокойно. Вика, Ксюша и Матвей вместе с Екатериной и Ксенией лепят морское царство. Самые экзотические рыбки, осьминоги и водоросли покрывают стол. А вот Андрей. «Здравствуй, а наша приморская дача с двумя кораблями, верфью и охранником все еще у тебя в палате?» — «Да». — «А что же ты сегодня мастерить? О-го-го! Что это? Да это медведи жарят шашлык! Вот так так! А это?» — «А это избушка на курьих ножках». — «А в избушке кто живет?» — «Собачка!»

Поправляйся, Андрюша, поскорее, и увози с собой отсюда только светлые и радостные минуты.

Возвращаюсь в «свое» отделение. Мы достраиваем с Тимуром наш большой замок. Подходит время ужина. Родители потихоньку разбирают детей. Кто-то устал, кому-то нужно принять лекарство. Раздвигаем столы, собираем инвентарь, оттираем пластилин. Запираю шкафчик. Прощаемся с детьми, родителями, персоналом. Молимся. Вниз, в гардероб и на улицу. Идем до метро. До свидания, девушки. Спасибо, что пришли сюда в этот хмурый день и принесли детям немного солнца, моря и своих улыбок.

ЧЕМ БОЛЬШЕ ОТДАЕШЬ ТЕПЛА, ТЕМ БОЛЬШЕ ПОЛУЧАЕШЬ

*Нунэ Даниелян,
волонтер добровольческого движения «Даниловцы» в НИИ
им. Бурденко*

Когда что-то делаешь впервые, всегда волнуешься: и на учебу прийти, и на работу, и даже к людям незнакомым. А когда знаешь, что идешь к больным детям, которые ждут от тебя позитива и радости, волнуешься очень сильно.

Но дети, как обычно, оказались мудрее взрослых. Открытые, дружелюбные, веселые, они наполнены добротой и благодарностью, они не сетуют на судьбу, рады, потому что живы, могут улыбаться, им уделяют время и дарят эмоции. Как мне сказала одна девочка, «главное в человеке — сердце, а потом — улыбка». Я лично знаю мало взрослых, которые так бы ответили, причем абсолютно искренне.

Та внутренняя сила, которая есть в каждом таком ребенке, вдохновляет и дает надежду, что у нашего мира светлое будущее, ведь эти дети любят жизнь, несмотря ни на что. И как мелочно выглядят люди, у которых, по большому счету, все хорошо, но они все время ноют: то на работе не так, то в семье не так... Если кратко, я была очень впечатлена. Общение с детьми полностью противоречит закону сохранения энергии: ведь в этом общении чем больше ты отдаешь, тем больше получаешь.

ОГУРЕЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ГРУППА ПОДДЕРЖКИ

*Алексей Бородкин,
экс-координатор волонтерской группы в НИИ нейрохирургии
им. Бурденко*

У нас сезон начинался интенсивно — большинство волонтеров не сразу вернулись с летних каникул, а новички еще не успели втянуться, так что первые дни каждому пришедшему волонтеру пришлось хорошенько потрудиться. Но, слава богу, к середине месяца нас уже стабильно ходило пять-шесть человек. У нас появилось много новых замечательных волонтеров, такого активного притока лично я не припомню.

Детей было много — минимум по четыре-пять человек на отделение. Мы много лепили, рисовали, играли, особенно много лепили птиц из Angry Birds, хотя досталось от нас и другим персонажам: например, мы рисовали портрет муравья, лепили гнездо для зайцев и делали много чего еще. В один день было так, что вместе собрались четыре ребенка примерно одного возраста (шесть-восемь лет), и началась такая канитель, что мы к концу дня еле держались на ногах, хотя сейчас, конечно, это вспоминается с большой теплотой.

Интересно, что в сентябре было много детей из кавказских регионов, и порой приходилось преодолевать языковой барьер, но это неизменно удавалось — язык тепла и творчества един для всех. Много общались с родителями: им зачастую помощь требуется не меньше, чем детям.

Конец месяца был для нас необычным: одно отделение закрыли на карантин, и мы всей волонтерской толпой ходили в одно отделение. Так мы побили рекорд по количеству волонтеров в одной комнате — нас было восемь (!) человек. Детей хватало не на всех, но все были крайне довольны и много общались.

Словом, все было хорошо, хотя порой и бурно. И слава Богу!

МОРЕ В КОНСТРУКТОРЕ

*Жанна Суркова,
волонтер группы в НИИ нейрохирургии им. Бурденко*

Мы с Ксюшей, пластилиновые, лежали с закрытыми глазами на берегу моря. Над нами кричали чайки, в лицо дул влажный ветер, солнце грело нам веки. Только море не шумело, — увы, шелест бумаги не похож на прибой. А мне так хотелось, чтобы Ксюша услышала море. Но все стаканчики для акварели были уже заняты, совсем нечего было приложить к уху. Все, что нашлось — крупная полая деталь от конструктора:

— Вот, послушай, как море шумит в этой белой ракушке! Слышишь?

Ксюша снова прикрыла глаза и стала вслушиваться.

— Слышу!

И вдруг стало так ясно, что для Ксюши вот такое море может оказаться единственным. И оттого этот картон в пластилиновых пятнах, этот конструктор показались такими прекрасными и значительными, — почти как море, песок и небо над ними.

ПОДАРИ ПРАЗДНИК

*Лидия Алексеевская,
создатель и первый координатор волонтерской группы движения «Даниловцы» в Российской детской клинической больнице, директор Школы социального волонтерства*

Еще за неделю... за две... за месяц вокруг праздника началась беготня и волнение: координаторы разрывались между заведующим отделением, воспитательницей, приглашенными артистами и согласовывали, согласовывали, согласовывали... Добрые люди, которые в предновогодней суете вдруг остановились и поняли, что им очень хочется позволить себе сделать дорогой подарок: не родным, не сослуживцам, а совершенно незнакомому им ребенку, который встретит этот год в больнице. Эти добрые люди стали закупать

и привозить подарки коробками, пачками, штучками в фонд «Подари жизнь».

А волонтеры-«даниловцы» начали подпольную деятельность в институтах и на работах, чтобы как-то так изловчиться, извернуться, извиниться, перенести и освободить этот день от всегда неотложных дел.

Но вот этот заветный день все ближе. Первые реальные очертания его стали проступать за два дня до начала, когда группа координаторов встретила с группой, отвечающей за подарки! Координаторы были достойно вооружены списками детей, уточненных и проверенных, с указанием пола, возраста, особенностей (не подаришь же мальчику, который временно лишился зрения, настольную игру) и выведенных по секрету желаний самих детей и поэтому надеялись на полную победу над подарками.

Бой был суровый. Представьте себе: сложить сорок подарков для совершенно разных детей! Координаторы быстро впали в детство и начали отбирать то, во что бы им самим так хотелось бы поиграть в двенадцать, в пять лет... в год и три месяца... Время от времени вспыхивали споры: я вот, например, до сих пор глубоко убеждена, что все мальчишки от трех до тридцати лет с радостью получают в подарок машину, или, в крайнем случае, машинку! А наши мальчишки гордо уверяли, что парень в четырнадцать лет и смотреть на машинку не станет! Ага, а видели бы вы при этом, как они сами поглядывали на эти радиоуправляемые машинки, — их счастье, что они были в упаковке (машинки, разумеется!).

И вот заветный день настал. Сколько накануне было волнений у нас, координаторов-«даниловцев»! А вдруг заказанная в монастыре машина для привоза подарков со склада до больницы окажется маленькой газелькой, и надо будет впахивать в нее коробки, раза в три превышающие ее объем... А вдруг, как год назад, мы попадем в предновогоднюю пробку на три часа, и подарки не успеют к елке? А вдруг те волонтеры, которые вызвались приехать к часу надувать сто шариков, не смогут? А вдруг артисты-аниматоры будут небрежны к детям и задавят их своим весельем? А вдруг в последний момент в больницу положат трех новеньких взрослых детей, и подарков не хватит?! А вдруг... В общем, горький опыт нашептывал разные варианты. Поэтому утром

мы могли сказать только одно: «Господи, помилуй! Подари нам праздник...»

И монастырская машина приехала точно в назначенный утренний час — минута в минуту! И водитель Игорь оказался неопенимым помощником, так что погрузка заняла не час, как по расписанию, и не полчаса, как я надеялась, а пятнадцать минут! И машина была не газелька, а грузовичок, так что все в нее хоть и с трудом, хоть в некоторых местах и до потолка, но уместилось! И «Яндекс» не подвел, проложил хороший маршрут, всего с двумя ошибками! И пробок было всего ничего, так что рассказы Игоря о том, как он стоял однажды в пробке под городом... угадайте сколько? Пять... Пятеро суток! Рассказы эти только скрашивали путь, так что в больницу подарки были доставлены за два часа до расчетного времени.

А уж как встречали в больнице! Как координатор Андрей перекрывал движение на улице, чтобы машина могла въехать в больничные ворота! Как нас заботливо отправили в приемный покой, выделили место для подарков — там, где выезжают скорые по вызову, открыли сразу конференц-зал, где должна проходить елка, и подарили... каталку! Вы когда-нибудь имели дело с больничной каталкой, заваленной горой пакетов с подарками? Носились с ней по коридору, покрикивая «и-их!» и лихо вписываясь в повороты? Нет? Вы много потеряли. А как нам улыбались все встречные — от санитарок до хирургов... До сих пор тепло вспоминать.

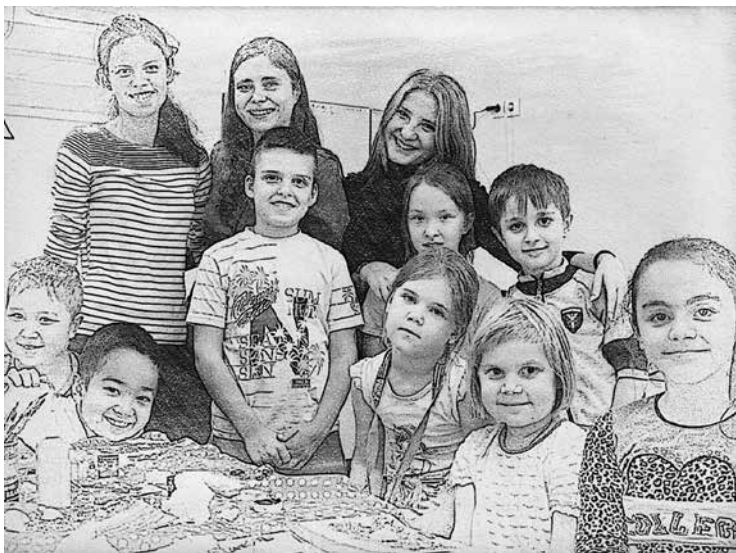
И вот уже приехали долгожданные Дед Мороз, снегурочки (даже две!) и гномы из студии «Арт-лига» и занялись настройкой аппаратуры и разогревом к танцам. А в двух детских отделениях тишина, за которой скрывается беспокойство и ожидание. Кто-то на коляске уже выезжает в коридор и поглядывает — зовут ли их или они здесь пока лишние... Кто-то понимает, что останется в послеоперационной палате, и боится, что праздник пройдет мимо... Кто-то повторяет стих, а кто-то набирается сил, потому как добраться до первого этажа и попасть на настоящую елку — это еще выдержать надо, такое с ними впервые в этих стенах!

Наконец дети, под предводительством тети Наташи, загружаются в большой лифт и оказываются на первом этаже, где их встречают сначала волонтеры, и все вместе они захо-

дят... в сказку! На пороге красивого зала всем надевают удивительные цветочные венки, меховые боа, разноцветные парики. Как идет папе годовалой Лилечки этот розовый бант! А Таня в парике — глаз не отвести...

И представление начинается! Сначала, пока зрители и артисты привыкают друг к другу и ловят общую волну, идут танцы гномов и шуточные репризы, самая трогательная из которых — оживший рисунок четырехлетней девочки, а потом можно уже позвать и снегурочку, и вторую, а потом и сам Дед Мороз выходит на зов! Удивительно, но все, от мала до велика, так и рвутся разгадывать загадки, угадывать мелодии и даже читать стихи. Нет, читать-то как раз многие стесняются. Ведущий не настаивает, оставляет Настеньке возможность стесняться на весь зал без смущения (Настенька, надо сказать, вообще очень любит стесняться и говорить «нет», и получает от этого много удовольствия!). Очень внимательно ведущий старается уследить за каждой поднятой рукой, знакомится с каждым ребенком по имени, запоминает их. И дети чувствуют, что это — их праздник, их елка! Ну а в конце каждому достается огромный мешок с подарками! И дети, и родители поднимаются к себе в палаты — прийти в себя, рассматривать подарки, отдыхать и радоваться.

А как же те, кто остался в послеоперационной? Неужели им так и лежать, представляя, как другие веселятся? Конечно, нет. Дед Мороз, снегурочки, гномы, волонтеры сами придут к тем, кто не может прийти к ним. Как приходит Новый Год — ко всем, всем, всем без исключения. Как любит и бережет Господь каждого из нас, большого и маленького, больного и здорового, веселого и грустного, доброго и вредного...

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ОТДЕЛЕНИИ НЕФРОЛОГИИ И ГИНЕКОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ ДЕТСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЫ (РДКБ)

Краткая история волонтерской группы.

Дата основания группы — 7 апреля 2009 года.

В марте 2009 года от Елены Рукосуевой поступило предложение о создании волонтерской группы в отделениях нефрологии и гинекологии РДКБ. 7 апреля — организационная встреча Лиды Алексеевской, взявшей на себя обязанности координатора группы, и группы поддержки. 11 апреля — первая встреча и занятие с детьми в отделениях нефрологии и гинекологии РДКБ.

В отделении нефрологии РДКБ лежат ребята с хроническими почечными заболеваниями, а в гинекологическом — девочки, страдающие гинекологическими заболеваниями, часто требующими хирургического вмешательства.

Сюда приходят активные молодые люди, чтобы общаться, заниматься с детьми, делая их пребывание в больнице не таким безрадостным.

Посещения волонтеров вдохновляют и родителей, которые очень часто тоже нуждаются в общении и словах поддержки и утешения.

Наши посещения наполнены творчеством: дети вместе с волонтерами занимаются лепкой, рисованием, вышиванием, плетением из бисера, стекляруса и других подобных материалов, конструированием деревянных, картонных и бумажных моделей различных зданий и сооружений, творческими наборами (гравюры, вышивка, аппликации, витражи и многое другое), созданием поделок под руководством волонтеров, которые проводят мастер-классы.

Мастер-класс может провести любой волонтер, у которого есть творческая идея и желание ее воплощения вместе с детьми, независимо от уровня сложности и мастерства самого волонтера, — даже самые простые идеи могут оказаться очень востребованными.

В процессе творчества происходит общение с ребятами как напрямую, так и посредством наших игрушек, надеваемых на руку. Часто в разговоры втягиваются и родители. Кроме того, иногда мы играем в подвижные и настольные игры, а также поздравляем с праздниками и пополняем хорошей литературой книжную полочку в отделении нефрологии.

ВОЛОНТЕРСТВО – УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ОТВЕТ НА ВОПРОС «ЧТО Я МОГУ СДЕЛАТЬ?»

Алена Характерова,

создатель и первый координатор волонтерской группы в отделении микрохирургии РДКБ, экс-координатор волонтерской группы в отделениях нефрологии и гинекологии РДКБ, куратор волонтерской деятельности в добровольческом движении «Даниловцы»

— **Почему ты пришла в добровольческую организацию?**

— В 2009 году я была на лекции в православном лектории в Политехническом музее. Там приглашали на день открытых дверей в молодежное добровольческое движение «Даниловцы». Я и раньше слышала, что есть ребята, которые ездят к детям в больницы и приюты, и думала, как это здорово, но знакомых волонтеров не было. А тут подумалось: «Может, пойти?»

Следующим шагом было собеседование — уже прицельное, чтобы выбрать группу. Так сложилось, что я пришла, когда собеседование проводили люди, определившие впоследствии многое в моей волонтерской жизни — Лидия Алексеевская и Андрей Мещеринов. Они произвели на меня большое впечатление. Я записалась сразу в две группы: в НИИ нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко, которую координировал Андрей, и группу в Российской детской клинической больнице, которую координировала Лида. Для меня все тогда было чудесным открытием — дети, совместное дело с другими волонтерами, личности руководителей. Сейчас Лида и Андрей — наши координаторы по сопровождению волонтеров и ведущие тренингов.

— **Какие проблемы в обществе не давали и не дают тебе покоя?**

— Если говорить о текущем моменте, меня беспокоит обилие виртуальной коммуникации, снижение живого общения. В любой компании при разговоре кто-то будет параллельно зависать в телефоне. Мне кажется, социальные сети

становятся ярмаркой тщеславия, зависти и подглядывания за чужой жизнью. Такая замочная скважина, через которую ты видишь то, что тебе хотят показать. Это может повредить человеку, особенно юному, ведь приучаешься мыслить определенным образом, в определенных категориях. Компьютерные игры столько жизни съедают — как у детей, так и у взрослых. А сколько сейчас торговых центров в Москве — настоящий культ потребления! Кроме того, цинизм, потребительский взгляд на людей, на отношения. Горько, что сейчас такое обыденное отношение к разводу, изменам.

— **Ты горячий и идейный волонтер. Кто и что тебя вдохновляет?**

— Горячим волонтером я была в первые годы волонтерской деятельности. С прошлого года я больше не посещаю детей регулярно, занимаюсь курированием волонтерских групп. Сейчас во мне больше понимания, системного, рационального взгляда. А сначала я была просто поглощена волонтерской деятельностью. Меня восхитили люди, с которыми я познакомилась, поразило, что можно столько всего реально полезного и веселого вместе делать. Я участвовала в наших благотворительных ярмарках, в благотворительных ужинах для пожилых одиноких людей, — это было такой сплошной радостью для меня в то время!

— **Почему ты считаешь, что именно волонтерством можно изменить мир?**

— Мне кажется, волонтерство — это универсальный ответ на вопрос: «А что я могу сделать?» Не люблю, когда беспрестанно ворчат, ругают страну и общество. Какой смысл в постоянном брюзжании? Можно ведь самим взять что-то под свою ответственность и сделать кусочек мира лучше. Для меня «Даниловцы» стали школой понимания, узнавания людей и жизни. Здесь я познакомилась с потрясающими людьми, встретила своего мужа... Эти годы сформировали меня как личность.

— **Что поняла за это время? Какие выводы сделала?**

— Люди часто не хотят (и мне это понятно) знать о чужих бедах и страданиях. Из-за возведенного в душе барьера многие живут стереотипами о приютах, психиатрических больницах, психоневрологических интернатах (ПНИ). Боятся людей, которые там находятся, или брезгуют ими. А жизнь — она везде.

С другой стороны, не нужно розовых очков. Не нужно идти к «страдальцам», чтобы «спасать». Надо понимать, что не все люди готовы к добровольчеству. У человека могут быть собственные психологические проблемы, и тогда самое важное — помочь себе. Иначе волонтерство пойдет только во вред — и другим, и тебе.

— **Почему ты выбрала именно больничное волонтерство?**

— Помню, когда только пришла на день открытых дверей, хотела ездить в приюты к сиротам. Но когда я попала на собеседование к больничным координаторам, решила пойти к ним в группы — в Бурденко и РДКБ. Больничное добровольчество стало частью моей жизни на много лет. Оказалось, дети в больнице хотят обычных детских и человеческих радостей — общения, творчества, веселых занятий, внимания со стороны других людей, возможности поговорить и сделать вместе что-нибудь прикольное, почувствовать себя нужными и интересными.

Я не могу сказать, что где-то волонтеры более нужны, а где-то менее, — всем людям необходима поддержка и человеческое тепло. Важно найти то учреждение, добровольчество в котором будет подходящим именно для тебя. Но в большинстве случаев это можно понять только опытным путем.

— **Какие были наиболее запоминающиеся ситуации с детьми?**

— Ярких моментов было очень много... Помню, много лет назад в НИИ Бурденко я зашла в палату, в которой лежал подросток после тяжелой операции. Он был мулатом (его папа — африканец), но это был настоящий русский пацан, просто с необычной внешностью. У кровати сидела его русская бабушка. Сначала разговор как-то не очень заладил, парень смотрел на меня с недоверием, но потом, постепенно, мы разговорились. Парнишка взахлеб рассказывал о хоккее, которым он занимался до болезни, о том, что он обязательно вернется в спорт после выписки. А сидевшая рядом, очень переживавшая бабушка ему говорила, что это вряд ли уже возможно. Но парень резко отвечал: нет, он обязательно снова будет заниматься хоккеем!

Помню замечательного мальчика Ромку в Бурденко. Мы с ним познакомились в одно из волонтерских посещений перед его операцией — вместе рисовали, лепили. А когда я пришла

в следующее посещение, после операции, Ромка ослеп. И зрение не восстановилось. Но мы продолжали лепить и общаться, он держался молодцом. И у него были совершенно потрясающие родители, очень любящие, заботливые. Ромка не отчаялся, — нет, он настоящий боец. Мы потом еще несколько лет перезванивались, он рассказывал о своей жизни, братишках, планах. Уверена, у Ромки и его семьи все будет хорошо. Я часто его вспоминаю.

В РДКБ в отделении нефрологии был Димка, который лежал в больнице целый год. Он даже взял над нашей волонтерской группой шефство: помогал раскладывать пластилин и краски для занятия, адаптировать новых детей... Такой маленький хозяин большого отделения.

— **Каких направлений в волонтерстве не хватает в России? Какие хорошо было бы внедрить?**

— Здорово, что сейчас в Москве есть разные благотворительные организации — и помощь детям, и старикам, и бездомным, и экологическое волонтерство. Это важно: у человека должен быть выбор согласно его внутреннему устройству и потребностям. Главное — грамотно и системно организовать волонтерский процесс. Моя мечта — чтобы не только в Москве, но и по всей России были разные волонтерские организации: чем больше, тем лучше.

— **Почему ты выбрала именно движение «Даниловцы»?**

— Это площадка встречи в истинном смысле «золотой молодежи» — добрых, великодушных, щедрых людей, которые реально совершают добрые дела. Я не знаю другого места, где можно встретить замечательных людей в такой концентрации. Один из ключевых моментов для меня то, что мы, хоть и являемся НКО и светской организацией, по духу чувствуем себя движением, реализующим христианские ценности, христианское понимание любви к ближнему.

— **Из чего выросло лично твое волонтерство?**

— Без православия для меня жизни нет. Сколько себя помню, всегда ощущала себя верующим человеком, христианкой.

— **Какого самого удивительного человека ты встретила за время работы в «Даниловцах»?**

— Я могу назвать десятки имен совершенно удивительных людей. Расскажу о последней встрече — знакомстве с координатором нашей новой группы в психоневрологическом

интернате Мариной Рис. Человеком, поразившим меня невероятной душевной щедростью и силой духа. У Марины многолетний опыт волонтерства в психиатрических больницах и психоневрологических интернатах. Несколько месяцев назад она пришла к «Даниловцам» и сказала, что хотела бы открыть у нас совместно со своим благотворительным фондом «Просто люди» группу в психоневрологическом интернате № 30.

В январе группа открылась. Марина с волонтерами проводит творческие и развивающие занятия с жителями ПНИ, устраивает прогулки на колясках для людей, которые не в состоянии самостоятельно выбраться на улицу. Я была с Мариной несколько раз на посещениях и меня потрясло, с какой бережностью, чуткостью, уважением она относится к людям. И они отзываются на ее отношение: сколько улыбок зажигается в отделении, когда она появляется!

Психиатрических болезней, во-первых, очень боятся, во-вторых, заболевших ими людей порой и людьми перестают считать. Часто от них отказываются родственники, в обществе о них говорить особо не принято, ими брезгуют. Если к детям люди еще идут и там с удивлением открывают для себя, какие потрясающие дети с психическими особенностями, то тема ПНИ, куда эти же дети попадают после совершеннолетия, долгое время была закрытой. Существовали лишь презрительные понятия «дурдом» и «психи». А сейчас благодаря таким подвижникам, как Марина Рис, двери этих учреждений потихоньку открываются.

— **Что тебя огорчало за время волонтерской деятельности? Что мешает людям в добровольчестве?**

— Мешает то же, что и в обычной жизни — заикленность на себе, желание самоутвердиться за счет другого человека, гордыня, равнодушие.

Отдельная тема — отношение администрации учреждений к волонтерам. Например, в больницах волонтеры для медсестер — обычно дополнительная нагрузка, ведь они вклиниваются в строгий больничный режим. Но среди врачей и сестер есть люди поддерживающие, ободряющие, которые понимают ценность волонтерского присутствия, вклад волонтеров в выздоровление, психологическое состояние ребенка. А есть те, кому важно одно: чтобы все было «по полочкам» и никаких «лишних проблем».

Благодаря волонтерству я по-новому осмыслила слова из Евангелия: «За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься». Раньше эти слова казались мне жестокими, а теперь во время волонтерских посещений я вижу, какая это ценность — каждое доброе слово, каждая улыбка. И какое разрушительное воздействие оказывает грубое, неосторожное слово от тех же людей.

Волонтерство может очень помочь, если, конечно, ты идешь помогать другому человеку, а не любоваться собой и плакать над «несчастными детками». Таким подходом можно только навредить. Никто не хочет, чтобы над ним лили слезы и втайне умилялись собственной чувствительности. Нужна любовь действенная. «Возлюби ближнего своего», — речь об этом.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

ИНОГДА ИЗ ЗОНЫ КОМФОРТА ПОЛЕЗНО ВЫХОДИТЬ

*Юлия Бутывченко,
экс-координатор волонтерской группы добровольческого движения «Даниловцы» в отделении нефрологии и гинекологии РДКБ*

Первый опыт волонтерства я получила в июле 2013 года: кормила бездомных вне какой-либо официальной организации. В «Даниловцах» как волонтер — с декабря 2013. Параллельно являюсь добровольцем в организации «Старшие братья, старшие сестры».

Родилась и получила образование в Воронежской области. Переехала в Москву. Работаю по специальности ведущим инженером, специалистом по шефмонтажным работам.

Пришла в добровольчество, потому что хотелось делиться возможностями, умениями, знаниями, материальными возможностями. Хотелось ближе познакомиться с другими социальными слоями населения, с людьми, с которыми не встречаешься в повседневной жизни. Хотелось узнать больше нового.

О раздаче еды бездомным узнала через знакомых и записалась в группу помощи. В «Даниловцы» попала, увидев рекламу у Данилова монастыря: записала адрес сайт — и пришла. Об организации «Старшие братья, старшие сестры» узнала от знакомой.

Первое посещение было наполнено страхом. По всем вопросам обращалась к координатору, искала статьи в интернете, смотрела видео. Активно посещала семинары. Как-то записалась на годовой курс по детской психологии и взаимодействию с детьми от фонда имени Смирнова. Получила столько знаний, очень много полезной и интересной информации. Этот новый информационный поток повлиял на мое мировоззрение: позволил другими глазами посмотреть на свое детство. Добавилось больше осознанности в жизни.

Увлечений много, и они все время меняются.

Всегда в почете книги и любые активные мероприятия: велосипед, коньки, ролики, йога, скалодром и многое другое. Сейчас начинаю активно осваивать трекинг, то есть пеший туризм. Летом планирую отправиться в отпуск на Байкал.

Кино смотрю очень редко, в основном документальное. Любимые фильмы: «Достучаться до небес», «Соль земли», «Список Шиндлера», «Сережа», «Паисий Святогорец». Очень люблю мультики. Скачала все книги Чехова, читаю. Ужасно нравится, но грусть берет, — такой вот он, Чехов. Обожаю книги Сент-Экзюпери: «Ночной полет», «Цитадель», «Планета людей» и другие. Нравятся очерки Паустовского. Читаю много.

Почему стоит волонтерить?

Человек развивается, когда узнает что-то новое, активно контактирует с пространством. Не в метро или во время скучной работы в душном офисе, а когда обменивается эмоциями, умениями, переживаниями, словами, наполненными настоящим смыслом. Тогда человек выходит из зоны комфорта и протягивает руку неизведанному окружающему миру. Даже не знаю, как это правильно сформулировать. Это очень субъективно и, возможно, не многие готовы разделить мое мнение. Но для меня все именно так.

Добровольчество — это огромная область для осознанного общения с миром. Я пришла к детям не на день и не на два, — и это круто изменило мою жизнь. Поэтому

всем рекомендую и советую. Но многое зависит от самого человека, его стремлений. Само ничего не делается. Просто открывается новая дверь, и каждый решает сам: заходить ли и надолго ли, а может, просто заглянуть и пойти дальше? Жертвовать или нет — это тоже очень тонкий момент. Если человек хочет пожертвовать, то лучше сделать это с помощью настоящих волонтерских организаций. Ни в коем случае не отдавать деньги профессиональным попрошайкам и звать в красивых футболках с жалостливыми лозунгами о волонтерстве и помощи детям-сиротам.

Дети в больнице очень скучают и всегда нас ждут.

Они так радостно щебечут, перебивают друг друга, импровизируют, поют песни, шутят, требуют внимания, знакомятся, когда волонтеры приходят в первый раз. Волонтеров двое-трое, а детей двенадцать-шестнадцать. Эмоции обеспечены!

Я волонтерила и в группе ремонтов. Там все иначе. Происходит общение непосредственно с волонтерами: во время работы и на разные темы. Работа спокойная, созидательная. Сплошное умиротворение и мир в душе. Работа физически нетяжелая. Ходишь по мере возможности, без перенапряжения, работаешь по времени столько, сколько тебе комфортно.

В детский дом ездю от организации «Старшие братья, старшие сестры».

Там совершенно другая концепция, другие цели программы. Сравнить с «Даниловцами» сложно. Организация подбирает пару «волонтер — ребенок» для дружбы и общения. Здесь основная цель — не мастер-классы и занятия для детей, а сами отношения, сфера привязанности, дружбы. Вас всегда двое. В общении постепенно проходишь все этапы личных взаимоотношений, и через конфликты в том числе. В апреле я отметила год дружбы с моим новым братиком Сережей. У нас все хорошо.

Каждый человек получает от окружающего мира отражение своей души.

В моменты, когда человека что-то не устраивает, ему стоит попробовать поменяться самому, и желательно в лучшую сторону. А мир, в свою очередь, станет ему аккомпанировать.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

ПРОЖОРЛИВЫЙ ПИНГВИН ИЛИ ЧУДО УЗНАВАНИЯ

*Марина Ермаченкова,
волонтер группы в РДКБ*

«Я тебя помню!» Маленькие пальчики теребят меня за кофту, голубоглазая кроха довольно и приветливо улыбается мне. На душе сразу становится тепло. Больничные стены уже не кажутся холодными и давящими, как минуту назад. Я расправляю плечи и опускаюсь на корточки. Чтобы во всех смыслах поговорить на равных.

«Я Аня. Мне пять лет. Помнишь? — продолжает кроха. — Ты еще помогла мне сделать пингвина. Он такой прожорливый оказался».

Дальше малышка взахлеб рассказывает о том, как кормит своего пластилинового друга. Я по-прежнему держу ее за руку, улыбаюсь и киваю головой, но мои мысли уже далеко...

Я Марина, мне 30 лет. Я не помню и не могу помнить Аню, которой пять. Просто потому, что вижу ее впервые. Собственно, как и эту больницу. Это мой первый день посещения. Теперь я волонтер. Все здесь ново и непонятно для меня. Запахи тревожат, гулкие больничные переходы наводят тоску, и предательская мысль навязчиво скребется в голове: мол, ну чем ты здесь сможешь, ну не смей... И, если совсем уж честно, хочется домой... Мне прямо с порога хочется домой...

Я знаю из рассказов нашего координатора Юлии, что дети здесь лечатся месяцами. Приезжают со всей России. Эти стены для многих — второй дом. Практически все возвращаются сюда снова. Врачи делают все возможное, но они не волшебники, и из года в год курс лечения повторяется.

Малыши возвращаются. Снова и снова. Болезнь делает их рассудительными не по годам. Это уже мое наблюдение. Они практически безропотно соблюдают режим. Знают, какая процедура нужна и для чего. Заслышав слово «обед», даже тот, кто едва научился ходить, сам марширует в столовую. Важно выстраиваются в очередь, порой не доставая до окошка раздачи...

И, наверное, это настоящее испытание: возвращаться обратно через холл, где телевизор и мультики. Но даже карапузы уже знают, что после еды следует сон, и потому расходятся по палатам. Конечно, им хочется играть назло и вопреки диагнозам. И каждый день — это не только борьба с болезнью, но и борьба со скукой, замкнутым пространством и ограниченным кругом общения. Даже меня, взрослого человека, эти слова заставляют съежиться и тяжело вздохнуть. Что чувствуют дети — не берусь представить... И потому на каждого нового человека в этих стенах детские глаза смотрят с любопытством и надеждой.

И вот однажды, после того самого дневного сна, я и встретила маленькую девочку Аню. Ей пять, и она уже целый час не спит. Без остановки что-то рассказывает.

«Ведь сегодня суббота, — говорит она. — Придут волонтеры (да, в свои пять она знает и это слово)».

«А ты волонтер, да?» — с надеждой заглядывает мне в глаза Аня.

«Я же тебя немножко узнала, да?» — уже сомневаясь, говорит Аня.

И на этих словах уже мои сомнения улетучиваются. Конечно, Анята! Теперь я точно знаю: я — волонтер. А запах и стены — это не страшно. Теперь больница будет тоже немножко и мой дом. Ведь у меня уже есть первый друг здесь.

«Я тоже тебя узнала, Анята, — говорю я девочке. — Ну, давай ладошку и побежали догонять мою волонтерскую группу. Видишь, они уже начали доставать коробки с пластилином. Покорим твоего прожорливого пингвина».

ПЛАСТИЛИНОВЫЙ СЛОНЕНОК, ИЛИ РАДОСТЬ БЫТЬ ВОЛОНТЕРОМ

*Александра Сошникова,
экс-координатор волонтерской группы в РДКБ*

Быть волонтером... Сложно ли? Просто ли? Когда я задумываюсь, в памяти всплывают лица ребят, которые появляются в моей жизни благодаря походам в РДКБ. Прносятся, как картинки, оставляя добрый след и свет в душе.

Вот Ваня — мой самый-самый первый подопечный. В первое мое посещение РДКБ мы вместе лепили из пластика слоненка. Кажется, это было так давно... 27 октября 2012 года. И вот спустя несколько лет мы снова встретились с Ваней. Он подросток, повзрослел. Больше подросток, чем маленький мальчик, с которым я познакомилась осенью 2012. Но сколько радости от встречи. И он тебя узнает, и ты его! И выясняется, что слоненок за эти годы никуда не делся, — он до сих пор живет у Вани дома. На полке. Не выброшен. Не забыт. Память о нашей встрече. Казалось бы, мелочь, но разве слоненок может быть мелочью?

А еще лицо столь дорогой сердцу девочки Юлечки. Она остро нуждается в общении и с такой любовью относится к волонтерам. Просто потому, что они внимательны. Просто потому, что приходят. Просто потому, что они рядом.

Из этой кажущейся простоты рождается столь нужные Юле забота и внимание. Рождается большая человеческая дружба. Общаешься с ней, а она вешает на тебя пустой ценник, который родители используют для обозначения своих продуктов в холодильнике, с надписью от руки \$1 000 000, говоря, что отпустит тебя только за столько!

Или говорит, что ударит тебя электрошокером (которого у нее, конечно, нет, но ведь надо выразить свою мысль так, чтобы ты понял — ты нужен!), чтобы ты остался с ней в больнице, а не ушел.

А еще дарит заботливо сделанные поделки или безделушки. Обнимает так крепко, будто ты — ее единственная в мире надежда...

А милая Алина...

Алина — давняя подруга нашей группы в отделении нефрологии РДКБ. Она всегда с огромным интересом участвует во всех занятиях, знакома со многими волонтерами и искренне их любит. Именно она этой весной несколько раз за пару месяцев до Пасхи писала в соцсетях, что в апреле приедет, и как же она ждет этой встречи, как сплела браслеты на память, как ей не терпится наконец-то увидеть волонтеров. Да, даже больницу можно полюбить, если там тебя ждут друзья.

Вообще, соцсети помогают найти волонтерам и подопечным, когда они по какой-либо причине теряются. Например, девочка Аня очень сдружилась с нашим волонтером

Настей, которой пришлось уйти из-за учебы по субботам, но потом они встретились во «Вконтакте». Счастливое продолжение знакомства.

Вообще Аня — разносторонне развитая девушка, сотворившая с нами много всякой всячины (Аня не боится даже сложных деревянных 3D-пазлов) и подарившая нам в знак благодарности за это поделку с надписью «Я люблю волонтеров».

Есть еще «вечный двигатель» Даша, которая ни секунды не может усидеть на месте. Ей нужно бегать, кричать, лепить, что-то делать, заявлять о своем присутствии, играть с нашими игрушечными Кузей, Фросей и Фантиком до изнеможения.

И Костя — серьезный и очень основательный мальчик! Он всю прошлую осень и зиму пробыл в больнице и успел с нами переделать все, что только можно. В марте он уехал и вот недавно вернулся. Он скучает по дому, когда в больнице, а потому часто бывает задумчивым, но тем дороже его улыбка, когда ее удастся поймать. У Кости очень добрая и отзывчивая мама, она готова помочь во всем и невероятно приветлива.

И много, и много еще кто. Всех не перечесать, обо всех не рассказать, память просто переполнена родными лицами. Кого-то видел всего раз, кого-то — несколько, а кого-то видишь часто. Кто-то весел и бодр, кто-то грустен и сосредоточен. Кто-то делает все сам, а кто-то и шага без тебя не ступит. Кто-то четко следует инструкциям в книжке, а кто-то плавает по волнам своей безграничной фантазии и шаблонов не признает.

Они такие разные, но всем им уже знакома «больничная романтика»: частые приезды, долгие обследования, болезненные процедуры, периоды томительного ожидания выписки и неопределенности... Но есть и мы — волонтеры!

Я очень рада, что стала частью «Даниловцев». Так здорово, что наши волонтеры приносят детям радость, разделяя ее и вдохновляясь ею! Радость наша такая же разная, как и сами ребята.

Как ее почувствовать?

Просто представить пластилинового слоненка, стоящего на полке у Вани уже столько лет!

UNO И МАФИЯ В РДКБ

*Александр Валентьев,
волонтер группы добровольческого движения «Даниловцы»
в РДКБ*

В прошлую субботу я в третий раз волонтерил в РДКБ. И если раньше в этом учреждении я вместе с другими волонтерами участвовал в творческих занятиях с детьми, то теперь настал черед настольных игр. Сказать по правде, я не силен в поделках. Но играть в настолки мне нравится, и я всегда включаюсь в них с большим азартом. Даже когда ты не знаешь правил, дети с радостью откликаются, чтобы стать твоими учителями.

Пока я обходил палаты, приглашая детей в помещение столовой на занятия с волонтерами, ребята, которые пришли раньше, уже начали раздавать карты для игры в Uno. Пришлось сразу включаться в игру без раскачки. Нашу мужскую компанию за столом из пяти парней украсила одна девушка — Катя. Потом уже к нам присоединились и другие ребята с девочками. Причем, поскольку до этого я не пересекался с Катей в РДКБ, то до последнего момента у меня было впечатление, что эта скромная, юная девушка — пациентка больницы, а не волонтер, как мы. В Uno за одним столом, не считая волонтеров, собрались ребята от 7 до 15 лет. В картах всегда так: кому-то везет больше, кому-то меньше. Но вне зависимости от того, какие карты кому выпадали, все ребята сохраняли радостное расположение духа и не расстраивались, даже когда что-то шло не по плану.

Так семилетний Влад набрал полную колоду карт. Однако когда очередь доходила до него, он с хитрой улыбкой и фразой «Отдыхай!» бросал карту, запрещающую ход следующего участника.

Одиннадцатилетний Максим несколько раз был в одном шаге от победы. Но когда у него оставалась на руках одна карта, забывал или не успевал крикнуть «Uno!» Так как сей факт не оставался незамеченным другими участниками, то по правилам игры Максим вынужден был брать две штрафные карты. Но это вызывало только улыбку на его лице.

Ребята постарше — пятнадцатилетний Максим и его сверстник Азиз поначалу держались особняком. Но затем откликнулись на мое приглашение и включились в игру.

Потом дело дошло до любимой ребятами «Мафии». Вы бы видели пронзительные взгляды детей, устремленные на каждого из игроков! Перед началом игры мальчик Артем кричал, что хочет быть «мафией». За это и поплатился: два кона подряд участники игры указывали на него, как на преступника, хотя Артему выпадали роли «мирного жителя» и «доктора». Не всем ребятам удавалось сохранить poker face. Так, Максим снова выдал себя своей простой и добродушной улыбкой.

Третий кон мы доиграть не успели, время посещения незаметно для нас подошло к концу. Однако все — и дети, и волонтеры — остались довольны совместным досугом. Ребята спрашивали нас — когда мы придем снова и жали руки на прощание. А мы отправились в кафе делиться впечатлениями от яркой встречи.

КТО ТАКИЕ ВОЛОНТЕРЫ И ЗАЧЕМ ОНИ ТРАТЯТ СВОЕ ВРЕМЯ?

*Наталья Романова,
волонтер группы добровольческого движения «Даниловцы»
в РДКБ*

Что такое волонтерство? Что за люди волонтеры? Волонтер, согласно Википедии — это человек, добровольно занимающийся за свой счет безвозмездной общественно полезной деятельностью. Но я считаю это определение невероятно скучным и однобоким!

В первый раз я задумалась над тем, чтобы стать волонтером, сразу после института. Только тогда мне почему-то казалось, что нужно бросить все и уехать в Африку (ведь там столько надо помочь!) или ездить по зонам стихийных бедствий. Я изучала сайты Красного Креста, искала волонтерские сообщества на другом континенте, а все мои друзья и знакомые крутили пальцем у виска. Не получив никакого одобрения и поддержки, я стала задумываться, почему люди

так реагируют на то, что человек хочет чем-то кому-то помочь. Конечно, с мыслями об Африке я со временем попрощалась, потому что поняла, что для такого волонтерства и правда нужно переkreить свою жизнь, а у меня семья, друзья, близкие, работа, хобби, увлечения.

А потом... потом в моей жизни случилась замечательная подруга Тата. Этот светлый человек за один год пережил две страшные беды, и там, где очень многие люди ломаются, эта хрупкая девочка смогла стать еще сильнее и светлее. Оказалось, что после всего пережитого она находит в себе силы помогать другим, причем делает это не напоказ, а от чистого сердца.

Как-то вечером, листая ленты соцсетей, я увидела ее пост о сборе средств для больных раком детей, не на операции, нет, таких постов очень-очень много (и это здорово, что так много людей не остаются в стороне). Запись была о том, что они, волонтеры, собирают деньги на покупку игрушек деткам, которым предстоят болезненные процедуры, чтобы хоть чем-то успокоить малышей. И вот тут в моей голове что-то щелкнуло.

Я стала изучать сайты фондов, волонтерских движений, но почему-то все, что мне попадалось, было связано либо с финансами, либо требовало очень много времени. А друзья и знакомые продолжали удивляться «Зачем тебе это нужно? У тебя насыщенная жизнь, интересная работа, увлечения, без волонтерства не на все хватает времени!» И вообще, по мнению большинства знакомых, волонтер — это человек, которому нечем заняться, скучно жить, возможно, у него нет семьи, он пережил трагедию и так далее. Признаться, у меня тоже начали появляться такие мысли! Но я их прогнала и пришла.

Оказалось, что всем волонтерам есть чем заняться, почти все учатся или работают, у многих есть и семья, и дети, и все хорошо! И большинство так же выкраивают время! И все же это не обычные люди! Только представьте себе, в свой выходной, в свободный вечер они не идут пить пиво с друзьями, не садятся смотреть телевизор дома, да и в театр они тоже не идут. Они готовы потратить СВОЕ время на помощь человеку, которому плохо. Координаторы и организаторы заслуживают отдельных слов, потому что если просто волонтер

может выстраивать свое расписание и давать себе выходные, координатор каждый раз должен быть со своей группой.

Так почему же у многих людей бытует такое своеобразное мнение о волонтерах? Не знаю... но очень надеюсь, что волонтерское движение будет развиваться и представление о волонтерах в сознании большинства изменится. Лично я точно осознала, что волонтер — это не «человек, добровольно занимающийся за свой счет безвозмездной общественной полезной деятельностью». Это человек неравнодушный и искренне готовый помогать людям.

БУДНИЧНЫЕ ЗАБОТЫ «ДАНИЛОВЦЕВ» В РДКБ

*Екатерина Дмитриева,
координатор группы добровольческого движения «Даниловцы» в РДКБ*

Я пришла в РДКБ с твердым намерением посвятить наше посещение настольным играм. Но в ходе объяснения правил игры выяснилось, что не все дети разделяют мое желание, а хотят порисовать в свое удовольствие или слепить что-нибудь удивительное!

Волонтеры, конечно же, откликнулись на пожелания подопечных, и в ход пошли карандаши и пластилин. Кто-то из ребят стал лепить животных, опираясь на инструкции в книжке, чтобы уж точно получилось красиво, а кто-то дал волю фантазии, и на свет появились торт в шоколадных очках и пальма, на которой растут сливы. Девочка Мака вспоминала свой дом в родном городе и нарисовала его карандашами. Она уже лежала два года назад в РДКБ, а сейчас приехала опять и вновь встретилась с волонтерами. Мы нашли на стенде ее работу позапрошлого года, и у нас появилась возможность увидеть, насколько выросла в творческом плане эта девочка.

Несмотря на то, что большинство не разделило идею играть в настольные игры, волонтер Настя все-таки не оставила попытки таким образом разнообразить нашу

деятельность. Немного подкорректировав правила, она замечательно поиграла с двумя детьми, и я, наблюдая со стороны, радовалась тому, насколько их компания была вовлечена в процесс. Так что, в конечном итоге, каждый нашел себе занятие по душе, и волонтеры с детьми в очередной раз смогли порадовать друг друга.

ЧТО ДЛЯ МЕНЯ «ДАНИЛОВЦЫ» И ГРУППА РДКБ?

*Анастасия Кармаева,
волонтер группы в РДКБ*

Знаете, когда я только пришла в «Даниловцы», мое желание приносить в жертву себя, свое время, интересы, служить людям было не настолько осознанным. Мне всего лишь хотелось найти православных друзей, общаться с искренними, добрыми, воцерковленными ребятами. В добровольческом движении не может годами находиться нехороший человек. Даже если каким-то образом сюда и попадает такой, то он через какое-то время сбегает или меняется в лучшую сторону, духовно растет, стремится к лучшему. В «Даниловцах» я и нашла таких: лучших. Их здесь несметное количество. Здесь я приобрела истинных друзей. Я благодарю Бога, что Он привел меня в эту добровольческую организацию.

Быть «даниловцем» очень интересно. Организаторы, координаторы всячески пытаются сделать жизнь волонтеров интересной, организуя встречи, пикники, «зеленые» огоньки, встречи психологической поддержки, благотворительные ужины, на которых чувствуешь себя, как празднике для посвященных. Заботы и хлопоты не ощутимы, атмосфера благодатная и радостная. Недавно появились даже бесплатные курсы иностранного языка, специально для волонтеров. Здесь вполне реально познакомиться с хорошим человеком, найти вторую половинку. Все заняты общим делом, долго временно посещают одни и те же учреждения, мероприятия, а это хороший повод узнать друг друга поближе.

Как сказала императрица Александра Романова: «Кто перестает помогать другим, тот становится обузой и для себя».

Все, что искала для души, я нашла. Получила намного больше ожидаемого. Весь досуг провожу с «даниловцами», отдыхаю душой, и в то же время получается делать добрые дела. Вместе веселее, так маленькими шажочками и идем, надеюсь, что к Богу.

В РДКБ пришла сравнительно недавно, поработав в нескольких волонтерских группах. Захотелось остаться в отделении нефрологии, где дети разновозрастные. Мне довелось общаться с детьми от четырех до четырнадцати лет. К каждому нужно найти подход, расположить к себе маленького человека. Для меня это хорошая практика выстраивания взаимоотношений с ближними, обучение состраданию, терпению немощей других. Мне удается совмещать волонтерскую деятельность с учебой в двух университетах, сейчас я уже на пятом курсе, пишу диплом. Почти каждую субботу, посещая детей, отдыхаю от учебы. В РДКБ занимаюсь любимым делом. Подопечные отвечают взаимностью, ведь «что идет от сердца, то до сердца и доходит». Я не чувствую усталости, а наоборот — заряд сил, легкость и желание жить. В группе нет дистанции между волонтерами, все открыты и дружелюбны. Мы — как одна большая семья, встречающаяся каждую неделю в гостях у друзей — детей. Порой мне кажется, что я обрела все, о чем когда-то мечтала.

ВОЛОНТЕРУ НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО БЫТЬ СУПЕРГЕРОЕМ, ОН ПРОСТО ДОЛЖЕН БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

*Ира Скворцова,
волонтер группы в РДКБ*

Волонтером я стала несколько месяцев назад. Помню, как пришла на вводный тренинг. Мне дали буклет, где перечислялось много разнообразных групп движения с небольшими анонсами относительно их деятельности. Я была в замешательстве, нужно было выбрать, а так хотелось помогать везде! Через неделю я позвонила координатору группы Российской детской клинической больницы Алёне Штыриной

и сказала, что хотела бы присоединиться к ним. О своем выборе в последствии я не пожалела ни разу.

Однажды на работе коллега, который знает, что я — волонтер в РДКБ, спросил меня: «А почему ты ходишь в клиническую больницу? Ведь у этих детей есть родители, они не больны такими болезнями, как рак, например. Смертельно больные дети больше нуждаются в твоей помощи, она дает им шанс выжить». Я удивилась: «Ты не прав, любому больному ребенку нужна внимание и забота. Даже если он не смертельно болен».

Шло время, а эти слова все крутились у меня в голове. И тогда я решила обсудить этот вопрос с нашим координатором Алёной. Она рассказала мне о детях, которые лежат в нефрологическом и гинекологическом отделениях больниц (именно эти два отделения мы посещаем с группой). Как правило, болезни, приводящие детей со всей нашей необъятной страны в эти два отделения РДКБ, имеют хронический характер. Я и сама не раз слышала от ребят, что они лежат в этой больнице не первый и не второй раз, а из года в год систематически, если не чаще. Это так сложно, когда твои ровесники гоняют мяч по двору или обкатывают новые горки, а твое детство проходит в больничных стенах, в ненавистной скуке, среди запретов, ограничений, подчас унижительных и болезненных процедур. Симптомы нефрологических и гинекологических заболеваний имеют интимный характер, они неприятные, непонятные, очень болезненные, о них не принято говорить. А еще там лежат дети, которых врачи буквально спасли от летального исхода. Болит душа, и глаза на мокром месте, когда об этом пишу.

Мы с Алёной поговорили о некоторых типах начинающих волонтеров, которые приходят «срочно спасти мир». Они быстро выгорают от того, что порой работа волонтера бывает рутинной. Иногда случаются неприятные ситуации в общении с детьми и их родителями. Все, как в обычной жизни, законы которой никто не отменял. Волонтеру не обязательно быть супергероем, он просто должен быть самим собой.

Мы долго проговорили, и она мне рассказала такого, о чем я даже и не думала раньше. Для себя я поняла вот что.

У «Даниловцев» очень много самых различных направлений, где ты можешь подарить частичку своего тепла тем,

кто в нем нуждается. Все они разные, но все очень важные. И это не нужно никому доказывать. Когда мы приходим в гости к нашим маленьким друзьям, когда они радуются нашему приходу, когда медсестра тихо говорит нам: «Они вас ждали», мы понимаем, что мы на своем месте.

МЛАДЕНЧЕСКАЯ ГРАЦИЯ ДУШИ

Клара Минак,

волонтер группы в РДКБ

— А я успею сплести два браслета?

— Боюсь, что два не успеешь.

— Жалко. А три успею?

Через три ночи Соню выписывают, и она, наконец, поедет домой. Девочка хочет сделать как можно больше браслетов, чтобы хватило и маме, и бабушке, и сестре Маше, и ей самой.

Несмотря на предупреждение координатора Алёны, что времени остается совсем немного, Соня никак не желает отдавать ленты для второго браслета кому-то еще. При этом она не завершила работу над первым. И дело тут не в детской жадности. Просто Соня творит увлеченно. Ежеминутно она прерывается и начинает рассказывать мне о задуманных ею браслетах так, словно они уже полностью готовы и мне остается только разглядывать их и любоваться изумительно подобранным сочетанием бус и цветов.

Но я реалист. Я смотрю на часы, которые висят прямо над нами и понимаю, что будет очень здорово, если она успеет доделать хотя бы один из них. Я искренне стараюсь помочь: спасаю бусины, которые предательски убегают, ровняю нитку ножницами, чтобы можно было хорошо закрепить украшение, раскладываю перед Соней детали в нужном порядке, чтобы не нарушать узор — в общем, болею за ее успех не меньше, чем за наших спортсменов на недавней олимпиаде.

— Я добавлю в середину большой цветок, это же здорово?

— Это просто замечательно. Добавляй!

— Да... Какой же красивый браслет получается.

Уже дома, после моего второго визита в РДКБ, я вспомнила строки из стихотворения Николая Заболоцкого «Некрасивая девочка», посвященного внутренней красоте:

...Младенческая грация души
Уже сквозит в любом ее движении.
А если так, то что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Соня непосредственна, открыта, доброжелательна. Так хочется, чтобы она пронесла эти качества через всю свою жизнь и сохранила стремление к творчеству.

ФИОЛЕТОВАЯ ЧЕРЕПАХА И МНОГОЕ ДРУГОЕ В РДКБ

*Дарья Макарова,
волонтер группы в РДКБ*

Сегодня воскресенье, а значит, можно съездить в «Ашан», посидеть во «Вконтакте», приготовить обед, сходить в РДКБ к детям. Главное, не перепутать время, как в прошлый раз! Звонит мне в прошлое воскресенье наш координатор Аленушка в 15:30 и спрашивает: «Дашенька, а вы где?» А Дашенька, довольная, натягивает колготки в предвкушении, что сейчас она поедет спасать всех детей отделения микрохирургии! И тут я понимаю, что промахнулась на часок, в больницу уже не успею, разве что в «Ашан»...

Но в этот раз мы приехали вовремя! Алену заменила Наташа Воротынцева, плюс был Вася-весельчак, Сережа, Мариана — дисциплинированный волонтер и мы с Игорем.

Уже в коридоре по пути к игровой комнате нас радостно встречала девочка Даша, бойко передвигающаяся на коляске. Она всем улыбалась и протягивала ручки, чтобы поздороваться.

Взяв с собой коробки с материалами для творчества, мы направились в столовую, где нас уже поджидали дети. Через некоторое время дети и волонтеры распределились по мини-компаниям по интересам. Наташа принесла удивитель-

ные деревянные фигурки для раскраски: черепашек, бабочек, ежей, жирафов, собачек...

Одна девочка лет пяти скромно сидела на стуле, никем не замеченная, без мамы. Большая часть головы у нее была без волосиков, а на правой руке два пальчика, между которыми она ловко держала кисточку и принялась раскрашивать черепашку в фиолетовый. Глазки у нее немного грустные. Я пообещала ей через некоторое время вернуться. Подошла к столику, где сидело трое мальчика, один упорно старался закрасить белый альбомный лист карандашами разных цветов, в то время как двое увлеченно корпели над раскрасками. Я решила предложить мальчику тоже выбрать раскраску, но она его мало заняла. Зато дощечка-ежик пришлось ему по вкусу, и он усердно стал разминать пластилин. Как он его разминал! Он так старался, так боролся, чтобы наконец оторвать кусочек и распределить его еще неокрепшими после операций пальчиками по деревянному ежику! Мама, стоявшая за спиной, старалась не мешать сыну. Он боролся с собой, он выплескивал свое внутреннее напряжение и боль! И надо сказать, что результаты его радовали, ему понравился сделанный им ежик, да еще и с красным яблоком на спине, а вдобавок мы его истыкали карандашом, и получились настоящие иголки!

Вернувшись к первой подопечной, я обнаружила, что девочка покорно ждет меня, чтобы я предложила ей что-нибудь еще, потому что черепаха уже была полностью фиолетовой. Мы принялись за жирафа!

В самом конце комнаты, у окошка, сидела девочка лет двенадцати, Ксюша. Лицо ее было сильно поражено, и она этого очень стеснялась. Мы познакомились, перекинулись несколькими словами, я предложила помощь. Хотелось ей показать, что внешние особенности — это не преграда для общения и принятия другим человеком! Меня порадовала ее бодрость духа, которая хорошо чувствовалась. Она тоже борется с собой, она старается! Хотя сейчас еще и отворачивается, прячась от других. Позже я увидела ее уже с подружкой. Они общались и чувствовали себя комфортно.

А за соседним столиком собралась компания из четырех девчушек, одна из которых перетянула на себя все внимание нашего волонтера Сергея. Другая девочка набрала себе формочек, которые уже не раскрашивала, а лепила из пластилина...

ТВОРИ ДОБРО НА ВСЕЙ ЗЕМЛЕ

*Марина Калюжина,
волонтер группы в РДКБ*

Эпиктет писал: «Человек становится несчастным не тогда, когда он не может осилить медведя, или льва, или злых людей, а тогда, когда он теряет то, что ему дано, — доброту и рассудительность. Вот такой человек воистину несчастен и достоин сожаления».

Мысль стать волонтером у меня возникла уже давно, и не покидала до тех пор, пока не пришла в главный офис волонтерской организации «Даниловцы».

Я очень волновалась в свой первый визит в отделение микрохирургии РДКБ — не знала, что делать, если детишки будут просить что-нибудь нарисовать или слепить, а я не умею. Но все переживания оказались напрасны, когда я увидела, что они умеют все сами, а ты только помогаешь им.

Детвора всегда встречает нас с бесконечной радостью, и готова на все, чтобы поскорее приступить к творчеству. Мастерам обычно все! Самые маленькие самовыражаются через краски и кисти, рисуя философские сюжеты, непонятные и занимательные. Ребята постарше творят чудеса, превращая, например, обычный елочный шар в изумительное новогоднее произведение, еще они мастерам новогодние открытки, прикладывая всю свою фантазию. Многим родителям мы предлагаем присоединиться к созданию поделок, и, приняв приглашение, взрослые с большим удовольствием смотрят, что у них получается. Все остаются довольны! Какое приятное чувство — дарить радость!

Быть волонтером — это прекрасно. Кроме моря положительных эмоций, у тебя есть возможность обучиться какому-нибудь новому ремеслу (разные мастер-классы), на которое в будни просто не хватает времени. И это здорово! Я потихоньку осваиваю технику оригами.

Хочу пожелать будущим волонтерам не сомневаться в намерении стать на путь добра. Если вы подумываете о волонтерстве, значит, это то, что вам необходимо.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В МОРОЗОВСКОЙ ДЕТСКОЙ ГОРОДСКОЙ КЛИНИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

Краткая история волонтерской группы.

Дата основания: 19 января 2016 года. Отделение офтальмологии.

Цель посещения:

Обеспечить детям вечерний досуг и общение, так как в больнице «все одно и то же и очень скучно». Из занятий это по большей части лепка из пластилина — с маленькими (3-6 лет), рисование, настольные игры с младшими и старшими подростками (9-17 лет), общение. Иногда мамам тоже бывает интересно что-то сделать, и они прекрасно рисуют-лепят, вместе с детьми или даже сами.

У нашей группы есть особенность — детей выписывают очень быстро, иногда через несколько дней, часто мы приходим, а дети уже другие, оттого постоянно новые встречи,

новые знакомства. Мы каждый раз учимся знакомиться и прощаться, при этом очень важно провести вечер с искренним желанием сделать это вместе с детьми, получить удовольствие и радость.

Каждый волонтер может придумать, подготовить и провести свой мастер-класс.

ПРИЗВАНИЕ – ЭТО МЕСТО, ГДЕ БОГУ ЛЕГКО ТВОРИТЬ СВОЮ ВОЛЮ

Татьяна Сабрекова, практикующий психолог, имеет три высших образования, преподаватель рисования и вожатая в подростковых лагерях. Работала в ожоговом отделении больницы Сперанского педагогом, сейчас координатор волонтерской группы в Морозовской больнице

— **Таня, у тебя так много занятий... Кем ты сама себя чувствуешь?**

— Аналитик, психолог, психотерапевт, педагог, координатор, волонтер... Все это про меня, я — нечто собирательное, и мне это нравится. Кто-то скажет, что я распыляюсь. Но я нахожу себя во всем этом и чувствую себя полезной в каждом направлении, ничем не ограничиваясь. Для меня это свобода — быть разной, быть собой и делать все, что нравится. А еще мне кажется, что и психолог, и педагог, и координатор волонтеров в больнице — в чем-то схожие профессии. Нужно постоянно работать с людьми и находиться с ними в близком контакте.

— **Ты больше технарь или гуманитарий?**

— Если серьезно, я не гуманитарий и не технарь, хотя мне нравится и то, и другое. Я — все. Мой одиннадцатый класс был математическим, и я за это благодарна. В джазовом колледже мне сказали, что музыка — это математика, и я поверила. А теперь понимаю, что для меня и психология — тоже математика: там есть множество взаимосвязей, зависимостей, историй и включений, которые нужно учитывать, когда работаешь с клиентом, особенно с семьей. При этом я очень

люблю писать тексты, общаться с людьми, строить отношения с ними. Мне повезло, что там, где я работаю, нужно и то, и другое. Мне не приходится выбирать.

— **Как в твоей жизни появилось так много профессий одновременно?**

— Летом 2014 года я решила уйти из банка, где работала аналитиком. К тому моменту я уже лет восемь реализовывалась в ИТ-сфере. Все было хорошо — и зарплата, и столовая, и соцпакет, но было скучно сидеть по девять часов за компьютером и делать то, что не очень близко. А еще было ощущение, что моя работа не ценится. Я могла хорошо придумать, описать и настроить программу, но не видела, как люди в ней работают. Когда уходила, то решила, что буду искать работу психолога.

Но в 2014-м в стране началась первая волна кризиса, и такую вакансию психолога, как мне хотелось, найти не удавалось. В тот период я перепробовала много разных подработок: и няней, и вожатой в лагере, и расписывала стены в детском центре, была пиарщиком в антикафе. Все это было не совсем то, но надо было зарабатывать, а самое главное — пробовать.

— **Как ты стала руководителем группы волонтеров и почему?**

— Когда я уже не знала, где искать работу и к кому идти, я обратилась к одному из своих педагогов по психотерапии. Она ответила: «Таня, могу предложить тебе волонтерство в ожоговом центре». Я думала тогда, что это чересчур, что больница — довольно страшная история для такого человека, как я. Но пошла. Все началось со слов моего педагога: «Иди, посмотри, там тоже есть жизнь. Не так все страшно, как кажется. И персонал у нас хороший». Я до сих пор помню эти ее слова. Они для меня не только о больнице.

Я два-три раза в неделю приходила по несколько часов играть с детьми в игровой ожогового отделения. После нескольких месяцев волонтерства меня взяли на работу, и я начала ходить к детям за почасовую ставку.

После этого опыта меня пригласили в движение «Даниловцы» работать координатором волонтерской группы в той же больнице Сперанского, но в других отделениях: хирургии и неврологии. Через полгода я организовала новую группу при Морозовской детской больнице.

— **Почему нужно идти в волонтерство, с твоей точки зрения?**

— Как психотерапевт я не склонна давать советы. Работа в больнице — это большая ответственность, сопряженная с разными эмоциями. Можно как найти себя, так и потерять. Мы все хотим творить добро и видеть радость, но не все готовы столкнуться с переживаниями. В больнице, особенно в тяжелых отделениях, их много.

При этом волонтерство — это радость служения, очень глубокая и сущностная для человека. Когда я пришла в добровольческое движение «Даниловцы» и услышала, сколько всего люди делают, была поражена! Я слушала о группах помощи бездомным, интернатах, больницах, детских домах, благотворительных ремонтах и приютах... Я понимала, что это совершенно необыкновенные люди, делающие необыкновенные вещи. Я очень радовалась встрече и до сих пор счастлива быть вместе с ними.

— **Тебе нравится быть руководителем?**

— Если честно, я никогда не хотела быть ни руководителем, ни педагогом, а сейчас занимаюсь и тем, и другим: руковожу группой волонтеров и преподаю рисование. Для меня это ирония и еще один поворот судьбы, в которой не все и не всегда решаю я. Все происходит на пересечении моего желания быть тем, кем я хочу, и воли Бога.

У руководителя всегда больше ответственности. Раньше я всегда была исполнителем и не думала над тем, как там, по ту сторону баррикад.

— **В чем ты специализируешься как психолог?**

— Как психолог я уже полтора года занимаюсь темой призвания, предназначения человека. Проще говоря, мы с клиентами ищем то дело, которым им хотелось бы заниматься, ищем ресурсы для этого, боремся со страхами, чтобы человеку легче было двигаться по новому пути.

Ко мне пришли около двадцати человек, и у каждого была своя история. Я никогда не навязываю свой опыт, хотя он у меня и большой, мы просто исследуем конкретный случай и ищем нужный путь. Кажется, что все хотят одного и того же — работать на любимой работе, но у каждого человека — своя история.

Работа в этой сфере заставила меня сделать и некоторые открытия. Часто люди приходят с запросом: «Я хочу по-

нять, что мне делать и какая профессия — моя». Это ясно. Нас научили мыслить в определенном русле относительно профессий, должностных статусов, однако иногда сфера деятельности не так важна. Организатор по духу может быть организатором чего угодно. Человек, который любит творить и создавать, может выбирать, что именно создавать. Конкретные области появляются, когда проявляются наши таланты, интересы, ценности и темперамент. Кто-то любит общаться с людьми, кто-то — нет. Одни больше любят организовывать и наводить порядок, другие — создавать и генерировать новое, кто-то любит работать в команде, кто-то привык вести бизнес в одиночку. Из таких деталей складывается картинка, пазл. Не нужно сужать многообразие до одной должности — нужно все внимательно рассмотреть и выбрать самое любимое. Жизнь меняется, меняемся с возрастом и мы, наше призвание тоже может измениться.

Я думаю, что дело, которое человеку предназначено — это что-то, проистекающее не совсем от ума. Это то, что у тебя получается, и ты иногда даже не понимаешь, как именно ты это сделал. Просто у тебя талант, ювелирная настройка в этом деле, нейронные связи работают так быстро, что невозможно отследить цепочку. Главное — найти что-то свое и начать делать. А в процессе появятся и вдохновение, и развитие, и деньги.

Мое призвание точно связано с людьми, желанием творить, жить, мечтать, быть свободной и открытой, доброй к себе и миру. Я люблю, когда люди находят свой путь, когда у них зажигаются глаза и они чувствуют себя сильными, когда понимают, что могут выбирать и делать многое.

Раньше я думала, что это я решаю, кем мне быть, и шла туда, куда хочу. Сейчас чувствую, что я просто инструмент, проводник, с помощью которого в этом мире совершается что-то хорошее. В одной книжке прочитала, что призвание — это то место, где Богу легко творить Свою волю. Кажется, я начинаю понимать, о чем это.

— **Тебе близка вера?**

— Я верю в Бога, иногда хожу в православную церковь — не очень часто, но всегда с пониманием, зачем я туда иду. Я не считаю себя воцерковленной: слишком немного соблюдаю из того, что нужно бы соблюдать.

Недавно с подачи Алены Характеровой начала читать Антония Сурожского. Это поистине великий человек и великий писатель. Когда я читаю его книги, то понимаю, что вера — это не просто чтение молитв и хождение в церковь. Это искренние отношения с Богом, который все знает и видит. Это очень живое, настоящее, изменчивое и оттого потрясающее порой до глубины души общение. Митрополит Антоний пишет, что молитва должна тесно переплетаться с жизнью: ты должен жить тем, о чем говоришь в молитве.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

МНОГО-МНОГО ВОЛОНТЕРСКОГО СЧАСТЬЯ

*Татьяна Сабрекова,
координатор волонтерской группы в Морозовской больнице*

Наконец-то после полуторамесячного перерыва мы пошли в Морозовку. В Москве во всех больницах объявили карантин, поэтому все координаторы волонтерских групп и волонтеры больничных направлений ждали, когда же его прекратят...

Но вот карантин сняли. Ура, но все же появилось небольшое волнение по поводу того, как примет нас персонал, будут ли рады дети, что скажут родители. В этом плане с больницей нам очень повезло, потому что, нам были действительно искренне рады. Все.

И вот в дождливый вечер в среду мы дошли, наконец, до детей и принесли краски, кисти, «Дженгу», цветные карандаши и фломастеры, раскраски, альбомы с наклейками и, конечно, себя.

Больше других детей мне запомнилась маленькая девочка, лет двух-трех, которая лежала в отделении без родителей. Ее привела медсестра и, усадив за наш общий стол первой, сказала: «Займите ее чем-нибудь». Она была очень маленькой, симпатичной и тихой-тихой. Казалось, что ей просто нравилось смотреть. Мы дали ей альбом и карандаши, но сама она не рисовала, поэтому я подсела к ней и предложила по-

рисовать вместе. Иногда ребенку нужна поддержка, даже, казалось бы, в таком простом деле, как водить карандашом по листу бумаги.

— Алена, какой ты хочешь взять карандаш? — спрашиваю.

— Красный, зеленый, синий? — перечисляю варианты.

— Будем рисовать цветочек?

Она кивает мне в знак согласия, и тут меня уже не останавливать, — на листе вырастает сначала зеленый стебель, потом контуры голубок, ромашки.

— Закончишь сама раскрашивать? — спрашиваю я ее, закрасив парочку ярко-голубым.

— Да, — тихо-тихо отвечает она и начинает раскрашивать.

Сложно было угадать, нравилось ей рисовать или нет. Она просто сидела так же спокойно, тихо и раскрашивала цветы, которые я ей рисовала, а потом размазывала пальчиком краски с блестками, которые я выдавливала на лист.

Очаровывал ее взгляд — взгляд интересующегося всем человека. Не делать самой, а наблюдать за другими. А другие дети так увлеченно во все играли...

И когда волонтер Аля спросила, понравилось ли ей наша встреча, малышка ответила, что это была радость.

ОСЕННИЕ КРАСКИ В МОРОЗОВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

*Аля Богаутдинова,
волонтер группы*

С каждым новым посещением больницы я не устаю убеждаться, что вечер, проведенный в кругу детей, их родителей и таких разных, но без исключения прекрасных, волонтеров — это маленькая жизнь. И наше осеннее посещение отделения офтальмологии не стало исключением.

В больнице дети скучают и тоскуют, в первую очередь, по родному дому. И, конечно, по свежему воздуху. Поэтому мы решили принести им самую красивую частичку осенней природы — оранжево-желтые яркие листья. Дети, как и их родители, с радостью и упоением разрисовывали осенние листики, и мы, волонтеры, глядя на них, были тоже

увлечены этим творческим процессом. Как и всегда, в это посещение было много всего — пластилин, краски, гравюры и столь любимые настольные игры. Абсолютный «хит» нашего отделения — настольная игра «Дженга» (у нас их целых две, одной уже давно перестало хватать) собрала вокруг себя особенно много ребят разных возрастов. Все, включая волонтеров, были увлечены процессом, дружно, хоть иногда и немного шумно (когда башня рушилась), проводили время вместе.

В этот день к нашей команде присоединились два новых волонтера, Маргарита и Лиза, они прекрасно влились в процесс, и возникло ощущение, что мы давно делаем это общее дело вместе. Когда мы по традиции собрались в «Му-му» для обсуждения посещения, каждый рассказал ту маленькую историю, которую ему удалось пережить в этот короткий, но такой объемный вечер. В моей памяти он остался теплым, добрым и окрашенным в цвета осенних листьев.

НОВОГОДНЕЕ ВОЛШЕБСТВО В МОРОЗОВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

*Татьяна Сабрекова,
координатор группы добровольческого движения «Даниловцы» в Морозовской детской городской клинической больнице*

Что нужно сделать, чтобы праздник в больнице удался?

- найти хороший новогодний сценарий
- найти красивые костюмы для всех актеров
- найти людей, которые сыграли бы все роли (если волонтеров не хватает, искать таланты своем окружении)
- провести с ними хотя бы одну репетицию
- доставить новогодние подарки, которые куплены благотворителями, в больницу
- пригласить фотографа
- подготовить или купить необходимый реквизит

Это была примерная схема, а декабрь пестрил событиями и эмоциями и, конечно, все нужно было успеть в самый последний момент. Поэтому было много вопросов и тревоги: довезем ли вовремя подарки? пропустят ли нас всех? где

играть спектакль, ведь в отделении общих помещений почти нет?

Иногда кажется, что такие большие мероприятия — это нечто непосильное и очень сложное, но, собрав команду и будучи уже в процессе, все становится вполне понятным. По своему моему опыту координатора могу сказать, что главное — это люди и правильное делегирование, а также свобода внутри группы, чувство юмора и импровизация. Без них никуда.

В создании праздника помогла сама рука Бога, потому что все сложилось само собой, а сам спектакль прошел как по маслу. Нашелся прекрасный Дед Мороз, хотя у нас в группе мужчин нет и искали просто по знакомым (Дедом Морозом стал муж одной моей ученицы), нашлась прекрасная Снегурочка (мой бывший волонтер), Бабу-ягу тоже нашли — вырастили в своем же движении!

Остальные роли раздали внутри группы. Нашлись основные костюмы, один из волонтеров стал гримером (он был уже проверен в боях!), даже музыка у нас была, потому что волонтер Мария раньше занималась концертной деятельностью. Она чудесно аккомпанировала в течение всего спектакля на блок-флейте.

Сам спектакль стал морем безбрежного счастья и импровизации. Актеры помогали друг другу, вступали в ситуативные диалоги, играли, как во МХАТе, хотя и переживали перед спектаклем. У Бабы-яги три раза отваливался нос, что проводило детей, и даже взрослых, в восторг, но даже это не позволило ей потерять лицо и сюжетный образ. Была и классическая пропажа подарков, и волшебство при участии детей при их нахождении, были и загадки от Бабы-яги, и стихи, которые смелые дети читали Деду Морозу, были и конкурсы, и змейка-хоровод, и конечно, раздача подарков! А сколько фото делали дети с Дедом Морозом, Снегурочкой, Снеговиком, и даже с Бабой-ягой и нашими прелестными Зайчиками!

Самым невероятным было то, что в нашу неснежную зиму, когда не было новогоднего настроения, здесь, в больнице, где обычно много страхов, боли и тревоги, случилось настоящее Волшебство. Чудесная, преображающая все и всех Встреча. Детей — с Дедом Морозом, а значит, с ощущением того, что они не забыты и чудо действительно есть, нас

(взрослых актеров) — с этой чистой детской наивностью, с одной стороны, а другой — с огромной верой, которая на самом деле побеждает все на свете. Весь скепсис из-за дождливой зимы, всю предпраздничную суету, все тревоги, заботы, волнения... И ради этого стоило делать праздник! Больше того — мы были одарены гораздо больше!

Поздравляли медсестер, санитаров, которые в тот вечер были в отделении, подарили им небольшие подарки. Вы не поверите, но они тоже смотрели спектакль и тоже ждали подарков! У них такая тяжелая работа, — и, конечно, мы не могли оставить их без подарков и без фото с Дедом Морозов.

Дети уходили в палаты довольные, родители, кажется, еще больше... Помогали нам убирать помещение, ставить на место столы, стулья.

Спасибо всем благотворителям за подарки, охране больницы — что нас беспрепятственно пустили, всем детям, родителям, медперсоналу — за вовлеченность, непосредственность и теплоту, всем актерам, волонтерам, гримеру, аккомпаниатору, всем, кто дал нам костюмы, всем, кто эти костюмы довез и отвез обратно хозяевам, великолепному фотографу, который сделал нам чудесные фото — за желание вместе творить добро! Это чудо мы сделали вместе и тот вечер надолго останется в наших сердцах.

ИНОГДА МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ. ОПЫТ «ДАНИЛОВЦЕВ» В МОРОЗОВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

*Татьяна Сабрекова,
координатор группы добровольческого движения «Даниловцы» в Морозовской детской городской клинической больнице*

Спустя почти восемь месяцев мы возобновили регулярные посещения офтальмологического хирургического отделения Морозовской детской больницы. Весной нас туда не пускали, объяснив это новыми требованиями к безопасности, отсутствием юридического договора, справок и анализов волонтеров.

Юридический договор заключался два месяца, потом было долгое лето, когда мы писали в Общественную палату, ждали ответ, дождались и казалось, что все потеряно. Волонтеры были не нужны, не важны и как всегда, бесправны... Но оставалась небольшая, хрупкая надежда на чудо. Ходили с группой молиться в Данилов монастырь, чтобы приблизить это чудо, просили разрешения снова ходить к детям.

Были хитросплетения разговоров, мыслей, решений, переписок, предложения ходить в другое учреждение, мысли о том, чтобы вообще уйти из больницы. Но что-то не давало этого сделать. Ощущение, что не все потеряно, что надо идти до конца. Бороться.

В какой-то момент ты понимаешь, что борешься не с больничными властями и не с вышестоящими инстанциями, ты борешься с самим собой, проверяешь себя. Умеешь ли ты ждать, насколько можешь верить, доверять, любить, ценить... идти дальше. Насколько это могут люди, которые с тобой в одной команде. И ведь правда, что счастье соединяет, но ведь и испытания — тоже.

Рука Бога и через него хорошие люди помогли нам, и вот мы снова в отделении Морозовской больницы — в нашем родном отделении. Оно переехало в новый корпус. И врачи, и медсестры, и мы в том числе к нему привыкаем. Красивый ремонт, новая планировка. Новые, теперь уже бытовые задачи: где достать материалы, как разместиться с небольшим пространством, где взять стулья, как поставить столы, как лучше справиться Новый год?

Человек быстро переходит от одних задач к другим — настоящим. Больше половины волонтерской команды уцелело, выросли и возмужали, закалили дух волонтеры. Теперь это новый путь, новая дорога. Оказалось, иногда МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ. Обновленные, сильные, живые. И дети по-прежнему ждут нас, а это самое главное!

ЧУДО ПРЕОБРАЖЕНИЯ

*Анастасия Гоголенко,
волонтер группы*

Каждый раз, идя к детям, думаю не о боли и пороке, а о радости и благодарности.

В нашем обществе бытует мнение, что если ты идешь в больницу, значит, либо у тебя что-то не в порядке, либо у того, к кому ты идешь. Да, физически, это, может, и правда. Но все-таки стоит посмотреть на это другими глазами, а именно — глазами детей.

Будучи волонтером Морозовской детской больницы, посещая детей и скрашивая их больничные будни, мне удалось сделать очень важный для себя вывод: детям не нужны помощники и советчики, они не мученики и не страдальцы; они герои, которые ждут друзей — пусть на время — но друзей!

И вот, в роли друзей, мы становимся свидетелями чуда преображения из ребенка — в ребенка-творца и философа.

И очень радостно наблюдать, и разделять детские мечты, эмоции и взгляды, которые приводят к созиданию и творению чего-то нового — будь то герой из мультика в необычном, но своем образе, только что придуманном ребенком, ящерицы или марионетки, жирафы или цветы. Приходишь к пониманию: детская фантазия — безгранична и бесконечна.

Чем бы ребенок ни занимался — игрой, рисованием или лепкой — в нем явно вырисовывается личность, способная творить, несмотря ни на какие условия и жизненные обстоятельства. Вот этому-то и учусь я у детей!

Благодарю за каждую встречу и знакомство и за урок!

СЧАСТЛИВЫЕ УЛЫБКИ В МОРОЗОВСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

*Заяна Шаршикова,
волонтер группы*

Наша волонтерская группа в Морозовской больнице — одна из самых «молодых» в «Даниловцах». И, конечно же, мы не могли пропустить опыт организации новогоднего праздника для своих подопечных.

Для начала нам надо было решить великое множество вопросов. Кто будет играть новогодних персонажей? Где взять костюмы? Какие подарки купить детям и в каком количестве? Кто привезет эти подарки в больницу? Что делать со сценарием? Ведь мы не репетировали и времени для этого катастрофически не хватает, — кто-то из волонтеров работает, как я, например, а кто-то учится. И у всех авралы на работе или сдача экзаменов.

В общем, от всех этих вопросов голова шла кругом, главным образом, у нашего координатора Татьяны Сабрековой. Ведь очень хотелось сделать самый лучший праздник для детей, которые, к большому сожалению, эти предпраздничные дни проводили не дома с семьями, наряжая пушистую елку, а в больнице, где был объявлен еще и карантин в связи с эпидемией гриппа.

К счастью, нам помогли волонтеры из другой больницы — Василий Филиппов и Антонина Баценкова, уже имевшие опыт постановки новогоднего праздника. Большое им за это спасибо!

Благодаря этой помощи, а еще помощи наших спонсоров, которые купили подарки детям, праздник прошел отлично. Дети, поначалу были весьма насторожены неожиданным появлением в отделении Бабы-яги, но постепенно освоились и уже к середине вечера с большим энтузиазмом участвовали в конкурсах вместе со Снегурочкой, разгадывали загадки Деда Мороза и получали подарки. Было очень шумно и весело!

Хочется выразить благодарность всем, кто участвовал в организации нашего замечательного праздника. Ведь счастливые улыбки детей — это то, ради чего стоило так стараться, не правда ли?

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ № 6

Краткая история волонтерской группы.

Группа появилась в 2009 году.

В третьем остром женском отделении, которое мы посещаем, проходят обследование и лечение около 30-40 девочек от семи до восемнадцати лет (две возрастные группы; граница — двенадцать лет) с самыми разными заболеваниями. Также ребенок может попасть в больницу, например, с поведенческими отклонениями, на обследование и т. п.

Девочкам очень не хватает эмоционального тепла и принятия окружающих, а кроме того, они устают от однообразия, четырех стен и огромного списка ограничений.

Мы приходим к девочкам, чтобы общаться, вместе смеяться или грустить. Нам тепло и радостно от этого общения, и еще мы понимаем, что для девочек это очень важно, мы им

нужны. Каждому ребенку в больнице хочется быть услышанным в своей боли, и мы стараемся слушать и быть рядом.

Группа волонтеров проводит для подопечных мастер-классы. Подопечные и добровольцы занимаются совместным творчеством, читают, рисуют, общаются, играют в настольные игры и т. д.

ЗАЧЕМ ДОБРОВОЛЬНО ИДТИ В ПСИХБОЛЬНИЦУ?

Юлия Гусакова,

координатор проекта «Человек — человеку» добровольческого движения «Даниловцы»

Невероятный был день! Теплый, золотой. Бабье лето! Первое посещение этого сезона: наши волонтеры во главе с координатором Мариной Модестовой возобновляют встречи с подопечными девочками в Научно-практическом центре психического здоровья детей и подростков. Звучит оптимистичней, чем прошлое название «Детская психиатрическая больница № 6». И это только вершина айсберга! Изменений масса. Говорят, у девочек теперь и йога, и мастер-классы, и кадеты к ним в гости приходят, и дискотеки проводятся... Йога и дискотеки, Карл! В нашей волонтерской группе этот новый свежий ветер тоже дул: раньше из материалов и инструментов мало что разрешалось, в основном с подопечными крутили оригами или открытки делали. Теперь же дали волю фантазии: любые материалы, поделки, хочешь — красками рисуй, хочешь — из пластилина лепи! Проблема в одном — волонтеров мало...

Первая прогулка

Еще потому этот день был невероятным, что на лестнице мы встретили Нину Николаевну, старшую медсестру. Пара звонков — и впервые за долгие годы посещения мы с подопечными идем гулять на улицу! Во двореке несколько огороженных высокой решеткой площадок, запертых на висячие замки. Классика жанра: веранда, беседка, скамейки, скульптуры льва, черепахи и лягушки, мордочка у которой глупая и довольная. Девочки кинулись врассыпную, кто с обручем, кто на скакалке,

с отдельной группкой играет в мяч новая волонтер Алёна. Она еще школьницей посещала детские приюты, и стать волонтером было ее мечтой. И вот Алёна с нами!

Мы с В. сели на скамейку поболтать. У нее фигура-гитара, темные волосы. Ей семнадцать. Она кажется немного заторможенной, будто ее выключили из розетки, а заряда у батареек осталось совсем чуть-чуть. Она говорит так: «Я живу в городе N, это шестьдесят километров от Москвы. Год назад я поступила в колледж. Но в сентябре у меня началась депрессия, и мама меня сюда устроила. Документы из колледжа пришлось забрать, очень мне сложно было. А сейчас почему? У меня парень был на год старше. И мама увидела, что он пристаёт ко мне, сюда меня сослала. Мы с ней поругались из-за этого сильно, но помирились потом. Она даже на коленях передо мною стояла, представляете? Когда вернусь домой, похудеть хочу. На таблетках вон как разжирилась... А парень тот, как я сюда попала, вообще о себе знать не дает. Зачем он такой нужен мне?»

Девочки такие девочки

Девочки рассказывают разное. Но специфика заведения такова, что никогда не знаешь точно, совпадает ли их рассказ с реальностью, и если да — то в какой мере.

К. пухленькая, и волосы у нее, как мягкий пух, мелкие завитушки, а глаза голубые. Ей тринадцать. Рассказывает: «А вот смотрите, как я обруч кручу (обруч сделал два оборота и упал в траву)! А прыгаю как, смотрите (скакалка бьет ее по белой нежной коже, оставляя алый след)! А след когда пройдет? Больно. Так навсегда теперь останется? А маму вы мою видели? Она красивая (глаза К. наполняются слезами). А точно след пройдет? А когда? А меня выпишут через восемь дней. Восемь дней — это сколько? А неделя с хвостиком — это долго? Я переживаю, что след не пройдет... Мама у меня красивая, а я уродина (снова слезы в глазах)! Как думаете, я правда уродина? А я нормально себя веду, ничего такого не делаю? А посмотрите, как я обруч кручу!»

У А. темные глаза-вишни, очень внимательный взгляд поверх очков, черная челка на пол-лица. Она говорит так: «Меня мама из другого отделения сюда попросила перевести. Она говорит, там таблетки мне не подходили. Здесь? Нет, здесь не лучше... Я обруч умею на шее крутить, хотите, покажу?»

Л. самая маленькая, беленькая, очень улыбчивая, милая до невозможности! Она похожа на маленький веселый одуванчик из мультика на тоненьких ножках и с круглыми щечками. Л. говорит эмоционально, но из ее речи ровным счетом ничего не понять. Нет, мотает головой, в школу еще не ходит. «Шесть!» — показывает на пальцах.

Т. худощава, лицо у нее узкое, будто уставшее, а глаза очень цепкие, изучающие. Она забралась на скамейку и крутит обруч, а со второго этажа из зарешеченного окна на нее выглядывают пацаны, кричат что-то. Т. говорит так: «Я перед ними крутила?! Нет, вы что! Я сама по себе крутила! Да что вы видеть там могли! И вообще, они мне гадости кричали всякие!»

Ю. крепкая, ладная, румяная, хоть в рекламе снимай, ей семь лет. Она катает по площадке огромный пластиковый грузовик. Подходит к скамейке и говорит так: «К вам груз приехал». Разгружаю самосвал. Сначала завезли скакалки, но их разобрали быстро. Потом ветки, потом снова ветки, потом еще скакалки.

Сумрачные разговоры

Слева в беседке сидят старшие с координатором Мариной и волонтером Юлей. Они тоже говорят о чем-то, но о чем, я не слышу. Сумрачные такие... В старшем отделении бывает много девушек, которые пытались покончить с собой. Но есть и те, кто с диагнозами. Многие по-настоящему талантливы, рисуют волшебные или стихи пишут.

Другая Л. активна невероятно! Вот она бежит, через секунду уже борется с кем-то на траве, еще через мгновение сидит на лавке, потирая уши, а вот уже рядом со мною и топчется по моей ноге. Она деланно говорит: «Ой, извините, пожалуйста!», — и продолжает по мне ходить и хохотать, а лицо красное от движения, прямо горит!

Н. смуглая, луноликая. Она говорит так: «Да, волосы — моя гордость! Они, знаете, еще длиннее были, вот так, до попы, но после лечения подстричь пришлось»

Девочка-ангел

А девочка в лосинах цвета фуксии-вырвиглаз ничего не говорит. Под конец посещения она просто берет меня за руку, и я держу ее прохладную ладонь, пока мы

поднимаемся по лестнице обратно в группу. Тихая и светлая, стройная — почти прозрачная, молчаливый ангел.

Такие вот девочки. Что тут еще добавить? Приходите поглядеть, как они ловко обруч крутят. И быть может, вы впервые за долгое время почувствуете себя хорошо. Хорошо, хорошо, просто прекрасно — здесь и сейчас.

СЕРДЦЕ В ЛАДОШКЕ

*Марина Модестова,
координатор группы добровольческого движения «Даниловцы» в детской психиатрической больнице № 6*

Каждая наша встреча с детьми не похожа одна на другую. И начинается она гораздо раньше, чем мы, волонтеры, переступаем порог комнаты для занятий и говорим «Здравствуйте» нашим подопечным. Один из волонтеров готовит заранее поделку и все, что для нее необходимо, и часто это сюрприз для всех. Я, как координатор, волнуюсь, успеем ли встретиться вовремя и будем ли одной командой.

— Здравствуй, Анечка, здравствуй, Тома, как настроение, как ваши дела?

— Волонтеры пришли! Мы вас ждали!

Дети встречаются по-разному, но всегда в этой встрече много волнения и ожидания, много старания, чтобы все хорошо получилось, и много тепла, много радости и грусти одновременно. И очень важно, что мы все делаем вместе, дети и волонтеры, — сдвигаем столы, чтобы создать пространство для чудес, усаживаемся, готовимся, начинаем делать что-нибудь интересное, переживаем, получится или нет, удивляемся тому, что и как получилось, радуемся, что новую открытку, или поделку, или коробочку с секретом можно подарить кому-то дорогому и любимому: маме, папе, брату, подруге.

Еще надо успеть поделиться разными новостями: «А ко мне папа приезжал, мы к Яше ходили» (это обезьянка, которая живет в живом уголке), «Я вот заболела, нос заложило», «Очень по маме скучаю, почему она не приезжает?», «А меня завтра выписывают!»

А в конце традиционный фотовернисаж поделок дети показывают то, что сотворили за этот час, и радуются красивым фотографиям и, конечно, спрашивают: «Когда вы снова придете? А что мы будем делать?»

И мы обещаем обязательно прийти через неделю и принести сюрприз.

Вот у меня родился такой образ — сердце в ладошке. В каждом из нас бьется живое сердце, и бьется оно для того, чтобы почувствовать биение сердца в детской ладошке, доверчивой, незащитной и очень щедрой.

ВСТРЕЧИ С РАДОСТЬЮ И БОЛЬЮ

*Ирина Нуриманова,
координатор волонтерской группы, учится на первом курсе магистратуры в НИУ ВШЭ, специальность — финансист*

Еще школьницей я мечтала проводить время в больнице или детском доме — с теми, кто нуждается, одинок, кого не понимают.

Очень повлиял на меня фильм «Форпост», я утвердилась в своем намерении. Мне казалось, что в занятиях такого рода больше всего радости. Я хотела суметь почувствовать другого человека, радоваться с ним, сопереживать, учиться любить, жить с открытым сердцем.

Я из маленького города и не знала, что существуют подобные волонтерские движения, молилась, чтобы однажды все сложилось, и у меня появилась возможность быть кому-то полезной. И однажды узнала о «Даниловцах»!

Больница для меня — это большая радость. В других местах я могу быть не совсем собой: притворяться, гордиться, злиться или что-то скрывать. Но «Даниловцы», а еще пение в церковном хоре — это то, что делает меня мной.

Я люблю детей. Мне бы хотелось иметь свою семью, сделать кого-то счастливым, но я не задумываюсь об этом, просто верю, что однажды все произойдет так, как должно быть. А пока у меня есть время менять себя, чтобы другим людям не было рядом со мной трудно.

Что меня зацепило в детях? Во время первого посещения НИИ им. Бурденко я познакомилась с Максимом, у него

была операция на позвоночнике. Мы с ним лепили из пластилина, смеялись, общались, и я видела, как ему больно. Пока он отвлекался на разговор со мной, мама мальчика пыталась разминать ему неработающую левую руку. Максиму было больно, но он так хотел рассказывать о своем сокровенном, что забывал обо всем. Этот первый опыт оставил невероятный отклик в моей душе.

Мне хотелось сесть в угол и заплакать. Помню, как первый раз зашла в старшую группу психоневрологического отделения. До этого ходила только в младшую. И меня накрыло: я увидела порезы на руках. Вообще это то, чего я больше всего не понимаю. Не представляю, какая бездна отчаяния и боли должна быть скрыта в маленьком человеке, чтобы он забыл о радости жизни. Смотреть на изрезанные руки было физически больно. И еще я в тот день поняла, что никуда не уйду из этой группы, останусь с ними.

Я подружилась с аутисткой Дашей. Я даже не знала, что она не говорит, и общалась с ней, как обычно. И она мне отвечала, хотя слова давались ей с трудом. Потом младшие сказали: Даша не говорит. Я решила не обращать внимания и продолжала с ней взаимодействовать. И это было здорово.

КАКИЕ БЫВАЮТ УЛЫБКИ?

*Вероника Кибирева (Шебалова),
волонтер группы*

Вот и прошел еще один вечер у девочек. Пока мы выходим из отделения и идем до проходной, мы обсуждаем впечатления от сегодняшнего вечера и, конечно, строим планы, что же еще интересного придумать для девчонок. Каждое занятие получается очень разным, но я всегда, уходя, чувствую усталость, ведь девочек было много, все хотели внимания, с кем-то пришлось выстроить границы, у кого-то сегодня было сложное настроение, а кто-то просто задавал кучу вопросов.

Но, попрощавшись со всеми и садясь в машину, — первое, что приходит на ум, это улыбка. Улыбка девочки, которая меня сегодня особенно тронула. Эта улыбка всегда разная. Иногда это девочка, с которой мы провели больше

всего времени, например, Лиза, с которой мы читали книгу. Как-то была девочка, которая не говорит, но через некоторое время нам удавалось с ней общаться. А иногда это девочка, которая говорит с улыбкой «спасибо», когда мы уходим, но это «спасибо» оказывается для меня почему-то особенным и тогда, я вспоминаю именно ее улыбку.

В этот раз, садясь в машину, я вспомнила улыбку Насти. Она весь вечер улыбалась, мастерила из пластилина, успела сходить на репетицию, а вернувшись, приступила опять к творчеству. Затем Настя с подружкой спели нам очень трогательную песенку про маму, которую они исполнят на концерте. А в конце девочка очень старательно помогла нам все убрать. Она была так открыта, так ко всем внимательна (и к нам, и к девочкам в группе), как солнышко, освещала все вокруг. Именно ее улыбка со мной всю неделю до следующего занятия.

Я всегда жду следующую встречу, думаю и немного волнуюсь, как все пройдет, много ли новеньких, получится ли задуманное, понравится ли это девочкам. И каждый раз жду ту особенную улыбку, которая мне запомнится именно сегодня.

«Я ЛЕПЛЮ ИЗ ПЛАСТИЛИНА, ПЛАСТИЛИН НЕЖНЕЙ, ЧЕМ ГЛИНА»

*Марина Модестова,
координатор группы Добровольческого движения «Даниловцы» в детской психиатрической больнице № 6*

Одно из моих самых любимых занятий с младшими детишками — это лепка из пластилина.

В моей авоське сегодня — много-много упаковок с самым разнообразным пластилином, заветные ключи от отделения и от шкафчика, в шкафчике — картон и книжка, которая нас вдохновляет и сопровождает в волшебный пластилиновый мир.

Начинаем мы всегда с очень ответственного и важного — с выбора цвета: Лиза взяла розовый брусок, Тоня захотела лепить из синего, Вале понравился зеленый, Кате —

золотой, а маленькая Люба не стала скромничать и перед ней на столе лежат красный, желтый, фиолетовый и оранжевый.

А что же мы будем лепить сегодня?

Мы выбираем дружелюбного Пингвина и даже еще не знаем, сколько открытий будет на этом занятии.

Первые десять минут проходят бурно и суетливо, дети немного беспокоятся и так сильно стараются, что некоторым даже начать трудно.

«Я правильно делаю?» — «Ух ты, как у тебя хорошо получается».

«Иди сюда. Посмотри». — «Ну, покажи-ка, вот это да, какой ровный шарик, будем из него туловище лепить».

«Я не умею». — «Не спеши, давай вместе попробуем сделать».

«У меня не получается. Помоги, пожалуйста». — «Конечно, помогу, у тебя получится, я знаю».

Детей сегодня много — двадцать человек, нас, волонтеров, трое: Вероника, Алена и я. Мы переходим, а скорее, перебегаем, от одной девочки к другой, поддерживаем, успокаиваем, и потихоньку гул стихает, волшебство творчества и увлеченность берут свое, и дети начинают воплощать свои пластилиновые фантазии.

И вот уже перед нами не просто фигурки, а разноцветные семейки экзотических пингвинов, гнезда с яйцами, пальмы и тропические острова в океане. И можно сочинять истории, путешествовать и ходить друг к другу в гости.

Наше занятие подходит к концу, время пролетело незаметно, как обычно и бывает в сказочной стране Фантазии. В этой стране есть место каждому творению: большому и маленькому, умелому и не очень, узнаваемому и ни на кого не похожему, — так же, как есть место каждому из нас в этой комнате: и детям, и нам, взрослым, и нашей взаимной радости и вере в чудо.

«МОЙ ПРАДЕД БЫЛ СВЯЩЕННИКОМ В ЕЛОХОВСКОМ СОБОРЕ»

Мария Волкова,

экс-координатор волонтерской группы, окончила исторический факультет МГУ, аспирант Российской академии наук. Специальность: историк-американист, политолог

Исследую проявление кризиса избирательной системы в ходе президентских выборов 2000 года в США.

Американистикой заниматься интересно, но очень изменилась система интересов. Больше увлекает психология, философия, история. Есть чудесные политологи, но больше стала интересоваться человеческой жизнью.

В «Даниловцах» я недавно. Постепенно пришла к мысли, что нужно помогать людям. Я уже три года преподаю английский, стараюсь, чтобы детям было психологически комфортно на занятиях.

Я верующий человек. Не могу сказать, что все знаю и соблюдаю, но мне лично импонирует, что у «Даниловцев» есть христианская направленность.

Какие мои ощущения? Очень интересно. Изначально думала идти в онкологическое отделение, а после собеседования поняла, что лучше идти сюда, ведь я хочу общаться.

Мне, несмотря ни на что, импонирует Ницше. Не все его мысли я разделяю, конечно. Мне нравится его воспевание любви и свободы личности. Человек есть нечто, что нужно преодолеть. Как в Евангелии: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный».

У Ницше высокий полет мысли. Его полемика с христианской моралью мне тоже отчасти симпатична. Он не против христианских идей, но против Церкви как организации. Религию можно на более высоком уровне понимать и на более низком. Ницше — за высокий. В целом он, конечно, загордился: «Ессе homo», все дела... Надо быть посмирнее, конечно. Нравится Эрих Фромм. «Диалектика просвещения» Хоркхаймера и Адорно интересная книга.

Интересует все о человеке, его внутреннем мире. Сейчас наука, техника — это и есть наша эволюция. Но мы же люди, мы должны быть добрее друг к другу.

Детям очень нужно внимание, но не такое — «Ах, вы несчастные, сейчас я вас пожалею». Нужно, чтобы им было кому рассказать о том, что их тревожит, если не сложилось с родителями и друзьями.

Как бы то ни было, они должны знать, что родят своих детей, и у них будет своя семья.

Я пыталась объяснить одной из девочек: «При чем здесь твоя мама? Ты — это ты». Но она твердила: у меня наследственность. То есть она программировала себя. Хорошо бы психологу с этим поработать.

Они думают, что они виноваты, если с ними плохо обращаются. Их нужно настраивать на любовь, созидательный лад, чтобы они друг к другу с уважением относились. Потому что наше общество порождает конкуренцию, выживает сильнейший, весь этот социал-дарвинизм. Кто сильнее — тот и выжил. Это не вариант.

У меня не совсем верующая семья. Я иногда папе говорю: ну что ты этот телевизор смотришь? Что там такого важного рассказывают? А родители мне: зачем ты так часто ходишь в храм?

На каком-то этапе жизни для меня мир начал отмирать, стали не так интересны вещи, машины и все в этом роде.

Мой прадед был священником в Елоховском соборе. Я, может, и могла бы от мира отказаться, но у меня есть молодой человек, ему тридцать три года, и я собираюсь за него замуж.

В пятнадцать лет красила волосы в белый выжженный цвет. Такая была странная. И вообще, жизнь начала познавать лет с четырнадцати.

Важно постоянно меняться. Тогда ты будешь счастлив.

«ХОЧУ ИДТИ К ДОБРУ»

*Ольга Качалка,
волонтер группы*

Много стран уже объездила: была во Франции, Англии, много где.

К волонтерству я недавно пришла. Так сложилось, что в голове засела мысль: живем мы не для себя, а для других.

Начала слушать радио «Вера», услышала объявление о «Даниловцах». Хочется все успеть, а особенно — попробовать себя в педагогической сфере.

Бывает, появляется гордыня: несмотря на то, что волонтерство кажется очень хорошим делом. Есть другая сторона медали, с которой тоже пытаешься справиться. Это интимный вопрос: стараюсь, чтобы «правая рука не знала, что делает левая». Мама моя не знает о том, что я волонтер, знает только муж. Хочу идти к добру, свету. Чтоб все было правильно, нужно работать над собой.

Муж к моему волонтерству хорошо относится. Долго думала, как это я буду поздно домой приходиться. Для меня семейное служение — одно из основных. Мама недавно увидела, как я делала цыпленка (мы говорили по скайпу) и сказала, что я занимаюсь ерундой. Человеку 32 года, а он лепит цыплят.

Здесь ребята из неблагополучных семей: алкоголиков, наркоманов. Есть дети, от которых отказались родители. Когда впервые пришла, поразило, что дети здесь более-менее адекватны. Больно смотреть на них: они ни в чем не виноваты, они жертвы неправильного воспитания, а вернее, его отсутствия. Настя рассказала, что дома одиннадцать детей и они голодают. Сама она учится на «четыре» и «пять», еще приходится подрабатывать, чтобы подкармливать себя и своих братьев-сестер. Мама постоянно пьет, папе и бабушке ничего не надо. Она говорит: «Хорошо, что я в больнице, здесь спокойнее».

Вдохновляет, когда малыши бегут за мной и кричат: «Оля! Оля, помоги!»

Радуется сама жизнь, Господь, радио «Вера».

«ХОЧЕШЬ ПРИКОЛ?»

*Тата,
девочка 12 лет, проходит лечение в больнице из-за панических атак и попытки суицида*

Выпишусь отсюда и поступлю на высшее художественное. Для этого мне нужно будет приложить все свои усилия, применить все навыки, которые я получила в Художественной академии, в которой я училась с пяти лет. Знаю Поленова, Шишкина, Репина, Левитана, Сурикова. Слегка играю на пианино. Что-то помню, а что-то нет. Моцарта знаю. Бетховен был глухой. Пишу сценарии, ставим их в школьном театре. По ночам могу писать. Очень люблю восковые фигуры мадам Тюссо.

Хочешь прикол? У меня дома две собаки и несколько попугаев. Мы раньше часто ездили в Крым. У меня даже кот зовут Коктебель. Мы его на крымской помойке подобрали. Два года подряд привозим оттуда котов.

Я тут уже месяцев пять: поссорилась с подругой, и она настроила весь класс против меня. Вылили огромное ведро помоев мне на башку. Я простила, но расстраиваюсь.

В этом мире я никому не нужна, и родителям тоже. Моя родная мать была наркоманкой. Мне кажется, я вся в нее. Приемная мама, которая дала мне свою фамилию, умерла от воспаления легких. Сейчас у меня вторая приемная семья. У меня есть еще сестры и братья.

Я как-то пришла домой. Стала делать уроки, но не смогла. Взяла тяжелую стеклянную вазу. Папа зашел в комнату, и я запустила в него вазой, но попала в зеркало. А не в папу. Хотя целилась... Ну ты поняла. Такое состояние было...

Ответь мне на один вопрос: как моя родная мама могла бросить такое чудо, как собственный ребенок?!

Мне нравится фильм «Хатико» о том, как в Китае священник присылает мальчику щенка. Этот щенок, когда его везут, теряется, и его находит мужчина. Он — профессор в каком-то музыкальном центре. Мужчина привозит его домой, начинает дрессировать. Имя этого щенка было Хатико, то есть «самый верный друг». Собака его провожала на работу и встречала с работы. Когда наступил этот день, все было

хорошо. Он начал крутиться, принес мяч. На работе хозяину стало плохо, он встал из-за пианино, сел на край сцены. Он так и не смог подняться, а Хатико девять лет ждал хозяина. Фильм говорит о том, что у каждого человека должна быть душа. Фильм основан на реальных событиях. Обязательно посмотри. Это все, о чем я хотела тебе рассказать.

«ДАНИЛОВЦЫ» НЕ ЧИТАЮТ ПРОПОВЕДИ

*Анна Рымаренко,
журналист, пресс-секретарь добровольческого движения «Даниловцы»*

Когда время волонтерского сеанса в психоневрологическом отделении подошло к концу, мой взгляд упал на девочку лет двенадцати, сидевшую отдельно от всех и сосредоточенно читавшую книгу. Я подошла к ней и спросила, что она читает. Девочка с вызывающим видом показала обложку: Стейс Крамер, «50 дней до моего самоубийства». Книга — дешевенький фанфик с розоволосой эмо на обложке, напичканный все теми же атрибутами тинейджерской субкультуры (вечные секс-драгс-рок-н-ролл, покуда мир стоит). Опус, написанный некоей шестнадцатилетней Настей Холовой в 2012 году. Написанный, мягко говоря, не гениально. А руки у моей юной читательницы и впрямь были покрыты многочисленными царапинами. «А ты знаешь, суицид — это когда духи зла убивают человека руками самого же человека, потом забирают гигантскую энергию человеческой души в свой банк, пользуются ею, как хотят, а часть ее используют против того, от кого эту энергию получили. Таким образом, самоубийство — это ужасно невыгодная штука», — выдаю я ей пересказ цитаты известного рыльского старца архимандрита Ипполита (Халина), умершего в начале 2000-х. Девочка внимательно и, как мне кажется, с пониманием на меня смотрит. Детям не разрешают носить крестики, так как считают, что с их помощью можно нанести себе какое-нибудь увечье. Кстати, в организации «Даниловцы» не принято читать проповеди. Но мне в тот момент не удалось выдать какой-нибудь другой экспромт. После подумалось,

что в таком случае можно было процитировать смешную Вупи Голдберг из фильма «Коррина, Коррина»: «Разве можно хотеть уйти из жизни, когда еще не попробовал все сорта мороженого? Разве стоит умирать, не попробовав «Мягкое», «Вишенку», «Праздник» и «Биг Пэнк?»

Не знаю, прислушиваются ли они к тому, что им говорят. Но хотелось бы, чтобы к этим девочкам почаще приходили хорошие люди, приносили умные книги, открывали для них новые горизонты, объясняли, что мир гораздо шире, чем им в данную минуту кажется, что, в конце концов, как говорят арабы: «Живая собака лучше мертвого льва, а живой осел лучше мертвого философа».

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ И ЛИС В ДЕТСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ № 6

*Ирина Нуриманова,
экс-координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице №6*

Сегодня я, лихорадочно собирая сумку перед перерывом в электричках, отчетливо начинаю сознавать, что заболела и идти не в силах. Звоню волонтерам, мы немножко волнуемся: что делать? Последние ключи остались у меня, поделок нет, игры заперты в шкафах... Отменять посещение? Но нас же ждут!

Девушки-волонтеры кооперируются: Юля находит в закромах клей, Настя ищет ножницы, из магазина прибывают листочки-квадратики для будущих цветов кусудамы. Потрясающе хорошая и нужная в этот момент новость: к нам возвращается наш «старенький» волонтер Настя Г., а с ней девочки могут разделить и посетить две группы!

Так и происходит. Юля и Настя Б. навещают старших, скачивают на мобильный телефон игру «Активити» и весело проводят время. Подопечные счастливы. Волонтеры — тоже.

Младшие, как обычно, прижимаются носиками к стеклянному окошку в двери. Настя Г. и Даша направляются к ним, обнимаются, учат делать цветки. Благодарные девочки даривают Настю и Дашу цветочками и пожеланиями.

Маленькая Д. передает Насте для меня рисунок «Маленький Принц и Лис». У Д. шизофрения, ее бьют в школе, не воспринимают одноклассники, родители стараются помочь малышке, но сами теряются, столкнувшись с диагнозом ребенка и не понимая, что делать. На прошлом занятии у Д. пропал клей, она повсюду его искала, и когда поняла, что мы ей верим и не обвиняем ее, то раскрылась. Ей очень нужно было рассказать свою историю, поделиться своей болью. И в благодарность — «Маленький Принц и Лис». А на листке: «Мы в ответе за тех, кого приручили», «Мы с тобой, как Маленький Принц и Лис!»

И я начинаю чувствовать себя лисом, которого согревает теплое отношение Маленькой Принцессы.

А вот В. в младшей группе все посещение проплакала. В. живет с бабушкой, у нее нет родителей. Бабушка не будет ее забирать. В. ждет интернат...

ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ, КОГДА ТЕБЕ ОДИНОКО?

*Мария Туманова,
экс-координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице №6*

«Я хочу к маме», «Когда меня выпишут?», «Я скучаю по дому», — именно эти фразы волонтер слышит в больнице чаще всего, по крайней мере, в младшем отделении. Не всякий малыш может спокойно перенести расставание с мамой, особенно, когда он в остром отделении.

Множество игр, занятий, фильмов используются в качестве прививки от одиночества, выбор деятельности зависит от вкусов подопечного.

К. любит раскраски и кроссворды, — подобные медитативные занятия отвлекают от унылого больничного бытия и не только.

Волонтерские вторники и четверги уже вошли в расписание работы больницы, дети знают, что к ним придут и ждут этого.

Мы придем с открытками, играми, декупажем, деревянными ангелочками.

Но самое главное, на мой взгляд, что мы придем с любовью. Вопрос, будем делать птичку или цветочки, кажется каким-то неважным, ведь так просто договориться, когда любишь.

Да, дети капризничают, да, часто вредничают. Но радость взаимного принятия друг друга затмевает все проявления детских капризов.

Когда можно погладить по голове, похвалить, поделиться чем-то радостным или грустным, выслушать самому, ободрить и просто улыбнуться ребенку, — это то, что наполняет сердце радостью.

Здесь легко стать любимым другом, которого будут ждать и встречать с поделками. Да, это временно, но, возможно, и в этом нуждаются наши подопечные.

За простой открыткой стоит что-то очень важное — детская Любовь и Вера. Это действительно так. Я в этом убедилась за год посещения 6-й психиатрической больницы. И я очень надеюсь, что в часы редких посещений детям становится не так одиноко.

СЧАСТЬЕ, КОТОРОЕ ВСЕ ЖДУТ

Ирина Нуриманова,

экс-координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице № 6

Ожидание встречи с подопечными в больнице после карантина всегда особенно волнует. Но в этот раз оно получилось особенно теплым и радостным. Не успели мы войти, как старшие девочки бросились к нам из своего класса в коридор, несмотря на протесты медперсонала, возвращающего девочек в небольшую классную комнату. Их передвижения ограничены четырьмя стенами в течение всего дня, поэтому общение, мастер-классы и игры с волонтерами здесь — счастье, которое все ждут.

Уже с порога мы узнаем, что теперь в нашем отделении не две, а три группы! Вздохнув, Маша идет в младшую группу делать цветочные букеты из бумаги, Юля направляется в новую группу разрисовывать деревянных ангелочков и ко-

тиков, а я возвращаюсь к старшим девочкам и занимаюсь с ними квиллинговыми открытками.

Старшие в беседе частенько начинают говорить о том, что их печалит, но в этот раз девочки решили поделиться уроками этикета и заодно помогли друг другу с открытками. К., немного тревожная, с испуганными глазами и тихим голосом, переживала за каждый лепесток: «Какого цвета мне сделать цветочек? Я боюсь все испортить...» Выбор давался ей с трудом, но она кропотливо работала над своей открыткой, усердно делая больше всех цветов.

А потом вернулась та часть старших, которых до нашего прихода забрали на занятие лепкой. «Вы пришли?! — завопила К. с порога. — Мы вас ждали весь день, надеялись, что вы сегодня придете, а потом расстроились и пошли на лепку!» — и ее подружка, полностью поддерживая К., кивала головой.

Ждали...

Машу в младшей встретили еще до того, как она вошла в группу. Дети прилипли носами к стеклянной двери и вопили: «Волонтеры!» А потом, как обычно, дружные объятия и бесконечные расспросы, куда же мы пропали на целых две недели.

Детки в трех группах ждут нас каждый вторник и четверг. Волонтеры здесь очень нужны и важны!

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ДЕВОЧКИ В МЛАДШЕМ ОТДЕЛЕНИИ?

Юлия Гусакова,

волонтер группы в детской психиатрической больнице № 6, координатор проекта добровольческого движения «Даниловцы» «Человек — человеку»

Конечно, о том, когда кого выпишут! Это генеральная тема, она проходит красной нитью через все наши встречи. Большинство сообщает о приближающейся выписке с трепетной гордостью, с радостью. Домашние сильно скучают по дому. А интернатовские, наоборот, зачастую грустят о том, что надо возвращаться. Тут ведь новые подружки, новое место, новые развлечения... Еще у интернатовских своя фишка:

кому сильно симпатизируют из персонала или волонтеров, тех называют мамами. Катя с гордостью показывает мне две сделанные открытки — оранжевая одной маме, зеленая — другой...

О мамах часто говорят и домашние девочки. О том, как они сильно соскучились. И чем они с мамой займутся вместе, когда вернутся домой. О бабушках говорят. Другие значимые взрослые встречаются в разговорах реже. Но случается, что в открыточном посвящении длиннейший список — и двоюродной сестре, и крестной, и дяде Сереже, и тете Вале, и кошке Мурке. Тема домашних животных тоже популярна. Кто у кого дома водится, и какой породы и пушистости, и чем его кормили...

Еще внутри детского коллектива свои «скандалы, интриги, расследования». Кто чей карандаш сломал или «открытку спер» (порой и без злого умысла, просто перепутал человек, однако подается это драматически; обычный такой ежедневный глубокий драматизм отношений в вынужденной тесноте «коммунального жилья»). Кто на кого какими словами ругался, кто кому спать в тихий час мешал. И какие последуют санкции, «если она еще раз так сделает».

Мы тоже интересуем девочек. Частый вопрос: почему мы стали волонтерами? И сколько нам за это платят? А если не платят — то кем мы тогда работаем? И со скольких лет им, девочкам, тоже можно стать волонтерами? Еще место жительства и возраст. «А Вам сколько?» — «А ты как думаешь?» — «Ну, 21, наверное... или 28? Или 40?»

Я их понимаю — определение возраста по внешности тоже не мой конек. Еще интересно, замужем волонтеры или нет. И есть ли дети. И где мы купили такие красивые бустики. И что у нее есть почти такие же, но только не тут, а дома.

Перед ужином тема разговоров — гарнир! Тут, конечно, лидируют завсегдатаи больницы, знающие наизусть очередность блюд примерного меню. После их веского комментария: «Гречка. Точно говорю!» спор смолкает. Перед нашим уходом многие интересуются, а куда мы после них пойдём? И когда придем еще? И можно ли сделать так, чтобы мы остались здесь и вообще не уходили? Что они нас любят. Благодарят за такие красивые открытки. И просят в следующий раз непременно чтобы с сердечками!

О том, как и почему они сюда попали, девочки сами говорят редко. Только если спросишь. Но волонтеры особо и не расспрашивают. Нет, мы тоже люди, и нам любопытно, конечно же! Просто зачастую нет времени этому интересу дать ход: девочек в пять-десять раз больше, чем волонтеров, и наше с ними внимание в выделенное время почти всегда сосредоточено на поделке. Может, оно и к лучшему. Потому что бывает, что волонтеры теряются и не знают, как реагировать на те или иные признания девочек — про побеги из дома, про глубокие ссоры с родными, про попытки самоубийства.

А вот еще кое-что. Это было прошлой, что ли, зимой. Пребывала в младшем отделении одна пациентка удивительной красоты с дивно длинными, тугими золотыми косами. Из-за этих кос про себя я называла ее Рапунцель. Настоящее ее имя из памяти стерлось, а наш разговор с нею — нет. Ну, как разговор... Она остановила меня в ряду между парт, и, глядя в глаза, о чем-то очень серьезно спросила. Интонация, ритм речи, выражение ее лица — все было обыкновенным, «русским». Но я ничего не поняла. Потому что это был не русский язык! Это был язык, понятный ей одной. Глоссолалия. Расстройство речи, которое свойственно при некоторых психических заболеваниях. В тот момент, когда она свой неземной вопрос требовательно повторила, у меня такое возникло чувство, что мозг мой просто раз! — и сложился, как карточный домик. Я смутилась и отошла. Мы с нею общались потом, но уже на русском.

А так совершенно обычные детские девчоночьи темы. Кто какие цвета любит или не любит. Или школьные предметы. Или мультики. И у кого какая кукла дома... И в этой ежедневной простоте порой трудно за какими-то внешними словами услышать и распознать речь внутреннюю. О том, что никому из нас не нужно приторно-карамельной жалости или тепличных условий. А что же нужно? Наверное, не ранящая искренность, уважение, внимание, приятие, равные отношения и верное товарищеское участие в нашей жизни. Так?

НЕ РАЗМЫКАЯ ОБЪЯТИЙ

Юлия Гусакова,

волонтер группы в детской психиатрической больнице № 6, координатор проекта добровольческого движения «Даниловцы» «Человек — человеку»

Комната гудит, как улей, возбужденная визитом волонтеров. Скоро начинаем. Девочки постарше помогают составить парты в один длинный стол, как на деревенских свадьбах. Наконец, портфели убраны, расставлены стулья, лучшие места отвоеваны. Суета, беготня, объятия и вопросы — все утихло. Мы «знакомимся» — волонтеры называют свои имена, а девочки по очереди — свои. Это, скорее, для концентрации внимания — детей всегда не меньше двадцати, и всякий раз новые, поди запомни! Мне, например, ни разу не удавалось. Нет, многих помню, конечно. Но не всех. Да и я тоже успела побывать и Олей, и Ксюшей, и Аней, и тетей, но чаще просто «а помогите мне, пожалуйста!»

Подопечных слишком много, волонтеров — слишком мало. Так всегда. Всегда надо больше. А группа — как море, у нее всякий раз иное общее настроение. То тихо и покладисто. То бойко, заинтересованно и весело. То агрессивно, бурно, с отниманиями гелевых ручек, обзываниями и попытками драк. То пасмурно, вяло, слезливо и обидчиво. И волонтер в этом море — кораблик, колышется в такт волнам. Сами девочки очень разные, как галька на пляже. Есть удивительно аккуратные, талантливые, старательные. Ясные, яркие и общительные. Или темные, тихие, глаз не поднимают. Кто-то изгваздал в клее и себя, и соседку, и стол, поделка тяп-ляп — но ведь человек делал! Старался, как мог. А если не получалось — то страшно рыдал и даже немного бился о стол головою. Вспыллил, все смял, выкинул! Ушел, надулся. Посидел немного, сдулся — снова делать пришел. Всякое бывает. Немного терпения — и получается оригинально. Не букетом, а тут и там, хаотично. Или цветочки и листочки гуськом, друг за другом. «Художник так видит».

Открытки готовы; девичье море, покидая длинный стол, разливается по комнате — кто на ковре хвастает суперрастяж-

кой и садится на шпагат, кто на диванчиках с волонтерами беседы беседует. Самые усидчивые все еще за столом — спешно дописывают и дорисовывают, делают вторую открытку — «Мне еще для бабушки очень надо, ну, можно?» — «А покажете, как птичек делать?» Вместе складываем из бумажных квадратиков всю птичью семью — птицу-папу, птицу-маму и птенчика-малыша. И они на нарисованных фломастерами крыльях летают туда-сюда через стол.

Воспитатель зовет на ужин. Девочки выстраиваются в ряд, требуют обещаний, что мы завтра придем. А, не завтра? Тогда когда? В четверг? Но точно придете? А что мы будем делать в следующий раз? Не уходите, оставайтесь с нами! Мы вас спрячем. Ну ладно, пока. Пока. И мы вас тоже любим. До встречи. Грохот стульев в столовой. Но одна бежит к тебе через весь длинный-длинный, бесконечно длинный больничный коридор — еще разочек обняться на прощание.

ПЕРВЫЙ ШАГ К ЯСНОСТИ

Юлия Гусакова,

волонтер группы в детской психиатрической больнице № 6, координатор проекта добровольческого движения «Даниловцы» «Человек — человеку»

Польза волонтерства для подопечных — деток, инвалидов, бездомных, больных, заключенных — очевидна и неоспорима. Но что дает волонтерство самому волонтеру?

К примеру, в нашей волонтерской группе около половины девушек, будущая или настоящая профессия которых связана с общей или клинической психологией. Для них походы к девочкам, помимо доброго дела, наверняка служат и чем-то вроде практики, деликатного знакомства со своей профессиональной средой. Есть девушки, которые любят рукоделие и рады научить этому детей. А есть те, которые любят детей и рады провести с ними время за любым занятием. Есть и такие, для которых поход к девочкам — вопрос веры, часть служения. Встречаются как просто любопытствующие — так и те, для кого волонтерство стало образом жизни. Сколько волонтеров — столько и разных причин,

как внешних — так и внутренних; и все они весомые, если подвигли человека встать и прийти. Но подробно могу сказать только о своей.

Для этого явления есть много названий — «настроение плохое», «уныние», «внутренний кризис», «депрессия»... Слова словами, но по опыту многим известно, насколько тягостными, жуткими и безысходными могут казаться состояния, которые за этими словами стоят. Еще вчера ты и не задумывался, как живешь — а сегодня уже потерял направление жизни. Будто упал и не в силах не то, что работать — даже встать умыться не в силах! Лежишь (неумытый) и думаешь — ну и зачем, и куда я живу?

Это я сейчас подшучиваю — а в тот момент мне было совершенно не до смеха. Я раз за разом перебирала все части своей жизни — но ни в чем не находила ни смысла, ни пользы, ни опоры. Надо было что-то делать с этим. Найти что-то новое, устойчивое, опереться и встать...

Описывать постфактум просто. А на деле было сложно, долго, с кучей сомнений. Но в итоге для меня такой спасительной опорой стали еженедельные посещения девочек в детской психиатрической больнице № 6.

Эти визиты и подготовка к ним, возможно, были и остаются единственным действием, по поводу которого у меня совершенно нет никаких сомнений — тут есть и польза, и смысл. Делить время с теми, кому сейчас непросто; занять, развлечь, отвлечь от тягостных переживаний. Тем самым отвлекая и занимая себя, да. Но это невидимая часть айсберга такая. А «над водой» — открытки мастеришь, болтаешь о пустяках; час прошел, второй пошел — и хорошо. Вроде незамысловато, но присутствует ощущение правильности происходящего.

Да и помимо поисков высокого смысла хочется просто жить любимым. Нужным. Чтобы тебя знали по имени, помнили и ждали. Внимательно слушали, уважали, ценили. Радовались тебе. Ну, а кто скажет иначе — просто самому себе в этих нуждах не признается, как мне кажется. И подопечные дают волонтеру все это — свое внимание, любовь, объятия, ощущение твоей необходимости, ценности здесь и сейчас. Это очень много — когда тебе кто-то доверяет, ждет, внимает и рад так, что бежит навстречу обниматься — а после заня-

тия не хочет отпускать. Вроде обыденно, но одновременно и очень, очень значимо!

Так сложность жизненной ситуации обернулась простой. Отпала необходимость что-то невероятное городить. Любовь, радость, польза, смысл оказались здесь, под рукой. Прямое действие. «Краткое пособие для начинающих: начните!» Из запутанных внутренних помрачений можно сделать простой первый шаг к ясности — стать волонтером.

ИГРА «ЛЕПЕШКА» В ДЕТСКОЙ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ № 6

*Ирина Мочанова,
волонтер группы, координатор волонтерской группы
в ДДИ № 28*

В нашей больнице сегодня игра. Этакий неформат. Ведь большинство наших подопечных уже привыкло к неспешной прелести поделок. Да и общаются друг с другом девочки мало, а когда ты что-то мастеришь, можно уйти в себя. Игру приносить страшновато. Тем более, что она непростая — «Лепешка». Все, что нужно — пластилин и бумага, и вот у вас максимум пространства для фантазии. А фантазировать иногда трудно, когда ты сомневаешься в себе и нуждаешься в одобрении окружающих, когда тебе сложно быть активным из-за принятых лекарств. Но опасения оказались напрасными — вскоре на столе появились кот, колобок, сердце, девочка с леденцом и то ли заяц, то ли собака (словом, персонаж волонтера). И понеслась игра!

Без преувеличения понеслась, тишина нам только снилась, и молчание за нашим столиком не повисало ни на секунду. Для меня такая активность была удивительной и очень радостной. Игра подразумевает, что вылепленные изначально персонажи претерпевают изменения, но только те, на которые автор фигурки соглашается. У нас не было ни одного случая, чтобы человек от этих изменений отказался! В итоге к финишу пришли весьма интересные и многогранные герои, которые нравились самим девочкам — а это важно, ведь они редко положительно оценивают свои творения!

ОДИН ДЕНЬ В 6-Й ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ

*Елизавета Чистякова,
экс-координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице № 6*

Я вхожу в комнату и говорю «Здравствуйте». Это — всем, воспитателям и детям. Воспитатели улыбаются и кивают. За эти годы они привыкли к нам, уже не относятся настороженно, больше разрешают. Дети кричат «Привет!» и «Что мы будем сегодня делать?» Отмечаю, что это лучше, чем «Что вы нам принесли?»

Иногда у меня есть ощущение, что я вхожу туда по вторникам и четвергам всю жизнь.

Теперь у нас есть ручка-ключ, в прошлом году разрешил новый заведующий, и мы можем сами открывать двери и перемещаться по коридорам и комнатам. Это про доверие.

«Что мы будем сегодня делать?» — интересуется новенькая девочка с рыжими волосами.

Мы сдвигаем столы и садимся вокруг, не без битвы за два околоволонтерских места.

Знакомлюсь с Рыженькой Девочкой.

«Я — Ася, я уже тут лежала на Пасху, мы еще деревянные яйца раскрашивали!»

Потом, в течение занятия, я вижу ее боковым зрением, узнаю черты. Какая она красивая. А еще сознательная, внимательная и очень аккуратная.

«Помоги, помоги», — обычно все наперебой. И сегодня.

Катя сидит напротив.

Катя здесь с начала лета или даже с весны. Очередная непростая и запутанная история. От нее отказываются приемные родители, один суд, второй...

Раньше она была очень тревожная и одинокая. Когда лежала у нас в прошлый раз, однажды вдруг пододвинулась ко мне и спросила: «А ты можешь меня обнять?» И это было для меня самым большим одиночеством.

Сейчас она радостная, рисует, делает разные красивые вещи, пока не накроет лень. Шутит.

«Лиза, а помнишь, в прошлый раз:

Я: Лиза, а я успею?

Ты: Успеешь.

Радостно, что игра помогла немного отвлечься от проблем, потому что часто беседы за столом получаются неприятными: от кого-то родители отказались, кто-то не прошел комиссию и его не выписали.

Спасибо большое координатору по сопровождению волонтеров — «даниловцев» Лидии Алексеевской за идею игры «Лепешка», которая, надеюсь, получит у нас свое развитие.

ПРО АНЮ

*Елизавета Чистякова,
экс-координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице № 6*

Бывают люди, которым очень подходят их имена.

В начале нашего общения я даже сомневалась: правда ли Аня, может быть, это моя личная ассоциация?

Ане тринадцать лет, в больнице она из-за конфликта с мамой, а еще у нее в прошлом — суицид. Это было истерическое желание привлечь внимание: «Я хорошо понимала, какие таблетки я пью и сколько». Это было импульсивно — факт.

Сейчас у нее семейная терапия, и Аня говорит, что эмоционально это очень тяжело, но она довольна: «Сегодня я сказала маме то, что в обычной ситуации никогда бы не сказала».

Она стала для меня одним из тех особенных детей, о которых хочется писать.

Она анализирует, рефлексивна, думает. Пытается понять причины, не совершать необдуманных поступков. Делает выводы.

Она много понимает, с ней можно говорить, как со взрослым человеком.

Ценит доброту, милосердие, помощь. Хочет стать донором, считает донорство самым лучшим видом помощи людям. Причем о донорстве заговорила сама и не в первый раз.

Какие удивительные бывают дети...

Я: А я не хочу...»

Смеемся.

Здесь много разных историй, здесь о страшном говорят просто. Буднично. О суициде, одиночестве, смерти и предательстве близких. О разных неразрешимых вещах.

Улыбаются, смеются, поют песни, рассказывают анекдоты, поддерживают унывающих новеньких, создают руками прекрасные вещи, живут.

Я хожу в старшую группу уже два с половиной года. Сначала мне было непонятно, как в узких рамках дозволенного заинтересовать скучающих подростков, таких разных и настороженных. Все складывалось постепенно, оказалось, очень много могут бумага и клей, очень много действительно красивого и удивительного.

Чаще всего я хожу туда одна, потому что занятия в двух группах идут одновременно, волонтеров мало, а в младшей они нужнее. От 10 до 18 маленьких детей с дефицитом внимания, скучающих по дому, по родному человеку.

Они любят незнакомые вещи, жадно хватают цветные листочки — так они хватают впечатления.

Они обнимают и ревнуют.

Примерно месяц назад случился день, когда я ходила одна и к младшим, и к старшим по очереди. Женька искала внимания. Она его просила, но не требовала. Если ей его не давали, ходила по комнате, играла с вещами, с моими сумками, потому что они для нее новы и интересны, и ей так нужны забота и новые хорошие впечатления. Я показывала оригами на группу, а Женьку поставила между собой и столом, чтобы она оказалась между руками. И она прижалась, притихла на какое-то время.

За эти годы много разных детей прошло через наши встречи, кто-то из них возвращается — выросший, изменившийся. С кем-то остается связь, кто-то просто запоминается, а кто-то тоже хочет стать волонтером.

И потом они все уходят в свои жизни, и приходят новые дети, и ты улыбаешься им так же, как и тем, знакомым и ставшим почти родными, с которыми у тебя уже есть общие шутки, общие слова, и снова привыкаешь к ним.

И неизменно радуешься вместе с ними, когда они выпиваются домой.

ВОЛОНТЕРСКИЙ ДЕБЮТ

*Кристина Конюхова,
волонтер группы*

Сегодняшний день очередной раз доказал мне, как много в нашей жизни стереотипов и как они нам мешают жить, пробовать и приятно удивляться. Придя в движение и выбрав группу, занимающуюся с детьми из психиатрической больницы, я ни секунду не сомневалась. Хотя, признаюсь, до первой практической встречи, моя богатая фантазия рисовала куда более страшную картину: детей, смотрящих в одну точку, для привлечения внимания которых мне придется скакать, как клоуну, темные коридоры с мигающими лампами, безумие и безнадежность, витающие в воздухе.

Видимо, я пересмотрела фильмов-ужасов. Сначала вне стен больницы я познакомилась с милейшим координатором проекта Лизой, которая мне объяснила все подробности и тонкости работы с проблемными детьми, и уже тогда я начала догадываться, что все не так мрачно. Отправившись к детям с остальными девушками-волонтерами, я не побоялась дебютировать в старшей группе от 12 лет, и мои опасения развеялись окончательно.

На нас с Лизой накинута кучка радостных детей, которые явно соскучились, а потом, сдвинув столы и заняв свои места, стали бойко вырывать материалы для нашего цветка-поделки. Сама я не занималась оригами со школы и была безумно рада столь приятному занятию. У детей обнаружился хороший опыт в конструировании поделок, поэтому не только я помогала им в затруднительных моментах, но и они мне объясняли, как сделать правильно, так как порой запоминали Лизины инструкции быстрее меня.

В конце нашего посещения, я подарила свой цветок девочке, у которой то ли не получалось сделать самой, то ли она не очень хотела и не старалась.

За эту улыбку можно отдать многое. В такие моменты понимаешь, как мало все-таки надо трудному ребенку в больнице: немного внимания, общение с любовью, просто доброе слово и улыбка в ответ... Спасибо «Даниловцам» за мои открытия и массу положительных эмоций!

СЧАСТЬЕ – В ПРАВИЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ

*Юлия Гусакова,
волонтер группы в детской психиатрической больнице № 6,
координатор проекта добровольческого движения «Дани-
ловцы» «Человек — человеку»*

Было это года четыре назад примерно. Предыстория такова: я длительно работала на крупном интернет-телеканале; это было интересно, это развлекало меня. Но в какой-то момент развлекать перестало. Произошло отчуждение от тех задач и обязанностей, которые я должна была каждый день выполнять. И стала я задаваться всякими неприятными вопросами: «Кому-нибудь вообще нужно то, что я делаю?» И ответы были неутешительными. Ну, уволилась. И тут же провалилась в какую-то черную яму. Так скверно мне не было никогда. Я с ужасом вспоминаю то время, серьезно! Настигло меня какое-то беспроглядное уныние. Я совершенно перестала понимать, кто я, зачем я здесь, для чего? Мне просто было плохо, все время плохо. Наверное, это была депрессия, я не знаю, меня не диагностировали. Хотя супруг, видя мое состояние, предлагал направить меня к специалисту, и если такой диагноз поставят — соглашаться на медикаментозное лечение. Но вот в России отношение к депрессии как к серьезной болезни пока еще не прижилось. Ну и я в национальных, так сказать, традициях решила заняться самолечением. Приложить к душе подорожник. К счастью, в этом случае вроде удалось. Однако повторять этот трюк я бы никому не советовала. Это было долго, болезненно и далось тяжело.

Дело — правое, я — на своем месте

И я стала пытаться в этом мраке ухватиться хоть за что-то, чтобы выйти к свету. Думала так: «Ну, хорошо. Положим, меня вогнало сюда отсутствие смысла и пользы в моей деятельности. Чем же таким мне хотелось бы заняться, что гарантированно имело бы для меня смысл и приносило бы ближним пользу?» Стала перебирать свои навыки и способности. И в какой-то момент в голове всплыло слово «волонтерство». Загуглила, стала смотреть сайты. На тот

момент внятным сочла один — сайт «Даниловцев». Там все было подробно и системно расписано: что за организация, кому помогает, какие есть группы, дни и часы посещения, адреса, отчеты... А по моему опыту, если люди в состоянии сделать себе внятный сайт — значит, у них и в голове ясность, и в организации порядок. Верно и обратное, кстати: если сайт неудобный и аляповатый, если там трудно найти необходимую информацию — значит, бардак всюду, лучше не связываться. Послала письмо, пришла на собеседование. Волновалась — жуть! Но все сложилось наилучшим образом. Пошла волонтерить в 6-ю детскую психиатрическую больницу. Это не было принципиальным выбором, просто именно эта группа показалась удобней других по времени посещения и территориальному расположению. Я как-то сразу плотно включилась в работу, координатор довольно быстро делегировала мне заготавливать поделки для младших и проводить занятия. И я два раза в неделю туда ездила. Когда я была с детьми, когда подбирала поделки, стригла заготовки из бумаги дома, мрачные мысли отпускали меня. Я чувствовала, что это дело верно и хорошо, что я на своем месте. Именно волонтерство и вытащило меня из мрака, у меня нет никаких сомнений на этот счет.

Я стала лучше себя слышать

Раньше даже не по себе становилось как-то — так мало оставалось от «той» меня, «ай-ай-ай, я себя теряю». Сейчас страх отпустил, есть даже азарт, интерес, к чему это все идет... Подопечные девочки углубили мою способность всматриваться и прогнозировать. А что им интересно? А что они смогут? Они разного возраста и способностей, — какая поделка может их объединить? Я научилась трезво оценивать свои силы: да, это интересно и вот это забавно... Но на сегодня у меня есть силы только на это. А вчера у меня совсем сил не было, и я почувствовала это и не ходила на посещение.

Еще натренировалась мягко и внятно отказывать. Просто на посещениях ты явно можешь наблюдать, как разворачивается этот процесс, как, казалось бы, благие намерения приводят к полной катастрофе. Например. Есть подопечный ребенок. Он, положим, тебе симпатичен больше остальных. И очень хочется сделать ему что-то особенное! Даришь

подарок. А в больнице группа тесная, все на виду. Даже если ребенок не похвастается тем, что его выделили (а скорей всего, он похвастается). Пойдя на поводу у своих чувств, осчастливив себя и своего маленького друга, ты делаешь несчастными остальных 20 детей и получаешь 20 претензий: «А почему ей подарили, а мне — нет? Я тоже хочу!» В следующий раз уже отказываешь. Отказываешь в лишнем листочке картона, в «а подарите мне клей», в «а дождитесь нас с ужина». И не потому, что ты такая жестокосердная и жадная, вовсе нет — просто уже знаешь, что если не откажешь сейчас — потом будет гораздо трудней.

Подопечные показывают нам, как можно жить иначе

Поднаторела еще и в том, чтобы не бояться чувствовать, говорить о своих чувствах другим людям, просить их о чем-то, стараться договариваться, идти на компромиссы. Еще я раньше очень умничать любила. «Ко-ко-ко, — говорила я, — а тут-то можно так и эдак, и почему же имярек этого не делает?» Практика показала, что у всех есть свои причины. И если причина мне неизвестна, это еще не значит, что ее нет, или что она незначительна. Что-то не так? Готова своими руками поправить? Поправь, если другие не против. Не готова? Так и нечего своим кудахтаньем воздух сотрясать.

Еще поняла, что стереотипное отношение «Ах-ах, бедные деточки в больнице, как мне их жаль», — это от незнания ситуации. Когда находишься внутри, ясно видно, что для жалости здесь нет места. Жалость унижает жалеемого и возвышает жалеющего, а подопечный и волонтер в некотором смысле эквивалентны, равноценны. Еще подопечные зачастую живут в более медленном ритме, что ли. В том смысле, что так называемые «нормальные» потребляют ежедневно тонны информации, людей, событий, вещей... А оно нам надо? Или мы делаем это по одной причине — просто потому, что не можем не делать этого, не можем прекратить, остановиться?

В этих ваших интернетах меньше сидеть стала. Раньше что-то все комментировала, мнение выражала, спорила... На фоне волонтерства это вообще потеряло смысл. И вот что удивительно — все прекрасно продолжают жить без моих искрометных комментариев! Одним словом, сплошные плюсы от волонтерства, как ни крути.

Хорошо бы всем начать с себя

Кажется, мы порой сильно увлечены тем, что надо, модно, уместно, правильно, привычно. И за всем этим забываем о том, что лично нам нравится, чего лично мы хотим. В этом смысле каждому хорошо бы стать чуть внимательней к себе, к своим истинным чувствам и желаниям. И тогда, возможно, человек начнет меняться. А следом за ним и страна, и мир. Потому что Россия, народ — это же не кто-то там. Это мы и есть.

Потрясает их фантастическое жизнелюбие

Подопечные все по-своему впечатляющие и необычные. Есть К., она сирота, — однако настолько дружелюбного, жизнерадостного, но в то же время себе на уме и уважающего себя человека я не встречала нигде! Или В. — однажды она легла грудью на пазл — буквально! — и никакие уговоры волонтеров и воспитателя ее не сдвинули. Просто она хотела собирать его сама, а не вместе с другими девочками. Вот это внутренняя сила, умение настоять на своем. Однако через год она уже умела работать в команде — и это был суперпрогресс. Или другая В. из группы в ДДИ №28. У человека ДЦП, тело не слушается — но она настойчиво делает то, что доступно, и шутит, и хохочет! Фантастическое жизнелюбие и принятие ситуации! Или мальчишки из старшей группы ДДИ №24 — на фоне открытости, бесстрашия демонстрировать себя, свои умения, свой интерес к нам, взрослым волонтерам — и в то же время сдержанность какая-то, особое личное достоинство... Все это впечатляет. Таких историй тысячи, я не преувеличиваю.

Волонтерство подходит разным людям

Практика показывает, что для волонтера любого темперамента, склада характера и творческих способностей найдется свой подопечный, который будет дружен именно с ним, и ждать будет именно его. Это ежедневное волонтерское чудо, и волонтерить можно пытаться каждому! Другое дело, что людям приветливым, спокойным, уравновешенным, внимательным к своим и чужим границам заниматься социальным волонтерством будет проще, и подопечным с ними, возможно, будет комфортней. И здорово, конечно, когда у волонтера есть тяга к творчеству, рукоделию — через это легче проявиться и завязать общение.

Мне, если честно, вообще не кажется, что волонтерство — это такой вот обязательный жизненный опыт для всех и каждого, нет. В том смысле, что Санкт-Петербург — впечатляющий город, конечно, и туда можно добраться разными способами — поездом, на машине, самолетом... А можно всю жизнь безвыездно жить во Владивостоке и в Питере не стремиться. Волонтерство — просто один из отрезков одного из маршрутов. Но все они равноправны, ни один ничем не лучше и не хуже другого. Это с одной стороны. С другой стороны, если обратить внимание, сколько вокруг развелось коучей, светочей и тренинговодов, станет очевидно, что у публики есть большой запрос на трансформацию. А волонтерство — это очень мощный трансформирующий инструмент, факт. И у него есть несомненные преимущества перед порой непрозрачными тренингами: этот опыт бесплатен и реально работает. Ну, научиться зарабатывать миллионы тут не получится, увы — а вот мужа или жену реально найти, есть прецеденты.

Волонтерство — очень отрезвляющий опыт

Насчет того, что в волонтерстве мешают. Мне кажется, как и в других областях, тут мешают иллюзии. Личные представления о том, какими должны быть те или иные люди или события, каким в них должен быть я. И вот когда мир вываливается из представления о нем — тут-то человек и обламывается. Волонтерство в этом смысле очень отрезвляющий опыт. Потому что и сюда идут люди с определенными ожиданиями (хотя порой и сами не отдают себе в этом отчета). К примеру, «вот я сейчас приду — и спасу всех несчастных!» Через такое очень больно упасть можно. Или что подопечные всегда будут послушными, благодарными, приветливыми. Да, это часто встречается! Но встречается и обратное, — они могут и дерзить, и материться, и врать. Им может быть неприятен волонтер, скучна активность. Подопечные — отдельные люди, и у них нет задачи ублажить волонтеров, точно соответствуя их ожиданиям. А выясняется, что волонтер все не так себе представлял, и к реальности не готов! Не готов к тому, например, что волонтерская деятельность в некотором смысле довольно проста, даже примитивна. Я имею в виду, что на посещениях мы с подопечными не всегда делаем что-то яркое и экстраординарное. Чаще волонтер просто

болтает с подопечным о чем-то повседневном, лепит из пластилина или открытки делает, а то и просто гуляет, катая подопечного в колясочке... Так вот, отсутствие ярких впечатлений или явного результата посещения тоже может обломать волонтера.

Нигде не встречала столько хороших людей

Мне кажется, наш руководитель Юрий Белановский — это удивительный человек. Он — как деликатный и терпеливый садовник, который рад тому, что все растения разные... У него, кстати, даже фотопроjekt есть на похожую тему — всякие фрукты, овощи и ягоды в разрезе. Тут такое выросло, здесь эдакое — и хорошо, пускай будет! Здесь аккуратно подправили, тут свисающий усик остриг, полил-удобрил... А тут не растет — и ладно, надо подождать... Какая у человека внутренняя свобода, какая смелость: именно так руководить! И вообще, сотрудники движения — это настоящий цветник.

Я нигде не встречала людей столь прекрасных душевных качеств в таком обилии. Полагаю, что секрет — в их мотивации. В том смысле, что в офисе человек может засидеться по разным причинам: страховка; зарплата высокая — или средняя, но стабильная; удобное месторасположение; привык; можно безнаказанно филонить; жалко профессионального образования — все-таки учился пять лет, и все в таком духе. А у сотрудников «Даниловцев», как мне кажется, мотивации похожи — «Это — важное для меня дело; я люблю свою работу; я на своем месте».

ВОЛОНТЕРСТВО ДОЛЖНО СТАТЬ МОДНЫМ ТРЕНДОМ

*Ядвига Долгих,
координатор волонтерской группы в детском доме-интернате № 7*

Волонтерские организации — не секты

Первый мой опыт волонтерства был связан с помощью в организации мероприятия. Это был просто разовый проект, а не постоянное членство в благотворительной организации. Тогда у меня сформировался неоднозначный образ волонтера. Не могу сказать, что ощутила отдачу. Это было скорее механическое выполнение работы, знакомство с новыми людьми. Настоящую вовлеченность в дело я смогла ощутить только в «Даниловцах», работая с детьми. «Даниловцы» — это неотъемлемая часть моей жизни, место, где забываешь о быте и суете.

Одна из главных проблем волонтерства в России — отсутствие у людей адекватного образа волонтера. Мой опыт показал, что все воспринимают волонтерство по-разному. Кто-то уверен, что волонтерские организации — своего рода секты. Кто-то воспринимает волонтера как бесплатную рабочую силу. Это происходит потому, что люди совершенно не понимают, в чем заключается суть волонтерской деятельности.

О новой группе в «Даниловцах»

В детский дом-интернат № 7 я начала ходить задолго до официального открытия группы в «Даниловцах». Несколько лет воспитанников интерната навещали волонтеры из компании «Газпром», но в этом году она переехала в Санкт-Петербург вместе с большинством сотрудников. Координатор группы волонтеров «Газпрома» предложила «Даниловцам» посещать их подопечных. Мы с радостью приняли эту новость.

Первое время я ходила в ДДИ с двумя волонтерами, чтобы привыкнуть к новому месту, адаптироваться, понять специфику детей. Волонтеры «Газпрома» приняли меня хорошо и оказались очень опытными в работе с детьми: воспитанники во всем их слушались, с удовольствием выполняя приготовленные задания. Если кто-нибудь начинал капризничать,

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ № 7

Краткая история волонтерской группы.

Первое посещение детей в детском доме-интернате № 7 волонтерами состоялось 6 октября 2017 года.

Подопечные:

Мальчики и девочки от 5 до 18 лет. Волонтеры навещают от 10 до 40 детей, в зависимости от количества добровольцев.

Цель посещения:

Эти дети наиболее уязвимы в социальном плане и больше других нуждаются именно в человеческом участии. При ближайшем знакомстве они оказываются такими же, как обычные дети, их особенности, связанные с умственными и физическими ограничениями, заметны только в первое время. У нас есть возможность совместными усилиями поддержать и развить их контакт с миром, привнести в их и свои жизни новые краски.

Формы работы с подопечными:

Волонтеры проводят развивающие игры и творческие занятия с детьми, общаются, гуляют с ними.

то волонтеры с легкостью находили общий язык и решали проблему. Своими добрыми делами они создали положительный образ волонтерства в целом, поэтому руководство ДДИ приняло «Даниловцев» с радостью. К счастью, нам удалось продолжить и даже несколько усовершенствовать благие начинания волонтеров-газпромовцев.

СМИ должны говорить о добровольчестве больше

Волонтеры будут всегда нужны обществу. У «Даниловцев» два раза в год (на Рождество и Пасху) проходят благотворительные ужины: волонтеры собираются, готовят еду, украшают помещение, сервируют столы, готовят развлекательную программу. Наши гости — это пожилые, одинокие и малоимущие люди. Короткий репортаж в СМИ об этих мероприятиях смог бы привлечь к волонтерскому движению новых участников.

Волонтерство нужно сделать модным. Сейчас есть все возможные виды волонтерства. Надо заинтересовать молодежь, задать новую моду. Хотелось бы решить проблему неравных условий в детских домах, больницах и других социальных учреждениях по всей России.

Несерьезное отношение волонтера к своему делу

Это еще одна проблема, с которой мне пришлось столкнуться. Отчасти она, опять же, связана с отсутствием правильного образа волонтера у многих людей. Бывает, в группе появляются новые люди, ходят какое-то время, а потом бросают. Причины разные, в том числе, угасание энтузиазма. Волонтерство — это, в первую очередь, добровольное решение, но стоит помнить, что подопечные привязываются к людям, ждут. Поэтому добровольчество — не развлечение, а серьезная работа.

Социолог — это врач, который обследует общество

Сейчас я студентка пятого курса Московского государственного университета. В профессию привел интерес ко всему новому. Социология как образовательное направление в России сформировалось относительно недавно (в 1989 году был создан первый социологический факультет). У такого специалиста большой выбор в плане трудоустройства: он может быть маркетологом, аналитиком, политтехнологом и так далее. Меня привлекла и другая цель социологов — выявить острые социальные проблемы и спрогнозировать возникновение новых. На мой взгляд, социолог — это врач для общества.

Мы не можем говорить о нашем обществе как о гуманном, пока существуют бездомные

Как социологу мне часто приходится сталкиваться с таким понятием, как социальная проблема, но лишь на уровне теории. Волонтерство позволило взглянуть на эти проблемы в реальной жизни. Несмотря на то, что мы живем в современном развитом государстве, проблема бездомности не перестала быть острой. Социальные службы и волонтеры пытаются помочь таким людям организацией пунктов кормления, медицинским обслуживанием, но их число не уменьшается. Можно сказать, что такие люди были всегда, и это нормально. Но мы не можем говорить о нашем обществе, как о гуманном, пока есть люди, которые зарабатывают на жизнь попрошайничеством или сдачей бутылок. Безусловно, многие люди самостоятельно выбирают такой образ жизни, но наша задача — хотя бы попытаться мотивировать их изменить жизнь.

У особенных людей должно быть то же, что и у обычных

Одна из самых крупных проблем, на мой взгляд, — проблема инвалидности. Она очень масштабная, и надо стремиться к тому, чтобы в каждом здании было все необходимое оборудование для людей с ограниченными физическими возможностями, а у людей с умственными отклонениями была возможность проходить жизненные этапы наравне со всеми. У таких людей должны быть работа, досуг, коммуникация. Именно с этой категорией людей я сейчас сталкиваюсь чаще всего.

Почему бы не помочь хоть кому-то?

У меня есть мечта: хотелось бы, чтобы волонтерство стало трендом, чтобы обычные люди проявляли больше сострадания к тем, кто очень в этом нуждается. И не просто в жалости, а именно в существенной человеческой поддержке. Многие люди, сами того не замечая, тратят немало времени на пустые занятия. Так почему бы не пересмотреть время и бюджет и не помочь кому-нибудь? Волонтерство заставляет переосмыслить свою жизнь. Хочется, чтобы окружающие серьезнее относились к социальным проблемам.

Волонтеры, мы ждем вас!

Наши волонтеры — в основном девушки. Не хватает именно молодых людей, ведь наши подопечные — мальчики, им было бы интересно пообщаться со взрослыми парнями, поиграть с ними в футбол или другие мужские игры. В свою

очередь, волонтеру приятно почувствовать себя наставником, дать полезный совет младшему. Волонтерство — это новые знакомства, новые друзья и опыт. Группе ДДИ № 7 всего месяц, а волонтеры уже сдружились, мы с удовольствием рассказываем друг другу о каких-либо новостях, радостях или проблемах в жизни. Очень приятно чувствовать поддержку единомышленников не только по работе, но и в обычной жизни.

Волонтерство — это маленькое счастье

Волонтер — не только человек, который регулярно приходит к детям: он также должен получать отдачу от этой деятельности и самореализовываться. Сейчас моя цель — создать яркую, активную группу, которая сделает детей чуточку счастливее. Больше всего таким детям не хватает общения, контакта, нового, интересного, необычного. Волонтеры выступают не только в роли помощников во время мастер-классов, но и как товарищи, с которыми можно поделиться новостями.

Бывают моменты, когда очень устаешь, и сил едва хватает на то, чтобы добраться до дома. Возникает мысль: «Не пропустить ли встречу в этот раз?» Но, переборов это ощущение, идешь в ДДИ. И вот буквально после первых десяти минут занятия открывается второе дыхание. Потом выходишь из ДДИ и понимаешь, как хорошо, что не поддался усталости: настроение хорошее, прилив сил необыкновенный, а дети и волонтеры довольны — это и есть маленькое счастье.

Материал подготовила Анна Рымаренко.

МУЖЧИНЫ, ИДИТЕ В ВОЛОНТЕРЫ!

Этот материал был впервые опубликован в блоге добровольческого движения «Даниловцы» на портале «Сноб».

Юлия Гусакова,

координатор проекта добровольческого движения «Даниловцы» «Человек — человеку», волонтер группы в Детской психиатрической больницы № 6

Стою возле детского дома-интерната для умственно отсталых детей № 7 (официальное название — Центр содействия семейному воспитанию «Юнона»). Тут живут дети от 0 до 18 лет, их около ста человек. И сироты, и семейные (последних больше, их периодически забирает родня — вечером, или на выходные, или на каникулы). Интернат окружен высоким глухим забором молочного цвета, на столбах через каждые несколько метров — глазки камер. На заборе табличка: «На объекте установлен пропускной режим. Объект находится под круглосуточным видеонаблюдением». Так охраняют что-то особо ценное — или наоборот, крайне опасное. И как это относится к детям, которые тут живут?

Внутренние территории закрытых заведений почти всегда очень уютны, но эта превосходит все, виденные мною ранее. Множество глиняных фигурок, клумбы, деревья, прудик с фонтанчиком, фантастический ландшафтный дизайн, беседки, росписи на заборе изнутри... А вот и группа идет нам навстречу: мальчики темной стайкой выются вокруг воспитательницы Кристины, человек шесть-восемь. Раньше было больше, человек двадцать — но многих усыновили. «Разбирают детей».

Пока наши волонтеры ходят в одну из групп, которых в интернате много, и девочки есть, и постарше, и помладше, и колясочники... Это пока неизведанные территории, как говорит координатор волонтеров нашего добровольческого движения «Даниловцы» Ядвига Долгих. Пока. Ребята нам обрадовались, но обнимается со всеми только Вася. Остальные не торопятся, присматриваются. Сдержанные, независимые. Один, ниже всех ростом, с синдромом Дауна, схватил меня

было за руку, прошел так пару шагов, но высвободился, сам идет. Это Ваня.

Мы дошли до веранды. Саша с Никитой сразу бросились к подростковому велосипеду, и Кристина разрешила им покататься — туда и обратно вдоль корпуса, сначала один, потом другой, по очереди. Катаются и улыбаются. Ядвига достает файл с нарезанной бумагой — можно сделать аппликацию цыпленка, который вылупился из яйца. Вася принялся клеить, и Артем, волонтер Полина ему помогает, и второй Ваня тоже. Он высокий, белокожий, брови у него светлые, и смешные, еще ни разу не бритые усики, тоже светлые, пушатся над верхней губой. Ему помогаю я. Он молчалив — только «да» и «да» на мои вопросы по поделке. А потом говорит: «Я скоро домой уеду отсюда». Он тут недавно, новенький.

Ваня, который первый, невысокий — энергии в нем море! Кружил вокруг веранды, всем каштанов принес — вот тебе, тебе и тебе, а тебе — два! Кидал каштаны, и на крышу попал, и в стену попал, и по голове кому-то чуть не попал! А у стены еще мальчишка, он цыплят не клеит с нами. Стоит, ритмично качается, как-то хитро крутит кистью руки, иногда вскрикивает негромко что-то невнятное. Но Ваня! Ваня — это что-то. Речь у него скудная, да, однако это с лихвой компенсируется всем остальным. Эмоции он выражает жестами, лицом, всем телом. Мгновенно он весь, например, превращается в негодование и ревность, когда общаешься с кем-то другим, тянет, хмурится, качает головой, упирает руки в боки, топает. А потом весь обращается в деловую сосредоточенность — набегался, подсел к нам, тоже цыпленка делает. Показывает на меня:

— Ты?

— Юля.

— Так... Алёна!

Нарекаю тебя Коловратом, да.

— Нет, Юля! — пытаюсь протестовать я.

— АЛЁНА! Она? — показывает на Ядвигу.

— Ядвига, — отвечаю.

— Эх! — и машет рукой — мол, много вас здесь таких ходит, поди упомни всех по именам...

— Ты?

— А ты вспоминай, знаешь же! — не сдаётся Полина.

— Э-э, — тянет Ваня, — а лицо хитрое-хитрое — мол, меня на мякине не проведешь, ишь, что затеяли!

— Мама! — быстро нашелся он, — мама!

Детдомовские часто обращаются к нам «мама». Вася Ядвигу тоже мамой зовет. Особенность у них такая.

— Ну, мама так мама, — оттаивает Полина.

И все смеются. Потому что Ваня — это бездна обаяния! Seriously вам говорю.

За занятие мы много чего успели. И цыплят сделали, и листья кленовые собирали, и каштаны кидали, и даже дискотека у нас была. Плясали все! Высокий Ваня сдержанно, Вася (его, кстати, в семью забирают скоро — здешняя работница, она уже нескольких усыновила, вот и Васю тоже) с букетом листьев, а Ваня маленький такого гопака выдавал! Вот откуда что берется, а... Что-то такое залихватски-русское, исконно-посконное сквозило в его движениях. Шапку даже заламывал, маленький мужичок! Ну, из носа немного течет. Так Ирина Михайловна подошла да и вытерла платком. Делов-то.

Ирина Михайловна... я было подумала, что это мама за воспитанником пришла — таким теплым-теплым, обыденным жестом она притянула мальчишечью голову к себе, будто много раз на дню так делает, будто это сын родной. Но потом тем же жестом она притянула и другого, и еще одного. Она несколько лет сюда ходит. Воспитательнице передает коробку сладкого — лучшим танцорам на десерт после ужина.

Пора идти. Кристина всех зовет, они окружают ее стайкой, как цыплята курицу-наседку. Ваня-маленький подбегает в ней справа, берет ее ладонь, и, заглядывая снизу в лицо, все повторяет: «Да, мама, да? Мама, да?» «Да, Ваня, — отвечает она, — да».

P.S. Волонтеров-девушек больше, чем парней. Почему так? Вопрос... Но если вы жена, мать, сестра, тетя, подруга, возлюбленная, — пожалуйста, расскажите своим мужчинам, что живут на свете такие вот пацаны. Может, мамы у некоторых из них и нет — но им есть, кого назвать мамой. А вот папой... Все эти мальчишковые дела и интересы — кто им покажет, кто научит, кто с ними сможет разделить мужскую жизнь всерьез? Непростое это дело, но кому-то оно точно по плечу.

ПЕРВЫЙ ПОХОД «ДАНИЛОВЦЕВ» В ДДИ № 7

*Ядвига Долгих,
координатор группы добровольческого движения «Даниловцы» в детском доме-интернате № 7*

В пятницу двери ДДИ № 7 официально открылись для волонтеров-«даниловцев»! Этот день был особенно важным, ведь предстояло не просто провести занятие с воспитанниками интерната, но и познакомиться с общей атмосферой ДДИ, наладить контакт с сотрудниками и войти в доверие к детям. Хочется, в первую очередь, выразить огромную благодарность всем-всем волонтерам за поддержку, веру и помощь в этом непростом деле!

Открыть сезон посещений ДДИ № 7 предстояло нам с Полиной. Прежде чем отправиться к детям, мы зашли представиться к заместителю директора по социально-воспитательной работе. Теплый прием добавил хорошего настроения, с которым мы отправились в группу «Почемучки». Воспитанники были рады встрече: начали обниматься, знакомиться с Полиной, делиться новостями. Быстро подготовив рабочее место, мы приступили к мастер-классу: хотели сделать осеннюю подделку из пластилина. В группе было шесть мальчиков, каждый хотел внимания и помощи волонтера. Поэтому сначала было немного страшно от того, что не удастся создать рабочую атмосферу в группе и уделить всем внимание, но опыт, коммуникабельность и открытость Полины, а также участие воспитательницы помогли успешно провести занятие и сохранить организованность.

Первое официальное посещение запомнилось уютной и дружелюбной атмосферой. Я искренне верю в то, что группа будет развиваться, пополняться новыми и активными волонтерами, а все трудности с легкостью преодолеваются!

КАК СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ? ДАРИТЬ РАДОСТЬ ПОДОПЕЧНЫМ!

*Ядвига Долгих,
координатор группы добровольческого движения «Даниловцы» в детском доме-интернате № 7*

В группе волонтеров ДДИ № 7 пополнение: теперь «даниловцев» четверо! Новые волонтеры поделились впечатлением от первого опыта работы в группе, а я спешу поделиться ими с нашими читателями. Надеюсь, к нашей группе присоединятся еще больше людей. Детям очень нужна наша поддержка!

Итак, рассказы волонтеров нашей группы:

Лена Карпова:

Как ни странно, я практически не волновалась, после общения с координатором Ядвигой я была уверена, что все пройдет хорошо. Ядвига рассказала мне о детях, об их особенностях, интересах, характере, немного об их нелегких судьбах.

План был следующий: мы собирались мастерить поделки из засушенных листьев (ребята собрали их на прошлой встрече-прогулке). С порога мальчишки встретили нас радостными возгласами, побежали обниматься с Ядвигой и рассказывать о новостях и планах.

«Какая теплая обстановка, как рады дети приходу волонтеров!» — промелькнуло в голове.

И правда, увидев новеньких, а нас было двое, они нежно приветствовали нас, пригласив в комнату. Мы сразу приступили к делу — под шумные, одобрительные комментарии мальчишек высыпали на стол содержимое пакетов (заранее подготовленные Ядвигой головки ежиков и рыбок, вырезанных из листьев) и уселись за стол. Ребята были увлечены! Каждый, под руководством волонтеров, творил — у кого-то хвост рыбки был сделан из засушенных кленовых листочков, а кто-то решил добавить зеленых, свежих. Мальчишки гордо показывали взрослым.

Время пролетело незаметно. Когда мы уходили, мальчишки уже садились ужинать.

«Когда вы придете в следующий раз?» — спросил меня Вася (мы с ним, по его собственному предложению, добавок ко всему сделали аппликацию с медведем).

Я, наверное, даже ждала этого вопроса: «В следующую пятницу, через неделю, совсем скоро!»

Никогда еще вечер пятницы не казался мне таким чудесным. Спасибо мальчишкам, за то, что провели его со мной! Спасибо «Даниловцам» за возможность чувствовать счастье!

Марина Щербакова:

Первая поездка в ДДИ №7 прошла как нельзя более удачно. Все мои волнения и опасения развеялись в первую же минуту. Активность и приветливость ребят поражает. Знакомство прошло настолько непринужденно, ребята нас встретили теплыми объятиями, а самый маленький, Ванечка, ткнул ручкой мне в живот с вопросом, кто я такая. Я назвала свое имя, и он сразу опустил ручку, как бы приглашая меня пройти. А уже через десять минут мне стало казаться, что мы все большие друзья.

То, с каким интересом ребята с нами занимались, очень вдохновляет, и я счастлива, что у меня есть такой шанс учиться чему-то новому вместе с ними! Особая благодарность «Даниловцам» за такую возможность!

ВОЛОНТЕРСТВО ОКРЫЛЯЕТ

*Олеся Головкина,
волонтер группы добровольческого движения «Даниловцы»
в детском доме-интернате №7*

Совсем недавно я пришла в социальное волонтерство. Моя цель заключалась в том, чтобы дать внимание и любовь тем, кто в этом нуждается и стать более счастливым человеком. Мой выбор пал на ДДИ N 7, в нем — группа мальчиков от восьми до тринадцати лет. Перед первым занятием с ними я очень волновалась и боялась, что дети меня не примут.

С первых минут меня одолел страх: ко мне обратился мальчик, но я не могла разобрать, что он хочет мне сказать. Огромное спасибо чуткому координатору Ядвиге, которая сразу же заметила эту неловкую ситуацию и пришла мне на помощь. Мы приступили к занятию, первые 15 минут

было сложно, но затем я смогла адаптироваться и начала сама принимать активное участие.

Мне тяжело описать словами чувства, которые я испытываю, когда дети меня обнимают и искренне улыбаются, когда я прихожу к ним, дарят мне крылья и наполняют меня светом изнутри. Нет ничего более настоящего, чем их счастливые глаза. Я бы хотела дать им как можно больше понимания и поддержки.

ТЕАТР ТЕНЕЙ В ДДИ №7

*Ядвига Долгих,
координатор группы*

Как обычно, в понедельник я думала над новым интересным занятием для подопечных ДДИ №7. Решение было принято. Новый год уже совсем скоро, пора создавать праздничное настроение из бумаги — будем делать снежинки в разных техниках. Я готовила материалы, но пришло сообщение от нашего волонтера, Олега Цыро. Есть идея! Можно сделать из учебного класса детей настоящий театр теней. Так, снежинки отошли на второй план, а к нам в гости приехал Олег с замечательной задумкой, которая прошла на ура. Своими впечатлениями о прошедшей встрече делятся наши новые волонтеры, Михаил, Полина и Александра, и сам режиссер — Олег.

Олег Цыро:

Я очень волновался, ведь я впервые был режиссером сказки. Много чего нужно было успеть сделать. Раздать роли, нарисовать и вырезать персонажей, подготовить место и экран действия, персонажей, освещение. Благо, что в этом всем помогли дети. Они своими руками создавали сказку, вырезали деревья, персонажей, домик. Ребята-волонтеры помогали уже детям и мне. Было здорово, когда ребяташки включались в сам рассказ, передавая звуки птиц в лесу или реплики некоторых персонажей. Очень благодарная публика. Такую включенность детей в повествование хотелось бы увеличить. Это задача на следующие постановки. В целом сказка получилась. Красная Шапочка и бабушка были спасены храбрым охотником. И дети вместе с главной героиней сказки поняли,

что нужно слушаться старших, чтоб не попасть в лапы злого волка.

Михаил Погорелов:

Мы вместе с детьми делали театр теней. Сначала мы вместе рисовали и вырезали из бумаги персонажей. Потом ребята-волонтеры и дети разделились на зрителей и актеров нашего театра теней. Представление началось! Я был в команде зрителей и вместе с остальными наблюдал за сказкой. В завершении мы хлопали, ребята, наши подопечные, которые говорили за персонажей, вышли и кланялись, как настоящие актеры театра. Было очень душевно и весело.

Полина Ермолина:

С «Даниловцами» я не так давно, и почему-то все мои визиты выпадали на уличные прогулки. Так что в ту среду было мое первое творческое занятие с детьми. Скажем так, творчество — это всегда весело, а когда ты работаешь в паре с ребенком — это еще больший заряд энергии и позитива. В среду мы делали театр теней, и мне очень понравилось, что все были вовлечены в процесс создания театра. Каждый ребенок работал в паре с волонтером, и у каждого была возможность создать своего персонажа. К тому же, у всех была возможность принять участие в постановке. Было довольно интересно играть роль Красной Шапочки, мамы, бабушки и еще, кажется, букета цветов одновременно, при этом хихикать с другими ребятами под импровизированной сценой в виде парты. В будущем хотелось бы попробовать сделать с детьми еще какую-нибудь постановку, так как эта удалась просто на отлично! И пусть у каждого со временем будет возможность посидеть под сценой-партой вместе со всеми!

Александра Котовская:

Мне очень понравилось! Я так волновалась перед встречей, но все мои волнения развеялись, когда я зашла в класс и дети нас радостно встретили! Ко мне подошел самый младший мальчик в группе и уверенно пожал мне руку. Потом мы начали бурно готовиться к представлению. Сначала мне показалось сложной задачей нарисовать и вырезать героев сказки, но мальчики прекрасно справились с этим! У нас получился настоящий театр теней! Были в восторге все, и дети, и взрослые. Время я провела отлично, жду с нетерпением нашей следующей встречи с детьми!

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ НАРКОЛОГИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ («КВАРТАЛ»)

Краткая история волонтерской группы.

Группа начала свою деятельность с 2008 г.

Наша команда состоит из активных волонтеров, готовых общаться с подростками, делиться своим опытом и впечатлениями от жизни без КАН (курение/алкоголь/наркотики), проводить творческие встречи (мастер-классы, квесты, викторины).

Подопечные:

Подростки от 12 до 17 лет.

Нуждаются во внимании и признании их достижений, даже если сначала не хотят контактировать с волонтерами или ведут себя неактивно.

Цель посещений:

Постараться раскрыть талант и способности каждого ребенка (насколько это возможно в данных условиях).

Поделиться интересующими нас (волонтеров) темами с ребятами. Показать подопечным, что жизнь без химической зависимости намного ярче и интереснее. Просто быть рядом.

Формы работы с подопечными:

Мастер-классы, настольные игры, викторины, квесты, фильмы/видео.

В ДЕТСТВЕ Я ЛЮБИЛА ЧИТАТЬ О ВОЙНЕ, А НЕ О СВЕТСКИХ РАУТАХ

*Анастасия Коломина,
экс-координатор волонтерской группы*

— **Как ты попала в волонтерскую среду?**

— Я с раннего детства считала, что должна быть самостоятельной. Было много вариантов. Решила пойти в социальные работники. Денег это не приносило, но зато я получала много информации, работая с ветеранами Великой Отечественной. Ведь пожилые люди — это бездонный колодец воспоминаний. Они все время пытаются передать свой опыт. Потом я разослала анкеты в разные организации, связанные с социальным волонтерством. И «Даниловцы» откликнулись.

— **Что именно интересует тебя в волонтерстве?**

— Каждый человек может оказаться в сложной ситуации. Недавно читала статью о родителях детей-инвалидов. И там был заголовок: «В чем виноваты такие родители?» Из статьи следовало, что ни в чем. У обычных родителей может родиться ребенок-инвалид или ребенок-наркоман. Из-за плохой экологии, стрессов и много чего прочего. Не там ищут вину.

Мне не нравится, когда оказывается огромное давление на людей, которые не встраиваются в систему. Я знакома со взрослыми людьми с умственной отсталостью. Знакомая работает в студии-мастерской, где занимаются с такими людьми. Одна из самых страшных вещей — когда родители всячески ограждают человека с ОВЗ от общества. Мама не вечна, к сожалению. И если ребенок не адаптирован социально — один он не выживет. Моя знакомая Света, которая возглавляет эту мастерскую, рассказывала интересные

истории. Например, как кто-то приходил с особенными людьми в общественное кафе. Сначала люди отсаживались, косо смотрели, официанты не обслуживали. А потом со временем привыкли, поняли, как надо общаться. В нашем обществе многие проблемы появляются из-за страха перед людьми с определенными проблемами.

— **Скажи, пожалуйста, как дети оказываются в наркодиспансере, если в России запрещено принудительное лечение?**

— Они попадают туда из детских комнат милиции, например, в состоянии передозировки. Некоторые стоят на учете. Там находятся подростки до 18 лет. Лежат с разными проблемами: алкоголизм, наркомания, токсикомания.

— **Как нужно вести себя волонтеру, чтобы оправдать возложенные на него задачи?**

— Подопечные очень привыкают к тебе. Появляется ответственность. Нужно ходить регулярно. Это очень важно. У нас в группе была большая текучка. В таких случаях и дети относятся к волонтерам поверхностно: сегодня ты есть, а завтра нет. И почему я должен раскрываться перед тобой? Когда ты узнаешь больше человека, понимаешь, чем помочь. Например, поближе пообщавшись с одной девочкой, я поняла, что она рисует, и это ее способ самовыражения. А если бы мы мало общались, я бы не обратила внимания на это. Я дала ей понять, что ресурсы есть. Если она захочет, мы можем сделать выставку, можем обеспечить материалами для рисования.

Я бы хотела не просто приходить и проводить с ними время, а попробовать направлять их, дать возможность развиваться. Я показываю им новые горизонты, а они пусть выбирают, что им нужно, а что нет. Когда девушка, о которой я говорила выше, вышла из наркодиспансера, ей предложили учить рисованию маленьких детей. Но она опять попала в больницу, сорвалась. Это был ее личный выбор. Словом, я прихожу и делюсь с ними тем, что мне самой интересно. А они делятся тем, что интересно им. Конечно, это не должно касаться наркотиков, алкоголя и прочего.

— **Что ты ребятам показываешь, как отвлекаешь от суровой действительности?**

— Однажды к детям приезжала мастер с гончарным кругом. Я была на дне рождения глиняной мастерской, по-

смотрела и говорю девушке-гончару: «Аня, это очень круто. Нужно показать ребятам». Она согласилась. И вот мы с этим гончарным кругом приехали. Детям очень понравилось.

Проводила викторину про космос. Думала: «Ой, что это я? Какой-то космос непонятный». А оказалось, что им это очень интересно. Обсуждали, задавали вопросы.

— **С какими трудностями сталкиваешься?**

— Случается, что не хочу идти. Но когда прихожу, понимаю, что сколько позитивных эмоций мне это дает. Это очень значительная часть моей жизни.

Среди моих подопечных было два Кирилла. Один из них негативно относился к волонтерам. Он бросался пластилином, не хотел общаться, сидел в углу с заносчивым видом. В очередной раз мы пришли, и я видела, что ему интересно. Потом Кирилл захотел научить меня играть в шахматы. И это было мое небольшое достижение: он открылся незнакомым людям, побыл в роли учителя. Это их тоже немного стимулирует. А второй мальчик по имени Кирилл единственный из всех задал мне вопрос: «А почему тебе дома не сидится?» Это был искренний вопрос. Он меня озадачил. Не буду же я пафосно отвечать: хочу, мол, делать добро. Я сказала: «Мне с вами интересно».

Потом мы с этим мальчиком читали Джека Лондона, и Кирилл так вдохновился. Я купила ему книгу этого писателя и подарила. Представь себе, он не мог поверить, что это ему просто так. Такой здоровый лоб, а расплылся в улыбке. Для него это было чрезвычайно важно. Для них вообще личное внимание очень важно. Здесь важно сохранять баланс. Любимчиков быть не должно.

— **Ты имеешь дело с подростками. Как удается контролировать их во время волонтерских визитов?**

— Есть три правила: не говорить об употреблении алкоголя и наркотиков, не материться и не допускать провокаций сексуального характера. То есть, они не могут трогать друг друга и волонтеров в том числе. Объятия — это исключение. Я не понимаю, как можно оттолкнуть ребенка, если он идет к тебе обниматься. Понятно, что это подростки, и у них любовь-морковь. Понятно, что когда они мило сидят в сторонке, я их не разгоняю. Может быть, и надо бы, но, когда я вспоминаю себя в их возрасте, мне кажется, что это очень жестоко.

— **Бывало ли, что волонтеры переступали дозволенные рамки?**

— Однажды пришел волонтер, увидел детей и начал причитать: мол, какие они бедные. Уверял их, что им нужно отсюда бежать. Дети услышали, и нам запретили приводить этого волонтера. Это очень жаль, потому что волонтер был классный.

— **Насколько успешно лечение в таких местах?**

— Я знаю трех детей, которые остаются чистыми. Происходят проверки принесенных нами вещей, потому что дети и даже их родители могут приносить какие-то запрещенные вещества. То, что дети проносят — это факт. Пронесут куреву и таблетки. Не знаю, как за этим проследить. Сделать жесткий режим, как в колонии? Но колония не исправляет людей.

— **Тебе самой когда-нибудь предлагали попробовать?**

— Я никогда не пробовала алкоголь, сигареты и наркотики. Это нежелание связано с личными историями, с людьми, которые употребляли и с людьми, которые болели алкоголизмом. У меня были более важные занятия, чем такое «веселье». У меня было очень занятое детство, огромное количество кружков. Мама сделала так, что у меня не было свободного времени, и тогда мне казалось, что это ужасно, так как не было времени погулять, полениться. Сейчас понимаю, что это меня спасло.

— **Чем ты планируешь заниматься в ближайшем будущем?**

— Хочу поступить на искусствоведческий, а потом опять во ВГИК. Сразу туда не получилось поступить, но я собираюсь штурмовать этот вуз до победного конца. Я бы хотела снимать художественные фильмы, так как мне очень интересно придумывать свой мир и алгоритмы, по которым он живет. Я уже отучилась целый курс в Московском институте телевидения и радиовещания «Останкино». Мне там не очень понравилось. Получилось, к тому же, что я не могла платить за учебу. Кредит брать не хотелось.

Когда я ходила на режиссерские курсы, мой учитель попросил меня изобразить смерть. Я, насмотревшись сериалов, начала причитать: «Ой! Как мне больно!» А преподаватель сразу и говорит: «Так, все. Стоп!» Он стал показывать сам:

упал, голова в неестественном положении — на тумбочке. Он просто лежал. И я поняла, что он мертв. Хочу достичь такого же высокого мастерства в своей профессии.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

НАРКОМАНИЯ В РОССИИ НЕ ПОМОЛОДЕЛА – ЕЕ ПРЕВРАТИЛИ В МЛАДЕНЦА

*Анна Рымаренко,
журналист, пресс-секретарь добровольческого движения
«Даниловцы»*

«Диктофоном здесь лучше не пользоваться», — просит координатор Настя Коломина. Мы подходим к зданию наркодиспансера. Прячу диктофон и жду в холле, пока решаются административные нюансы. Мы переобуваемся, берем какие-то большие картонные листы, пакеты с тканью и карандашами, поднимаемся по лестнице. Шагая по длинному коридору, заглядываю в комнаты. Там живут зачарованные Алисы, замедленные Каи, ускоренные Герды. На стенах яркие граффити. В комнатах слышен смех.

«Не обращай внимания, если будут спрашивать, что ты употребляешь и колешься ли. Они специально подначивают, но нужно избегать таких тем», — предупреждает Настя. Бывает, что употребляющие, особенно новички, хвастаются этим, считая себя чем-то вроде высшей касты, члены которой познали истину. Их общество смахивает на тайную секту с определенной системой верований и мистических предчувствий. Для человека употребляющего мир разделяется на своих и чужих, на понимающих и ретроградов, которые не знают, «как хорошо бывает». Они интуитивно вычисляют в толпе своих. Ежедневно, если не ежечасно, в это незримую ложу вступают тысячи новых адептов, уверенных, что занимаются расширением сознания и что «открыть духовные Америки им помогут психоделики». Бесконечная drug-пропаганда, желтые очки Джонни Деппа, матерные нигилистские хип-хоп речевки

бунтарей поколения нулевых, глаз в треугольнике, всенощные прыганья и ломания в клубах под «веществами» приводят-таки и к страху, и к ненависти. Только не в лучезарном заокеанском Лас-Вегасе, а в безжалостной каменной Москве.

Первой в комнату для занятий входит высокая и вполне здорового вида девушка. Ее зовут Стася (имя изменено — А. Р.). Пользуясь кратковременным Настиным отсутствием и нашим с ней тет-а-тет, девочка моментально заводит о главном. Ей 16 лет. С 13 употребляет амфетамин, экстази и героин. На вопрос, кто все это ей, ребенку, Стася отвечает, что это немного сложно, но возможно. Скачиваются специальные программы в интернете, разыскиваются нужные сайты. «А мама моя сейчас за границей. Отдыхает приблизительно на моем уровне», — саркастически усмехается Стася, из чего становится понятно, что семья у девушки отнюдь не бедная.

Приходят еще несколько ребят. Среди них — мальчик с характерной внешностью экс-употребителя спайсов и три развеселые, совсем маленькие девочки. Наркомания на постсоветском пространстве, как известно, уже не то что «помолодела», как любят выражаться наркологи, а и вовсе превратилась в младенца. Курительные смеси легко находят через интернет даже восьмилетние.

«Когда подростки поступают к нам под опиатами или кокаином, мы хотя бы знаем, чего от них ожидать. Когда привозят пациентов под солями и спайсами, в которых постоянно меняется формула, мы не знаем, что произойдет в тот или иной момент», — жалуются врачи. Несмотря на официальный запрет курительных смесей, бизнес этот по-прежнему процветает.

Настя уверенно общается с группой тинейджеров. Видно, что они к ней привыкли и относятся с уважением. Перед Настей стоит непростая задача: попробовать вернуть потерявшихся в зазеркалье в актуальное для остальных землян измерение. Как сделать это с человеком, для которого побег от реальности стал таким же привычным, как мытье рук или принятие лекарств от простуды? Как увлечь хоть чем-то тех, у которых организм долгое время в лошадиных количествах расходовал нейрогормоны, ответственные за нормальное настроение? Известно, что чем интенсивнее и ярче былой разбег, тем сокрушительнее последующая депрессия.

Как пел БГ: «Я бы рад помочь тебе, но ты за стеклянной стеной».

Мы со Стасей рассматриваем какую-то Настину книгу, разговариваем и пытаемся уследить за остальными, скручивающими из бумаги симпатичные деревца. Выясняется, что когда-то Стася была эмо. Что ей нравится музыка Людовико Эйнауди и фильм «Неприкасаемые» о темнокожем парне, который работал нянкой у больного француза. С интеллектом у Стаси все в порядке, но уровень эмоций, как водится, зашкаливает.

В наркодиспансере детей всеми возможными способами стараются избавить от химической зависимости. С ними работают психологи. В любое время суток можно постучаться в дверь к людям, которые были в такой же беде много лет назад, но справились и теперь учат маленьких правилам борьбы с внутренним и внешним злом. Но еще одна задача остается невыполненной: подросткам в этой ситуации жизненно необходимо показать новые горизонты, дать им возможность открыть в себе те или иные способности. Этим и занимаются волонтеры-«даниловцы».

Настя изо всех сил старается, чтобы человеческая жизнь и без допинга заинтересовала ребят хоть с какой-нибудь своей стороны. То мастер-класс по лепке из глины устроит, то инструктора по восточной гимнастике привезет. Случалось здесь благодаря Настиной инициативе множество интересных вещей: концерты этнической музыки, лекции по анатомии и электричеству от ребят с дизайн-завода «Флакон», тематические вечера со студентами МГУ, встречи с актерами и мотивационные тренинги. В планах на будущее: ролевые игры, обучающие связно выражать свои мысли, квест «Штирлиц в тылу врага», спектакль «Гадкий утенок», музыкальная выставка-викторина «Картинная галерея», фотоэкскурсия по Москве под названием «Где я?» и еще множество всего. Случается, что ребенок, увлекшись чем-то по-настоящему, начинает идентифицировать себя не с образом наркомана, а с образом человека-творца, увлекающегося фотографией или астрономией, конными прогулками или рисованием.

Один мальчик из наркодиспансера так прямо и спросил Настю: «А почему тебе дома не сидится?» На что та ответила: «А мне с вами интересно. И не потому что вы употребляете,

а просто так». На самом деле, цель Насти высока: показать подросткам, что если приложить определенные усилия, мир можно увидеть совсем с другой стороны. Что вселенная, где они обитают, большая и интересная, что не стоит жить в духе постоянного негативизма, сдобренного всплесками синтетической «любви».

Ребята вырезают из бумаги цветные фигурки. Стася рассказывает, что вообще-то она немного верующая, и Бог помог ей выдержать, когда в наркодиспансере дважды появлялись вещества. Несмотря на старания врачей, происходит это довольно часто. Как только на пороге наркодиспансера показываются вновь прибывшие, действие развивается почти как в песне Андрея Родионова:

Оба сутулые, злые,

Члены одной ложи.

— Есть? — спросил Уильям

— Нет, — ответил Сережа.

Происходят и более неожиданные вещи: случается, что, безмерно заботясь о чадах, вещества тайно пытаются пронести их родители. «У всех ведь разное представление о счастье», — комментирует Настя.

Настя рассказывает, что когда училась на режиссера, почти все студенты употребляли наркотики. Считается, что творческие люди имеют право почти на все. «Но мне кажется, источники энергии и вдохновения лучше искать в других местах», — говорит она. Спасло Настю то, что она ходила в огромное количество кружков. «Раньше я жаловалась, а теперь понимаю, насколько правы были родители. Я человек увлекающийся. Вполне возможно, что если бы я попробовала, мне бы понравилось», — откровенно говорит она.

В будущем Настя планирует снимать художественные фильмы, так как ей интересно придумывать собственный мир и алгоритмы, по которым он живет. Сейчас у нее в голове созрел сценарий короткометражки. Сюжет таков: пожилая женщина лежит в больнице, где ее навещают родственники, в том числе внук. Мальчик не разговаривает, а бабушка притворяется сумасшедшей. Каждый отгораживается от повседневности, как может. Неожиданно они становятся друг для друга замочной скважиной, в которую можно увидеть в мир «нормальных» людей. Бабушка понимает внука

без слов, а мальчик подыгрывает ей в ее сумасшедших проделках. Самая сильная сцена в фильме — это сцена, связанная с осознанием близости смерти. Однако режиссер делает так, что смерть главным героям будет не страшна. К тому времени они поймут смысл жизни и поверят в себя. «Это будет такая сюрреалистическая семейная картина с юмором», — обещает Настя.

ГВАТЕМАЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ В «КВАРТАЛЕ»

*Екатерина Цыганкова,
координатор группы*

У гватемальских детей есть любопытная традиция. Перед сном они берут в руки маленьких тряпичных кукол и рассказывают им о том, что приключилось за день, делятся своими беспокойствами и страхами. Затем дети кладут куколок под подушку, веря в то, что на следующее утро все переживания развеются.

Об этой традиции я узнала от чудесной девушки, психолога и волонтера — Дарьи. Она пояснила, что этот обычай абсолютно не связан с мистикой. Просто для любого человека очень важно иметь возможность выговориться. Однако немногие из нас могут себе позволить поделиться чем-то очень личным с другими. Но если попробовать рассказать о своих страхах маленькой кукле, появляется шанс освободиться от того, что гнетет.

Эта методика заинтересовала меня, захотелось немедленно опробовать ее вместе с подопечными. Сначала ребята восприняли нашу идею скептически. Пытались делать вид, что куклы — прерогатива маленьких детей, а они — люди взрослые и серьезные. Но яркие кусочки тканей, разноцветные нитки-мулине, бусины, пуговицы, декоративные цветы и стопка занимательных журналов сделали свое дело. Все были увлечены процессом создания гватемальских куколок. После того, как куклы были готовы, мы приступили к основной части тренинга, которая была посвящена работе с нашими страхами. Взяв в руки куколку, каждый из нас мысленно по-

делился с ней переживаниями. Затем, с помощью подручных материалов, дети попытались преобразовать свой страх в нечто хорошее. А именно, создать вокруг куклы условия, способствующие победе над этим страхом. Дети с воодушевлением отправляли кукол в полет на самолете, строили для них шалаши, подыскивали им пару. Удивительно, что даже парни с увлечением участвовали в тренинге. Гоша, например, сделал своей кукле шикарные волосы, а потом построил для нее бунгало и маленькую яхту. Благодаря теплой атмосфере и хорошей компании занятие пролетело незаметно, а подопечные были благодарны за необычный опыт.

МАСТЕР-КЛАСС ПО РАБОТЕ С ПОЛИМЕРНОЙ ГЛИНОЙ В «КВАРТАЛЕ»

*Евгения Муравьева,
волонтер группы*

Во время субботнего занятия волонтер Арина проводила мастер-класс по изготовлению украшений из полимерной глины. Девочкам, пришедшим на занятие, идея пришлась по душе. Решено было лепить кулоны, которые потом можно было бы носить, или, например, подарить.

Самым трудным для подопечных было определиться с темой поделки, но тут на помощь пришли фотографии образцов работ из интернета.

Мне, например, всегда непросто что-то сделать руками, но было необходимо оказать поддержку девочкам, ведь любое занятие приносит удовольствие только в том случае, если все получается. Я заметила, что каждый волонтер помогал ребенку идеей или делом. В результате у каждой из девочек получилась уникальная работа, отражающая частичку их индивидуальности.

Процесс лепки увлек всех присутствующих, и это было самое приятное — угадать их желания и настроение. Для меня наибольший интерес представляет не столько творческий процесс, — это стержень занятия и организации

группы, — а беседы с детьми, во время которых волонтеры тем или иным комментарием меняют вектор мышления ребенка, пусть незначительно, но смещая его в сторону положительных ощущений и представлений. Но чтобы это происходило, нужно, чтобы детям было интересно «здесь и сейчас», и лепка из полимерной глины оказалась подходящим занятием, так что девочки, даже самые привередливые из них, пришли и в следующий раз провести еще одно такое занятие.

БЕСТИАРИЙ ИЛИ НАШИ ДЕТИ?

*Анастасия Коломина,
экс-координатор волонтерской группы*

В сознании некоторых людей детское отделение наркодиспансера — это некое подобие бестиария, населенного малоизученными и подчас небезопасными существами. Что ждет посетителя в стенах этого четырехэтажного, окруженного забором здания? Один из волонтеров-новичков, который только собирался прийти к тамошним пациентам, спросил: «А будут ли нас сопровождать охранники?» Этот вопрос вызвал у меня улыбку и недоумение, но, мне кажется, именно он хорошо иллюстрирует страх перед такими детьми.

Но это не чудовища: грязные, опустившиеся, заторможенные, глупые и жаждущие наркотиков. Это — дети. Сколько бы я ни путешествовала по разным добровольческим группам — будь то Российская детская клиническая больница или подростковая колония — везде это прежде всего дети. И, конечно, сложно смириться и принять то, что дети с ожогами — это такие же больные пациенты, как и дети с зависимостью. Лично я когда-то считала зависимость от наркотиков проблемой отсутствия воли, а не серьезным заболеванием. Таким заманчивым кажется сравнение наркотика с конфетой: хочешь — ешь, не хочешь — не ешь. Но на деле не все так просто: внутри этих детей — настоящая боль. Она — как бомба замедленного действия.

На одной из стен наркодиспансера висит список. В этом списке перечисляются ФИО тех, кто «взорвался». Девочка М. потеряла руку, мальчик С. — ногу, девочка К. заболела СПИДом, мальчик Ж. сел в тюрьму. Все, как на войне: трав-

мы, болезни, жертвы. Многие из ребят романтизируют образ «вечно молодых, вечно пьяных». Сейчас мне 21, и кажется, что 40 — это далеко и неправда. А для этих ребят 20 — это далекое будущее, и оно не для всех станет реальностью.

Я наблюдаю, как некоторые возвращаются: становятся старше угрюмее, следы употребления с каждой «побывкой» становятся отчетливее. Мы не можем вылечить их, но мы можем быть рядом. В первый год моего волонтерства дети часто задавали вопрос, которым, скорее всего, задаются и читатели: «Зачем вы, волонтеры, туда ходите?»

А наш ответ таков: для того, чтобы просто быть рядом. Для того, чтобы у каждого пациента появилась возможность хотя бы час побыть именно ребенком. Не плохим сыном, наркоманом, пациентом, зависимым, «крахом всех надежд», неблагодарным, а ребенком! Я не знаю, что может быть лучше того, чем видеть, как на твоих глазах распускается цветок таланта. И ты смотришь в удивленные глаза обладателя этого дарования, который подобного открытия не чаял и не ожидал. Видели бы вы, как гордо и торжественно может выглядеть семнадцатилетний парень, который сплел замысловатую фенечку или нарисовал вполне достойную картину, как радостно улыбается девочка, сварившая набор мыла.

Хотелось бы немного познакомить вас с этими детьми:

Г., 14 лет: в последний раз был в школе в пятом классе, ждет суда за воровство и угон автомобиля (по крайней мере, по слухам), разговаривает на матерном русском. На занятиях проявил себя как очень добрый и отзывчивый ребенок, готов поддержать любую инициативу, особенно если это касается музыки, пишет стихи и читает рэп об уличной жизни: подъездах, наркотиках, неразделенной любви, но красной нитью через все творчество проходит вот что: «Ребята, не начинайте употреблять».

Н., 15 лет: высокая, длинноволосая девушка с большими карими глазами, очень улыбчивая. В начале наших встреч всегда сидела угрюмая и заплаканная. Спортсменка: несмотря на ежедневный рацион ребят в 3 000 калорий, почти не поправилась, активно занимается в зале, рассказывает, что «на воле» занимается боксом и ездит на сборы. Часто говорит с волонтерами о своей жизни и планах. Она сирота (скорее всего, социальная сирота), приемная мама ей ужасно

не нравится, и девушка хотела выйти замуж, лишь бы только сбежать из дома (согласие на это ее опекун не дала). Она говорит, что ее положили сюда из-за «шумного дня рождения», но длинные рукава кофты скрывают следы от уколов. На стене палаты нарисовала большого огненного феникса, — у девушки явный талант!

С., 16 лет: яркий и артистичный парень. Не рисуется, в нем чувствуется стержень. Лежит здесь уже не в первый раз и с каждым новым приездом становится все молчаливее. Мне кажется, он сможет сделать все, за что возьмется: от танцев до кулинарных изысков. Ответственный, если его правильно попросить, и у него будет подходящее настроение. О таких говорят: смысленный, добрый парень. Он из детдома, сейчас учится на столяра-мебельщика. Хочет открыть свой бизнес.

Н., 14 лет: с ней мы познакомились, когда ей было 12 лет. Она лежала уже не первый раз (алкогольная зависимость). Н., как ни странно, настойчивая: добьется всего, чего хочет. Иногда бывает немного фамильярна в общении, но я не обижаюсь. Очень любознательный ребенок. Требуется к себе внимания, не любит делиться, но не думаю, что это от жадности. В этом году ее родителей лишили прав. Н. говорит, что детские дома или приюты не хотят ее брать, потому что в одном из них она отравила группу детей, подсыпав в еду таблетки. Как-то раз мы играли в игру, где на одном из заданий нужно было рассказать, чем участник гордится. Н. немного сконфузилась и, подумав, сказала, что она не знает, можно ли этим гордиться, но однажды она купалась в пруду и наступила на что-то большое и скользкое. Оказалась, это была утонувшая девушка. Ее успели спасти благодаря тому, что Н. сразу позвала на помощь.

К., 13 лет: лежит уже не в первый раз. Очень хрупкая, но бойкая. Заразительно смеется. Однажды К. начала рассказывать о себе. О том, что все ее отчимы — эски, дома часто бывает «веселая компания», родной отец тоже сидит. Она рассказывала это с улыбкой, и все вокруг тоже начали улыбаться, рассказывала она действительно задорно. «Че лыбиться?! Это не смешно!» — мне казалось, еще немного, и она заплачет. Никто не имеет права ее осуждать, но самое страшное заключается в том, что она сама себя осуждает.

П., 16 лет: молчаливый, с глубоким, осмысленным взглядом. П. тоже лежит здесь не впервые. Он очень талантливый художник, рисует карандашом. Как-то раз, уже после выпивки, он сказал мне, что зависимость — это то, через что должен пройти каждый, чтобы стать сильнее, это некое испытание силы воли. Он часто говорил, что от всего устал. Его обязали принудительно учиться в «шараге с пэтэушниками», чтобы не попал в тюрьму. Это был единственный подопечный, с которым я встретила на воле, ломая голову над тем, куда бы пойти, чтобы обоим было интересно. П. предложил сходить на выставку Серова. Сдается мне, что человек, интересующийся творчеством Валентина Александровича, будет не очень хорошим работником ЖЭКа.

П., 15 лет: высокий, плотного телосложения парень. На вид лет 16, по поведению — 12. Грузный и неповоротливый П. задает тысячи вопросов в минуту: нужно, чтобы он полностью понимал, что именно происходит вокруг. П., наверное, самый яркий пример «алкогольного синдрома» у детей из неблагополучных семей. Всегда ходил в одной и той же одежде, даже в спортзал — в брюках и рубашке.

А., 13 лет: мальчик-кадет, старший взвода. Ко всем мастер-классам готовился основательно: несколько уточняющих вопросов, и поделка создавалась по четко намеченной инструкции. После тренинга по мыловарению этот маленький мужчина подошел ко мне и отрапортовал, что хочет делать мыло у себя дома, и ему нужны координаты магазинов и список всего необходимого для «мыльного творчества».

А., 15 лет: однажды мы с волонтерами решили принести палатки и провести «мини-туристический» вечер. Именно тогда талант А. помог создать нужную атмосферу. Он рассказывал, что пел в переходе под аккомпанемент своей гитары, чтобы заработать на дозу. Наверное, именно поэтому ему долго не разрешали проносить гитару (напоминание о зависимости). В «Квартале» он лежал уже раза три-четыре и от раза к разу становился все смурнее. В «Квартале» же он узнал, что его маму (зависимую от наркотиков), лишают родительских прав, и отсюда он поедет в детдом. Несмотря на его злость и обиду, он очень хотел домой к родным. Любимым чтением А. были книги из серии о Гарри Поттере. Он очень радовался, когда узнал, что скоро выйдет новая кни-

га Роулинг «Сказки барда Бидля». Надеюсь, у А., несмотря на жизненные трудности, все сложится хорошо, как у его любимого книжного персонажа.

Л., 13 лет: впервые я увидела ее красноволосой, с густо накрашенными бровями и ресницами. Несмотря на ограничения в одежде, Л. удавалось-таки блеснуть вырезом на платье. Но, не взирая на эпатажный вид, Л. легко вовлекалась в творческую деятельность. Позже, с «воли», она присылала видео с соревнований по конному спорту.

А., 15 лет: главный джентльмен «Квартала». Как полагаются любому джентльмену — в шляпе и с усами. Не с усами, конечно, но с хорошей небритостью. Как ни странно, мы (волонтеры) редко сталкиваемся с агрессивными детьми, хотя периодически видим выбитые стекла и двери на этаже. А. было трудно представить в роли агрессора, но в одно из занятий мы его не увидели: подрался с девочкой и спущен в изолятор. Любитель сладкого и игры «Диксит», А. запомнился мне как очень отзывчивый человек.

С., 16 лет: молчаливый, спортивного телосложения, на ноге большая татуировка. На занятии он либо сидел молча, либо клеил поделку. Тоже молча. Позже мне рассказали, что С. всех на этаже держит в страхе. Он напал на одного из воспитателей со словами: «Меня мама била, и я всех буду бить».

В., 14 лет: один из «удачливых» беглецов. Смог проскользнуть в окно и спрыгнуть со второго этажа. Это была одна из причин, почему волонтерам запретили проводить занятия вместе с детьми на третьем этаже, не защищенном магнитным замком на входной двери. Позже В. вернули в «Квартал», и он был рад увидеть волонтеров. Когда узнал, что из-за побега нам закрыли третий этаж, долго извинялся и искренне сожалел, что так вышло.

К., 14 лет: хрупкая рыжая красавица и в то же время человек волевой. Я больше чем на 90% уверена, что если бы она захотела выздороветь, она бы это сделала. К. из многодетной семьи. Она рассказывала (и я ей верю), что ухаживала за всеми младшенькими (она самая старшая из всех). Бывают притягивающие люди, — К. именно такая, мудрая и кроткая. Она была одной из немногих, кто хотел оставаться в «Квартале» как можно дольше. Она выходила на улицу, могла без надзора гулять или ходить на группы (что является одной

из наибольших степеней доверия к пациенту), но не торопилась на волю. Однажды она попала в больницу после того, как ее избилла мама.

Я ВАС БЛАГОДАРЮ, РЕБЯТА!

*Анастасия Коломина,
экс-координатор волонтерской группы*

Вот думаю, что же составляет эту большую яркую мозаику добрых дел? Можно ли сказать, что, убирая чашки, говоря ласковое слово, глядя в глаза, мы делаем хорошее и правое дело, которое произносится иногда с пафосом — «волонтерство»?

Могу ли я сказать, что я такой же доброволец, который раздает листовки на фестивалях, организует раздачу напитков на спортивных мероприятиях, по рации координирует движение зрителей на концерте? Не знаю. Порой мне кажется, я сама — подопечная, а ребята — гуру и наставники, которые, может, и не могут выразить, но чувствуют порой гораздо глубже меня.

В этот вечер у нас была возможность получить обратную связь от наших маленьких (и не очень) мудрецов. Было жутко интересно узнать, кто мы для них? Что они думают о том, почему мы здесь и зачем?

Первое, с чем мы столкнулись — это не особо рьяное желание ребят как-либо действенно высказать свое мнение. И сейчас, записывая впечатления от посещения, я думаю, что это неплохо. Думаю, это говорит о том, что ребята считают нормой то, что взрослые люди еженедельно приходят к ним и частично организуют их досуг; что волонтеры — это не мифические существа, которые «несут добро», а вполне реальные люди, со своими интересами, знаниями, умениями, готовые делиться своим временем и впечатлениями с другими. И это абсолютно нормально!

Расстелив большой ватман и предоставив ребятам свободу в выборе пишущих средств (карандаши, фломастеры, краски), Оля и Саша начали агитировать ребят поделиться своими соображениями и ассоциациями, возникающими при слове «волонтер».

Получился довольно красочный и эффектный плакат с большой надписью «Квартал», портретами волонтеров, розовым слонем и бумажными цветами.

Из положительных моментов: мы творили, как одно целое, хотя каждый занимался чем-то своим, будь то вырисовывание букв или наклеивание бумажных лепестков, — общая атмосфера располагала к работе и самоотдаче.

ВОЛОНТЕРСТВО – ЭТО ВЗАИМНЫЙ ОБМЕН

*Анна Мигачева,
волонтер группы*

На занятии мы делали вкусные и красивые конфеты из фиников. Мы с детьми извлекали из фиников косточки, а финиковое «мясо» пропускали через ручную мясорубку, потом в финиковую пасту добавляли банановую начинку и крутили вкусные шарики, которые обсыпали кокосовой стружкой или сахарными палочками и шариками. Девочкам это занятие было больше по душе, мальчикам нравилось есть пасту. Было довольно весело.

Потом Варя показала свой рисунок на стене — очень хорошую, талантливую работу, я была приятно удивлена, увидев такие способности у детей. Естественно, мы постарались искренне похвалить детей и вселить в них большую уверенность и желание продолжать заниматься творчеством.

Мне показалось, что детям нужно адресное внимание, адресная поддержка, а это входит в противоречие с инструктажем, который был проведен перед посещением: нельзя расспрашивать детей об личном. Но мне понравилось, дети, даже если они находятся в сложном периоде, — это источник радости и удивления. Они более открытые и восприимчивые. Я думаю, очень важно, в каком состоянии духа ты приходишь к детям, хотя их робкая доверчивость и оптимизм может исправить и твое «неидеальное» состояние, — безусловно, необходимо работать над собой, но при этом не стоит бояться быть неидеальным.

Я увидела, что волонтерство — это не когда ты «смирненно отдаешь блага миру», это взаимный обмен. И, мне кажется,

очень важно быть не только наставником, но и партнером, быть способным не только объяснять, но и спрашивать у ребенка, как что-то сделать, чтобы ребенок чувствовал, что он тоже может давать, делиться.

Мне было бы интереснее заниматься с ними тем, чем хочется им, узнавать, что им нравится, что не нравится и проводить встречи по их заявкам. В том числе, отдавать им самим инициативу, чтобы они под нашим ненавязчивым руководством готовились и проводили занятия на интересующие их темы.

НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ – НАШЕ ВСЕ!

*Мария Бубенцова,
волонтер группы*

Впервые побывала на субботнем занятии. Очень грамотно мы разделились на две группы — творческую по изготовлению блокнотиков и не менее творческую — по настольным играм. Что происходило у меня за спиной, я не особо уловила. Всегда была далека от скрупулезной деятельности и выбрала свои любимые настольные игры, но слышала, что дети были в восторге от своих блокнотиков! Я даже немного позавидовала их усидчивости и терпению. У нас же был мозговой штурм по придумыванию ассоциаций к картинкам!

Ребята очень увлеклись этой игрой, особенно те, кто играл впервые. К концу игры несколько мальчиков отсыпались, так как немного устали. Но периодически возвращались и наблюдали со стороны. В какой-то момент я стала поддаваться некоторым ребятам, которые оставались «в хвосте». Я была приятно удивлена некоторым ассоциациям ребят и их комментариям. Например, на вопрос «Что дороже, чем золото» одна девочка положила фишку на младенца, хотя были карточки со сладостями, золотом и т. д.

Еще я отметила отзывчивость ребят. Например, когда все убежали на ужин, один мальчик остался, чтобы помочь все убрать.

Немного волновало, когда они начинали говорить о наркотиках. Так хочется как-то прокомментировать, обсудить, узнать их мотивы, просто выслушать. Знаю, что, не имея специальных знаний и навыков общения на эту тему, могу

только навредить подростку, поэтому старалась игнорировать их высказывания, согласно инструкции.

Занятие получилось очень интересное, и я благодарна «Даниловцам» за возможность помогать детям и самим себе! Через помощь я учусь любви. Любви не за что-то, а вопреки всему.

СЛОЖНЫЙ, НО БЕСЦЕННЫЙ ОПЫТ ВОЛОНТЕРСТВА В НАРКОДИСПАНСЕРЕ

*Наталья Зубова,
волонтер группы*

В этот раз занятие в «Квартале» было посвящено Дню земли. Ребята разбились на две группы. Одни делали коллажи на тему земли, природы, экологии. Другие участвовала в интеллектуальной викторине. Также было чаепитие, и в конце занятия — настольные игры.

Во время занятия я, в основном, была с ребятами, которые делали коллажи. Но так как это было мое первое посещение, я больше знакомилась с ребятами и общалась с ними. Отвечала порядок, подливала ребятам чай, выдавала ножницы, которые были только у волонтеров.

Было очень приятно, что многие подростки сами подходили и знакомились с нами, общались. Вначале мне было непривычно и немного сложно, это мой первый опыт взаимодействия с волонтерской группой. Потом, конечно, море положительных эмоций. Все проходило очень динамично и весело. Радует, что была продумана программа: ребята могли многому научиться, заинтересоваться.

Сложно было, когда девочка Анна сама со мной заговорила о наркотиках, о том, что им столько про них в диспансере говорят, что именно из-за этих постоянных напоминаний никогда не бросишь. Не знала, как аккуратно уйти из этой темы. Ну и вообще, сложно было все время следить за тем, что говоришь, понимая, что не у всех есть дом, родители... Иногда что-то хочешь сказать, а потом понимаешь, что им может быть это неприятно. Сложно, конечно, но вместе с тем это бесценный опыт.

САЛЬВАДОР ДАЛИ В «КВАРТАЛЕ»

*Екатерина Цыганкова,
координатор волонтерской группы*

Детство — это сказочный миг в жизни каждого из нас. Не вернуть, не повторить. Обидно, когда детство превращается в тягучую и невыносимую повинность. Например, тогда, когда ребенок остается наедине со своими проблемами. Именно такими мне представлялись маленькие постояльцы «Квартала». Одинокими и внутренне опустошенными.

Однако уже на пороге учреждения меня стали обуревать сомнения. Запах домашней еды, трогательные фотоснимки на стенах, приветливый персонал — ну никак не соответствовало все это официальному названию заведения, в которое я так боялась идти.

Благодаря волонтерам и нашему координатору я смогла сосредоточиться на своих ощущениях и, самое главное, понять, чем я могу быть полезна ребятам, оказавшимся здесь.

Я наблюдала за действиями волонтеров, запоминала, как реагировать на слова и поступки ребят. Я понимала, что любое необдуманное слово чревато для и без того расшатанной психики этих детей непредсказуемыми последствиями. Поэтому в этот раз я мало чем была полезна волонтерам и ребятам, я выступала скорее в роли наблюдателя.

Два часа пролетели незаметно. Викторина о жизни и творчестве Сальвадора Дали никого не оставила равнодушным. Признаюсь, и для меня некоторые нюансы жизни великого художника стали открытием. Особенно понравилось музыкальное сопровождение, которое помогло мысленно перенестись в солнечную Испанию. Каждый ребенок был задействован в процессе. Но приятнее всего был поощрительный приз за старания. Да, чупа-чупс покоряет даже самые непрístupные сердца.

Потом мы угощали маленьких жителей «Квартала» малиновым чаем с печеньем, играли в «Мафию». Во время игры удалось узнать ребят получше, пообщаться с ними.

Честно? Мне совсем не хотелось уходить. Наверно именно из-за того внутреннего ощущения тепла и света, которым я оказалась наполнена в конце нашей встречи, я бы хотела

вернуться к ребятам вновь. Так приятно дарить частичку себя тому, кто в этом действительно нуждается.

КУЛИНАРНЫЙ ВЕЧЕР: ДЕСЕРТЫ В МИКРОВОЛНОВКЕ

*Анастасия Коломина,
экс-координатор волонтерской группы*

Наш вечер в этот раз начался довольно рано, в 17:00. Несмотря на договоренность с воспитателями, наше появление было сюрпризом для ребят. Когда мы зашли в 315 кабинет, там шла бурная подготовка к просмотру фильма.

«Вы уже пришли? Будете начинать?» — вопрошающе посмотрев, сказала воспитатель. «Да! У нас все с собой, готовы начать в любую минуту!»

Персонал был не против, а вот в рядах «квартильцев» послышалось недовольное фырканье. Пришлось включать режим завлечения: «Кто любит сладкое? Кто может съесть много сладкого? Кто когда-нибудь готовил?» — при этом обязательно нужно вынимать все свои козыри (шоколадный крем, орехи, сладкие наполнители). По-моему, только двоих из ребят не удалось переманить на «темную сторону печенек», даже воспитатели обещали вернуться и поучаствовать в нашем мастер-классе.

Оставшийся поварской состав должен был взять по кружке и ложке и вымыть их и руки. После «водных процедур» процесс готовки пошел. Сначала в ход пошли яйца, потом сахар... с сахаром возникла заминка, он у нас был кусковой, но волонтер Максим быстро нашел решение — намочить сахар в блюде с водой, а потом уже добавить к яйцу. Дальше был очень тяжелый процесс — взбивание гоголь-моголя. Сколько напряженных рук, какая гармония дзиньканья ложки о стеклянную тару, сколько «охов» и «ухов». Далее в ход пошли шоколадный крем (вместо какао), разрыхлитель, ванильный сахар, соль, молоко, масло, соль и в довершение — мука. Ближе к концу занятия мы даже смогли опробовать банановые десерты (вместо яиц берется банан), а также ну-хау: клубничный омлет!

Волонтер Люба была ответственной за рецепт: на бумаге были порции для большой кружки, а у нас в наличии были кофейные. Пришлось пересчитывать на месте. Люба прекрасно справилась!

У нас получились настоящие кексы, каждый особенный, но все без исключения вкусные и красочные. Один из ребят даже взял свое творение с собой, а одна из девочек преподнесла нам свой кекс в качестве угощения — было страшно оставлять его наедине с голодными волонтерами. Один из представителей мужской половины ребят отказался от ужина и сделал больше пяти разных кексов и несколько омлетов (в том числе клубничный).

За чаем некоторые ребята рассказывали о своей жизни и о том, как они попали в «Квартал». Это было, с одной стороны, больно слышать, а с другой, приятно, ведь нам доверились.

В такие вечера, как этот, когда тебе говорят: «Приходите еще! Мы будем очень ждать!» — понимаешь, что живешь не зря. Без пафоса или бравады — просто ты смог скрасить вечер кому-то, кроме себя, смог научить и научиться.

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО, ЧАЙ, «МАФИЯ»...

*Николай Попов,
волонтер группы*

Сказать, что я поражен — ничего не сказать. Субботнее утро навевало тоску, но разбилось, как прибой, о песчаный берег спокойствия и безудержного веселья. Радушный прием Сергея и Галины отодвинули на второй план вопрос, крутившийся у меня в голове всю дорогу до диспансера: «Чем же мы будем заниматься сегодня вечером?»

Поднявшись наверх и захватив все необходимое, мы продолжили общение. Вскоре наша беседа была прервана топотом и звонким смехом ребят, спешащих на встречу с нами. После общего знакомства мы приступили к просмотру одного из знаменитых фильмов ВВС. Все с упоением смотрели на многочисленные космические тела, звезды, планеты, туманности и черные дыры, изредка прерываясь, чтобы поделиться своим мнением по поводу увиденного. В эти моменты

Галина показывала нам фотографии Марса и различных космических аппаратов.

После просмотра ребята ушли ужинать, а мы, не теряя времени, стали накрывать на стол. Молодежь не заставила себя долго ждать. Каждый взял по чашке чая, и началась игра. Честно сказать, я давно так искренне не смеялся. Сначала побеждала мафия, ребята очень ловко обманывали мирных жителей, но в конце концов, справедливость восторжествовала, и мафия была повержена. Поблагодарив нас, ребята ушли отдыхать, а мы стали собираться, время было позднее.

Напоследок хочется сказать несколько добрых слов о наших волонтерах, ведь сейчас так мало людей, заботящихся о подрастающем поколении. Огромное вам спасибо!

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ ДЛЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ (ДДИ) № 15

Краткая история волонтерской группы.

Дата основания: 6 апреля 2014 года.

Подопечные:

Дети с задержками в психическом и физическом развитии. Малыши очень восприимчивы к ласковым словам, улыбкам, деликатным прикосновениям. Нуждаются в прогулках на свежем воздухе.

Цель посещения:

Обеспечить детям пребывание на свежем воздухе, так как все дети несамостоятельные, и для прогулки каждому требуется взрослый сопровождающий. В палате присутствует один-два сотрудника ДДИ и обеспечить прогулку всем детям они не могут.

Формы работы с подопечными:

Вывозим детей в колясках на воздух из палат, в которых они пребывают круглосуточно.

ТАМ, ЗА ЗАБОРОМ – ДРУГАЯ ВСЕЛЕННАЯ

*Анна Гарибян,
создатель и координатор волонтерской группы в детском
доме-интернате № 15 для умственно отсталых № 15,
заместитель руководителя добровольческого движения
«Даниловцы»*

Когда впервые попадаешь в отделение для умственно отсталых детей, возникает твердое убеждение, что все, кто систематически работает с такими детьми — от медперсонала до волонтеров — герои. Особенная атмосфера, специфический запах, дети, больше похожие на пришельцев с другой планеты. Многие дети зафиксированы во избежание аутоагрессии. Кто-то раскачивается, оглашая помещение размеренными непрекращающимися криками. Некоторые просто лежат в кроватках с отсутствующим видом, почти не реагируя на происходящее вокруг. Современные прогрессивные психологи и специалисты буквально кричат о том, что эти дети большую часть жизни лежат, как овощи на грядке, и крайне редко видят мир. То, что на многих из них поставлен крест — это не норма, а трагедия. Каждый из таких детей способен развиваться, для каждого возможен хоть небольшой, но прогресс. Именно по этой причине в стране должно возрастать количество людей, готовых заниматься особыми детьми, а также волонтеров, которые будут им в этом помогать.

— **Аня, расскажи, пожалуйста, об этом месте. Всем ли так тяжело в первый раз?**

— Это второй интернат такого рода по величине в Москве. Здесь разновозрастные дети, до 18 лет. У всех разные уровни развития. Есть легкие, средние и тяжелые формы отсталости. Дети с самыми тяжелыми диагнозами, их около ста, живут в отделении с названием «Милосердие». Патологии, как правило, и умственные и физические. Развиваются такие дети очень непросто, в основном им предлагается уход. Уход — это чистый памперс, питание по расписанию и водные процедуры. Их реабилитация — дело очень непростое. Этим занимаются специалисты. Мы же помогаем в организации

прогулок на свежем воздухе. Эти дети сами не могут выходить на улицу. На всю палату, бывает, дежурит одна нянечка. Соответственно, она не в состоянии обеспечивать эти прогулки. Зимой ребенка нужно одеть, посадить в коляску и посвятить ему целый час на улице. А остальные с кем останутся? Поэтому, к сожалению, эти дети крайне редко бывают на свежем воздухе. Правда, у многих есть родственники. Они могут приходить и гулять с ними. Но приходят они нечасто. Видя все это, администрация, которая здесь отличается открытостью и контактностью, обратилась к «Даниловцам» с просьбой организовать прогулки. Мы откликнулись.

— **Мне на первый взгляд показалось, что это одно из самых сложных волонтерских направлений. Это так?**

— Такие дети — это правда сложно. Изначально мы ходили в отделение, где дети в гораздо более тяжелом состоянии. Некоторые на зондовом питании. Как кто-то резковато заметил: как баклажанчики на грядке. Я, например, тоже раньше таких детей никогда не видела и, когда впервые пришла, конечно, было очень не по себе. Я бы не справилась без поддержки. Ее мне оказали наши психологи-«даниловцы» Андрей Мещерин и Лидия Алексеевская. Вот мы с тобой там побывали, вышли — и оказались в нашем привычном мире. Едем в машине, светофоры, трафик, суета. А там, за забором, — другая вселенная. И эти две вселенные вообще не пересекаются.

Когда я пришла в ДДИ № 15, я проработала в «Даниловцах» уже года два. Мне хотелось быть чем-то полезной. Выполнение административной работы, конечно, вдохновляло, но я все равно пыталась найти что-то прикладное, чем я могла бы быть полезна. Мне не всегда легко с детьми, не очень умею с ними общаться, играть. Может, если даст Бог, и свои дети появятся — во мне что-то откроется. Помощь бездомным — не мое. В группе, работающей в наркодиспансере, я тоже себя не нашла. Волонтером в больнице не получилось стать из-за тягостной для меня медицинской обстановки. А вот в детском доме для умственно отсталых во мне что-то откликнулось.

— **Меня поражает выдержка тамошних воспитателей.**

— Согласна. Я преклоняюсь перед этими людьми. Даже если они не всегда на сто процентов ласковы. Делать то, что они делают — это выше всех похвал.

— **Какая у них зарплата, ты в курсе?**

— Мне сложно сказать. Такой ребенок обходится государству где-то в 120 тысяч рублей в месяц. И лечение, и обслуживание, и содержание. Большой штат людей работает. Если бы половину таких денег давали родителям, уверена, многие из них не отказались бы от ребенка.

— **В ДДИ № 15 в основном отказники?**

— Да. И такие есть. Я видела некоторых родителей, которые приходят к своим детям. Это абсолютно нормальные люди! Внешне адекватны, приезжают на машинах. Этот момент сложно комментировать по этическим соображениям, но я никого из тех, кто отдал своих детей, не осуждаю. Это тяжкий крест, не все способны справиться.

— **Ты раньше работала в «Кофе Хауз». Как получилось, что ты оставила хорошо развивающуюся карьеру?**

— История моего прихода в волонтерство — классическая, это история переоценки ценностей. Да, я долго работала в крупной успешной компании, занималась клиентским сервисом. Всем, что касается уровня обслуживания в кофейнях. Отвечала за то, чтобы в «Кофе Хауз» обслуживали клиента вовремя, вежливо, за качество продукции, за работу в нетривиальных ситуациях. Я достигла многого, но потом себя исчерпала, и работа превратилась в рутину. Поняла, что на моем месте уже должен быть другой человек. Но понять, где и чем я могу быть полезна, не удавалось очень долго. Молилась, прислушивалась к себе, искала, спрашивала советов.

Мой духовник, протоиерей Александр Троицкий рассказал, что при Даниловом монастыре есть лекторий. Я пришла в Патриарший Центр духовного развития детей и молодежи, чтобы оформить абонемент на лекторий, и увидела доску, где были объявления о проектах Центра: хор, добровольческое движение «Даниловцы», движение «РеставроСъ», иконописная мастерская, регентские курсы, школа иконописи, студия игры на гитаре и даже «Чайный клуб»! Я поняла, что дальнейшую свою судьбу я вижу именно в сфере служения людям.

— **Как «Даниловцы» стали твоей работой?**

— Именно сотрудником движения я стала не сразу, преодолев серьезный жизненный перелом. Тогда как-то все соединилось: кризис в личной жизни, в профессиональной и даже кризис веры. Пришла в Церковь я в тридцать лет, а че-

рез три года наступило состояние, когда неопитский жар пошел на убыль и было слегка опустошенное состояние. А когда из жизни ушел мой папа, мне стало совсем трудно.

Мой отец — армянин, а мама — русская. Я родилась в Подмоскowie, в Балашихе. Мама — преподаватель. Папа — инженер. Такая классическая советская семья. Внезапный, трагический уход папы обнажил какой-то страшный узел, который я не могла разрубить. Казалось, это тупик, поражение по всем фронтам: я лишилась дела всей своей жизни, меня покинул близкий человек. Это для меня был страшный период, когда мое существование сводилось к какому-то растительному существованию... Помогло все вместе: Бог, вера, работа с психологом, время. Что-то на этой выжженной почве проросло. Произошел приход в «Даниловцы», довольно чудесный по своей сути. Во многом именно он меня и возродил к новой жизни.

Психолог, с помощью которого я переживала эту сложную ситуацию, работала в «Даниловцах». Я ей до сих пор благодарна. Она мне тогда сказала: «Аня, вы не хотите себя попробовать в движении именно в качестве сотрудника?» А мне казалось, что я настолько опустошена, что не смогу. Ведь здесь столько нужно всего делать. Она предложила прийти на встречу с Юрием Белановским. Я снова оказалась в Патриаршем Центре, было лето, каникулы. Шел ремонт, мимо меня сновали маляры, носили какие-то стройматериалы. И посреди всего это хаоса меня встретил совершенно нетипичный православный. Современный гаджет в руках, хулиганская клетчатая рубашка. И вот этот человек мне говорит: «Знаете, работник нам, конечно, нужен, но я вам не могу точно сказать, что вы будете делать. Мы пока сами этого не знаем. Большой зарплаты тоже пообещать не могу. В общем, если хотите — приходите. Попробуем». А мне как-то стало так отрадно и умильно. И я залепетала: «Ну, если я могу вам хоть чем-то помочь, то я приду». Конечно, я советовалась с семьей. Мама и брат меня поддержали. И сейчас поддерживают.

Через два года в жизни появился ДДИ № 15. Вдруг — конечно же, «случайно» — я прочитала в рассылке благотворительного собрания «Все вместе», участниками которой «Даниловцы» являются, о том, что в администрацию ДДИ № 15 просит поучаствовать волонтеров в прогулках с детьми.

Я поняла, что катить коляску по дорожке, молчать, ничего не говорить — это мое! И мы приехали сюда 20 марта. Была какая-то страшная буря, пурга, я ехала через эту бурю, у меня тряслись колени, потому что я не знала, что там увижу. Дети с умственной отсталостью... Я вообще с детьми не особенно умею контактировать. Лида и Андрей приехали вместе со мной, мы прошли по всем этим палатам, мне, конечно, сразу подурнело от всех этих картинок, от этих запахов. Когда оттуда вышли, я сказала: «Лида и Андрей, я не смогу!» Они сказали: «Ты сможешь!» Я ответила: «Нет, вы меня не знаете». Они сказали: «Это ты себя не знаешь, поверь!» И, на удивление, я действительно смогла.

— **Что тебя вдохновило, поразило за время твоей практики?**

— Здесь уникальные дети. Они такие простодушные, чистосердечные. Не такие, как по ту сторону забора. Они к тебе тут же подходят. Ты сразу становишься мамой для всех. Они могут у тебя со всем простодушием спросить: «Это... как его... А Бог есть?»

— **А ты что отвечала?**

— В таких диалогах действуешь по ситуации. Помню, у нас паренек один есть — Миша, уже выпускник. Он настоящий джентльмен. И насколько же это удивительно! Думаешь: скрюченное тельце, плохо развита речь... Но мужское и женское пробивается и здесь. Что это? Гены, природа, Бог? Девочки — это все-таки девочки, а мальчики — это все-таки мальчики. И Миша — стопроцентный мальчик. Он помогает открыть дверь, говорит тебе: «Дай, я подниму, я помогу! Отойди». Помню, как один раз мы с ним шли, он катил коляску. У нас есть правило, что коляска без присмотра оставаться не должна. Старшие дети не всегда понимают, что они могут подвергнуть ребенка опасности. Ответственность лежит на волонтере, хоть он и позволяет помогать. Помню, как мы шли с Мишей. Это был какой-то словесный пинг-понг. Он закидывал вопросами. Причем они были из разной области. Мы с ним говорили о мужчинах и женщинах. Почему женщина чего-то не может, а мужчина ей помогает? И наоборот, в чем женщина может помочь мужчине? Потом тут же он мне: «А интуиция — это что такое?» И думаешь: правда, а интуиция — это вообще что, как это объяснить? И ты начинаешь:

«Слушай, Миш, интуиция — это вот что-то такое, что нельзя пощупать или почувствовать». Потом он мне: «А правда, что когда гром гремит — это Бог сердится?» Вот что ты ответишь на этот вопрос? Такие штуки пробирают до мурашек. Ты понимаешь, что он тебе доверяет, ему интересно твое мнение, что ты ответишь. Для него это важно. Он же эти вопросы задает не для того, чтобы перед тобой повыделываться. Они все для меня — ангелы. Я на него смотрю и думаю: какое счастье, что мы, простые люди, имеем возможность хоть как-то прикоснуться к их жизни. Мне кажется, это не мы им помогаем, а они здесь затем, чтобы размягчить наши окаменевшие сердца.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

НЕ НАДО «ЖАЛЕТЬ СИРОТКУ»!

*Виктория Невская,
волонтер в ДДИ № 15, HR-специалист, первая выпускница
Школы социального волонтерства, созданной добровольче-
ским движением «Даниловцы»*

Я работаю в крупной производственной компании. Отвечаю за управление персоналом. Отвечаю за наем и увольнение сотрудников, их перемещения на другие должности внутри компании, разрабатываю и применяю системы оплаты труда и программы материальной мотивации.

Стараюсь распределять свое время так, чтобы, прежде всего, его хватало на общение с детьми. У меня их двое: десятилетняя дочка и сын, которому два с половиной года. Дети для меня главное, но и про себя не забываю. Салон красоты два раза в месяц — обязательно, как на работу. Раз в неделю — занятия с персональным тренером: бегаем или просто делаем упражнения на улице. Регулярно хожу в кино, театр, учусь играть на ханге (это такой музыкальный инструмент). Рисую иногда. Где можно, стараюсь брать с собой детей. Мне с ними хорошо.

По воскресеньям я в качестве волонтера группы «Даниловцев» посещаю ДДИ № 15, отделение «Милосердие», где

воспитываются дети с серьезными физическими и ментальными ограничениями. Наша задача — помогать персоналу организовывать прогулки с детьми. Это довольно трудоемкий процесс, потому что дети не ходят, и их нельзя вывести на прогулку группой. Каждого индивидуально, в коляске. Соответственно, штатного персонала на организацию регулярных прогулок всех детей просто не хватает. Волонтеры приходят, чтобы дети имели возможность чаще бывать на улице.

Пройдя путь спонтанного одиночного волонтерства, я поняла, что надо искать другие формы.

Я вообще давно этим занимаюсь, лет пятнадцать уже. Но раньше я делала все это как-то по наитию. Выраженная потребность помогать сформировалась с рождением первого ребенка. До этого тоже сопереживала, деньги жертвовала в помощь детским домам, но все это было как-то абстрактно. А потом родилась дочь. На своем примере и примере многих знакомых женщин я заметила, что материнство открывает в женщине какие-то глубины сострадания, особенно к детям. Чужие перестают быть чужими, страдания обездоленных детей как-то невольно проецируешь на своих, родных, маленьких, беспомощных. И ужасаешься уже по-настоящему. И запускаются внутренние механизмы — срочно надо защитить, помочь, исправить. Начинаешь искать возможности, как реализовать эти потребности и принести реальную пользу. Я шла по этому пути методом проб и ошибок. И была не очень довольна результатами. И подсознательно искала наставничества в этой сфере, поддержки. Встречаться с чужой болью без помощи ведь на самом деле очень страшно, сразу хочется убежать, абстрагироваться, переключиться на хорошее. Но от себя не убежишь, потребность помогать, единой сформировавшись, уже никуда не денется. Пройдя путь спонтанного одиночного волонтерства, я поняла, что надо искать другие формы. И нашла через интернет Школу социального волонтерства «Даниловцев».

Такие школы не просто нужны, они остро необходимы!

Школа социального волонтерства и вообще «Даниловцы» сами по себе — это мой лучший опыт волонтерства за все годы этой деятельности. Они дали и дают мне все то, в чем я нуждаюсь, чтобы реализовывать себя в этой сфере: теоретические знания, практику, организационную

и психологическую поддержку, среду единомышленников, уважительное отношение, вдохновение искать новые формы помощи тем, кто в ней нуждается.

Нужны ли такие школы? Мой ответ однозначен — не просто нужны, а необходимы! Это как с усыновлением — нельзя усыновить ребенка, пока не обучишься в школе приемных родителей. На мой взгляд, здесь уместна аналогия: прежде чем стать волонтером, нужно пройти системное обучение и наставничество в такой школе, как у «Даниловцев». Чтобы не наломать дров впоследствии. Чтобы по незнанию не причинить вред подопечным и самому себе. Чтобы помогать штатному персоналу социальных учреждений, а не создавать им дополнительные проблемы своей неструктурированной активностью. Чтобы не выгорать. Чтобы на все хватало времени. Чтобы научить своих детей быть социально отзывчивыми и эффективными одновременно.

Добрые намерения не так просто превратить в по-настоящему добрые дела, как кажется на первый взгляд. Проверено на себе. Что касается качества обучения в Школе социального волонтерства, могу сказать следующее: у «Даниловцев» это очень правильно и эффективно организованный процесс. Занятия проходят в удобное время по вечерам, их можно совмещать даже с полной занятостью на работе и семейными делами. Теоретические и практические занятия воспринимаются легко и с интересом, потому что материал подобран и преподается настоящими профессионалами и опытными волонтерами, точно знающими, о чем они говорят. В Школе царит дружественная и теплая атмосфера, в которой легко учиться и раскрывать свой потенциал. А практика в подшефных социальных учреждениях вообще бесценна, — взаимодействие с персоналом отлажено, группа скоординирована, наставник всегда рядом, когда нужен совет или поддержка.

Я горжусь, что окончила эту Школу. Я очень благодарна Юрию Белановскому, Лидии Алексеевской, Андрею Мещеринову и другим «даниловцам» за бесценные знания, опыт и общение, которые я получила и продолжаю получать от них. Всем рассказываю и очень рекомендую учиться в Школе, если есть желание стать надежным волонтером.

Не нужно ходить в детдома, чтобы раз в жизни пожалеть сироту. Детям в детских домах спонтанная краткосрочная

активность волонтеров приносит скорее вред, чем пользу. Поэтому что такой подход только усугубляет те системные проблемы, которые характерны для детей в российских детских домах: иждивенческую жизненную позицию, отсутствие навыка создания постоянных близких отношений, ограниченную социализацию. Компетентные в этой теме люди считают, что сиротам нужно совсем другое. Длительное стабильное квалифицированное наставничество и участие, долгосрочные отношения с людьми, содействие в адаптации и социализации после выпуска из детского дома. Волонтеры нужны в детских домах. Просто они должны быть подготовлены, организованы и нацелены решать реально существующие проблемы, а не руководствоваться примитивной мотивацией «пожалеть сиротку». Миссия «Даниловцев», кстати, направлена именно на это. Чтобы это понять, достаточно посмотреть сайт www.danilovtsy.ru, ознакомиться с материалами и статьями. Основная мысль очень простая — если хочешь помочь по-настоящему, потрать время на осмысление и изучение вопроса прежде, чем бежать что-то делать. Осознай, что на самом деле будет полезно, научись это делать, заручись поддержкой единомышленников и профессионалов, будь стабилен. Тогда будет польза для всех. Вредно не волонтерство, а неосмысленная, спонтанная деятельность, даже из добрых побуждений.

Текст подготовлен Анной Рымаренко.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ОСОБЫМИ ДЕТЬМИ

*Сергей Яковлев,
волонтер группы*

Однажды вечером, наткнувшись в интернете на пост о том, что в детский дом-интернат нужны люди, желающие помочь, я решил откликнуться. Почему? Кажется, что вопрос простой, но мне сложно подобрать слова, чтобы объяснить причину. Кажется, любые доводы и рассуждения будут казаться шаблонными, притворными и лицемерными. Конечно, можно было бы начать рассказывать об идеях помощи ближнему, бескорыстии и так далее, и, мне кажется, именно так я и поступил бы раньше.

Сейчас я думаю, что подобные решения просто принимаются в какой-то момент, основываясь где-то в глубине души на непоколебимой уверенности в том, что именно так и нужно поступить, что так правильно. И уже не важно, знают ли родные, друзья и знакомые, что ты решил помочь больным детям.

Раньше это было важно для меня. Делая что-то, что считается в обществе «хорошим поступком», я очень хотел, чтобы это увидели другие люди, чтобы они поняли, какой я добрый и хороший. Для меня было очень важно, что думают обо мне окружающие! Но сейчас необходимость быть хорошим в глазах других перестала быть для меня первостепенной.

Сегодня мне важно быть достойным человеком в собственных глазах, в глазах моих родных, немногих друзей и в глазах Бога. Хотя, конечно, нужно быть осторожным со словом «достойный». Приходя помогать ребенку, мы не совершаем великого поступка, мы не становимся героями, мы лишь делаем то, что должен делать каждый обычный человек. А со временем к тебе даже может прийти мысль: «А это я помогаю этому ребенку, сидящему сейчас в коляске или он помогает мне, делая мою жизнь полнее и осмысленнее?»

Придя в первый раз в ДДИ № 15, первое, на что я обратил внимание, это добродушные, приветливые и открытые люди, которые так же, как и я, пришли в тот день на прогулку с детьми. У меня был опыт общения с малышами: нас у родителей четверо, и я старший, но никогда прежде я не сталкивался с детьми с особенностями развития.

Благодаря Анне Гарибян, координатору группы, которая провела ту прогулку рядом со мной, объясняя правила и тонкости общения с особенным ребенком, мое первое посещение детского дома прошло плавно и спокойно. Думаю, мне повезло познакомиться с такими людьми: и с волонтерами, и с детьми.

ОДНО ПИСЬМО. ОДНО ДЕЛО. ОДНА ЖИЗНЬ

*Динара Гаспарян,
волонтер группы*

Я открыла почту и снова увидела письмо от «Даниловцев». Вот уже год, как я подписана на их рассылку. Очередная суббота, и у меня абсолютно нет планов на эти выходные, как, впрочем, и на следующие. Я читаю о мероприятиях, смотрю фотографии и... при этом абсолютно не знакома с этой организацией, с ее участниками. За окном шумная и торопливая Москва, все мои мысли о работе, о том, как бы в будни успеть все. Вокруг люди, стремящиеся к успеху. Только вперед — ни шагу назад. И я одна из них.

Темы лекций и семинаров в анонсах очень интересны, но, я думаю, вход туда только для волонтеров. Какой уже раз я собираюсь заполнить анкету и прийти на собеседование, чтоб стать «даниловцем»? И вот, спустя год, я все обдумала, просмотрела миллион раз их сайт и наконец-то решила записаться. Анкета, разговор о целях и желании присоединиться к «Даниловцам», как фейсконтроль, думала я, но... атмосфера беседы отличалась теплотой и дружелюбностью. Тогда я совсем не думала, что это переломный момент в моей жизни. Так я познакомилась со своим первым координатором. Эту встречу можно сравнить со входом в Нарнию.

Волонтерство для меня — это действительно параллельный мир, не лучше и не хуже нашего, а просто другой. Пообщавшись с ребятами, я поняла, что каждый находит здесь что-то свое. С первого дня, придя в детский дом, я поняла, что это нужно, в первую очередь, больше мне, чем кому-либо другому. Странно, ведь я шла помогать другим. Как будто меня долго готовили, вели к этому, чтоб помочь мне же самой. А помощь оказалась значительной и ощутимой, ведь именно в волонтерской среде я встретила интересных, замечательных людей. Ощущение, что есть общие дела, общая цель, что теперь я живу не только своими потребностями и желаниями. Такой клуб по интересам, где поддерживают инициативы, где тебя понимают и принимают как своего, сколько бы времени

ты не посвящал общему делу. Эта душевность и открытость людей притягивает больше всего.

Сегодня я открыла почту и снова увидела письмо от «Даниловцев». Прошло почти два года. Сейчас я уже не представляю свою жизнь без «даниловской» семьи. За это время произошло очень много событий, у нас уже общая история, мне есть что вспомнить. Вокруг меня еще больше людей, у всех них разные цели и интересы, они с радостью делятся планами. И я знаю, что выходные я снова проведу в окружении людей, объединенных хорошим делом.

ПЕРВАЯ ПРОГУЛКА С ДЕТЬМИ В ДДИ № 15

*Маргарита Ачилова,
волонтер группы*

Первая поездка в ДДИ № 15 принесла мне много нового и интересного. Сказать по правде, до этого мне никогда не приходилось бывать в детских домах, тем более, в домах для детей с нарушениями развития, поэтому я имела смутные представления об их жизни, занятиях, распорядке дня. Даже о том, как выглядит сам детский дом и его территория.

С этого, наверное, и начну. Территория детского дома оказалась не очень большой, но и не маленькой. В центре расположились три корпуса, каждый размером с обычную школу. Рядом с центральным входом аллею из деревьев украсили разноцветными гирляндами, которые вечером очень красиво светились, да и на территории все было ухожено и уютно. За корпусами разбит небольшой сад с дорожками для прогулок, там же — несколько детских площадок. Единственный, пожалуй, на мой взгляд, недостаток, был в том, что в садике за корпусами не было ни одного фонаря.

Первая прогулка оказалась совсем не такой, какой я себе ее представляла. Я думала, что на прогулке будет несколько волонтеров и несколько детей, с которыми мы пойдем гулять. Там, по дороге, мы будем с ними общаться. Вначале почти так и было. Нянечки одели ребят, мы подвезли коляски (многие дети, с которыми мы гуляли, сами почти не ходят). Меня

поставили сопровождать мальчика Андрея, лет семи-восьми. Он не умел разговаривать, но достаточно часто улыбался и смеялся во время нашей прогулки.

Мы вышли на улицу. Как только мы свернули с главной аллеи, я увидела, что на территории мы вовсе не одни. По дорожкам то тут, то там гуляли ребяташки — воспитанники детского дома. Они, как и мы, отправились вечером на прогулку. Нужно сказать, что многие ребята детского дома № 15, даже, наверное, большая их часть умеют хорошо ходить, разговаривать и с радостью это делают. Не прошло и пяти минут, как к нам стали подбегать разные дети: поздороваться, пожать руку, кто поласковее — лез обниматься, часть ребят пристраивалась идти рядом с коляской, кто показывал новый журнал, кто рассказывал о своих планах на Новый год. Несколько потерявшись в этом сумбуре, я не очень много успела пообщаться с Андрюшей, хотя, конечно, внимательно следила за ним во время прогулки. В особенности за варежками. Любимой его игрой оказалось снимать их время от времени, так что пришлось с ним повоевать, на улице все-таки было холодно. Андрей вовсе не возражал, когда на него их надевали, но каждые пять минут методично снова и снова их скивал.

Неожиданным оказалось для меня активное взаимодействие с более самостоятельными ребятами. До этого я даже не знала, что мы с ними встретимся. Но все-таки здорово, что получается гулять вместе. Думаю, им тоже очень не хватает внимания и общения. Так что для детей эти прогулки становятся интересным и радостным событием, возможностью чем-то поделиться, что-то рассказать.

Надеюсь, Андрюшке тоже понравилась прогулка, и он не очень заскучал со своим новичком-сопроводителем.

В целом, первое посещение оказалось для меня очень интересным и познавательным. Но, думаю, открытия еще только начинаются. Большое спасибо всем, кто помогал и сопровождал меня в первом путешествии!

ПТЕНЕЦ С КОПНОЙ НА ГОЛОВЕ

Анна Гарибян,

создатель и координатор волонтерской группы в детском доме интернате для умственно отсталых № 15, заместитель руководителя добровольческого движения «Даниловцы»

Кира сидит на лавке, раскачивается вперед-назад и тихонько подвывает.

— Пойдем гулять?

Кира прячет тонюсенькие ручки под мышки и отворачивается.

Понятно. Гулять не пойдем.

— Шляпку наденешь?

Панамка тут же летит на землю, на изнанке шариковой ручкой написано имя хозяйки и отделение.

Ладно, посидим на лавочке. Я приобнимаю Киру и подставляю руку так, чтобы она не билась худенькой спинкой о дощатую скамью.

Сидим...

— Это тё?

Подходит мальчуган и с любопытством начинает разглядывать мои волосы.

— Тё такое? — округляет глаза, склоняет голову набок и продолжает наблюдать.

Вида не подаю, но внутренне уже готова, что сейчас маленькая ручка вцепится в голову.

Но ничего не происходит...

— Это волосы. У тебя тоже есть, потрогай.

Провожу его ладошкой по короткому ежику на макушке. Недоверчиво трогает свою голову и снова, как замороженный, глядит на меня.

Потом, осмелев, тихонько прикасается к моим волосам, гладит, пересыпает из ладони в ладонь и пищит, как котенок: «Мяка-мяка-мяка!»

Все детдомовские дети коротко острижены: девочка или мальчик — без разницы, все с одинаковыми головами. Возможно, он впервые видит длинные волосы, поэтому так

удивленно реагирует. У самого на макушке пух, как у ды-
пленка, нежный и белый-белый.

— Ааааа, сёныска-сёныска!

Из-за тучи появляется солнце и освещает наши головы.
Детеныш изумленно глядит на порыжевшие от света волосы,
нюхает, осторожно прижимает их к щеке, а потом приклады-
вает на свою голову.

Так и сидим на лавочке: птенец с копной на голове,
я и раскачивающаяся девочка.

ПРОГУЛКА С АНГЕЛАМИ

*Екатерина Салангина,
волонтер группы*

Ангелы есть. Они рядом. Они бывают и без крыльев.
Зато их свет будет освещать вас...

В Вербное воскресенье у меня была уже вторая прогулка
с детьми в одном из детских домов Москвы. У большинства
из них — тяжелые физические и психические отклонения.
Но от каждого исходит свет. Свет, которого мне и, возможно,
многим из нас очень не хватает.

Ангелами этих малышей называет моя подруга, Анна Га-
рибян. И я с ней полностью согласна.

Спасибо ангелу Свете, улыбка которой осветила мой
воскресный день!

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ № 24 ДЛЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ

Краткая история волонтерской группы.

Посещения детей начались с июля 2013 года.

Подопечные:

Дети-инвалиды от 7 до 18 лет с умственной отсталостью,
оставшиеся без попечения родителей. Нуждаются в регу-
лярном дружественном общении, впечатлениях, творческих
и музыкальных занятиях, приемных семьях.

Цель посещения:

Поддержка детей-инвалидов, развитие навыков обще-
ния и взаимодействия с людьми.

Формы работы с подопечными:

На встречах волонтеры участвуют в прогулках детей, про-
водят подвижные, спортивные и игры с правилами; поздрав-
ляют детей с праздниками, днями рождения, организуют

для детей концертные и театральные выступления творческих коллективов, аниматоров, экскурсии, посещение планетария, зоопарка, кино, театральные постановки и концерты; участвуют в субботниках на территории учреждения и проводят творческие мастер-классы.

КОГДА ОСОБЫЕ ДЕТИ ВЗРОСЛЕЮТ

*Виктория Дороничева,
координатор волонтерской группы в детском доме-интернате (ДДИ) № 24*

Я давно задумывалась о волонтерстве, мне хотелось чувствовать свою вовлеченность во что-то хорошее. Да, я могла перечислить кому-то деньги на лечение, но мне казалось, что это все не то. Мне хотелось самой что-то делать. И однажды мы с моим молодым человеком поехали в Даниловский монастырь. На выходе из монастыря я увидела плакат «Даниловцев»: «Детям в больницах нужны не только таблетки». И я подумала — это знак.

Дома я зашла на сайт «Даниловцев» и подумала: «Ничего себе, сколько волонтерских групп — и детские дома, и больницы, и наркодиспансер, и психиатрическая больница! Вот! То, что надо! Приходи и делай добро!» Это было то, к чему я всегда стремилась.

И встал вопрос — куда идти. Я стала подробнее читать о каждой группе. И мне захотелось пойти в детский дом, потому что там у детей точно нехватка заботы, внимания. В больницах-то детишки с родителями. Да, у них тоже тяжелые ситуации, но именно в детском доме — острая нехватка общения.

— **Так вы и пришли в детский дом-интернат для инвалидов?**

— Да, я выбрала ДДИ № 24, потому что там более-менее сохранены дети, хотя территориально это вообще не мой вариант, я туда добираться практически два часа. Очень хорошо помню первую встречу, я же раньше таких детей почти не встречала... Был сентябрь, бабье лето, дети гуляли на улице. И вот мы только заходим за забор на их террито-

рию, а они бегут вот так, раскинув руки, на нас: «Волонтеры-ооры!»! Один ребенок вцепился мне в руку, другой повис на шее, третий в сумку лезет. У меня было одно желание — убежать за этот забор, закрыться, чтобы меня немедленно оставили в покое! Это было серьезнейшее нарушение моих личных границ.

И на той первой встрече я познакомилась с Зоей, она незрячая. Ей было тогда лет 13. Зоя взяла меня за руку, мы отошли, и она стала рассказывать, что любит апельсины, к ним приезжает бабушка, она причащается, и у нее есть крестик. Какие-то очень личные вещи рассказывала.

Мне было тяжело, но время пролетело быстро. Придя домой, я очень переживала, но для себя решила, что необходимо съездить еще раз. Это было больше трех лет назад. Сейчас этот ДДИ стал тем местом, которое дает мне силы, отсюда уезжаешь просто окрыленный. Эти дети вызывают у меня только нежность. Они дают столько не рассуждающей любви. Им все равно, какой ты. Ты можешь приехать любой, а тебя будут любить. Вы такого больше нигде не найдете.

... Вот мы заходим с волонтерами в группу, они уже ждут, сидят за партами. Они всегда сидят за партами. И я только скажу: «Здравствуйте», а Зоя уже из-за парты срывается: «Вика, Вика!» Она ничего не видит, но голоса различает прекрасно.

— **А сколько детям лет?**

— От 12 до 18. И мы с волонтерами как-то никогда не задумывались о том, что однажды они уедут в психоневрологический интернат — ПНИ. Мы знали об этом, но все казалось — как-то потом, через год. И вот в том сентябре мы приходим с наших волонтерских каникул, все в группе, а Кирилла нет, Сережи и Славы тоже нет... Все, говорят, в ПНИ увезли. А буквально через месяц смотрим: там же возле каждой группы — список детей на стене. А фамилия девочки одной, Веры, булавкой полоской заклеена. И ее тоже перевели...

Мы не понимали, как к этому относиться. С одной стороны, мы к ним очень привыкли, привязались, они такие хорошие. С другой, мы не знали, что там за условия — в ПНИ. Вообще, детей в ДДИ настраивают на то, что их туда переведут, у них будет взрослая жизнь. Они это знают. И даже ждут, потому что в ДДИ у них все по-детски, они все с группой.

Никакой самостоятельности, по территории гулять можно только с воспитательницей, а в ПНИ все по-другому... Но чувства были странными..

— **А вы были в этом ПНИ?**

— Да, в первое же посещение мы договорись с заведующей, что навестим ребят. Поехали на машине вчетвером, — заведующая тоже. Купили подарки: что-то из предметов гигиены. Приехали и — встали перед глухим забором с КПП. Не пускают, дядечка-охранник говорит: «Ничего не знаю, меня не предупредили». Начались звонки, переговоры. Если бы не заведующая, нас бы ни за что не пустили, и мы бы с пакетами уехали обратно. И неважно, что к друзьям в гости приехали. Охранника не предупредили!

Наконец, мы прошли. Внутри оказалась приятная территория, лес, в помещениях тоже хорошо, просторно, позвали к нам наших ребят. Оказалось, что они живут втроем в комнате, работают на каком-то производстве, что-то клеят, им платят, и ребята даже сами в складчину купили плазменный телевизор!

Было облегчение, что им там хорошо, но потом появились и сомнения. То мы нашего Кирилла видели среди детей, а он такой веселый, заводной, танцевать любит. А тут — эти взрослые люди, которых я там увидела, и которых ты никогда не встречал в обыденной жизни. Но самое главное, мы вдруг поняли: ПНИ — это конец пути. В нашем корпусе у них до последнего была надежда, что их заберут. А этих детей, действительно, редко, но берут, в Америку усыновили кого-то. Они часто об этом говорят, воспитательницу мамой называют. В детском корпусе есть хоть какой-то шанс, что их возьмут в семью, у детей появятся близкие люди. Им проводят День Аиста, день открытых дверей, постоянно какое-то движение, подарки. А ПНИ — это все, конец. Никто их никогда не забрет никуда...

— **Вы потом еще встречали Кирилла и ребят?**

— Через какое-то время ПНИ сам приехал с концертом. Был там и Кирилл, и Вера, они выступали... Ребята старались, молодцы. Но вот состояние Веры... Она всегда была такая к нам внимательная, обязательно маникюр оценит, прическу, а тут стоит, сама не себя не похожа. Как замороженная. Мы спрашиваем: «Что с тобой?», она рукой машет: все нормаль-

но. Возможно, мальчики и девочки по-разному воспринимают перевод в ПНИ, я не знаю, я от нее ничего не добилась...

— **Получается, что людей отрывают от мамы — они же воспитательницу именно в таком качестве воспринимают, от друзей-волонтеров, которых они искренне любят на протяжении многих лет. От любимого парня или девушки, который остается в ДДИ. И больше им ни с кем не придется увидаться, как ни проси.**

— Так это еще не все. После этого посещения нас пригласили в другой корпус нашего интерната — к маленьким совсем детям, от 0 до 7 лет. Решили, что в нем тоже надо открывать волонтерскую группу, потому что у воспитателей рук не хватает.

Нам дали более-менее легкую группу. Мы начали туда ходить. Эти девочки двух-трех лет такие милые! Ну прям ангелочки, такие маленькие, с хвостиками на головках! Даша — у нее синдром Дауна, она так смеется здорово. Настя вообще не говорила, а за пару месяцев, что мы ходим, такой прогресс — стала говорить нам «Ап-па!» и «фонарики» ручками делать. Оленька — она не ходит, лежит в кроватке, но очень любит гулять, как увидит нас — ручками-ножками сразу двигает.

И... И в общем, в этом маленьком корпусе совсем грустно. Девочки начинают привязываться к нам. Они уже понимают, что ты приходишь именно к ним, и не хотят уходить! А для женщины это очень тяжело, такая привязанность, надо как-то устанавливать границы, но как? Вот воспитательница зовет, а девочка за ноги твои держится, и прямо так тяжело на сердце.

Таким образом, за несколько месяцев я увидела всю их жизнь: от 0 и до конца...

И что я хочу сказать: волонтерский труд — это служение, это на самом деле — большой труд. И важно не выгореть, не только отдавать, но и чем-то наполняться.

— **И как вы планируете работать дальше?**

— Нас эта тема очень беспокоит, мы постоянно делимся друг с другом своими мыслями и переживаниями по этому поводу. С этим вопросом я обратилась к психологам и основателям нашего движения — Лиде Алексеевской и Андрею Мещеринову. Они очень опытные люди, которые всегда готовы дать дельный совет. Выслушав меня, Лида предложила

внедрить некую программу по поддержке наших подопечных, которые в ближайшее время отправляются в ПНИ. Эту идею волонтеры моей группы поддержали. Как я это вижу: совместно с ДДИ и ПНИ мы будем устраивать встречи для старших групп, где с подопечными будут общаться психологи. Мы как волонтеры сможем возить их на экскурсию в ПНИ, чтобы показать наглядно, что их ждет в будущем, рассказывать про личную гигиену, про навыки самообслуживания, с девочками можно заниматься кулинарией, учиться стирать и т. д. Это большой проект, который мы общими усилиями сможем реализовать. Я уверена, что таким образом мы сможем изменить жизнь наших подопечных и сделать их перевод в ПНИ менее болезненным.

Да, мы переживали, волновались, но от этого ничего не изменится. И надеюсь, что в скором времени мы начнем свою работу в этом направлении!

Интервью подготовила Анастасия Кузина.

ВОЛОНТЕРОМ МОЖЕТ БЫТЬ КАЖДЫЙ

*Виктория Дороничева,
координатор волонтерской группы в ДДИ № 24, будущий логопед*

Я росла в женской среде: с бабушкой, мамой, тетей и сестрами. В нашей семье отношения пронизаны любовью, заботой друг о друге.

В школе я стала задумываться, кем я хочу стать в будущем. Тогда я не могла даже представить, что захочу связать свою жизнь с детьми. Я поступила в Московский психолого-социальный университет на факультет логопедии и решила, что хочу помогать детям. Сейчас я учусь на третьем курсе и уже очень люблю будущую профессию. Ведь какое счастье помогать тем, кто в этом нуждается, и видеть результат своей работы!

Необычная история привела меня в добровольческую организацию. На выходе из Даниловского монастыря увидела объявление — «Детям в больнице нужны не только

таблетки», и меня это очень зацепило. Тогда я не поняла, о чем речь — подумала, что это сбор на лечение тяжелобольного ребенка. Как сейчас помню, очень спешила на трамвай, и, казалось бы, что такого в этом объявлении? Беги, а то уедет, но нет!

Я сфотографировала ссылку на сайт движения «Даниловцы». Из всего списка выбрала группу детского дома-интерната № 24 («ЦССВ Сколковский»). Это было не самое удобное место, да и дни посещений были тоже неподходящие, но тогда меня это не остановило. Дети в ДДИ особенные. Они по-настоящему искренние, теплые, ласковые и солнечные! Эти дети особенно нуждаются в поддержке, общении и просто внимании.

Первая встреча с подопечными навсегда останется моей памяти. В тот осенний ясный день мы гуляли с подопечными на улице, и мне посчастливилось познакомиться девочкой Зоей. Зое 14 лет, она незрячая, и ее ровесницы не горят желанием общаться с ней. Она не может бегать, играть в подвижные игры и читать книжки. Все, что она может — слушать музыку на веранде или просто быть собеседником. Несмотря на ее особенность, она очень любознательная и очень ждет приезда волонтеров, чтобы рассказать им свои новости. С самого детства у меня проблемы со зрением, я часто лежала в больницах, — именно поэтому я понимала ее как никто другой. Тогда я убедилась в том, что сделала правильный выбор!

В группе ДДИ № 24 живут и воспитываются умственно отсталые дети, которые остались без попечения родителей. Эти дети очень ждут приезда волонтеров, и я вижу, что наши поездки приносят плоды. Это вдохновляет меня. Будучи волонтером, я неактивно участвовала в жизни группы, больше была погружена в общение с детьми, но как только стала координатором, начала глубже видеть и чувствовать. Я поняла, какие замечательные, добрые и сострадательные люди меня окружают. Ведь они действительно готовы жертвовать своим временем, финансами, силами! Мне хочется, чтобы каждый новый волонтер задержался в нашей группе и смог влиться в наш коллектив.

Человек создан для того, чтобы помогать тем, кто в этом нуждается! Я часто слышу от волонтеров, что от поездки в ДДИ они ощущают чувство радости и открытости. Разве

это не прекрасно? Это то, ради чего хочется приезжать туда вновь, несмотря на все проблемы. Конечно, не каждому дано ходить в детский дом или психиатрическую больницу, подтирать слюни Пете или слышать крики Саши, а когда Маша лезет в твою сумку или хватается за волосы, тоже мало приятного. Перед волонтером стоит большая ответственность, он должен проделать огромную работу над самим собой. А самое главное — понимать, для чего и с какой целью ты это делаешь. Ведь добрые дела можно делать по-разному: довести старенькую бабушку до подъезда, помочь многодетной маме поднять коляску или просто покормить бездомных щенков. Каждый человек может быть волонтером, — в этом я убеждена.

КОГДА АИСТЫ ОШИБАЮТСЯ

*Виктория Дороничева,
координатор волонтерской группы в ДДИ №24, будущий
логопед*

Мы ходили в кинотеатр смотреть мультфильм. Мы были в компании особенных людей. Им всем почти по пятнадцать, но выглядят они максимум на десять. Главная же особенность состоит в том, что они добрые, все время за что-то благодарят и почти не способны причинить зло. А еще я, правда, нахожу, что они красивые. Прежде всего, потому что настоящие. Они не умеют притворяться. Все, что делают, делают искренне, не задумываясь о том, что подумает о них вон та тетя или вот этот дядя. И ничего, что у Степы суховатая кожа и он побаивается темноты, а Соня слегка плюется, выговаривая букву «п».

Мы смотрели мультфильм «Аисты» про маму, папу и их ребенка. Сын написал письмо аисту и попросил принести братика, обещая всегда делиться с ним игрушками. На специальной аистиной фабрике работал конвейер, штамповавший детей. Малыши появлялись на свет, сортировались и пеленались, после чего специальные птичьи менеджеры доставляли их в семьи. Однажды был запущен не тот рычаг, и на свет появился не братик, а «некомплектная малышка» (так ее назвали в анонсе).

Мультик, конечно, добрый, но я переживала: не слишком ли много разговоров про маму с папой? Ведь дети, пришедшие с нами, тоже были слегка... некомплектными. Кто-то когда-то не вполне обдуманно нажал на рычаг, а непонятливые птицы снесли Степу, Соню, Машу, Ивана и всех прочих туда, где они пришлось не ко двору. И потому пришлось ко многому привыкать: к скучным казенным стенам детского дома, к хорошей, но одной на всю группу воспитательнице Марии Николаевне, и к выездам раз в месяц куда-нибудь на Красную площадь или в музей.

Идея сходить в кино принадлежала мне, поэтому я жутко волновалась. Специально выехала пораньше, за два с половиной часа, но долго не могла отыскать нужную маршрутку. Оставалось всего сорок минут до сеанса, а транспорта все не было. Я говорила себе: «Вика, успокойся, соберись». Даша и Ядвига, наши волонтеры, тоже принялись писать, что опаздывают. С воспитательницей Марией Николаевной мы общались через WhatsApp. Было приятно чувствовать поддержку этого неравнодушного человека.

Мария Николаевна рассказывала, что в кино они ходили всего однажды и то неудачно. Степик испугался: расплакался, когда выключили свет, и долго не мог успокоиться. А ведь в зале были и другие люди. А эти самые другие в нашей стране к особенным детям не привыкшие, и терпение у них не безграничное. После такого опыта ходить в кино как-то опасались.

Зато в этот раз мы были совершенно одни, выбрали самые хорошие места и никому не мешали. Каждому без исключения была принесена порция попкорна и сока. Степка уселся мне на колени, невзирая на протесты Марии Николаевны. Во время рекламных перебивок мальчик шепотом вторил музыкальным джинглам. Он хорошо их знал, ведь детдомовские дети много смотрят телевизор. Иногда даже слишком много. А что еще делать, если выходы в свет не так часты, как хотелось бы? Степа заглядывал мне в глаза, а я специально делала вид, что не замечаю, что Степа смотрит не на меня, а на экран.

Приехали замерзшие Даша с Ядвигой. Они тоже очень долго добивались. Девушки-волонтеры в нашей группе такие нежные: и за руку ребенка возьмут, и обнимут. Добровольчество им по душе, это их свободный, осознанный выбор. Четвертым приехал Александр, взрослый волонтер

на собственной машине. Мы окружили детей с четырех сторон, чтобы они были в кольце безопасности, и смотрели, чтобы никто не подавился едой, и все остальное было благополучно.

Когда включили свет, малышня защебетала. Мультик восхитил всех без исключения. Марию Ивановну особенно потрясло, что дети просидели целых два часа, не вставая и не шумя. Никто ни у кого ничего не отнимал. Все сдали пустые стаканчики, и я сложила их один в другой, как матрешку. Воспитательница все время нас благодарила, говорила, что одна бы она не справилась.

Одна малышка по имени Лера все время повторяла протяжно: «Вы такие хороооошие». Эта девочка, несмотря на диагноз «умственная отсталость», регулярно участвует в разных спартакиадах, соревнованиях и даже получает грамоты. Она моментально улавливает смысл всех игр и вообще шустрая.

Под конец ребята подустали, потому что после школы они обычно спят. Но вели себя отменно: хлопали в ладоши и смеялись именно тогда, когда было нужно. То есть они понимали все от первого до последнего слова.

Герои мультфильма выросли, мальчик стал хорошим братом. А наши Соня, Ваня, Маша, Степа и все остальные блаженно улыбались. Казалось, они не особенно расстраивались, что у мультяшных героев есть мама с папой, а у них нет. Несмотря на то, что привыкнуть к такому невозможно, они и к этому, как смогли, притерпелись.

...В египетской мифологии душа человека — Ба — обычно представлена аистом. В скандинавской мифологии аист символизирует семейные ценности и обязательства друг перед другом. Аисты фигурируют в китайской, израильской и различных европейских мифологиях, но считается, что ассоциация аистов с новорожденными младенцами возникла в Германии несколько сотен лет назад.

ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ УКРАСИТЬ ЖИЗНЬ ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА

Светлана Блинова, психолог, экс-сотрудник добровольческого движения «Даниловцы», экс-ведущая направления психологической поддержки, создатель и первый координатор волонтерских групп в детской психиатрической больнице №6, в детском доме-интернате для умственно отсталых детей №24, экс-координатор волонтерской группы «Дорога к дому»

Я стала волонтером в 32 года. В это время я работала в молодежном центре при Даниловом монастыре психологом и преподавателем просветительского курса. И когда Андрей Мещеринин инициировал создание нового проекта — волонтерской группы в НИИ нейрохирургии им. Бурденко, — а Юра Белановский его поддержал, некоторые сотрудники откликнулись, в том числе я. Меня интересовали дети вне профессиональной деятельности, бескорыстное участие в их жизни. Так в 2008 году я оказалась с группой волонтеров в детском отделении нейрохирургии НИИ им. Бурденко.

Тогда у меня не было детей, и мне было интересно общаться с ними вне профессии. Мне хотелось о ком-то заботиться. Ключевая ценность волонтерства состоит в утверждении роли человека в жизни другого. Человек, его дружественное присутствие, может украсить жизнь другого человека: ребенка в больнице, бездомного на улице, самого волонтера, который видит радость подопечного...

Я стала координатором волонтеров в 2010 году, дважды в неделю мы с волонтерами ходили организовывать досуг для девочек, которые лежали в 6-й психиатрической больнице, в женском «остром» отделении.

Всю ответственность за подопечных и волонтеров, конечно, я не могу взять на себя, но как верующий человек, перепоручаю это Богу. По мере сил молюсь за них.

В моем понимании, способность разделить переживания человека уже ценна и несет в себе терапевтический момент. Сейчас психотерапевтическая практика востребована: люди

нуждаются в доверительном контакте, мы иногда боимся отяготить друг друга своими переживаниями, замыкаемся в себе, не хотим «грузить» близких или открываться с «плохой» стороны. Но когда волонтер приходит в учреждение для поддержки ребенка, ребенок может показать свою уязвимость, свою нужду во взрослом и стабильных отношениях — в том, чего нет у детей, лишенных родителей. Волонтер не может заменить родителя, но какая-то, хотя бы точечная, компенсация присутствует, и это очень ценно.

При отсутствии родителей важно, что кто-то придет и подержит ребенка за руку.

Ключевая трудность для волонтеров в детском доме для инвалидов состоит в том, чтобы понять ребенка. Там находятся дети с тяжелой степенью умственной отсталости. Кто-то говорит очень невнятно, кто-то вообще не говорит, кто-то проявляет себя однообразными звуками, цоканьем или мычанием, слогами... Как их интерпретировать?

Волонтер пришел, подержал ребенка за ручку, или погоял с ним мяч, или погулял с ним. Потом ушел, а у ребенка осталась «направленность на волонтера»: ты еще придешь ко мне? Ты станешь моим близким? Но волонтер — роль не родительская (в идеале она может перерасти и в родительскую), тут важен опыт человеческой встречи. Волонтер пришел к ребенку потому, что так просит его сердце, его разум.

При отсутствии родителей важно, что хотя бы кто-то подержал ребенка за руку, посмотрел в его лицо, попытался услышать его и понять.

Это психологически тяжело, не все волонтеры готовы регулярно встречаться с такими детьми. Поэтому в нашей группе остается в лучшем случае треть от изначально пришедших.

Медицинские работники учреждения нас не понимают и требуют справки, медкнижки, в этом наша основная организационная трудность. На мой взгляд, это лишнее, так как требования постоянно меняются, а нас об этом ставят в известность с опозданием на полгода. Я воспринимаю это как сопротивление организации сотрудничеству с волонтерами.

Например, на днях к нам хотели прийти семь человек, но только у двоих есть все нужные медицинские документы. Остальные пятеро теперь либо пойдут в другую группу, что будет счастьем, либо — в кино, на курсы...

Волонтеры общаются с детьми, чтобы хотя бы в здесь и сейчас ребенок чувствовал себя нужным.

Важно все свои действия и просьбы детей «а пойдём во-круг здания» согласовать с воспитателем. Он должна знать, где какой ребенок находится. Нельзя позволять детям причинять себе ущерб, потому что умственно отсталым детям интересно любое взаимодействие: залезть тебе в карман, дернуть за волосы. Иногда и стукнуть, потому что для них важно получить обратную связь: можно тебя бить или нет? И как с тобой вообще можно взаимодействовать?

Очень важно волонтеру уметь говорить: стоп, нельзя. Преключать ребенка на конструктивные действия. Меня бить нельзя, а топать и хлопать в ладоши, пробежаться или кидать палку и бить по забору можно. Воспитатели зачастую общаются с детьми в духе «сделай то или это», а волонтеры — на волне дружественного, доброжелательного общения, чтобы ребенок хотя бы сейчас чувствовал себя нужным.

Оборотная сторона волонтерства

Общая тенденция — непонимание мотивации. Зачем я иду в благотворительную деятельность? Есть светлые стороны мотивации: реализация творческих навыков, лидерства, способность организовывать, дарить радость, устанавливать длительные контакты, проводить тренинги. В волонтерстве можно многое попробовать. Возможна даже практическая профориентация. Но есть и теневые стороны: например, привлечение внимания к себе (приходишь не для подопечного, а чтобы он тебе порадовался; это чревато обидами на подопечного), властность, деспотизм, чувство вины. Один доброволец написал о причине ухода из группы: «Я перестал ходить в эту группу, потому что приходилось целыми днями слушать поучения». Такое редко, но бывает.

Бывает, что после волонтерского опыта люди находят себя в другой области, бросают работу в банке и идут к детям — работать няней или преподавать английский... Я всегда беседую с волонтерами: что порадовало, что огорчило? Оправдались ли ожидания?

Во мне волонтерство развило сознательность, дисциплину, коммуникативные навыки. Я стала более обязательна. И еще научилась распределять ответственность. Как координатор часто все тащила на себе, а от этого переутомляешься,

выгораешь, устаешь. А нужно обращаться за помощью, поручать что-то Богу, просить волонтеров. А можно и детей просить, им тоже очень полезно, когда им доверяют. Это ведет не к деградации, а к развитию отношений.

Единомышленник, который выбрал дела милосердия — это стоит очень дорого

Нужно всегда уметь говорить «нет». Говорить это детям, например. Я не люблю, когда мне залезают в сумку без спроса или дергают за волосы. Дети импульсивные, это их особенность. наших подопечных тоже учим уметь говорить «нет».

Ключевой момент в волонтерском опыте — те люди, которых ты встречаешь при волонтерских посещениях. Ты понимаешь, что пришел твой единомышленник, который выбрал дела милосердия. И это дорогого стоит. Достаточно нескольких посещений с каким-то одним волонтером, чтобы понять, получается ли совместное дело. Если да, это вызывает огромное воодушевление.

Каждая группа проходит такие этапы: энтузиазм, потом разочарование и первые трудности, потом поиск и рутинность. Затем накопление опыта и обобщение этого опыта. Бывает, что группа почкуется. Интересно наблюдать за личностным ростом людей. Я видела, как, например, за несколько лет выросла Лиза Чистякова из студента в профессионала. Из волонтеров вырастают координаторы, ведущие тренингов. Образуются пары: Лидия Алексеевская и Андрей Мещеринов, я также познакомилась с супругом в «Даниловцах». У нас много прекрасных девушек и замечательных молодых людей. Я бы рекомендовала всем, кто ищет пару, обратить внимание на волонтерские движения. В регулярном общении можно увидеть человека таким, какой он есть. Из раза в раз при помощи детей или бездомным проявишь себя таким, какой ты есть на самом деле.

Статья подготовлена Анной Рымаренко.

ПРИЗНАНИЯ В ЛЮБВИ

Виктория Дороничева,

координатор группы добровольческого движения «Даниловцы» в детском доме-интернате № 24

Наши встречи с подопечными в ДДИ № 24 в холодное время года в основном проходят в помещении. Редко когда бываем на улице и если бы вы знали, как уже хочется тепла, чтобы поскорее возобновить активные прогулки на улице!

Сегодня наша поездка оставила очень теплый след в душе. Вдвоем с Варей мы отправились к нашим чудесным девочкам во вторую группу. По дороге мы обсуждали планы на будущее, а их, как известно, всегда очень много! Например, мы помним о наших воспитанниках, которых не так давно перевели в ПНИ, и в ближайшее время планируем навестить ребят.

Девочки у нас очень активные и любознательные. Мы с Варей смогли отлично организовать этот час: в первой половине мы делали отпечатки ладошек и раскрашивали, а во второй половине танцевали под музыку Железновой и играли в игру на внимание, а в конце нашей встречи девочек ждала фотосессия. Они с особым трепетом относятся к ней.

За время нашей встречи девочка Вика дважды призналась мне в любви, а девочка Зоя сделала мне комплимент и сказала, что я вкусно пахну. Наши девочки всегда очень нежные и ласковые, а самое главное — искренние!

ВОЛОНТЕРЫ ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Юлия Курбатова,

волонтер группы добровольческого движения «Даниловцы» в детском доме-интернате № 24

Для меня первое посещение ДДИ связано с неожиданными положительными эмоциями. Прямо до самого момента, когда мы вошли в группу к ребятам, я боялась, что не смогу связать и нескольких слов и в целом буду достаточно замкнута. Однако все мои опасения исчезли с первых минут. Дети сразу поняли, кто пришел к ним в гости, с большой радостью

встретили нашего координатора (Викторию Дорониичеву) и с интересом смотрели на нас (новых волонтеров).

После того, как Виктория сказала, что в рамках нашей встречи мы будем заниматься лепкой из пластилина, мы с ребятами познакомились и приступили к делу.

В процессе лепки ребята проявили себя очень творчески — помимо заданной темы, они предлагали свои идеи (лепили снеговиков, зайчиков, добавляли в сюжет солнышко с лучами и улыбками, новогодние елки, украшенные шарами). С ребятами было очень легко общаться, будто мы давно знакомы. Они сразу запомнили мое имя и, привлекая внимание, чтобы показать свою работу, окликали меня: «Юля, посмотри, как у меня получилось».

Отведенный час прошел незаметно. Я даже не поняла, что уже закончилось время посещения. Мы сделали совместное фото и попрощались с ребятами. Вика сообщила, что позже мы вновь приедем в гости, я заметила, что ребята уверены, что их снова посетят волонтеры, и это меня очень порадовало!

КОГДА ПОДОПЕЧНЫЕ ВЗРОСЛЕЮТ

*Варвара Михалищина,
волонтер группы добровольческого движения «Даниловцы»
в детском доме-интернате № 24*

По инициативе координатора нашей группы Виктории Дорониичевой, решили мы проведать подопечных ПНИ № 5, которых относительно недавно перевели туда из ДДИ № 24.

Пока мы ехали к ребятам, в голове было много разных мыслей, большинство из которых были не самыми радужными... Вопросы «Как они там? Нравится им или нет?» занимали наши головы.

И вот мы приехали. Перед нами серое здание, окруженное забором. Но то, что мы увидели за этим забором, для меня было полной неожиданностью.

ПНИ № 5 — это полноценный, яркий и гармоничный мир, невидимый для обычных людей, это огромная семья.

Видеть так много взрослых людей с особенностями мне пришлось впервые. Но их открытость и дружелюбие по-

коряют. Они живут в своем особенном мире, где есть все, как у обычных людей. Они работают, учатся, занимаются творчеством, ходят в магазин, общаются и спокойно гуляют по территории.

Нам очень повезло, и психолог этого заведения провела для нас экскурсию по корпусу, показала, где живут ребята, как проходят их дни, где они занимаются творчеством. Ребята нам показали свои комнаты, рассказали, что сами заработали и купили телевизор. Для меня удивительно было обращение психолога к каждому подопечному по имени и с родительской заботой, участием. Такое не сыграть. Они действительно так живут, дружно и складно.

После экскурсии мы с нашими ребятами пошли в учебный класс и там пели под гитару. И было очень приятно, когда к нам присоединялись и те, кто видел нас впервые. За песнями время пролетело незаметно. И нам пора ехать обратно...

Вместо тысячи слов Оксаной Анатольевной был задан ребятам один вопрос: «Обратно в ДДИ поедете?» На что ответом было решительное «Нет!»... Значит, им там хорошо, а у нас на душе спокойно.

ТРОГАТЕЛЬНЫЕ ВСТРЕЧИ В ДДИ № 24

*Николай Левит,
волонтер группы добровольческого движения «Даниловцы»
в детском доме-интернате № 24*

«Опа!», — неожиданно восклицает Даша и обнажает свои крохотные зубки, улыбаясь и вторя воспитательнице, пока ее одевают на прогулку. «Опа!», — повторяет она уже на улице по нашей с Олей просьбе. Две недели назад, когда Даша на прощание показала нам фонарик ручкой, мы так удивились, а тут — почти говорит!

Уже третье мое посещение корпуса ДДИ № 24 для детей до десяти лет, малышей. А чуть больше года назад я впервые побывал в основном корпусе ДДИ (тогда я еще не знал, что тот корпус не один; там воспитываются ребята от 10 до 18 лет): непонятные и порой пугающие дети, которые почему-то очень рады меня видеть.

По мере знакомства и привыкания к ним, к особенностям их характеров, ограничений, к их способностям и предпочтениям меня (и не только меня, так как мы, волонтеры, делились этими мыслями друг с другом) стали посещать тревожные мысли о будущем наших подопечных. И тогда я впервые услышал аббревиатуру ПНИ, за которой стоит, как мне тогда казалось, что-то ужасное, обезличивающее всех, кто туда попадает. Мы очень переживали за ребят, которые по достижению 18 лет неминуемо должны оказаться в этом страшном месте с его серыми беспросветными буднями.

Одной из причин, по которой я полгода назад начал ходить также и в группу ПНИ № 30, было желание преодолеть этот страх неизвестности. Там я увидел, что не все так страшно, что и там люди не просто существуют, а живут, у них есть хобби, кто-то работает, мастерит что-то, многие читают, смотрят телевизор, у них бывают концерты, дискотеки. В общем, живут. И невольно я сравнивал все время ребят из ДДИ и людей из ПНИ, находя какие-то сходные черты, и радовался за ребят, что их жизнь будет продолжаться и после 18 лет. И вот примерно месяц назад руководство ДДИ предложило нам посещать малышей в другом корпусе. В первое мое посещение мне было отчего-то очень грустно. Я все никак не мог понять, с чем это связано, списывая это на то, что наше посещение малышей происходит за счет времени, выделяемого раньше детям постарше. Но вот после второго посещения я вдруг понял, почему мне стало грустно, почему я после этого охотно пропустил очередное посещение, поехав в главный корпус. Знакомство с этими крохами создало общую картину, от которой уже нельзя было отвернуться, я вдруг осознал всю трагичность их жизни.

Когда я приходил к ребятам из основного корпуса на час, я старался их развеселить, развлекал, пытался общаться, стеснялся, радовался, пугался, раздражался, перебарывал, мотивировал как-то себя. И все это было про меня. Про мои переживания. Ребята были как бы фоном, то средством, то целью. А теперь... Вот Лёша, который недавно выписался из больницы, который всех задирает, борясь за место под солнцем. Раньше его поведение частенько меня раздражало, а теперь

я снова невольно сравниваю его с малышами из второго корпуса и думаю о его детстве. Я вот помню из своего детства руки — папины и мамины. Мамины — такие красивые, теплые, так приятно ерошившие мне волосы. Папины — грубовато-шершавые, сильные, с ними можно было играть, сидя у папы на коленях в скучном метро. Эти воспоминания поддерживают меня, когда мне грустно. А какие воспоминания поддержат Лёшу? Чьи руки вспомнит он, когда ему будет грустно?

Со всего размаху наваливается безысходная мысль: «А в чем тогда вообще смысл их жизни? Зачем это все?» И почти в тот же момент появляется когда-то невыносимо банальная, а теперь такая понятная и живая: смысл жизни в самой жизни. С кем-то, кто в этот самый миг стал для тебя самым близким человеком на свете.

И вот я уже не могу сердиться на Лёшу. Мне хочется только обнять его, поговорить о чем-то или помолчать.

«Опа!», — повторяет Даша теперь уже Вике своим нежным голоском. Нас зовут в корпус, время посещения заканчивается. Мы отвозим коляску на стоянку под козырек и относим Дашу в группу. Пока, Дашуля!

СМОТРИ, ЯБЛОКИ РАСТУТ, ИЛИ Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ

*Анна Рымаренко,
журналист, пресс-секретарь добровольческого движения
«Даниловцы»*

Мы, земляне, охотно и много шутим на злобу дня. Это выражение было подхвачено из Книги книг газетчиками прошлого века. Греческое слово «какία» было переведено на русский как «злоба» и «забота», хотя более корректный его перевод — «низкое качество, ошибка, плохой умысел, злодеяние».

Ехидно улыбаясь, мы рассуждаем о дурном вкусе чьей-нибудь жены, о чьей-то неудачливости, бездарности или глупости, а потом в этом же тоне говорим о политике или войне. Мы называем все это «острым умом», «хорошим

чувством юмора» и считаем подобное поведение абсолютно нормальным.

Остроумные люди высказывались на злобу дня, называя поэта Китса «аптекарем» и «сыном конюха». Плохо скрываемое пренебрежение вызывали его скудное материальное положение и либеральные политические взгляды. Китс умер очень рано, будучи абсолютно уверенным в своей несостоятельности. Какое-то время хорошим тоном в среде столичных шовинистов Копенгагена было снисходить к простоватому дяденьке Андерсену из датской «задницы мира». Он был сыном башмачника и прачки и все время носил с собой носовой платочек, потому что был весьма скор на слезы. Однако истории угодно было запомнить именно его, простодушного и набожного, а не тех, кто снисходил.

А теперь мы имеем возможность читать сказки Андерсена тем, кто также божественно прост, как и сам Ганс. Представьте себе людей, которые физически не способны использовать привычные инструменты коммуникации (приветствия, сплетни и все в этом роде), не понимают шуток и сарказма, не могут рассказывать занимательные истории о чьих-то недостатках. Если вы заговорите с ними в шутовском, едком тоне, — они, скорее всего, просто вас не поймут и посмотрят недоуменно. Речь идет о людях с диагнозом «аутизм» и другими ментальными особенностями.

Мы, люди из добровольческого движения «Даниловцы», приходим к особенным детям, чтобы поговорить о простых, внятных вещах. О том, почему птицы улетают на юг, отчего листья осенью разноцветные, о том, как искрится снег в лучах солнца. Мы поем с ними под гитару, читаем хорошие книги. Мы в радость этим детям, мы — их окно в мир взрослых, а они для нас — отдохновение от взрослого мира с его злобой пенной дней.

Среди наших подопечных есть девочка Зоя. Ей 16 лет. Она очень любит апельсины и массаж. Она каждый раз очень ждет, когда ее на этот массаж повезут. Диагнозы Зои — «аутизм» и «умственная отсталость», она не всегда себя контролирует, она слабовидящая. Но, единожды услышав голос и имя волонтера, она запоминает их навсегда и отличает среди других голосов и имен. У нее просто феноменальная память. На наш взгляд, это весьма одаренный ребенок.

К сожалению, усыновления случаются крайне редко. У этих детей нет родных. Как правило, это круглые сироты. Мы, несмотря на то, что очень тепло к ним относимся, не можем в полной мере дать детям то, в чем они так нуждаются. Когда ребенок говорит: «Я тебя люблю», мы вместо того чтобы сказать — «Я тебя тоже», смещаем их внимание на что-либо другое. Говорим, например: «Посмотри, какие красивые яблоки на дереве». На вопрос: «Ты мама?», мы вынуждены отвечать отрицательно и просто называем свои имена.

Мы развиваем этих детей, как умеем. Нам очень хочется, чтобы у них появилось хоть какое-то будущее. Чтобы после совершеннолетия они попали не в психоневрологический интернат, а освоили какую-нибудь простую профессию, смогли жить в обществе.

Нам кажется, что в чем-то наши подопечные более нормальны, чем мы все, живущие в социуме. По крайней мере, они беззлобны и благодарны. А не эти ли качества делают человека человеком?

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ В ДДИ № 24

*Николай Левит,
волонтер группы*

Весна с каждым днем все увереннее вступает в свои права. Кажется, что вот-вот все вокруг стремительно начнет зеленеть, распускаться и благоухать! Наверное, это внушило Вике (Виктория Дороничева, координатор волонтерской группы — Н. Л.) идею провести творческое занятие по изготовлению цветочных корзинок из бумаги. Так или иначе, но четверо волонтеров (Вика, Катя, Катя А. и я) с таким намерением приехали в ДДИ № 24.

Предполагалось, что корзиночки дети будут делать только с нашей помощью, поскольку ножницы можно давать далеко не всем да и «радуют» нас девочки постоянно своей гиперактивностью, а тут еще весна...

Вырезать для всех основу вызвалась Катя, Машу Вика решила взять на себя, потому что с ней временами бывает

МАСТЕР-КЛАСС ПО БОКСУ В ДДИ № 24

*Александр Гречухин,
волонтер группы*

8 февраля наша дружная команда, включая координатора Викторию, Николая, Екатерину и меня, приехала в ГКУ ЦССВ «Сколковский» (ДДИ № 24). Мы приехали не одни, а привезли с собой мастера спорта, призера чемпионата Москвы и Санкт-Петербурга по боксу Юрия и его партнера Владимира, чтобы провести мальчикам детского дома уроки мужества и показать мастер-класс по боксу.

Эту поездку мы неделю согласовывали с сотрудниками ДДИ № 24, выбирали программу, группу детей, для которых наиболее подойдет мастер-класс, согласовывали дату, время.

Спортсмены уже имели большой опыт работы с детьми в фитнес-клубах и на тренингах по боксу, что позволило положиться на их знания и умение обращаться с детьми дома-интерната. По нашей просьбе мастер-класс прошел в спокойной и дружественной обстановке.

Мы встретились у метро и приехали вместе в детский дом, а охранник, который нас давно знает, принял боксеров за новых волонтеров.

Как выяснилось, дети давно ждали нас и были предупреждены и подготовлены к приезду еще на предыдущей неделе. Надев всю нужную амуницию, мы вместе с боксерами вошли в комнату мальчиков первой группы. Они смотрели с удивлением на новых для них людей. Особенно их удивляло, что это пришли не юные волонтеры, а два больших взрослых дяди.

Первым делом боксеры представились, рассказали о своих достижениях, о том, как проходят чемпионаты по боксу, спросили у детей, что они знают о спорте и боксе. Многие о боксе не знали ничего, они с удовольствием смотрели и слушали. После ребятам предложили надеть боксерскую амуницию (перчатки и защитный шлем). Все ребята захотели покрасоваться перед фотоаппаратом в такой необычной форме! Особенно Максим и Гоша.

Третьим этапом программы стала гимнастика, отодвинули столы, все выстроились в два ряда и стали повторять

довольно сложно, а нам с Катей А. предполагалось заниматься с остальными шестью девочками.

Но все пошло немного не так, как мы запланировали. Лена в этот раз непременно захотела быть с Викой, а Маша на удивление была гораздо спокойнее обычного и хорошо себя вела. Так что Вика стала заниматься сразу с несколькими девочками, а я в поисках того, кому еще нужна моя помощь, обратил внимание на Алёну.

Алёна напоминает мне себя самого: тоже любит делать все чересчур аккуратнo и очень-очень медленно. И тут мне пришла идея, что Алёна могла бы сделать поделку максимально самостоятельно. Я спросил у воспитательницы, можно ли Алёне дать ножницы. Воспитательница согласилась, но наказала в таком случае быть все время рядом с ней, чтобы приглядывать за соседками — «бандитками». Так и определилась моя роль на этот вечер: я все время был возле Алёны, а Вика и Катя А. взяли на себя всех остальных девочек — лишь изредка я помогал то Полине, то Жене что-нибудь приклеить.

Итак, Алёна сделала аккуратные разрезы основы корзиночки, а я помог ей ее свернуть и склеить. Потом Алёна стала подбирать цвета будущих цветов и приносить мне — сама она не рискнула вырезать цветы из бумаги. Точнее, лепестки цветов — кружочки-серединки она вырезала сама и сама же приклеивала цветы на корзинку.

В то время как я вырезал венчики будущих цветков, Алёна тоже не сидела без дела, а сразу принималась за уборку: находила мельчайшие обрезки бумаги и относила их в урну. Нельзя не отметить, что вообще все девочки четвертой группы любят делать уборку, а уж если за дело возьмется Маша, то прямо из-под носа, чуть ли не из рук все выхватывает и несет либо в урну, либо волонтеру, ответственному за сбор остатков материала. А уж когда к ней подключаются Полина с Ксюшей!

Однако от сложения наших с Алёной медлительностей быстроты так и не получилось, и, когда все уже вовсю делали уборку, фотографировались и заплетали Вике косички, мы с Алёной все продолжали и продолжали резать и клеить.

В завершении занятия мы поздравили Алёну с прошедшим недавно днем рожденья и подарили ей набор восковых карандашей и деревянную лошадку для раскрашивания.

упражнения спортсменов. Волонтеры и воспитатели тоже решили подключиться к общему делу и повторяли движения. Получилась дружная команда. После такой быстрой зарядки следующим этапом стали движения в замедленном режиме, которые выполняют на боксе (справа, слева, снизу, сбоку). Следующим этапом стали движения вдвоем каждого мальчика с тренером, где тренер поправлял и корректировал движения ребят, чтобы они все делали по правилам. Заключительным действием стали показательные выступления с отжиманием в обычном виде, на одной ноге и с прихлопом руками. Дети остались в восторге!

Напоследок спортсмены строго предупредили ребят не повторять боксерские приемы в жизни без надобности! Только для саморазвития и защиты. Дети не хотели отпустить боксеров и расспрашивали их обо всем спортивном прямо до выхода. Очень просили приехать к ним еще и дети, и воспитатели! Юрию и Владимиру тоже очень понравилась встреча с детьми.

ШАГ НАВСТРЕЧУ: СОЛНЕЧНЫЕ ДЕТИ ДДИ № 24

*Алена Голобурдина,
волонтер группы*

Когда все твои развлечения и хобби не дают тебе реализоваться по-полной, есть сфера в нашей жизни, которая занимает неоправданно малое место в жизни большинства. К счастью, в нашем обществе сегодня происходят грандиозные сдвиги в отношении общества к волонтерству. Мое знакомство с особыми детьми началось с детского дома-интерната для умственно отсталых детей № 24.

Как и все дети, они нуждаются в заботе, любви и ласке.

Я сама мама и понимаю, насколько важна ребенку любовь и забота, и тем более она нужна детям с особенностями развития, детям, которым приходится труднее, чем всем остальным. Каждый ребенок достоин семьи, и мне хочется, чтобы наше общество по-настоящему задумалось об этом.

В России более 18 тысяч детей с особенностями находятся в детских домах-интернатах для умственно отсталых детей и для детей-инвалидов с нарушениями физического развития.

Им нужна особенная забота, но, с другой стороны, — каждая секунда, проведенная с ними, вознаграждается во сто крат исключительно чистыми эмоциями, на которые способны только эти лучики солнца.

К сожалению, мало кто из родителей принимает решение оставить детей с ОВЗ в семье. Более того, в России не так уж много примеров включения людей с ограниченными возможностями здоровья в повседневную жизнь общества. Поэтому общество лишено возможности получить позитивный опыт общения с такими людьми. Но есть уникальная возможность познакомиться с миром иных детей.

В Москве есть социальное учреждение — ГКУ ЦССВ «Сколковский» (ДДИ № 24) под руководством Андрея Комарова, которое мы, волонтеры — «даниловцы», посещаем два раза в неделю, всем нашим дружным коллективом под чутким руководством координатора Виктории Дороничевой.

Коллектив в ДДИ очень дружелюбный, сплоченный и отзывчивый.

В интернате предусмотрена образовательная и развлекательная программа, но, несмотря на это, детям не хватает человеческого тепла и эмоций.

Первое, что действительно бросается в глаза — искренность каждого малыша. С невероятной радостью они бросаются ко мне — обниматься. Им все интересно — мои волосы, браслетики, моя одежда, то, как я хожу, как говорю. Как только ты попадаешь в поле зрения ребенка, ты ощущаешь настолько яркое внимание — как будто ты тот самый человек, которого тот ждал всю жизнь. Машешь им рукой (всего лишь), и лицо ребенка расцветает улыбкой.

Они настолько радостные и благодарные, что комната то и дело освещается вспыхивающими улыбками. Наверное, в обычной действительности мы бы и не обратили внимания, но тут — в тишине комнат дома для особых детей — это чувствуется особенно остро, не в переносном смысле, а совершенно физически, чувствуется потребность в общении с тобой, в твоём тепле и в твоём голосе.

ДВОЙНОЙ ПРАЗДНИК В ДДИ № 24

Виктория Дороничева,

координатор волонтерской группы в ДДИ № 24

В минувшую субботу в ДДИ № 24 (ЦССВ «Сколковский») был двойной праздник. К нам в гости приехал хор из Татянинского храма с пасхальными песнопениями и замечательная девушка Мария с мастер-классом.

Наши гости приехали пораньше, чтобы успеть переодеться до начала представления. С собой они привезли иконы, свечи, красочные костюмы и многое другое. Пока они распевались, мы с Марией спустились в первую группу мальчиков и начали готовиться к мастер-классу. Ребята познакомились с Марией, приняли ее очень дружелюбно. Они помогли нам сдвинуть парты, разложить акварельные листы, кисти, яркие краски и стаканчики. Перед началом Мария рассказала, что это будет необычный мастер-класс, мы будем рисовать картошкой. Дети в один голос переспросили: «Картошкой?» Она уверенно ответила: «Да!» Она достала из пакета вареную картошку, из нее были сделаны разные фигуры. Казалось бы, картошку нужно есть...

Но все сомнения сразу же исчезли, как только начался наш творческий процесс. Дети самостоятельно красили картошку краской и делали отпечатки на бумаге. Мы не успевали менять воду в стаканчике, как она снова становилась грязной. Мальчики настолько вошли в процесс, что только и слышалось: «Вика, посмотри, как у меня красиво получилось!»

Тем временем наш хор пел в актовом зале девочкам. Они приготовили целый пасхальный концерт! Красочные костюмы были красивыми и яркими. Затаив дыхание, дети, воспитательницы и волонтеры слушали песнопения. Было ощущение, что мы побывали в храме на службе. Нам спели пасхальное песнопение на грузинском языке, это было просто замечательно! Еще наши гости успели поиграть с детьми в народные игры. С праздником Пасхи хор поздравил и персонал. Они привезли две коробки свежих куличей из Даниловского монастыря и попросили передать всем воспитательницам, которых не было в субботу.

У нас есть тяжелая группа девочек. Мы договорились с музыкальным работником Татьяной Евгеньевной, что хор

И невольно думаешь, что такая невероятная искренность и простота — это, наверное, то, чего уже практически не осталось у нас, живущих, как принято сейчас говорить, «полной жизнью», людей со стандартным набором хромосом.

Так много предрассудков, связанных с синдромом Дауна. Такой диагноз нередко употребляется, как унижительное ругательство. Люди перестают замечать это, перестают задумываться над тем, насколько непросто пребывать в этом ином мире. Многие дети ощущают свое тело не так, как человек обычный. Тактильные ощущения при нарушениях развития могут быть важным мостиком в осознании себя самого. Для них тактильный контакт — это необходимость. Даже их кажущаяся порой пугающей и агрессивной манера хватать — это зачастую желание узнать мир, ощутить свое место в нем, и не более.

Мы можем дать друг другу тепло. Элементарное внимание, в котором такие дети очень и очень нуждаются. Тепло души и тепло тела, — им важно прижаться, обнять, просто поддержать кого-то за руку. Узнать нового человека, улыбнуться ему, почувствовать, что они — не одиноки, что есть рядом кто-то, такой же теплый и добрый, как они сами. Не задающий вопросов, не требующий, не просящий, а просто сидящий рядом человек, к кому можно прижаться и кого можно обнять.

Несмотря на активное включение в работу множества организаций, добровольческой помощи интернету по-прежнему не хватает. Речь идет не о финансах, а просто о том, чтобы уделить время ребенку. Они искренне рады новым друзьям и очень ждут тепла и ласки!

Для того чтобы понять таких детей и перестать их опасаться, нужно немного и одновременно очень многое: точку преодолеть самого себя, отодвинуть на задний план стереотипы о том, что такое «норма» и просто сделать шаг навстречу.

Шаг, которого они очень ждут и который, безусловно, будет вознагражден такими чистыми эмоциями, на которые способны только солнечные дети!

споет и в их группе. Девочки очень обрадовались и рассказали, что к ним приезжает бабушка и они причащаются.

Пришло время обеда, и гости покинули наши стены. Они поблагодарили всех детей, воспитателей и волонтеров. Хочется еще раз сказать им сердечное спасибо за такой пасхальный праздник для детей и всех сотрудников! А мы подготовим для них благодарственное письмо от «Даниловцев» для всего коллектива.

МЕЧТЫ О МУЗЫКЕ

Светлана Блинова, психолог, экс-сотрудник добровольческого движения «Даниловцы», экс-ведущая направления психологической поддержки, создатель и первый координатор волонтерских групп в детской психиатрической больнице №6, в детском доме-интернате для умственно отсталых детей, экс-координатор волонтерской группы «Дорога к дому»

Уже полгода слабовидящая Аня из старшей группы в ЦССВ «Сколковский» (ранее ДДИ №24 — прим. ред.) встречает волонтеров вопросами: «А вы как приехали, на маршрутке? А какая она? А что в ней?» И смеется. Услышав по радио популярную песню с припевом — «Это не шутки, мы встретились в маршрутке» — Аня очень заинтересовалась новым словом. Она крайне редко выходит за ворота учреждения в силу слабого здоровья и ее жизнь крайне однообразна, а душа ищет духовной пищи и встречи, обещанной песней, радуется музыке. Аня добродушна и улыбочива, ей симпатизируют и волонтеры, и воспитатели, называют ангелом за доброту и мягкость.

А еще есть незрячий Борис, очень мирный, рослый парень, у него хороший слух, но не хватает общения и впечатлений, лицо у него грустное, отрешенное, музыка может его утешить и обогатить жизнь.

Есть Зоя — она подросток, не видит, просит приносить ей музыкальные предметы, она смысленнее девочек в своей группе, но в школу не ездит, учитель приходит к ней в группу. Больше всего Зою радуют общение, музыка и массаж.

Но курс массажа всего раз в год, волонтеры приходят два-три раза в неделю, а музыка с ней всегда благодаря плееру и наушникам.

Есть Максим — зрячий, активный. Он на первый взгляд мало отличается от обычного подростка, любит петь и танцевать, часто выезжает на разные мероприятия из своего учреждения с другими достаточно сохранными детьми, ходит в школу. Мечта о плеере для него и ребят из его группы — это возможность выкроить личное пространство. Круглые сутки эти дети проводят в обществе друг друга и педагогов, а подростку важна возможность самостоятельного выбора, хотя бы в том, какую музыку слушать.

Есть Света — из группы старших девочек, при встрече с волонтерами она в первую очередь просит у своей тетки — волонтера Светы плеер с наушниками, и множество изголодавшихся по впечатлениям детей смотрят на нее с завистью, выстраиваясь в очередь послушать музыку.

В учреждении проводятся музыкальные занятия, двенадцать детей из 130 ездят на концерты и спектакли, но все дети подросткового возраста мечтают слушать музыку и самим выбирать, какую. Для людей, живущих вне учреждения — это повседневность, а для них — радость, мечта, утешение, пища для обделенной родительским теплом души.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ДЕТСКОМ ДОМЕ-ИНТЕРНАТЕ ДЛЯ УМСТВЕННО ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ № 28

Краткая история волонтерской группы.

Дата основания — 12 декабря 2015 года.

Подопечные:

Дети-сироты подросткового возраста с умственной отсталостью.

Нуждаются в организованном интересном досуге и внимании со стороны взрослых. Испытывают сложности в самостоятельной организации собственной деятельности, практически не выходят за пределы группы и не выезжают из интерната, даже в летний период.

Во время занятий желательна расширять кругозор ребят и круга их интересов.

Цель посещения:

Обеспечение развивающей, безопасной и интересной активности для детей, чей жизненный опыт ограничен рамками

учреждения. Поиск эффективных способов взаимодействия и общения и их реализация.

Формы работы с подопечными:

Тематические игровые занятия, кукольный театр, мастер-классы и поделки.

Рабочие материалы:

Картон, цветная бумага, бархатная бумага, фломастеры, краски, пальчиковые игрушки, картонные фигурки персонажей сказок, клей, деревянные заготовки, природные материалы (шишки, ветки), пластилин, вата, салфетки, пастель, музыкальные инструменты.

ВОЛОНТЕРЫ В ДДИ ЗА КОРОТКОЕ ВРЕМЯ СТАНОВЯТСЯ НАСТОЯЩИМИ ТЬЮТОРАМИ

Ирина Молчанова,

создатель и координатор волонтерской группы в ДДИ № 28, экс-волонтер группы в 6-й детской психиатрической больнице

— О том, что у детей в ДДИ № 28 плохо с досуговой деятельностью, мне рассказал мой научный руководитель в Московском психолого-педагогическом университете, который я в то время заканчивала по профилю «специальный педагог-психолог». И она спросила меня, не вхожу ли я в какое-то волонтерское движение, чтобы как-то там досуг наладить. Я поняла, что надо создавать новую группу и становиться в ней координатором.

Полтора года волонтерства в 6-й детской психиатрической больнице я наблюдала за работой координатора. Я видела, что координатор — это человек, который держит в голове кучу всего, и можно подойти и из этой кучи достать что-то нужное. Кроме того, я видела, как можно создать позитивную обстановку для волонтерства в таком мрачном месте, как психиатрическая больница.

Сомнения были, — выпускной год, надо написать диплом, искать работу, но и было интересно попробовать. Через

своего координатора я вышла на Юрия Белановского и Алену Характерову, мы посмотрели друг на друга и решили, что да, будем открывать там группу. Я съездила к руководству ДДИ, уточнила, что мы можем заниматься только досуговой деятельностью, но не уходом. И они сказали: «Давайте!»

— **Что за дети в этом ДДИ?**

— Это дети с интеллектуальными, а некоторые — с довольно серьезными двигательными нарушениями. И в колясках, и лежащие. Кто-то говорит, кто-то невербальный. В основном это — социальные сироты. У них есть родители, есть люди, которые могли бы о них заботиться, но при этом дети живут в интернате... Возраст самый разный — и школьный, и старший подростковый, но по уровню взаимодействия они остаются детьми, настолько мало у них социального опыта.

— **И как на самом деле там обстояло с досугом?**

— Детей много, многие — на колясках, а воспитателей всего два. Конечно, им было нелегко. По вечерам детям там делать было нечего. И вот мы с одной волонтеркой, психологом — это, кстати, единственный психолог в группе, — поехали. В первый раз мы ничего особенного не предложили, просто играли с детьми на ковре. Дети там не особо могут играть в какие-то сюжетные игры, часто они не могут говорить, и мы с ними просто катали машинки. Потом решили поиграть в хороводные игры, им понравилось.

В следующие разы мы уже приносили глину, бумагу и предлагали ребятам к нам присоединиться, если им интересно. И довольно скоро стало понятно, что детям необходимо индивидуальное сопровождение. Потому что ведь важно не просто что-то вместе сделать, например, открытку. Важно, чтобы им нравился результат, чтобы нарисовано было красиво. И поэтому нужно постоянное внимание волонтера.

— **А зачем там вообще волонтеры?**

— Помимо обеспечения досуга мы бы хотели открыть у ребят какие-то интересы, чтобы они могли занять себя в ПНИ, ведь большинство из них туда перейдет.

— **Какие интересы, например?**

— Самые разные. Одна девочка, Катя, например, очень любит писать. Она пишет с нашей помощью, но с большим удовольствием. Катя записывает имена. Всегда спрашивает «Кто это?» и записывает.

Есть мальчик Ваня, который любит электроприборы. Они с волонтером их рисуют, потом рисуют вилку и розетку, чтобы их «включать», а потом озвучивают и показывают, как они работают.

Аня написала сказку про девочку Алёну и кота Кис-Киса. Волонтер ее записала, и мы поставили по этой сказке кукольный спектакль. Аня сама нарисовала декорации. А Диана очень любит делать открытки и дарить их. Она сочиняет целые послания из пожеланий и комплиментов: «Ангелочек мой. Чтобы ты одевалась теплее. Чтобы ты не нервничала». Волонтеры эти послания записывают, а заодно учат Диану рисовать на открытках.

Еще мы даем им возможность выбора: с кем они сейчас хотят разговаривать? Каким фломастером будут сейчас раскрашивать? Это тоже очень важно.

— **Как выглядит волонтерский визит?**

— На занятиях мы придерживаемся определенной структуры, чтобы дети понимали, что за чем будет происходить. Сначала знакомство, если приходят новые волонтеры. Потом мастер-класс с разными материалами. А завершаем мы занятие, держась за руки и всех благодаря: «Всем-всем спасибо!»

Самое главное наше правило — мы даем детям максимум самостоятельности, даже в ущерб результату, потому что человек сам должен за результат отвечать. Детям в интернате это очень важно, потому что за них, как правило, очень много делается. Не потому что воспитатели добрые, а потому, что детей очень много и проследить, чтобы они все сделали сами, — очень сложно.

И второй принцип — доверие. Даже если ты видишь, что сейчас у ребенка все пойдет не так, все прольется и помнется, важно отпустить ситуацию и дать ему получить этот опыт. Но важно дать получить и позитивный опыт от своей работы. И тогда надо его иногда останавливать и показывать: «Посмотри, как красиво получилось. Можно остановиться».

— **Дети в группе разные?**

— Дети в группе очень разные — есть дети в колясках, есть неречевые, есть очень активные и речевые. И организовать для них общую деятельность бывает сложно. Но важно,

что у самих детей есть желание помогать друг другу, и важно это желание поддерживать. Например, одна девочка очень помогает нам в организации мастер-классов и заботится о других детях, сандалики, например, застегивает. Это ее зона ответственности.

— **Много времени и сил занимает работа координатора?**

— Я сначала думала, что это будет очень энергозатратно. Но на самом деле работа координатора дает мне очень многое. Я постоянно знакомлюсь с людьми, которые говорят: «Ира, я хочу волонтерить в доме-интернате». Это молодые люди с активной интересной жизнью, они приходят к детям, и ты видишь, что они — «здесь и сейчас», они очень чуткие, заинтересованные. И это очень радует.

Также ресурс в том, что ты всегда знаешь, что и когда будет происходить. Несмотря на большую ответственность, ты понимаешь структуру, видишь ее изнутри. Конечно, ты отвечаешь за материалы, за то, сколько детей будет на мастер-классе. Это очень интересный опыт, но ты его получаешь в безопасных условиях, потому что понимаешь: за тобой движение «Даниловцы», и это — огромная поддержка.

— **А что за люди приходят волонтерами?**

— Как я уже сказала, психологов, дефектологов среди них нет. Офисные работники, студенты. Объединяет их то, что они могут посвятить свой вечер одному конкретному ребенку. У нас и остаются только такие люди, которые хотят работать индивидуально. И я вижу, как за короткое время они становятся настоящими тьюторами, умеющими приобщиться к ребенку, понять его.

— **Они не грустят, видя столько детей с нарушениями?**

— Нет, наоборот. После посещения у нас происходит обмен опытом, волонтеры делятся своими наблюдениями, очень интересно это потом встраивать в работу. Мы, как правило, обсуждаем, что еще можем предложить детям, исходя из их возможностей. То есть, волонтеры не печалются, что у детей все плохо, а стараются использовать их преимущества.

— **Ирина, в этом году вы передаете пост другому координатору. Каким будет ваш главный совет новому координатору?**

— Думаю, что самое главное человек узнает непосредственно во время работы. Мне бы очень хотелось, чтобы новый

координатор не тревожился, умел понимать зону своей ответственности. А главное, чтобы процесс его захватывал, чтобы человек шутил и смеялся, чтобы его осеяло новыми идеями, чтобы он получал удовольствие от общения с детьми.

ТРИ ДНЯ С ВАНЕЙ

*Виталий Гурамишвили,
волонтер группы*

День первый

Ваня и Лена смастерили коробочку.

— Давай здесь будет жить этот котик, — говорю, сажая вырезанного из журнала кота в коробочку.

— Мне кажется, я проголодался. Ваня, у тебя нет сметанки? — спрашивает большеглазый котик.

Сметанки не нашлось, покормили клеем-карандашом. Кот остался доволен.

После Ваня отправлял в космос резинки, карандаши, фломастеры, кусочки бумаги и прочее, — до чего доставали руки. Кульминацией стал запуск «Спейс шаттла», где в качестве шаттла выступала машинка Вани, ракетой был клей-карандаш, и не разваливалась эта конструкция благодаря одной из удачно приземлившихся на Землю резинок.

После в звездный огород выбрался космический муравей (представленный ножницами), который был безжалостен к металлу и космонавтам, но почему-то вызывал лишь смех.

Дети ушли на ужин. Вернулись все, кроме Вани. Захожу в группу: три взрослые тети пытаются уговорить Ваню поесть. «Иначе не вырастешь», — слышу озабоченный голос.

Все дети собрались, делаем открытки.

— Что будем рисовать? — спрашиваю Ваню.

— Нарисуй телевизор.

Рисую коробку с экраном.

— Теперь включи его.

Рисую кнопку, нажимаю.

— Пусть показывает мультик.

Рисую зайца с волком на экране.

— Надо нарисовать розетку.

Совсем забыли, что телевизор не работает без электричества.

День второй

Раскрашиваем мелками деревянные заготовки. Ваня берет желтый мелок, подносит к носу:

- Пахнет...
- Чем пахнет?
- Желтым.

День третий

— Нарисуй подъемник, — говорит Ваня.

Рисую лифт.

— Нет, не такой.

Рисую кран.

— Нет. Подъемник!

— А какой он, Вань, где ты его видел?

— В спальне.

Вот я глупый. Рисую кровать, над нею Г-образную железяку.

— Да, вот это подъемник!

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, ВИКА!

*Дмитрий Замышляев,
волонтер группы*

Мы терли сыр на терке. Сыр был мягкий, упругий, он пружинил в детских руках.

В этой торжественной церемонии нам выпала почетная роль сыротеров, однако в нашей школе кулинарного чародейства и мастерства были еще и овощерезы, колбасокромсалы и тестомяки.

А готовили мы чудо-пиццу в честь дня рождения Вики. Виктория — удивительная барышня, участница всех хулиганских затей.

Мы, как рыцари, сидели за массивным столиком овальной формы. Нам нужно было высадить наши сырно-овоще-колбасные заготовки на два тестовых круглых плацдарма, которые терпеливо ожидали на больших, как автомобильные колеса, тарелках.

Когда мы, окрыленные кулинарными успехами, шли и ехали к лифтам, чтобы возвратиться в группу, наш координатор Ира Молчанова рассказывала мне, что приготовление блюд с детьми является не только веселым времяпровождением, но действенной терапией. И я сам заметил, что возторженных эмоций у наших друзей от приготовления пиццы было как минимум на тридцать улыбок больше, чем при рисовании и изготовлении поделок. Да я и сам, честно говоря, ощутил в себе особенный прилив энтузиазма, а урчание в животе придавало особенную расторопность рукам.

Такое кулинарное веселье продолжалось в течение часа, вымазанные, уставшие, но довольные — мы погрузили свои творения в духовку и отправили наших друзей на ужин.

А после ужина....

А после ужина наш волонтер-затейник Виталий устроил гитарный концерт. Он спел и колыбельную из «Умки», и песню Красной Шапочки, и «Антошку», и «Лесного оленя» и много других песен. Я был приятно поражен, как все эти знакомые с детства мелодии звучали под гитарный бой, концерт вышел что надо! Пели все, даже наши самые молчаливые друзья.

А имениннице мы подарили открытку с такими вот стихами и пожеланиями, к которым, мы уверены, присоединяться и все «даниловцы».

Вика, Викуля, Виктория,
Волшебная ты категория!
В рождения день твой нарядные
Пришли мы, и горы громадные
Тебе пожеланий отсыпали —
Пусть радость искрящими глыбами
Раскинется в поле веселия,
Усыпав все счастья камнями.
Желаем тебе мы, во-первых,
Художником стать непременно
И все галереи безмерные
Увешать своими шедеврами!
И вот, во-вторых, — видеть дивные,
Искрящие сны позитивные.
И каждую ночь, как печения,
В мечтах поглощать приключения.

Чтоб свет всеми дивными красками
Тебя пеленал морем ласковым!
И в-третьих, — друзей океанище,
И счастья общенья пожарище,
Улыбкой залейся пылающей!
Пусть греются все окружающие...

СКАЗКА ПРО ДЕВОЧКУ АЛИСУ И КОТА КИС-КИСА

*Ирина Молчанова,
координатор группы в ДДИ № 28*

Сегодня было особенное посещение, мы ставили сказку, написанную нашей подопечной Аней. Сказка о девочке Алисе и коте Кис-Кисе, роль которого исполнил, конечно же, наш бесподобный Финдус (сшитый волонтером Светой кот — героиней книг шведского писателя Свена Нурдквиста). На прошлом занятии мы подготовили декорации. Аня не только прекрасно пишет сказки, но и рисует настоящие картины.

...Девочка Алиса раньше жила в прекрасном замке, а потом этот замок куда-то исчез, и Алиса отправилась его искать. В поисках ей помогали друзья звери во главе с котом Кис-Кисом.

Мудрые птицы рассказали друзьям, что замок заколдовала Баба-яга, и теперь он находится под водой, а ключ она спрятала в камне и тоже выбросила в море. Отважный Кис-Кис нырнул за ключом, разбил камень и заклятие исчезло. В итоге Алиса не только вернулась домой, но и познакомилась с принцем. Оказалось, что на коте тоже было заклятие, и когда оно рассеялось, он стал прекрасным принцем.

Аня обещала, что это не последнее ее произведение, и мы ждем новых творений от нашей талантливой подопечной.

Во второй части посещения мы пели песни под гитару. Это были песни о космосе, так как близился День космонавтики. В это время к нам присоединились прогуливающиеся по коридору воспитанник со своим гостем, возможно, мамой. Они вместе нам подпевали, особенно активно мальчик напевал «Пусть бегут неуклюже...» Мы были приятно удивлены тем, что несколько девочек знают песню «Нежность»

Н. Добронравова. А девочка Вика так протяжно и ласково произносит это слово, что невозможно не улыбнуться. Улыбаюсь сейчас и я.

САДОВОДЫ В ДДИ № 28

*Ирина Молчанова,
координатор волонтерской группы в ДДИ № 28*

Расплывающиеся краски, благоухающая зелень. Лето, оно такое. В эту субботу наше лето расцвело на большом фетровом полотне.

Когда мы его расстелили, там были только белый фон и зеленый низ, на вопрос: «Как вы думаете, что здесь такое?», Юля сразу ответила: «Трава».

Сначала на полотне появилось солнце, мягкое и нежное. Затем поплыли голубые облака. Дети крепили их вплотную, почти укрывая соседнее облачко своим. Поляна покрылась цветами. Марина сначала не решалась крепить их самостоятельно и требовала моего внимания, но затем, когда механизм стал понятен, она погрузилась в это занятие. Поле заиграло красными, желтыми, розовыми, салатowymi красками.

А у волонтера Даши оставался еще один сюрприз. Белые кролики оживили картину и обрадовали девчонок.

Полотно мы отдали воспитателю, она собирается повесить его в группе, чему мы очень рады.

Вторая часть занятия оказалась довольно сложной. Нашей задачей было высадить семена укропа, петрушки и базилика. Выяснилось, что девочкам весело и просто играть с землей, пересыпать ее.

На вопрос, хотим ли мы, чтобы появились растения, они ответили положительно и через некоторое время смогли справиться и позаботиться о будущем урожае. Они наперебой подставляли руки под семена и высыпали их в горшочки.

Закончив, как и полагается, поливом, мы оставили посадки на веранде, а воспитатель взялась позаботиться о них до следующего нашего прихода.

«РЕПКА» В ДДИ № 28

*Анна Манафова,
волонтер группы*

Это посещение получилось по-настоящему сказочным. Наши девочки были увлечены как никогда, и своими стараниями превзошли все наши ожидания.

На занятии мы планировали поставить сказку про репку. Это была идея волонтера Светы, она приготовила все необходимое для занятия, в том числе — большую картину с зелеными холмами и домиками, которая должна была стать фоном для нашей постановки.

И вот пять девочек и четыре волонтера принялись вырезать по трафарету и раскрашивать героев сказки. Самую ответственную задачу — самостоятельно нарисовать и раскрасить репку — передали талантливой художнице Ане. Все в этом занятии сложилось само собой очень задорно. Пока кто-то корпел над дедкой, кто-то над бабкой, а третьи над репкой, заводной моторчик группы, Юля, предложила спеть песню крокодила Гены, что все и сделали. Экспрессия Юлии, конечно же, отразилась и в ее творчестве: красноте деда, которого Юля раскрашивала, позавидовали бы все помидоры на свете. К Юлиным талантам также следует отнести мастерское ведение диалогов с проходящими мимо воспитателями:

- Посмотрите, мы — волонтеры!
- И откуда же вы взялись, волонтеры?
- Из цирка!

Не прошло и получаса, а все персонажи и здоровенная репка были готовы к съемке. Аня самостоятельно рассказывала сказку, ей помогала Юля и волонтеры, которые анимировали персонажей перед заготовленным фоновым рисунком. Мы все дружно звали на сцену внучку, кошку и мышку, и в объективе камеры оживала настоящая сказка. И хотя мы часто приятно удивляемся навыкам и талантам девочек, в этот раз они снова заставили собой гордиться. Аня и Юля не упустили ни одной детали. Сказка вышла красочной, живой и веселой, как и все наше занятие.

45 ПОБЕЖДЕННЫХ МЕЛКОВ

*Юлия Гусакова,
координатор проекта добровольческого движения «Даниловцы» «Человек — человеку», волонтер группы в детской психиатрической больнице № 6*

В субботу я ходила в гости в волонтерскую группу при ДДИ № 28. То есть это раньше он назывался «Детский дом-интернат № 28», теперь же — «Центр социальной помощи семье и детям Можайский». Координатором группы даниловцев там работает Ира Молчанова, с нею я знакома еще по 6-й психиатрической больнице, где мы волонтерили вместе. А сейчас группе Иры почти год.

Мы встречаемся на «Петровско-Разумовской», потом едем на автобусе по заснеженной Москве. Пост КПП, мужчина в форме за стеклом, списки с печатями, рога пропускной вертушки... Но уже в холле основного здания обстановка теплеет, — молодецкий охранник улыбается нам, тут уютный гардероб, там аквариум, справа вдалеке рабочие заканчивают косметический ремонт. Сняли верхнюю одежду, переобулись, идем по бесконечным коридорам. Двери, двери, двери, фото воспитанников и их творческие работы на стенах, а людей пока ни одного...

Ира с Дианой идут за подопечными в одно крыло, Света — в другое, а я остаюсь ждать. Тут уютный холл с ковром и маленькими диванчиками. Еще принесли скамейку, — она нам будет вместо стола, потому что сегодня задумка Иры — обклеивать цветной бумагой картонные коробочки так, чтобы получились домики. Волонтер Света приходит с Аней и Мариной. Но подопечные, как мне показалось, смущены присутствием нового человека и тянут Свету от меня — а где Ира? Пошли, пошли за Ирой! Вику на коляске прикатила волонтер Диана, Аня с ходунками, а Юля с Мариной на своих двоих. Юля очень шепутная, вертится, поминутно кидается обниматься. Аня более степенная, спокойная, с особой девичьей мягкостью движений. Марина прячет взгляд, часто совершает повторяющиеся движения, раскачивается. И Вика. Вика так широко и мило улыбнулась, что сомнений не осталось, с кем у меня сегодня есть шанс подружиться!

Вот вы сейчас читаете эту заметку, да? Значит, с вероятностью 99,9% ваши пальцы рук вас слушаются — вы можете скролить большим пальцем по экрану телефона, да и в целом — держать телефон. Или указательным пальцем крутить колесико мыши, обхватив ее тушку остальными пальцами. И меня мои слушаются, — я стучала ими по клавиатуре, когда писала. Это настолько обыденно и привычно, что даже и не задумываешься об этом, верно? А вот Вику пальцы рук так себе слушаются. Как и глаза. А ноги не слушаются вовсе. Но пальцы настолько плохо слушаются, что разорвать крупный лист мягкой бархатной бумаги — это-то да, а вот крепкой глянцевой — уже куда трудней. И зажать в пальцах клей-карандаш — еще куда ни шло, а вот намазать им борт картонной коробки — уже нет. И ухватить обрывок мелкий бумаги и приклеить тоже очень трудно. Зажать мелок... Но как его зажать-то, а? Мы с вами как научились в детстве — так автоматом и ухватываем... А тут целая история. Но нам с Викой на помощь приходит координатор Ира и находит удобное положение для мелка в Викиной руке. И мы с Викторией калякали-малякали и писали «ВИКА». Для Вики это серьезный труд. От усердия Вика все время заваливается набок. Я ее немного поправляю в кресле (с ее разрешения).

Но ведь нужен и другой мелок, не только голубой. «Каким цветом ты хотела бы порисовать, Вика? Дать тебе?» — «Нет, я сама возьму». Одной рукой прижимает коробку к груди, второй пытается достать. Пальцы пляшут, выгибаются, делая что-то совершенно свое... Но вот дело заспорилося, один достала, второй. Третий подпрыгнул, как лягушка, и упал в коляску... «Вика, так каким же мы будем рисовать?» — «Всеми сразу!» — «Но как?!» — «А вот так!» И хохочет так заразительно, и я хохочу. Потому что это была шутка, шутка же, и мы обе это поняли, так-то!

И Вика остаток занятия увлеченно борется с мелками, выколупывая их из пластиковых гнездышек коробки. Вика борется — и побеждает! Я пересчитываю — 22 мелка. И это триумф, друзья, это настоящая победа, кроме шуток! Я складываю их обратно, и начинается второй раунд. Вика увлеченно борется снова — сначала достает из серединки, потом потрудней сверху, потом нижние... Самый упрямый последний мелок никак не хочет вытаскиваться. Вика на него немного

ворчит. Но вот и он побежден! 44! «Нет, 45», — поправляет Вика. Но почему? Наверное, последний, самый трудный, за два шел, предполагает Диана. Мне бы хоть часть Викиной решимости и упорства делать то, что дается с трудом.

Пока мы боролись с мелками, девушки доделали домики, украсили их и сделали браслетики из фольги, цветочки, еще какую-то милую мелочь... Потом Юлю с Мариной забрали на ужин. Обстановка в длинных коридорах оживилась: по лестницы мимо нас шли с представления гордые и важные маленькие артисты в блестящих восточных костюмах, а за ними группки зрителей под предводительством воспитательниц. Потом шли в обратном направлении, судя по запахам, уже на ужин. И бежал кто-то сильно спешащий, но вежливый, здоровался с нами. И смотрели на нас любопытные глаза из коридоров и дверей: кто такие, зачем здесь?.. Еще мы успели немного пообщаться с котенком Финдусом, которого сшила волонтер Света, а Аня подарила ему сделанный домик. Волонтер Диана беседовала с Викторией. Потом мы взялись за руки, было очень камерно и тепло. Напоследок я говорю: «Ну, спасибо тебе, Вика, за компанию! Прекрасно я вечер провела!» А Вика залихватски так отвечает: «Да пажааалста!» И хохочет снова. Потому что когда чувствуешь себя победителем, а еще и пошутить удачно, настроение такое вот лихое, верно?

СКАЗКА ПРО ТРЕХ МЕДВЕДЕЙ В ДДИ № 28

*Анна Манафова,
волонтер группы*

Занятия с детьми в ДДИ № 28 стали моим первым опытом социального волонтерства, поэтому сначала у меня были сомнения о том, получится ли наладить контакт с детьми и будет ли им наша помощь полезна. Но начиная с первого же посещения, все эти опасения развеялись, и впечатления были исключительно положительные.

Обычно мы посещаем пятерых девочек. Мне нравится, что все занятия похожи по структуре: сначала подвижные игры, в которых все девочки всегда активно

участвуют; потом творчество, причем каждый раз тема новая — то сказка «Три медведя», где мишке нужно слепить кровать и столик, то аппликация с животными Африки, то динозаврики из воздушных шариков. Все посещения традиционно заканчиваем дружным «Всем, всем большое спасибо!» — мне кажется, классная традиция. Приятно удивило и то, что обычно все дети проявляют интерес к поделкам; кто-то делает все сам, кому-то нужно постоянно помогать.

В эту субботу мы занимались с тремя девочками, с одной из которых — Яной — я раньше не встречалась. В начале занятия мы с ней познакомились, Яна оказалась активной и веселой девочкой, мы с ней подружались и провели занятие вместе. Очень удобным было, что в этот раз на каждого ребенка приходился один волонтер.

Сначала мы поиграли в активные игры — хороводы, а потом после того, как Ира рассказала сказку про трех медведей, занимались лепкой кровати, стола и стульев для героев сказки. Яна постоянно спрашивала, волонтеры ли мы. Она хоть и отвлекалась периодически, но все же лепила вместе с остальными. Совместными усилиями у нас с Яной получились стол и стул, а потом и тарелка с ягодами. Результаты трудов девочки взяли с собой, чтобы показать воспитательницам.

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ДДИ № 28

Ирина Молчанова,

координатор волонтерской группы в ДДИ № 28

Как познакомится с неговорящими детьми, имеющими нарушения интеллекта? Сесть в круг, пропеть, проговорить имя каждого ребенка, поздоровавшись с ним, можно за руку, глядя в глаза. Что делать дальше? Предложить им простые игры в кругу с подражанием действиям взрослых, перекачивать мяч или машинку, присоединиться к их игре. Такие мысли были перед посещением.

Когда мы вошли в группу, увидели детей, занятых своими делами: кто-то смотрел телевизор, кто-то раскачивался,

сидя на ковре, кто-то ходил между партами. Знакомились мы, подходя к каждому ребенку, здоровались и предлагали пойти поиграть, показывали жестами на ковер. Одна из девочек, серьезная барышня, достала свою любимую машинку, катая ее по кругу. Мы повторяли имена детей. Девочки довольно быстро привыкли к нам, и когда мы уже запросто держались за руки и получше узнали детей, начались круговые игры. В этот момент к нам присоединилось еще несколько девочек, услышавших знакомые мотивы «Мака маковистого» и «Шалтая-Болтая». Когда очередная игра заканчивалась, более активные дети брали нас за руки в знак того, что ждут продолжения, а менее активные подключались, уже когда игра начиналась. Серьезная барышня с машинкой, которая чуть ли не с порога засыпала нас вопросами, кто мы и где живем, периодически следила за детьми, застегивала другой девочке сандалии. Поняв, что дети подкованы в плане подобных игр, решили в следующий раз не тратить на них много времени, а сделать их частью тематического занятия.

Первое посещение показало, к чему больше расположены дети, какие виды активности можно им предложить и как правильно подойти к каждому из них, чтобы не спугнуть зарождающийся интерес к совместной продуктивной деятельности. Именно эта задача стояла перед нами. Думаю, мы с ней справились.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ ИНТЕГРАЦИОННОМ ДЕТСКОМ ЦЕНТРЕ «СаВа»

Краткая история волонтерской группы.

Первое посещение детей в Мультикультурном интеграционном детском центре «СаВа» волонтерами состоялось 1 декабря 2017 года.

«Сава» — это Мультикультурный интеграционный детский досуговый центр, где рады каждому ребенку, независимо от его происхождения, языка и возможностей здоровья.

Подопечные:

Девочки и мальчики, от четырех до шести лет, в группе до десяти человек. В Мультикультурном интеграционном детском досуговом центре «СаВа» занимаются самые разные дети: дети из Конго, Афганистана; дети с особенностями раз-

вития (ДЦП, ЗПР, генетические заболевания, неврозы, СДВГ) и обычные детки.

Цель посещения:

Семьи беженцев и мигрантов приехали в Москву издалека, детям зачастую негде играть и встречаться со сверстниками, у них мало возможностей научиться жить в новых для себя условиях. У детей с особенностями развития могут быть свои сложности, связанные со взаимодействием с внешним миром. Главное для нас — это возможность быть вместе. Мы сотрудничаем со многими организациями, например, с Центром лечебной педагогики.

Формы работы с подопечными:

- игра с детьми;
- помощь в проведении праздников; административная деятельность; помощь в сборе денежных средств.

ОСНОВНАЯ РОЛЬ ВОЛОНТЕРА В «САВЕ» – ИГРАТЬ!

Елена Куликова,

психолог добровольческого движения «Даниловцы». Ведет группы психологической поддержки для волонтеров. Елена — координатор группы волонтеров в Интеграционном центре «СаВа».

Центр «СаВа» был задуман Екатериной Кокориной из фонда «Мозаика счастья» как альтернатива муниципальным детским садикам. Идея выросла из опыта работы фонда с детьми беженцев и мигрантов. Их же очень трудно устроить в школу или детский сад, а как им входить в новое социокультурное пространство? При этом в школу такие дети все равно пойдут. Но они должны быть к ней готовы: научиться говорить по-русски, например.

«СаВа» — досуговый центр. Он работает с десяти утра до трех часов дня три дня в неделю. Принимают в него как детей беженцев и трудовых мигрантов, так и детей с особенностями развития, которые не могут посещать обычные муниципальные детсады, даже инклюзивные. Нагрузка

на воспитателей в таких садиках очень большая. И если в группе 25 детей, и из них — трое с особенностями развития, эти детки очень часто не вписываются в группу. А для ребенка очень важны навыки коммуникации со сверстниками. Даже если дома замечательные родители, и ребенок ходит на дополнительные занятия с логопедом, с психологом, где ему общаться с детьми? С Катей я познакомилась в ежегодном лагере от Центра лечебной педагогики на Валдае. Она мне предложила войти в команду, и вот с осени 2016 года я в этом центре психолог-педагог. А с 2017 года — еще и координатор группы «Даниловцев».

— Какова роль волонтеров в «СаВе»?

— Без них такой проект был бы нежизнеспособен. Волонтеры — это наши помощники. С самого начала у нас были дети, которые практически не владели русским языком, да и вообще не обладали навыками вербального общения. Есть дети, которые не могут сами передвигаться. И чтобы уделять внимание каждому ребенку, нам нужны волонтеры, которые становятся так называемыми опорными взрослыми. Это такой взрослый в коллективе, которого выбирает сам ребенок. Именно через него происходит мягкое вхождение ребенка в группу. То есть сначала — взрослый, потом — другие дети: так происходит, если у ребенка проблемы с коммуникацией.

Бывает, волонтер не хочет быть опорным взрослым, но готов помогать при проведении мастерских. Ведь есть дети, которые в рамках занятий устают или перевозбуждаются, есть те, кто хочет уйти играть. Тогда взрослый сидит рядом и помогает.

Вообще, основная роль волонтера — играть с ребенком. Наши дети нечасто выбирают пару для игры, а вот со взрослым им безопаснее. И мы волонтерам говорим: «Включайтесь в те игры, в которые вы сами хотите поиграть, чтобы это не было насилием над собой». Потому что если волонтер заинтересован, и ему самому нравится, он воодушевляется, то хорошо и ребенку. Это создает поле безопасности, общения. И когда ребенок им насыщается, когда он понимает, что в игре можно сохранять безопасность, у него расширяются горизонты, и он замечает своих сверстников.

— Игры сюжетные?

— Любые. Настольные, сюжетные. В доктора играют, в кухню, в магазин. У девочки из Конго любимая игра — в полицейского: арестовывает, допрашивает. Любят ставить мягкие модули в пирамиду и потом ее разрушать. Есть игры для круга на коллективное взаимодействие — фольклорные, «День-ночь». В основном к нам ребята-волонтеры приходят мотивированные, они любят поиграть.

Через «Даниловцев» к нам пришел совершенно необыкновенный Илья Комаров. У него своя программа «Кун-фу панда», она детям очень нравится. Это, на мой взгляд, самые лучшие уроки физкультуры, которые только можно придумать. Там и игровой подход, но есть и учитель, сэнсэй, с которым можно бороться, но которого надо слушать. Восточная философия здорово дополняет построенный на средовом подходе и игровой педагогике формат, который мы используем.

Есть у нас еще волшебная Мария Первушина. Когда мы познакомились, она проводила занятия-мастерские в «Маминном садике» в саду «Эрмитаж». Теперь она их делает и у нас. Этот год у нас в Центре проходит под эгидой кочевнических культур. У нас был африканский период, сейчас — викинги, а потом будут индейцы. Каждый цикл сопровождается поездками в Музей кочевых культур при школе «Ковчег».

Еще есть Игорь Панарин — тоже чудесный совершенно. Ему нравятся игры по правилам. Допустим, у ребят конфликт, и они начинают мутузить друг друга. Мы это останавливаем, и Игорь организовывает бой. Оговариваются правила, ребята дают мягкие поролоновые палки-мечи, и они начинают бой до трех раундов.

— А есть какие-то особенности в работе координатора волонтеров в этом центре?

— Как у координатора у меня есть задача создать команду единомышленников. У многих волонтеров есть мотив — получить практику общения с разными детьми в инклюзивном пространстве или реализовывать свои профессиональные навыки. К нам приходят ребята — педагоги, аниматоры — которым нужны навыки общения с подопечными с особенностями развития. Они волонтерят у нас и получают знания и навыки, уровень их профессионализма растет.

И вот это взаимное движение навстречу должно создать команду, в которой волонтеры будут не просто выполнять

свой волонтерский долг, но и получать необходимые им навыки.

— **А чем вы занимаетесь в «Даниловцах»?**

— Я являюсь психологом движения с осени 2016 года. До этого группы психологической поддержки для волонтеров вела Светлана Блинова. Я в то время была волонтером в 6-й детской психиатрической больнице и несколько раз посещала группы Светланы. Мне очень понравилось. Там была такая безопасная обстановка, спокойствие. При этом всем запросам уделялось внимание.

Потом эти группы предложили вести мне. Наши волонтеры мне сразу сказали: «Не делай группу только для профилактики эмоционального выгорания». И на первой встрече девочки стали озвучивать темы. Там, конечно, были вопросы — как восстанавливаться, как выстраивать отношения с подопечными с ментальными или физическими нарушениями, как справляться с детской агрессией. Но больше всего было запросов на личностный поиск: как найти внутренний ресурс, освободить время, найти хобби, выстроить отношения с братьями-сестрами и родителями, как найти свое дело, куда пойти учиться. И на основании этих запросов я выстроила свои темы.

Например, была тема «Дети донкихота». Она была посвящена запросам и потребностям детей-сирот, потому что некоторые волонтеры подумывают об усыновлении. Были темы, посвященные взаимоотношениям с родителями: цикл «Родовое гнездо».

И я вижу, что этот проект состоялся, он жизнеспособен. А вот в этом году запрос был совсем другой. Были озвучены темы экзистенциальные: как разобраться со своей мотивацией — зачем я пришел в волонтерство? В чем его смысл? А потеря смысла приводит к эмоциональному выгоранию.

— **А почему волонтеры теряют смысл продолжать работу?**

— По разным причинам, которые выясняются при работе с человеком. Одна девушка ходила ко взрослым подопечным, а оказалось, что ее идеальный подопечный — ребенок. Она поняла, что ей просто надо поменять группу.

Иногда потеря смысла связана с перегрузкой. Человек приходит: и туда хочу, и туда. Начинает везде ходить,

и накапливается усталость. Начинают страдать дела по основной работе, он не успевает общаться с друзьями. Происходит подмена, человеку казалось: «Я должен помочь! Я должен спасти». А он видит, что мы не спасаем, не надо надрываться, волонтеры ничего не «должны». И это идет от того, что у человека какие-то внутриличностные проблемы, с ними надо работать. Тогда у него и отношение к волонтерству поменяется.

— **А желание волонтера усыновить ребенка из ДДИ — это естественное желание или такое же «нетерпение сердца»?**

— По-разному. Бывает, человек ходит в ДДИ, и появляется это щемящее ощущение жалости, мол, я «должен помочь». А бывает, что ребенок напоминает волонтеру его самого в детстве, внутреннего Ребенка, недополучившего любви и понимания в свое время. И таким образом — через желание усыновить — происходит лечение внутреннего Ребенка. В таком случае я предлагаю сместить акцент с усыновления на своего внутреннего Ребенка, которого надо сначала напоить любовью. И тогда отношение к подопечным будет по-прежнему теплое и хорошее, но сумбура в решении вопроса об усыновлении не будет.

— **То есть надо разобраться — я люблю этого конкретного ребенка или «надо что-то сделать!»**

— Именно так.

— **А это, наверное, частая сложность для волонтера — как же всех спасти, если видишь, что это невозможно?**

— Да, частая. Но когда меняешь фокус внимания на «спаси сначала себя самого», как-то все выстраивается. Когда помогаешь самому себе, начинаешь себя лучше понимать и принимать, перестаешь пытаться быть идеальным, тогда и отношения с подопечными становятся — мне это многие говорили! — спокойными, близкими. И волонтеру становится легче общаться, легче играть, что-то придумывать. Освобождается энергия для обычного общения. Поэтому каждую группу после знакомства я так и начинаю: «Мы никого здесь не спасаем и никого не лечим...»

Интервью подготовила Анастасия Кузина.

«САВА» – ЭТО ВАМ НЕ ФИЛИН МИСТЕР ХУ!

*Юлия Гусакова,
координатор проекта «Человек — человеку» добровольче-
ского движения «Даниловцы»*

Кирилл чинит крышку игрушечного мусорного контейнера. Саша на пластиковой горке размахивает плюшевым крокодилком, он сегодня в образе, он — Бабка- ежка. Поразительно талантливый пацан, просто drama king! Амина спокойно строит что-то из кубиков, рядом голубоглазый Павел рассказывает, что у него в руках «миксер, он готовит 41 мину- ту... Оп! Уже готово. Вот, попробуйте зеленый цвет!» Одним словом, простая группа детского сада. Простая, да не про- стая: у Саши генетическое заболевание, лунолика Амина — дочка трудовых мигрантов, Кирилл — обычный ребенок, у Павла — задержка развития. А все вместе это — «СаВа».

...Если от метро «Китай-город» пойти в горку по улице Забелина, а у церкви князя Владимира взять левой, то по Старосадскому переулку можно дойти до евангелическо-люте- ранского кафедрального собора святых Петра и Павла. Вот круглая клумба во двореке, вот двери, а за ними — гулкая пустота.

Нужная нам дверь слева, на ней висят два ярко-жел- тых плюшевых солнца и табличка «ЗАКРЫТО». Но нет, тут как раз открыто — открыт Мультикультурный интеграцион- ный детский досуговый центр «СаВа». Этому проекту уже два года, он инклюзивный, это что-то вроде маленькой идеальной модели большого мира. Тут и обычные дети из московских семей, и дети с разными трудностями — от физиологических до языковых, и психолог, который помогает им справляться и уживаться друг с другом, и волонтеры, которые помогают специалистам и детям.

Какой разительный контраст с холодной тишиной собо- ра! В маленькой комнатке всего так много — детей и взрос- лых, звуков и движения, тепла и света! Меня встречает психолог «СаВа» и координатор волонтерской группы «Да- ниловцев» Лена Куликова.

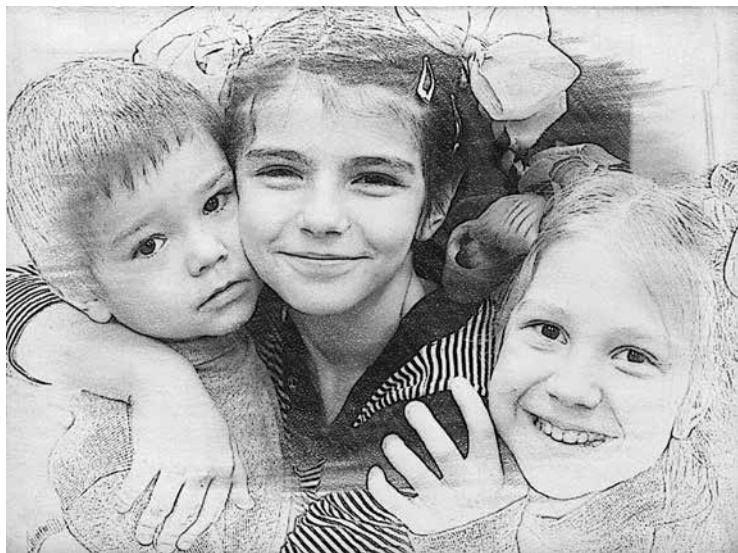
Ольга, мама Кирилла:

«Сегодня привела сына сюда впервые. Ему скоро шесть, он ходил в обычный государственный сад. Дисциплина там была строгой, у воспитателей были любимчики — и не- любимчики. Сын увидел, что бывает вот так — а теперь я хочу ему показать, как бывает иначе».

Коля, волонтер:

«У меня совершенно не было опыта общения с детьми — своих пока нет, а в семье я один. Пришел сюда учиться с ними общаться. Мне интересно, как, не мешая им, можно мягко с ними контактировать».

В комнате, кроме игрушек и разного игрового оборудо- вания, стоит... палатка. Каждый ребенок в «СаВе» может ска- зать: «Мне слишком много всего!» — и спрятаться в палатку, посидеть там отдельно от всех, прийти в себя. Но сейчас Лена палатку складывает: пришла волонтер Мария Первушина, и детей ждет мастер-класс. Три низких столика, за которы- ми до этого перекусывали яблоками, морковкой и сухками и вели светские беседы о том, у кого на что аллергия, теперь покрыты рабочей скатертью. Мария достает яркие куски шерсти. Занятие продолжает тему Скандинавии — на пре- дыдущих занятиях дети мастерили картонные мечи и щиты, как у викингов, а сегодня педагог показывает с помощью бу- мажных фигурок на палочках мини-сказку о боге Торе и ма- леньком гноме, который хозяйничал в его конюшне, а волон- тер Коля читает сказку.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В СОЦИАЛЬНОМ ПРИЮТЕ В «ЗЮЗИНО»

Краткая история волонтерской группы.

После закрытия детского приюта «Дорога к дому» (май 2012 года), детей распределили по семьям и социальным учреждениям Москвы и Московской области, в том числе и в этот приют.

В мае 2012 года состоялась первая встреча волонтеров с детьми.

Подопечные:

Дети 7-18 лет, мальчики и девочки. Больше всего нуждаются в любви и внимании, им нравятся творческие занятия, подвижные игры.

Цель посещения:

Общение, совместный досуг. Волонтеры проводят для детей различные мастер-классы, развивают их творческие способности.

Формы работы с подопечными:

Творческие занятия, рисование, мастер-классы.

НОВАЯ ЭПОХА В РАЗВИТИИ ГРУППЫ В «ЗЮЗИНО»

*Надежда Черкашина,
координатор волонтерской группы в социальном приюте
в Зюзино*

У нас началась новая эпоха в развитии группы — мы начали ходить сразу в три разные группы к детям. Мы очень давно этого хотели и наконец это произошло!

Была небольшая предыстория — в предыдущую субботу, когда мы уже уходили из приюта, нас встречали дети из других групп и спрашивали — почему мы к ним не ходим? И очень-очень просили нас и к ним приходить! Особенно приятно это было слышать от нескольких девочек подросткового возраста, которые еще весной сопротивлялись нашим посещениям. Сердце мое растаяло и мы открыли дополнительный набор волонтеров и решили, что новым группам быть!

Мы разделились на две группы — одна группа пошла к девочкам-подросткам и они все вместе играли в «Дженгу», общались. А другая группа пошла к малышам и тут было настоящее творчество! Я рассказала об австрийском архитекторе Хундертвассере, дети поделились своими мыслями о том, что нужно для того, чтобы построить дом и потом мы вместе сделали проект своего дома мечты. Удивительно, какие разные получились планы домов, как интересно по ним было прогуляться и ходить друг к другу в гости! Все остались очень довольны.

Потом мы перешли к мальчикам-подросткам и уже с ними тоже поговорили об этом архитекторе и попробовали нарисовать план дома мечты. У некоторых были очень интересные проекты. Особенно мне понравилась пещера с длинными коридорами. А спать нужно было на камне. Очень аскетично получилось!

Волонтеры вышли с занятия счастливые, — два часа пролетели незаметно. Мы еще обязательно вернемся!

ЗАМКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ В ПРИЮТЕ

*Татьяна Шеина,
волонтер группы*

В выходные наша «Картонная Мастерская» отправилась в гости в социальный приют для детей и подростков «Зюзино». Вместе с мальчиками мы решили построить рыцарскую крепость, а для девочек захватили наш волшебный кукольный домик.

Большие картонные чемоданчики сразу заинтриговали наших маленьких друзей. Мы даже не успели распаковать до конца наши домики, а ребята уже азартно принялись за работу.

С девочками мы решили устроить разделение творческого труда: одни вызвались красить крышу, другие — декорировать стены... Затем я подошла к группе мальчиков, чтобы объяснить схему сборки, и с удивлением обнаружила, что и без моей помощи они уже успешно собрали больше половины конструкции!

У волонтеров тоже загорелись глаза, и они активно включились в процесс, обмениваясь с ребятами все новыми и новыми идеями и по-детски увлеченно орудуя кисточками и ножницами.

Уже через полчаса девочки создали чудесный дом, достойный феи или принцессы: яркий, усыпанный блестками, украшенный бантами... А над серым камнем главной башни замка поднялось алое знамя. Пространство крепостных стен постепенно обрастало деталями: фамильными гербами, факелами, пушками с ядрами...

Несколько самых инициативных мальчиков, устроившихся еще в начале занятия в уголке, вернулись с пластилиновыми персонажами: рыцарь с копьем встал в нише стены, из окошек выглянули король и королева, на крышу замка взлетел дракон с огромными крыльями.

Мальчишки так активно включились в игру, что начали сами входить в средневековые образы, сооружая себе из остатков фольги и картона мечи, короны и королевские мантии.

Девчонки не отставали в проявлении творческой фантазии, и запрыгали от восторга, когда мы собрали их домик: сами не ожидали, что получится такая красота! Девочки при-

нялись украшать комнаты: кружевной тюль на окошках, мягкие диваны и коврики наполнили внутреннее пространство домика уютом.

После веселой фотосессии со всеми участниками процесса замок перекочевал в комнату мальчиков, кукольный домик — в комнату девочек, и игра продолжилась уже там. Даже когда пришло время прощаться, некоторые из ребят не могли оторваться от своих домиков, придумывая для них все новые и новые детали и украшения. А волонтеры, впервые увидевшие картонные домики, по секрету признались, что сами как будто стали на час детьми и получили огромное удовольствие от совместного творческого процесса!

ВОЛШЕБНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА В «ЗЮЗИНО»

*Наталья Береговская,
волонтер группы*

Вот и состоялась первая долгожданная встреча с детьми после карантина. Ребята очень обрадовались нашему визиту. Было столько восторга, эмоций и объятий! Только мы доставили наш волшебный чемоданчик с материалами для творчества, как дети сразу стали подбегать с вопросом: «А что мы сегодня будем делать?» По тому, как дети нас встретили, было понятно, конечно, что дети скучают по волонтерам и по творческим занятиям.

На этот раз мы с ребятами делали шкатулочки из цветного картона. Дети так были заняты процессом, что время пролетело незаметно. Кто-то догадывался, как делать быстрее, чем я объясняла, а кто и по несколько раз переделывал. Но все шкатулочки получились, и дети были довольны собой и тем, что справились с нелегкой работой. Ведь нужно было точно отмерить по линейке, начертить, ровно согнуть картон, аккуратно склеить. А в конце мы раздали ребятам наклейки, чтобы украсить поделки.

Во время нашего посещения дети не только научились делать шкатулочки, но и разобрали поведение ребят во время творческого процесса. Ребята выяснили для себя, что нужно

уважительно относиться к своим товарищам, помогать друг другу, а главное — чтобы сделать поделки правильно и красиво, нужно не торопиться и слушать внимательно ведущего мастер-класса.

А так же для ребят важна дружеская атмосфера в коллективе. Об этом мы очень долго разговаривали с ними. Это, конечно, одна из самых острых проблем во всех детских коллективах. Самый младший подопечный меня очень порадовал своей щедростью и заботой о товарище. Мою шкатулку, которую я ему подарила, он тут же отдал другу (который не присутствовал на мастер-классе) и попросил для него наклеить, чтобы ему не было грустно.

Хочу поблагодарить коллектив приюта за дружелюбную атмосферу и за своевременную помощь, ведь волонтеров было всего двое. И, конечно, огромное спасибо волонтеру Валерию, без которого бы я, наверное, не смогла бы провести мастер-класс. За его поддержку, помощь в соблюдении порядка. А еще он провел зарядку для мальчишек. И некоторые из них успели повисеть на руках у нашего спортсмена Валеры.

P.S. После того, как ребята убрали комнату, они очень просили, чтобы мы остались еще хоть ненадолго. Дети должны были репетировать танцы. Но, к сожалению, время посещения было закончено. Подопечные очень ждут нас. И еще были большие пожелания — хотим фольгу! Костюмы! Галстук и шлем!

ДАЙТЕ ДЕТЯМ ПРОКРИЧАТЬСЯ!

*Надежда Черкашина,
координатор волонтерской группы в приюте «Зюзино» добровольческого движения «Даниловцы»*

...Почти все дети разъехались, осталась только одна группа мальчиков, человек восемь, семи-восьми лет. Нас, волонтеров, было пятеро. Стали играть в карточную игру, и мы переделали правила так, что она стала похожа на игру в ассоциации. И добавили туда «лекарство»: тем ребятам, кто отгадывал, я как ведущая давала «лекарство».

Например, им надо было хлопать или особым образом размахивать руками. А если кто отвлекался и забывал,

штраф: десять раз отжаться или присесть. То, что надо угадывать, показывали двое ребят, и это было очень интересно! Мне кажется, мы все немного оглохли даже! Но воспитательница особо поблагодарила нас в конце — мол, дети так хорошо прокричались... Видимо, очень им этого не хватало.

А посещение же у нас долгое, часа два, и в какой-то момент нам это надоело. Мы решили разделить: кто-то ушел играть в «Мафию», крики и страсти там продолжились. А мы решили рисовать: я взяла с собой сухую пастель, которую нам пожертвовали, и очень красивую коричневую бумагу.

Мне захотелось нарисовать дом, и я стала рисовать. Тему я никому не навязывала, но, естественно, все дети тоже захотели рисовать дом! И такие крутые рисунки мы нарисовали, яркие, подробные! Но один мальчик стал рисовать больницу и машину скорой помощи. А Настя, наш волонтер, сказала: «Ну нет. Давай лучше нарисуем дом, в котором вы всей семьей жить будете, где ты будешь очень счастлива!» И это сработало! Ребенок на рисунке стал проживать ту жизнь, которую он хотел: в этой жизни были дом, деревья, забор, из трубы шел дым. И рядом с домом была машина — обычная, а не скорой помощи...

ИГРЫ И ТВОРЧЕСТВО В ЦЕНТРЕ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬИ И ДЕТСТВА «ЗЮЗИНО»

*Александр Валентьев,
волонтер группы*

Благодаря теплой погоде встреча с детьми проходила на улице. Детей, как и волонтеров, было немного. Поэтому мы с младшей группой решили поиграть. Сначала Надя показала всем игру в фанты. Надя раздала всем веселые задания. Чего только ни делали ребята! Бегали по кругу, прыгали по-лягушачьи, кукарекали и лаяли, обнимали ничего не подозревавшего воспитателя и т. д.

Затем дело дошло до любимого многими игры «Крокодил». Используя только жесты и мимику, ребята изображали

шахтера, астронома, тюльпан, коляску и многое другое. Показанные участниками приемы можно смело использовать в театральных постановках. Следом задание было изменено на объяснения загаданного слова голосом без употребления похожих по звучанию слов (как это происходит в настольной игре «Активити»). Здесь дела пошли быстрее. Но над некоторыми приходилось помучаться. Как, например, восьмилетнему мальчику Леше объяснить другим слово «окорочок»? Приходилось включать смекалку или прибегать к подсказкам волонтеров.

Но гвоздем программы стала волонтер Даша, которая принесла каждому из детей фрески. Чтобы получить красивое изображение, следовало отклеить определенный слой картины и при помощи кисточки нанести порошок с блестками нужного цвета на липкое основание. Времени оставалось немного, поэтому не все ребята успели закончить свои шедевры к окончанию встречи. Однако моя юная подопечная была очень упорна, и мы вместе с ней успели завершить нашу фреску с белочкой, которую она обещала подарить своей маме. Дети были в восторге от этого занятия. И мы были очень рады, что волонтеры совместно с детьми смогли сделать общий праздник, превратив нашу встречу в яркое событие.

ЧУДЕСА В БУДНИЙ ДЕНЬ

Светлана Блинова, психолог, экс-сотрудник добровольческого движения «Даниловцы», экс-ведущая направления психологической поддержки, создатель и первый координатор волонтерских групп в детской психиатрической больнице №6, в детском доме-интернате для умственно отсталых детей, экс-координатор волонтерской группы «Дорога к дому»

Раньше, в будни, мы человека навещали детей в школе-интернате № 24 и в Зюзино, но смотрите, какие возможности появились у нас в этот раз! Четверо волонтеров организовали на территории приюта четыре зоны отдыха.

Федор с мальчишками сначала занимались на турнирах, а потом провели интенсивную футбольную тренировку.

К шести часам Юсуф сказал, что утомился, но каким довольным он был — все-таки личное доброжелательное общение с человеком старше тебя очень нужно и вдохновляет ребят. Спасибо Феде за его мужество, доброту, деликатность и терпение. Как здорово, что ты смог пойти с нами в этот раз, будем рады тебе и дальше, присоединяйся, пожалуйста!

Христина с девочками обосновалась на скамейке у спортивной площадки. Они раскрашивали витражи, беседовали, организовали мастер-класс по прыжкам на скакалке. Оказывается, большинство из девочек приюта не умели прыгать на скакалке, но нам удалось их заинтересовать, в следующий раз продолжим. Тем, кто проявлял усердие, выдавали призы — мыльные пузыри из больших цветных колб!

Со старшими детьми я играла в волейбол на площадке рядом с футбольной. Есть очень талантливые в этом виде спорта ребята, например, Алексей и Ксения — такие проворные и ловкие, везде успевали отбить и отпасовать мяч. Отрабатывали подачу, игру в пас. Мы так разыгрались, что малыши тоже подтянулись к нам и стали учиться и участвовать, вдохновили мы их своим примером. Вот бы и бадминтоном их воодушевить — очень полезная для здоровья игра: и мышцы укрепляются, и зрение тренируется, и агрессия конструктивно выплескивается в ударах и выкриках.

Подросла и рукодельница Татьяна. На одной из скамеек аллеи она организовала кружок по плетению фенечек из цветных ниток. Детей и саму Таню было не остановить, дети даже немного задержались на ужин.

Нашлось месту и чуду, маленькому, незаметному: нас было четверо, а занятий для детей получилось пять! А все потому, что Федор взял свой замечательный фотоаппарат и доверил его мне, а я, поснимав немного, дала его Мише — ему девять лет, он восьмой ребенок в семье, мама попала в больницу, папы нет, старших разобрали родные, а он, бедолага, попал в приют и очень скучает. Общение с волонтерами, спортивные игры и больше всего фотоаппарат стали его одушиной и утешением в этот вечер. Мы постарались его ободрить, ведь мама выздоровеет и он вернется домой. Он попробовал съемку в разных режимах, даже видеосъемку. Сам был оператором и актером, просил меня снимать, как он перемещается по воздушной лесенке.

Большинство детей уехали на море, в приюте осталось около двадцати детей и для волонтеров это возможность пообщаться с детьми подольше и теснее. Перед нашим уходом расположение к нам проявили старшие девочки. Кто-то просил их забрать (а это проявление доверия и надежды), кто-то хотел пообщаться, рассказать о себе, больше узнать о волонтерах. А ведь обычно старшие держатся крайне независимо и это можно понять. Ведь так много разочарований в их жизни связано со взрослыми... Но ледок растаял — ведь лето наступило, а значит, до скорой встречи в следующий вторник! И снова в жизни волонтеров нашей группы будет место для подвига будничного масштаба! И это — замечательно, ведь так?

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ПРИЮТЕ «НЕЗНАЙКА»

Краткая история волонтерской группы.

В 2012 году в мае закрылся приют «Дорога к дому», который волонтеры посещали с 2008 года.

С июля 2012 года волонтеры начали ездить в приют «Незнайка».

Подопечные:

Дети и их семьи, в основном беженцы и матери-одиночки.

Цель посещения:

«Незнайка» находится в деревне, большинство детей в школу не ходит, родители заняты своими проблемами. Поэтому развлекаем детей по мере сил.

Формы работы с подопечными:

Общаемся, играем, гуляем, рисуем, собираем пазлы, бегаем.

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ В ПРИЮТЕ

*Лариса Прокопьева,
экс-координатор волонтерской группы приюта «Незнайка»*

Какая погода! Какой день! Какое счастье вновь побывать в приюте «Незнайка»!

В очередной воскресный день 23 марта 2014 года я вместе с волонтером Юлей Султрековой, с волонтерами-«даниловцами» из группы помощи бездомным — Денисом и Светланой, с молодым человеком по имени Радий (он откликнулся на нашу просьбу о машине, чем очень обрадовал всех нас) посетили приют «Незнайка».

Жители «Незнайки» встретили нас с огромной радостью, большинство из них были на улице: взрослые работали, а дети играли — катались на велосипедах, дышали свежим воздухом. Мы тоже вместе с детьми погуляли сначала на улице, а Радий пошел помогать взрослым — рубить дрова. Денис и Светлана по пути в «Незнайку» брали у меня и у Радия интервью, а потом и у Юли. После прогулки на улице детей позвали в дом. К ним приехал доктор — это был обычный профилактический осмотр, после чего им раздали витамины. Затем мы с детьми начали в гостиной рисовать, раскрашивать, клеить в раскраски наклейки. Клеить наклейки очень понравилось Оленьке, Лине и Лилиане. Мы угощали детей бананами, пряниками и конфетами.

Проведя время в творческих занятиях, мы решили вновь выйти на улицу — чудесная погода! Катали детей на качелях, пели песни «Мама — первое слово», «А я иду, шагаю по Москве» — дети сами решили спеть именно эти песни, чем, конечно, нас очень порадовали. А Марк еще и пел гимн России.

На улице жители «Незнайки» угостили нас поджаренными на костре вкусными сардельками, солеными огурцами и чаем, — все было очень вкусно. Но нам пора было собираться назад. Мы, довольные и счастливые, попрощавшись с нашими детьми и другими жителями «Незнайки», отправились в путь...

«НЕЗНАЙКА»: РУССКИЕ ПЕСНИ НАИЗУСТЬ

*Мария Колесни,
волонтер группы*

В воскресенье мы ездили в «Незнайку» на трех машинах. День радовал пронзительной синевой неба, ярким солнцем и многоцветьем осенней листвы, однако было ветрено, и мы решили расположиться в игровой. Игорь, Кирилл и Саша отравились помогать жителям «Незнайки» с заготовкой дров. Лариса, Наташа, Саша и я остались с малышами в игровой.

В этот раз Даня, Ислан, Коля, Оля и Маришаль, слушая волонтеров, читающих сказки вслух, проявляли почти героическое терпение и большой интерес к сказочным историям, чем прежде. Ислан и Даня по очереди с чувством, с толком, с расстановкой собирали мозаику наклеек в книжке о пожарной машине. Поющая книжка особенно полюбилась детям, Даня даже выучил несколько песен наизусть и подпевал. Маришаль и Лилиана всячески демонстрировали свои артистические данные: пели и танцевали вместе с Ларисой. Самые маленькие традиционно строили крепости и дороги, штурмовали коробку с лего, бегали, прыгали, шалили (но слушались нас!).

Затем мы обменялись с жителями «Незнайки» угощениями: малыши с удовольствием жевали фруктовый мармелад, а нас директор угостил чаем с медом и бутербродами. Радостно было наблюдать, как карапуз Ваня, завидев маму издалека, помчался делиться с ней мармеладом.

После угощения мы вернулись в игровую, а мы с Даней отправились в комнату франкоговорящего населения «Незнайки». Натали кормила Джонатана, Таня была на собрании, поэтому обсудить трудности русского произношения нам удалось только с Шулой и Сильвией. Даня в это время рисовал в блокноте самолетики, ракеты, солнце и облака.

Когда пришло время уезжать, случилось нечто неожиданное, очень приятное и в то же время немножко грустное: малыши выстроились в ряд у двери, твердо решив держать оборону и не выпускать нас, требуя, чтобы мы остались у них

в гостях подольше. Оборону пришлось прорвать. Но в этот раз еще сильнее, чем прежде, хочется поскорее вернуться в «Незнайку»!

«ДАНИЛОВЦЫ» И БАЙКЕРЫ В «НЕЗНАЙКЕ»

*Александра Толчина,
экс-координатор группы*

На 28 апреля была назначена поездка в «Незнайку» совместно с движением «Ангел-хранитель мотоциклистов». Телеканал «Союз» намеревался снять репортаж о встрече с детьми приюта «Незнайка» с байкерами. И вот наступило долгожданное воскресенье, Вербное воскресенье!

В этот праздничный день «даниловцы» (Лена, Лариса и Настя), директор приюта Сапар Муллаевич и байкеры на шести мотоциклах встретились около метро «Коньково» и отправились в наш любимый приют «Незнайка».

Сапар Муллаевич рассказал всем о приюте, о детях, их нуждах, о том, как люди сюда попадают и поблагодарил всех присутствующих. Пес Рома, который радостно бежал нам на встречу, поранил лапу и ребята самостоятельно сделали ему перевязку.

Молодые люди стали колоть дрова, а мы с девочками вывели всех малышей на улицу, чтобы они могли посидеть, потрогать, постучать и просто полюбоваться красочными мотоциклами!

После фотосессии мы бегали, катались на качелях, кружили детей и наблюдали за работой ребят. Они молодцы, столько дров перетаскали и перекололи! Когда начался дождь, мы побежали в дом. Подарили всем детям веточки вербы. А потом собирали кубики, раскрашивали картинки, читали сказки и пели песни. В это время мамы с директором и комендантом были на собрании. А Даня заявил, что поедет с нами!

Домой уехали счастливые! Руководство еще раз поблагодарило ребят за работу, одежду, игрушки, памперсы, коляски и еду, а нас за занятия с детьми и за то, что дали мамам спокойно провести собрание и немного отдохнуть!

БЛИНЫ В «НЕЗНАЙКЕ»

*Александра Толчина,
создатель и первый координатор волонтерской группы в приюте «Незнайка»*

В этот раз было четыре волонтера — Галина, Владимир, Евгений и я. Поскольку была Масленица, мы решили напечь блинов. Купили продукты и Галина напекла около ста блинов!

А в это время в игровой Евгений строил огромный дом вместе с Исланом, Даней, Нурбеком и Сулейманом, Владимир играл с Исой в пирамиду, а мы с Радой и Линой играли в магазин. Все вместе мы навещали Галину на кухне: интересней всех было Ислану — он заморожено наблюдал, как пекутся блины. Даня не мог выпустить из рук миксер, очень хотел что-нибудь им сделать да и вообще помочь, и мы с ним пошли мыть миксер.

Пока мы были на кухне, выяснилось, что Владимир после игры в мяч с Исой на улице пошел колоть дрова. Директор приюта Сапар Муллаевич и все женщины были благодарны! Дрова сейчас заледеневшие и из-за этого их еще сложнее колоть.

Вскипятив чайник, позвав всех, кто был в доме и на улице, мы принялись есть блины с вареньем. А варенья было много. Галина, Евгений и Владимир привезли домашнее: и малиновое, и сливовое, и черничное!

Было так вкусно и радостно, что я даже забыла сфотографировать наш стол! А потом мы долго обнимались, целовались и обещали вернуться! Ведь дети каждый раз спрашивают: вернемся ли мы?

ГРУППА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ РЕМОНТОВ

Краткая история волонтерской группы.

Совместный проект добровольческого движения «Даниловцы» и благотворительного фонда «Предание». Дата основания: 1 февраля 2012 года.

Наша деятельность — проведение ремонтных работ организованной группой волонтеров.

Мы не только вместе трудимся, но и вместе отдыхаем. Проводим выездные мероприятия, различные паломнические поездки.

Подопечные:

Мы помогаем малоимущим людям, пенсионерам, инвалидам и многодетным семьям, нуждающимся в ремонте квартир.

Цель посещения:

Проведение ремонтных работ организованной группой волонтеров.

ПОБЕЛИТЬ ПОТОЛОК – ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО ОТ ДЕПРЕССИИ

*Сергей Блинов,
координатор группы ремонтов*

Вместо того чтобы поддаваться осенней хандре, ребята из добровольческого движения «Даниловцы» ремонтируют квартиры матерей-одиночек, инвалидов, малоимущих людей. Они утверждают, что это занятие приносит настоящую радость.

— **Сергей, ты спокойно жил и работал автомехаником. Что заставило тебя пойти в добровольцы?**

— Я тогда слушал протоиерея Димитрия Смирнова — сначала на дисках, потом появился компьютер. Нашел его онлайн-проповеди на сайте фонда «Предание». Год слушал, два слушал. На том же сайте наткнулся на информацию о «Даниловцах». Хотел что-то интересное делать для людей, пришел туда в 2012 году, меня любезно встретили. Я вообще люблю рукодельничать, поэтому группа ремонтов мне пришлось по душе. На первом задании нужно было помочь бабушке что-то в ванной прикрутить — у нас, как сейчас помню, кусок стены отвалился. Стали раз в неделю что-то такое делать, а потом, когда в группе были сложности, я стал ее координатором.

— **Что тогда тобой двигало?**

— Да скучно было мне. Три дня работал автомехаником, три дня отдыхал. Телевизор я смотреть не люблю, пиво пить с друзьями постоянно — тоже не вариант.

— **В детстве ты был приличным мальчиком?**

— В общем, да, но у меня, по сути, детства не было. Я рано повзрослел, рано пошел работать. И я всю жизнь в православной вере. Помню, как мама на саночках возила в воскресную школу.

— **То есть для тебя волонтерство связано с христианством?**

— Чтобы чего-то добиться в жизни, нужно сделать много хорошего. Если все только для себя — это скользкий путь. Чтобы идти дальше, нужно что-то отдавать.

— **Когда вы делаете ремонт, что вам говорят?**

— Я помню каждого, кому мы помогали. От каждого чему-то научился. Терпению, например. Чем больше людям хорошего делаешь, тем тяжелее от них потом...

— **Отделаться?**

— В каком-то смысле да. Случается, люди начинают что-то требовать, и не всегда вежливо. Но нужно держать марку, не грубить.

— **А положительные эмоции часто получаете?**

— Когда что-то сделал и возвращаешься домой, то на душе становится радостно. Обои наклеил, и счастлив!

— **Получается, хорошее лекарство от депрессии?**

— Да. Всем с «синдромом бизнесмена» и другим унывающим гражданам рекомендую прийти наклеить бабушке обои или побелить потолок. Все депрессии пройдут, я гарантирую! Мало того, появятся выходы из сложных ситуаций.

— **Почему государство не может обеспечить наименьшим людям минимум средств? Как мать-одиночка может сделать ремонт за 260 тысяч рублей? Получается, в некоторых случаях единственный выход — это волонтеры?**

— Получается, что так. Мир не без добрых и богатых людей, безвыходных ситуаций не бывает. Нужно просить, показывать, что нуждаешься. Если государство будет всем делать ремонты, оно разорится: найдется множество людей, которые хотят халявы.

— **Какие люди приходят к тебе в группу?**

— Общего портрета нет: от бухгалтеров до курьеров, от студентов до человека, работающего в иностранной компании и в совершенстве знающего английский. Один наш волонтер уехал учиться в Америку, еще один работает в химической компании, занимается какими-то немислимыми разработками.

— **Что ими движет?**

— Думаю, прежде всего желание найти интересное общение и общее дело. Кто сказал, что трудиться — это сложно? Три-четыре часа потратить, чтобы чему-то научиться — разве большая проблема? У нас в России нужно уметь все делать самому.

— **Каковы твои увлечения помимо волонтерства?**

— Люблю кататься на велосипеде с женой Светой. В Подмосковье, где мы живем, красивые места. В храм люблю ходить — он у нас рядом с домом, помогаю как алтарник.

Деньги у меня есть, так что могу помогать кому-то в свободное время. Просто мало кто пробовал и мало кто понимает, что это приносит настоящее удовлетворение и радость.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

В НОВЫЙ ДОМ ПОД НОВЫЙ ГОД

*Екатерина Калашикова,
волонтер группы*

В июне 2017 года в добровольческое движение «Даниловцы» обратилась семья инвалида: Анатолий Васильевич Шидловский и его сын попросили сделать ремонт в однокомнатной квартире на Молодежной.

В квартире живут два человека: Анатолий Васильевич и его сын Сергей. Анатолий Васильевич — вдовец и инвалид 2 группы по зрению, был избит несколько лет назад, вследствие чего практически потерял зрение. Он почти не встает с кровати из-за плохого зрения и слабости и не выходит на улицу, поэтому его кровать между окном и шкафом, дорога из комнаты до кухни — это его крошечный мирок, куда долетают новости из большого мира через радио и ТВ.

Сжавшаяся до двух человек семья живет на пенсию Анатолия Васильевича, поэтому строительные материалы были закуплены БФ «Предание» в рамках программы «Добрые люди», средства от которой идут на поддержку добровольческих программ «Даниловцев». К сожалению, для Анатолия Васильевича и его сына Сергея обычные хозяйственные заботы, а тем более — ремонт, совершенно непосильны.

В начале июля волонтеры «Надежных рук» под руководством Сергея Блинова приступили к ремонту квартиры.

В плане работ были намечены:

- наклейка обоев;
- укладка ламината;
- установка напольных и потолочных плинтусов в комнате, кухне, коридоре;
- укладка кухонного фартука;
- покраска подоконников и оконных рам, дверей в комнату и в кухню;

- прокладка дополнительной проводки и установка розеток и выключателей;
- установка нового кухонного гарнитура.

Практически весь июль велись демонтажные работы. Волонтеры снимали старые обои, краску, вынесли отжившую свое кухонную мебель. В конце июля начались подготовительные работы: грунтовка, шпаклевка, выравнивание шкуркой стен в комнате, коридоре и кухне. Также волонтеры съездили на закупку строительных и отделочных материалов. В итоге в июле прошли семь волонтерских смен в среднем по 4,5 часа, в результате которых отработано 113 часов.

В августе основной фронт работ пришелся на наклейку обоев в коридоре и комнате, на кухне была начата укладка плиточного фартука, подоконники были очищены от краски, а также была предпринята неудачная попытка наклеить обои. В августе прошли девять волонтерских смен по 4,5 часов, отработали 150 часов.

С началом осени в сентябре волонтерская группа переместила основное внимание на кухню: была счищена шпаклевка, заново отштукатурены и зашпаклеваны, зачищены, загрунтованы стены, продолжались работы над кухонным фартуком, а также были смонтированы потолочные плинтуса в комнате. В итоге в течение месяца прошли семь волонтерских смен средней продолжительностью 4,5 часа и общей длительностью 131 час. Октябрь по праву получил название «месяца укладки ламината», параллельно продолжались работы по наклейке обоев и установке потолочных плинтусов на кухне, также затерли плиточные швы на кухонном фартуке. В течение октября прошли восемь волонтерских смен средней продолжительностью 4,5 часа и общей длительностью 113 часов.

По мере приближения конца ремонта работы активизировались, и ноябрь стал поистине «стахановским» месяцем. За восемь посещений волонтеры уложили ламинат на кухне, в коридоре, покрасили окна, подоконники, двери, начали установку электропроводки, розеток, собрали и установили кухонный гарнитур, а также отмыли плиту, раковину, стиральную машину (напомним — в квартире живет инвалид по зрению). В итоге в ноябре было отработано 148 часов.

В декабре за три посещения объекта волонтеры продолжили установку розеток, проводов и доделывали различные мелочи. За полмесяца отработано 41 час.

Благодаря работе волонтеров квартира совершенно преобразилась, теперь маленькой семье можно жить комфортно.

ГДЕ ИСКАТЬ СЕБЯ? В ВОЛОНТЕРСТВЕ!

*Николай Левит,
волонтер группы*

Однажды, в 2011 году, я посмотрел трейлер фильма «Время» (In Time). Сам фильм я посмотрел много позже. Но тогда главный посыл фильма коснулся моего сердца: работая наемным работником, я конвертирую время своей жизни в деньги, а деньги утекают, как песок сквозь пальцы, не принося в конечном счете никакой пользы.

Первое, что я сделал тогда, — уволился из фирмы и стал работать на себя. Поначалу это дало ощущение осмысленности, стимул работать над собой, развиваться: с 2008 года я начал ходить на разные курсы, тренинги, читать литературу по саморазвитию. Тогда я пытался, как я сейчас понимаю, научиться хотеть того же, чего, как мне казалось, хочет успешное большинство: зарабатывать столько, чтобы не думать о деньгах, стильно одеваться, отдыхать, где хочу и когда хочу, жать от груди столько-то, быть королем танцпола, ездить на машине, свободно общаться на иностранных языках. Я стал пробовать себя в разных сферах и достиг определенных результатов, но чем больше я достигал, тем больше погружался в уныние. Помню, как меня поразила моя собственная реакция, когда в 2013 году я занял первое место в своем классе на очередном рейтинговом конкурсе и ехал домой: «И ради этого я убил три года своей жизни, занимаясь пять раз в неделю?!» Мне даже не хотелось никому рассказывать о своем успехе.

На тренингах, которые я посещал, на лекциях, в книгах я то и дело наталкивался на мысль: ты — это среднеарифметическое людей, которые тебя окружают. И я стал искать, а мир стал подкидывать мне варианты. На танцах я познакомился

с людьми, которые занимались любительским театром, и я узнал, что мне нравится играть на сцене. У нас было всего пару выступлений в детских домах, но на них я познакомился с волонтером и сотрудником одного благотворительного фонда. Я участвовал в нескольких мероприятиях этого и других фондов и понял, что мне не нравится быть промоутером, следить за порядком, а нравится общаться с детьми и... убирать мусор после мероприятий.

Общаться с детьми — это меня и манило и пугало, и я решил «отложить детей» до поры до времени и сконцентрироваться на «мусоре». К сожалению, к счастью ли, но в Москве сейчас убирают достаточно хорошо, если не искать специально каких-то заброшенных мест, субботники, хоть и устраиваются, но носят нерегулярный характер, а мне хотелось именно регулярности. Однажды, в феврале 2015 года, на одном сайте знакомств мне попала на глаза анкета девушки, у которой среди прочих интересов значилось «волонтерство». Я попытался заговорить с ней на эту тему и получил ссылку на сайт «Даниловцев». На сайте я сразу увидел объявление о группе ремонтов «Надежные руки», — воображение нарисовало мне романтические картины комсомольскихстроек из советских фильмов. И я, не раздумывая особо, уже через полторы недели, пройдя собеседование в офисе «Даниловцев», самозабвенно шпаклевал потолок где-то в районе метро «Воробьевы горы» в компании Александры, Елены и Виталия.

Посещение группы приносило как положительные, так и отрицательные эмоции. Положительные моменты: работа руками, общение с интересными людьми (собственно, чего я и искал изначально). Но мне пришлось увидеть и отрицательную сторону: мое неумение общаться с людьми, перфекционизм, пришлось пройти через очередное разочарование; то, что меня поначалу наполняло, стало потом опустошать. Спустя полгода я даже прервал посещение группы на четыре месяца. Но, к счастью, благодаря людям, с которыми я познакомился в «Даниловцах», я сумел преодолеть кризис, вернуться в группу. Так что и эти отрицательные моменты пошли на пользу. Я научился внимательно относиться к своему состоянию, быть максимально честным с собой, принимать помощь. А какие потрясающие люди работают в «Даниловцах»! Сколько у нас разных поддерживающих ме-

роприятий: и неформальные встречи, и тренинги. Но только эти тренинги уже направлены на развитие того, что для меня действительно ценно.

Однажды координатор нашей группы Сергей Блинов пригласил меня в паломническую поездку в Санаксарский монастырь с посещением местного детского дома. Благодаря этому посещению я узнал, что кому-то может нравиться, как я играю на гитаре и пою под нее, и что мне все же хочется общаться с детьми. С нами вместе в поездке была Светлана, тогда еще координатор группы «Даниловцев» в ДДИ №24, и пригласила меня к себе в группу, но это уже другая история...

КАК СДЕЛАТЬ ВОЛОНТЕРСТВО ИНТЕРЕСНЫМ И ДУШЕПОЛЕЗНЫМ

*Олег Крейнин,
волонтер группы*

Уже несколько лет у меня нет постоянной работы. При этом у меня отсутствует желание работать на кого-то, так как я не хочу, чтобы кто-то мной командовал для достижения не моих целей.

Ничего из того, что я пробовал в бизнесе сам, у меня не получалось. Кроме того, заниматься тем, что я пробовал, мне даже и не интересно. Все, что получается, в принципе, заключается в каких-то полукриминальных авантюрных мероприятиях.

Еще мне интересна юриспруденция, в которой тоже что-то иногда получается. Но ввиду того, что такой деятельности у меня не бывает много, большую часть времени я бездельничал. Как в итоге выяснилось, бездельничать еще менее интересно, чем делать неинтересную работу.

Я все время что-то ищу, но никак не могу найти, где бы себя применить, чтобы это было интересно, приносило пользу и во вторую очередь, может быть, прибыль. Деньги для меня уже давно не являются главной жизненной целью. Я их воспринимаю исключительно как инструмент для жизнеобеспечения. И я не испытываю желания покупать дорогие вещи.

В итоге я и решил попробовать делать это в волонтерской организации. «Даниловцы» были первыми, чей сайт мне предложил «Яндекс». Я не стал долго выбирать и сразу обратился к ним. На следующий же день пошел на собеседование к Алёне Характеровой, по результатам которого попал в бригаду к Сергею Блинову.

Когда я познакомился с другими участниками нашей группы, я был очень впечатлен. Люди, которых я встретил, — поистине сильные личности. Это люди с богатым внутренним миром и огромными знаниями в различных областях. А наш Сережа прямо-таки гениален. К нему можно обратиться с любым вопросом, из любой области и любой сложности. И он всегда подскажет решение. При этом даже не важно, будет ли вопрос технический, психологический или духовный.

Придя в бригаду к Сергею, я поставил перед собой несколько задач: во-первых, чем-то занимать свободное время; во-вторых, научиться чему-то большему, чем вернуть лампочку; и как дополнительное задание, найти себе новых знакомых, так как мой круг общения очень узок. Честно говоря, я уже даже не помню, как давно я состою в бригаде у Сергея. Все задачи я с успехом выполнил. Даже, в некотором смысле, перевыполнил. Те поиски, которые я веду уже несколько лет, привели меня к тому, что я нашел, чем мне интересно заниматься. Мне интересно помогать людям. И, при этом, мне не особенно интересны деньги. Я отношусь к этому так: зарабатываю что-нибудь — порадуюсь; а нет — не огорчусь.

Одна история вообще перевернула мое мировоззрение. Как-то мы делали ремонт в квартире нашей подопечной, Юлии. У нее нет мужа, но есть четверо приемных детей. Она работает певчей в церковном хоре. У меня есть недуг: эпилепсия. Я периодически читаю в различных информационных источниках, что можно сделать, чтобы вылечить болезнь, хотя надежда уже давно потеряна. После очередного вычитанного «рецепта» я пришел к Юле, рассказал о своей трагедии и спросил: «Как ты думаешь, это поможет?» Она почитала, сказала мне: «Нет, это какой-то «колдуй баба, колдуй дед» получится». Я спросил: «И что же делать?» — «Почитай, — говорит, — завтра «Отче наш», весь день». Я удивился, но тем не менее нашел в сети молитву и на следующий день раз 40-50 прочел ее. Что произошло после этого, я так и не понял. Но мир реально

перевернулся. Все стало по-другому. Уныние пропало, и появилось желание продолжать жить дальше. Как оказалось, Бог есть; Он о нас заботится; Он нас любит; Он хочет, чтобы мы творили добро и попали на небеса.

Теперь я регулярно хожу в церковь, молюсь, исповедуюсь и помогаю людям различными способами. Кроме того, я периодически хожу в ближайший храм и помогаю им по хозяйственной части. В части помощи людям, мне больше всего нравится война с чиновниками, на предмет того, чтобы они что-то делали и для нас, а не только для себя. Моя мотивация: «Я делаю то, что делать не обязан и не получаю за это денег. А они не делают то, что делать обязаны и получают за это деньги». И главная моя цель — заставить их работать, потому что сегодня клан чиновников не является рабочим. Все они просто получают деньги за то, что милостиво разрешают нам что-либо делать. И эта война мне крайне интересна, так как не требует больших инвестиций, дает результаты и несет интеллектуальную нагрузку. А также затрагивает вторую интересную мне сферу деятельности: юриспруденцию.

Я и дальше буду следовать Божьим заповедям и учению Иисуса Христа. А также свято верить в то, что моя жизнь не будет прожита зря, и моя помощь людям будет нужна.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА

*Константин Козырев,
основатель и первый координатор волонтерской группы
благотворительных ремонтов «Надежные руки»*

— Как появился этот проект?

— Я участвовал в разных детских и молодежных проектах. Много работал в волонтерской группе «Даниловцев» при детском наркологическом диспансере. И все же мне хотелось что-то делать руками. То есть идея собственного волонтерского направления родилась уже давно. Но я не знал, за что взяться. Я стал искать и увидел, что нужна адресная помощь: с кем-то посидеть, что-то убрать, украсить, помочь с ремонтом. Познакомился с работой службы «Милосердие». В итоге мы создали в «Даниловцах» новую группу. Вначале

была в основном хозяйственная деятельность. Мы выезжали, что-нибудь прикручивали, чинили. Но самым первым был запрос о косметическом ремонте для семьи инвалида. Им дали комнату, но она была в ужасном состоянии. И мы ее преобразили! Есть ролик, где видно, что было и что стало. Было такое воодушевление. Тогда я понял, что надо определяться, и решил, что мы оставляем только ремонты.

— **Это профессиональная работа?**

— Как человек, который сам в ремонтах мало что понимал, я подумал, что было бы здорово привлечь и людей, которые профессионально этим занимаются, и людей, которые могут у них учиться. Получилось, что у нас созданы все условия для того, чтобы делать добро, и самим чему-то учиться в неформальной обстановке.

— **Для кого вы делаете ремонты?**

— Прежде всего для малоимущих, пенсионеров, инвалидов, многодетных семей, семей с больными детьми и, часто, даже без кормильца. Поэтому нужны мужские руки, мужская помощь. И отдельная категория — работа по найму. То есть мы делаем ремонт, нам платят, и деньги остаются в общем фонде нашего проекта: на еду, транспортные расходы, раскрутку, инструменты.

— **Ты говоришь «мужская помощь». А что, все волонтеры — мужчины?**

— Я тут недавно просмотрел список волонтеров, хотя он, конечно, и так всегда у меня перед глазами: у нас соотношение парней и девушек примерно пятьдесят на пятьдесят, что удивительно. Но мужские руки действительно нужны, потому что чаще всего среди нуждающихся в помощи оказываются семьи, где нет мужчин. Но девочки работают наравне с нами, просто выполняют работу, которая им по силам.

— **Расскажи, что уже сделано.**

— Мы сделали уже четыре ремонта и сейчас у нас на очереди еще пять мест. В ноябре мы начинаем ремонт в квартире рядом с больницами ФНКЦ и РДКБ: приводим в нормальный вид квартиры, в которых будут проживать семьи с детьми. Это дети после сложных операций на мозге, и им нужна будет реабилитация в домашних условиях. Мы для них подготовим квартиру, сделаем там косметический ремонт. А потом будут приглашены художники, они эту квартиру оформят очень красиво.

— **Что в этих проектах идет хорошо, с чем трудности?**

— Хорошо то, что заказы сыплются! Другое дело, что если так будет продолжаться, люди будут ждать наших услуг годами. Мы такие одни. Координатор один. Было бы координаторов пять, народу бы еще человек пятьдесят прибавить, и все бы работали параллельно — было бы быстрее.

— **Это перспективы направления?**

— Да нет, пока об этом я мечтаю перед сном. Но если так будет, проект будет жить и процветать, люди не будут так долго ждать своей очереди. Трудность, как раз, в том, что мы не успеваем. Бывает так, что на ремонт вообще приходит человека два или три, считая меня, конечно. А порой и до десяти приходят. Это вообще невозможно предугадать, поэтому я уже как-то не думаю над этим. Придет хоть кто-то — и уже радость.

— **А когда ты видишь результат работы?**

— Достаточно посмотреть ролик с первого ремонта, где я прыгаю от радости, а потом сажусь в центре комнаты и просто не могу ничего сказать, люблюсь тем, что мы сделали.

Интервью подготовила Жанна Суркова.

ОСТАЛИСЬ МЕЛОЧИ

*Анна Куркулина,
волонтер группы*

В конце октября мы приступили к новому ремонту в квартире семьи Абашковых, состоящей из мамы Марины и четырех детей: десятилетней Вики, одиннадцатилетней Ани, шестнадцатилетней Сони и четырнадцатилетнего Миши.

Марина много времени посвящает воспитанию детей и уходу за Викторией, имеющей инвалидность, поэтому у нее нет возможности работать. Четырехкомнатную квартиру Абашкины получили в 2007 году, и с тех пор у них не проводились ремонтные работы. Вследствие того, что их заливали соседи сверху, комнаты несколько утратили свой первоначальный вид. Группа благотворительных ремонтов движения «Даниловцы»

совместно с благотворительным фондом «Предание» вызвались помочь семье Абашковых в косметическом ремонте.

В течение ноябрьских выходных мы уже успели очистить три комнаты и коридор от старых обоев и наклеить вместо них новые. Также побелили потолки во всех комнатах и починили проводку в комнате Миши — мальчик радовался, что впервые за три месяца у него появился в комнате свет.

Сейчас остались мелочи по сравнению с проделанной работой — в одной из комнат загрунтовать, зашпаклевать стены и наклеить обои.

Мы верим, что Новый год дети будут встречать уже в новых, ярких и красивых комнатах!

Очень приятно, что дети активно, по своей воле, помогают нам посильно в ремонте (например, наперегонки друг с другом обдирают старые обои), — дело движется быстрее и радостнее. Или поддерживают морально наш боевой дух: в последние выходные наклейка обоев на кухне проходила у нас под попытки одиннадцатилетней Ани выучить «Бородино» и декларирование вслух.

Выражаем огромную сердечную благодарность всем волонтерам — «даниловцам», принимавшим участие в благотворительном ремонте, как нашим постоянным «старичкам», так и новеньким ребятам, совсем недавно присоединившимся к нам.

Мы растем, и это радует! Впереди у нас еще много добрых совместных дел!

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА ПЕРЕПИСКИ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ

Краткая история волонтерской группы.

Группа создана в сентябре 2009 года.

Подопечные:

Нам пишут, как правило, люди, находящиеся в заключении и нуждающиеся в простом человеческом общении, во внимании и добром слове. Часто пишут желающие узнать о православной вере, ищущие духовного общения.

Цель работы:

Общение, просвещение, духовное развитие, миссионерская деятельность.

Формы работы с подопечными:

Ведем переписку, высылаем духовную и художественную литературу, оказываем информационную поддержку.

КТО ОТВЕТИТ НА ПИСЬМО ПОЖИЗНЕННОГО ЗАКЛЮЧЕННОГО?

Каждый месяц на адрес Даниловского монастыря приходят десятки писем из тюрем и колоний со всей России. Отправители их осуждены на 20-25 лет, а то и пожизненно. И уже лет десять существует группа волонтеров движения «Даниловцы», созданная специально для переписки с заключенными. Им не важно, на сколько лет и за что осужден человек, читал ли он Библию и умеет ли читать вообще. Важно, что сейчас отправитель спрашивает о том, как перестать ненавидеть. Как примириться с людьми. И вообще — как ему теперь жить.

В российских тюрьмах и колониях сегодня отбывают наказание свыше 600 тысяч человек. Многие из них — очень далеко от дома. К ним редко приезжают на свидания, редко шлют посылки. А у кого-то и совсем дома нет — семья распалась, а то и вовсе никогда ее не было. Таким заключенным не только посылки не приходят, но даже обычные письма. На протяжении многих лет — ни одного письма.

Заключенные говорят, что без писем в колонии невыносимо. Листок в конверте — это не только информация о том, что там без тебя происходит на воле. Это еще и брешь в заборе. Осознание того, что мир не ограничивается зоной.

Не получают писем в основном те, кто попадает за решетку не первый раз, либо те, кто сидит уже очень давно. В первом случае семья уже поставила на человеке крест. Во втором она просто привыкает жить без него. И когда становится совсем невыносимо, человек пишет в монастырь. Где его письмо попадает волонтерам группы переписки.

— Переписка у нас, конечно, не дружеская, а духовная, — говорит координатор группы Константин Ренжин. — Наша цель — развитие человека, находящегося в заключении. А в тюрьме человек деградирует со страшной силой. И его развитие заключается в том, чтобы начать учиться, читать, привести свое мировоззрение в порядок, прояснить основные вопросы: как он относится к жизни, людям, Богу, вечности. И надо сказать, что в этом плане разницы нет, —

в тюрьме человек сидит или работает менеджером в офисе. Если его интересует исключительно материальное, он деградирует и на свободе. Так что это еще вопрос, где человек ближе к Богу — за решеткой или в офисе...

Волонтеры в письмах никогда не спрашивают — за что человек осужден

— Я пишу не преступнику, а осужденному, — говорит Константин. — Его прошлое меня не интересует. Что бы этот человек ни совершил — он уже осужден и несет наказание. Важно, что ждет его в будущем. У каждого человека есть душа. Если эта душа жаждет общения, значит, она не умерла и способна обратиться к добру.

— Я считаю, что абсолютная изоляция и пренебрежение общества не способствуют исправлению людей, — согласна с ним волонтер Татьяна, которая тоже еженедельно пишет своим адресатам за колючей проволокой. — Наоборот, они вызывают отчаяние и ожесточение. Большинство заключенных, которые нам пишут, раскаиваются в сделанном и хотят начать жить по-другому. А общение и доброе отношение к ним хотя бы одного человека для многих является мостиком к новой жизни, вселяет надежду, что их попытка измениться не будет отвергнута обществом. Тем, кто почувствовал на себе доброе отношение, уже не хочется его потерять...

Все привыкли к тому, что волонтеры посещают больницы и детские дома. Но многие выбирают себе тихое дело переписки именно потому, что пользу приносить хочется, а ездить куда-то не получается.

— Я пишу, потому что люблю писать, это мой любимый способ общения, — говорит Ирина. — Люблю получать письма, особенно когда корреспондент ценит переписку. Заключенные ценят. Но я многодетная мама, у меня времени мало. И вот такое служение не занимает много времени и дает возможность переключиться с домашних забот. А еще меня переписка вдохновляет. Это удивительно, но она дает мне силы...

Константин Ренжин говорит, что польза от такой переписки — взаимная.

— Наши волонтеры — самые разные люди, не обязательно очень религиозные. Но готовя ответ, они много читают, думают, они гармонизируют свою жизнь, которая и для них перестает быть только материальной...

«ДЕТИ ПОПАДАЮТ В КОЛОНИЮ ИЗ-ЗА ОТСУТСТВИЯ ЛЮБВИ В СЕМЬЕ»

*Константин Ренжин,
писатель, фотограф, дизайнер, координатор волонтерских групп духовной переписки с заключенными, помощи Можайской воспитательной колонии (подростковой) и ИК-5 (женской исправительной колонии)*

Когда-то я жил исключительно для себя. Увлекался чтением книг, очень любил путешествовать. Особенно нравилось посещать храмы: буддийские, индийские, китайские... Любил подолгу рассматривать готические соборы. В Европе был почти везде. Недавно побывал в балканских странах. Был в Южной и Центральной Америке. Посмотрел Африку, Марокко, Египет, Азию, Индию, Камбоджу, Лаос, Таиланд и много чего еще. До этого я учился в художественной школе, любил итальянский Ренессанс. Привлекала живопись и архитектура. Художников люблю разных, кроме некоторых безумных модернистов.

В Китае я получил культурный шок. Переключился на экзотику, захотелось восточные страны объездить. Поехал в Перу, Мексику и Непал. Все интересно, красочно и красиво. Но теперь есть ощущение, что слишком много времени потратил.

Когда находился в индийских и китайских храмах, то не ощущал какого-то особенного душевного подъема. Я много путешествовал по России, фотографировал. Древняя Русь, Новгород — все это тоже цепляло. На монахов и духовную жизнь я внимания не обращал, на службы не ходил. Был обыкновенным любопытствующим.

Выбирал я не роскошные туры, а что подешевле: автобусом, например. Занимался в том числе полиграфией. Не сказал бы, что огромные деньги зарабатывал, но на путешествия хватало. Накопил за год — и поехал. Сейчас кризис, но все-таки умудряюсь понемногу путешествовать. Раньше было проще раз в год куда-то выбираться. Китай, например, мне обошелся в полторы тысячи долларов. Но при этом посмотрел

Всего за время своего существования группа переписки ответила более чем на тысячу писем. В этом году «Даниловцам» исполняется десять лет. И к этой дате было решено издать книгу «Духовная переписка с заключенными», в которой собраны ответы на самые важные для заключенных вопросы. Есть ли справедливость? Отвечает ли Бог на молитвы? Стоит ли после заключения идти в монастырь? И даже — можно ли выжигать иконы?

Эта книга сможет помочь как другим группам переписки по всей России, так и самим заключенным. Впоследствии ее разошлют по центрам помощи заключенным, некоммерческим организациям, непосредственно в колонии, в храмы и библиотеки в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Вы можете помочь с изданием этой книги. Перечислив 50-100 рублей, вы будете знать, что тоже помогли человеку, которому никто не пишет.

А еще в группе переписки с заключенными всегда рады новым волонтерам. На письма отвечают и студенты, и люди в возрасте, и мужчины, и женщины. Знание Библии наизусть — необязательно! В процессе подготовки ответов наши волонтеры сами много читают и многое узнают. Если вы хотите стать волонтером и писать заключенным — заполните форму на сайте «Даниловцев» в разделе «Стань волонтером».

Интервью подготовила Анастасия Кузина.

все самое интересное. Сейчас за такие деньги съездить куда-то нереально.

В Греции, в Метеорах, возникло ощущение, что я иду в своей жизни мимо чего-то главного. В Салониках пошел в православный храм, увидел много верующих, которые выстроились в очередь, чтобы поцеловать икону. И подумал: «Надо же, люди не стесняются». В это время пришли американские туристы с фотоаппаратами в шортах, и я все это сравнил и понял, что нужно выбирать: я с этими или с теми. Это неосознанно было. После Стамбула сажусь на корабль и плыву в Одессу. Там тоже зашел в какой-то храм. И, подобно посланцу князя Владимира, не знал, на небе или на земле нахожусь. Была вечерняя служба. Меня духом подняли с помощью пения. Потом в Киев поехал, не зная, что там какие-то катакомбы и пещеры. Гулял по Андреевскому спуску, в музей Булгакова зашел. В Киеве что-то в душе моей зашевелилось. Когда вернулся в Москву, моя, в общем-то, не религиозная мать неожиданно сказала, что мне нужно креститься.

Потом я решил просвещаться, пошел на богословские курсы. Там услышал о «Даниловцах». Мне хотелось общаться с единомышленниками. Из всего предложенного я выбрал группу переписки с заключенными, потом стал координатором группы в Можайской колонии. В группе переписки у нас не хватает народу, потому что пишем очень много. Те волонтеры, которые уже переписываются, физически не могут взять на себя больше. В «Даниловцах» я общаюсь с подопечными, которым это действительно нужно. Не для того, чтобы галочку поставить, что доброе дело сделал. Присутствует ощущение серьезной работы. Ты не только для себя живешь, а помогаешь кому-то.

Переписываясь с некоторыми сорокалетними людьми, я замечаю, что у них развитие, как у маленьких детей. Кроме того, они живут с ощущением, что окружающий мир — это мир абсолютного зла, где они, как волки, должны выжить, вырывая у окружающих блага с помощью зубов и когтей. Мы пытаемся объяснить, что если ты будешь любить, то тебя тоже полюбят. Пытаемся изменить их мировосприятие. Но, конечно, живое взаимодействие с заключенными гораздо действеннее.

Волонтеры для заключенных — это люди из другого мира. Представим, что человек, никогда не видевший детей, вдруг оказывается в детском саду. Он видит непосредственные жесты детей, их искренние реакции, сияющие глаза. Заключенные впервые видят добровольцев, которые просто так, не за деньги, приехали к ним. Волонтеры для заключенных — это люди, которые чего-то в своей жизни достигли. В сравнении с ними мы, находящиеся по ту сторону колючей проволоки, имеем определенные блага. Мы рассказываем им, что труд может быть даже приятным. В маргинальной среде отношение к труду очень пренебрежительное. Хорошо, с их точки зрения, — это когда ты как можно меньше трудишься и как можно лучше живешь. А тут приходит девушка-волонтер, которая расписывает майки и кружки. А они ее спрашивают: «А как вы зарабатываете?» Она отвечает: «Вот этим и зарабатываю». Это их так удивило. Они сравнивают себя и ее. И понимают, что вот такая девчушка зарабатывает деньги чем-то приятным. И шарики у них начинают крутиться в нужную сторону.

В подростковой колонии сидят абсолютно разные люди. Есть ребята из обеспеченных семей, которые попали в какую-то наркоманскую компанию. Но это, поймите, из-за отсутствия любви в семье. Семья может быть богатая, но на ребенка никто не обращает внимания. Эти дети остаются сами по себе. На улице им интереснее. И когда они попадают в ситуацию заброшенности, они и оказываются в капкане темных сил. Начинают выпивать, курить и так далее — по накатанной. Если родители — алкоголики, тогда для их детей это попросту образ жизни: родители такие и я — алкоголик, пью, чтобы не думать о проблемах. Они изначально оказываются в среде, из которой очень сложно вырваться. Если они ничего не совершили, но живут среди грубых людей, которые не знают, что такое любовь, в мире которых царит сплошной мордобой... Редко когда такая греховная жизнь не заканчивается реальным преступлением. Преступление может быть и не расследовано. Но это еще хуже, когда человек безнаказанно что-то творит: насилует, продает наркотики, грабит.

Сначала человек, который оказывается в колонии, понимает, что образ жизни, который он вел до этого — неправильный. И есть другая жизнь. И перед человеком появляется

выбор: вернуться в мир алкоголиков, наркоманов и воров или посмотреть на людей, которые живут по-другому, работают над собой, а не служат покорно всем своим страстям.

Исправляет ли колония — это сложный вопрос. Названия «воспитательная» и «исправительная» говорят сами за себя. Считается, что ребята до 18 лет подвержены какому-то перевоспитанию, а когда взрослый человек ведет такой образ жизни, его воспитывать поздно и можно только исправлять.

Государственный подход такой: этих людей нужно изолировать, чтобы не мешали. И на этом функция государства оканчивается. Речь о душе вообще не идет. Судья зачитывает факты, они совпадают со статьями закона, человека забирают. В этой цепочке сама организация называется «исполнение наказания». Исполнили наказание, заперли человека в тюрьму. Как его исправлять — никто не знает. Имеется штат психологов, которые по каким-то методикам пытаются облагораживать людей. Если этих людей не воспитывать — они выйдут и возьмутся за старое. Статистика говорит, что 70 процентов попадают во взрослую колонию. Из этих 70 процентов еще 70 становятся рецидивистами. Привыкают, приспособливаются. Поместили человека в условия, где питание пять раз в день. Но человек со злом в душе устроит ад где угодно. Кому-то лишение свободы даже нравится. Для кого-то это нормальный образ жизни. И когда переходит во взрослую тюрьму, он уже, как рыба в аквариуме: все знает, все на своих местах у него. Понимает, как себя вести. Человек привыкает быть на иждивении государства. Его кормят, одевают — и сиди себе лясы точи. Но этому человеку нужно хотя бы показать: не стремись никуда, ты закапываешь свой талант, просто умираешь как личность. Когда появляется возможность, мы ненавязчиво напоминаем о том, что нужно о будущем подумать и о душе.

О ЧЕМ ПРОСЯТ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ?

*Александра Сошникова,
волонтер группы, экс-координатор волонтерской группы
в отделениях нефрологии и гинекологии РДКБ*

Материальная помощь

О чем просят заключенные? Ответ, казалось бы, очевиден, — прислать чего-нибудь съестного, сытного и, конечно, денег, особенно на «ларек» (продуктовый магазин в тюрьме). Да, и такое бывает. И очень часто, чаще, чем хотелось бы, даже в нашей группе, хотя мы пишем, что оказываем духовную помощь, а не материальную (одежда, продукты питания, предметы гигиены, денежные средства). Просят, почти дословно, «носки, трусы, шампунь, Евангелие».

И, к сожалению, зачастую Евангелие фигурирует в этом списке «до кучи», потому что при отказе в первых трех позициях оно становится ненужным автоматически. Но это не должно нас смущать и демотивировать отвечать на письма. Мы всегда можем объяснить — почему духовную? Потому что у нас такая цель — общаться с человеком на духовные темы, поддерживать его, помочь посмотреть на ситуацию не с позиции потребительства — мол, ему все должны, а с точки зрения принятия ситуации и обращения к самому главному. Кроме того, у нас просто не хватает на всех ресурсов, так как мы не объявляем сборы денег и продуктов. А за материальной помощью заключенные могут обратиться, например, в фонд «Русская береза», отдел помощи заключенным которого принимает и размещает просьбы из колоний на своем сайте, и все желающие могут взять адрес и выслать просимое напрямую конкретному человеку. Некоторым нашим подопечным так и помогали.

Если же человек, не найдя у нас материальной помощи, напишет в ответ гневное письмо, будет вымогать помощь ссылками на разные источники или просто не будет писать, это его выбор, его право, мы должны быть вежливыми и уважительными в любом случае. Однако, возможно, все равно наш ответ на его письмо в будущем сыграет свою роль, потому что позиция относительно материальной помощи

доносится в письме, давая человеку пищу для размышления. Насколько человек готов эту пищу принять, это другой вопрос, он не в нашей компетенции.

Однако все же некоторые материальные просьбы мы удовлетворяем: если это лекарства (в тюрьме их достать не просто, а здоровье подводит) и очки (у многих сильно портится зрение, что очень мешает, если человек хочет читать) по рецепту, иногда что-то сладкое к Рождеству и Пасхе.

И нельзя не упомянуть о том, что некоторые волонтеры на свое усмотрение дополнительно помогают и с одеждой, в которой можно выйти в мир после освобождения, и с предметами гигиены, и даже с деньгами. Но это воля и желание конкретного человека, а иногда просто бывает такое, мимо чего не пройти: например, недавно несколько волонтеров собрали деньги, чтобы оплатить долг одного заключенного, и он смог выйти по УДО. Большую роль в этом сыграла и его положительная характеристика: примерное поведение, отсутствие замечаний, учеба на дистанционных православных курсах и то, что прошла уже большая часть его срока. Теперь он на свободе, живет и работает в монастыре, ему даже ключи доверяют!

Духовная поддержка

Как я уже писала, основная наша задача — быть сестрами и братьями по духовной переписке. Некоторые даже пишут — мне не надо ничего, спасибо, все есть, только общайтесь со мной! Всегда радостно, когда с заключенным удастся наладить такую связь, когда он или она задают вопросы о вере, о церковной традиции, истории. На моей памяти даже был человек, пожизненно осужденный, который писал книгу о духовных вопросах на основе прочитанного и моих ответов на его вопросы. Он наладил связь с храмом в Белоруссии, чтобы передать свою рукопись, но, кажется, не получилось в итоге, он предлагал прислать и нам, но вопрос с публикацией подвис. Однако как человек старается!

Кто-то просит помолиться о пьющей жене или других родных, присылают записки. Однажды даже пожилая женщина из Самары (не заключенная, иногда к нам и такие пишут), которой мы присылали для ее дочерей книгу «Почему болеют дети?» православного священника, в конверте приложила записку об упокоении с прикрепленной к ней степлером

купюрой в 500 рублей, что является просто удивительным, так как почта так деньги не пересылает. Записку я, конечно, подала и деньги бросила в церковный ящик.

Один мой собеседник просил написать своей юной дочери, чтобы она не делала аборт. Я написала ей письмо, предложила обратиться в храм за помощью, ответа на него не получила, страшно терзалась сомнениями, не сделала ли я хуже... А потом выяснилось, что ребенок все-таки родился. Не знаю, дошло ли то письмо, а если дошло — читали ли вообще его или выкинули, или бабушка не дала прочитать, помогли ли увещевания отца, но, главное, однозначно была помощь от Бога, и результат — мальчик родился, жизнь сохранена. Кстати, ребенок назван в честь отца Арсения из известной одноименной книги («Отец Арсений»), отец прислал ее дочери почитать.

Интересный был случай, когда молодой активный заключенный просил разместить от его имени объявление о православном знакомстве. Я разместила объявление в интернете, но, к сожалению, ничего не вышло, насколько я знаю. Впрочем, это было предсказуемо. Надеюсь, когда он освободится, сможет найти свой путь в жизнь, ведь он не намного старше меня.

Практическая помощь

Обращаются к нам и с вопросами информационного характера: спрашивают адреса монастырей, храмов, разных курсов, агентств недвижимости, приютов, фондов, служб занятости, тексты законов, была даже просьба сделать несколько копий удостоверения ветерана боевых действий, и такие люди сидят...

Один человек умолял помочь с судебным делом. Волонтеры с юридическим образованием взяли оплатить госпошлину и составить исковое заявление. Но, к сожалению, заключенный обратился к нам на той стадии, когда важные процессуальные возможности были потеряны, да и еще ряд моментов не позволили отстоять права истца на жилье, хотя он и имел на него право.

В памяти всплывает и поступок волонтера нашей группы Елены, которая прислала запрос от заключенного на перевод с английского языка бумаг, которые он получил из Европейского суда по правам человека, — перевели, ответили. Так знание иностранных языков пригождается даже в таком деле.

Сопутствующая духовной поддержке помощь

Заключенные часто просят, и мы им высылаем:

— христианскую литературу: Библию (один раз даже просили на английском языке), святоотеческие книги, православную публицистику, жития святых, учебники по церковнославянскому языку, церковной истории и так далее. Эти книги читает и сам адресат, и его товарищи из того же и других отрядов, особенно когда эти книги потом сдаются в тюремную библиотеку или используются для православных курсов в колонии. Некоторые книги вызывают большой восторг, наши адресаты очень благодарят за них, некоторые произведения просто переворачивают их сознание. Помимо христианских, мы высылаем и другие книги: классическую литературу, учебники, словари и пособия (например, у нас просили учебник по компьютерной грамотности, по экономике и инвестициям, географические карты).

— периодические христианские издания, например журналы «Фома», «Журнал Московской Патриархии», «Русский Дом», «Православная беседа», «Православный паломник», «Наследник» и другие (или оформляем подписку на них в пользу заключенных через интернет или на почте).

— канцелярские товары: ручки, карандаши, конверты, бумагу, с этим тоже стараемся помогать, так как их достать в колонии непросто, попутно прилагаем открытки к большим праздникам и календари к Новому году.

— предметы церковного обихода: иконы, свечи, ладан, крестики, кольца, а также землю или другие атрибуты с могил святых и так далее. Такие просьбы тоже удовлетворяем, но с учетом правил колонии и наших возможностей. Несколько заключенных писали нам, что обычные крестики помогли им выздороветь, а один человек, крещеный, но не верующий и при этом желающий уверовать, стал носить простой деревянный крестик и через некоторое время уверовал (при этом он также изучал литературу и размышлял). А еще нам писала малоимущая женщина из Башкирии, — ее матери после инсульта помогли улучшить состояние заваренные лепестки цветов из храма, где покоятся мощи св. Матроны Московской. Уверена, что они еще и молились, конечно. Блажен, кто верует!

— видео- и аудиоматериалы христианской направленности: не во всех колониях такое разрешается, но если можно, то мы посылаем. К примеру, несколько лет назад высылали диски для тюремного киноклуба на адрес приходящего в колонию священника.

Вообще, просьбы заключенных — это целая маленькая жизнь. И каждый, кто чувствует в себе силы к этому, при желании может помочь пусть в малом, но важном для человека за решеткой. Недоразумения случаются, но где их нет, все мы люди. Это не повод не помогать, это повод учиться быть христианином! Даже просто душевная открытка, направленная отчаявшемуся человеку, в большинстве случаев способна согреть его сердце. И тогда поет от радости не только душа ближнего, но и твоя...

ТРИ УРОКА ОТ ЗАКЛЮЧЕННОГО

*Александра Сошникова,
волонтер группы переписки добровольческого движения
«Даниловцы», экс-координатор волонтерской группы в от-
делениях нефрологии и гинекологии РДКБ*

Мысленно передо мной письмо от заключенного Евгения. Как будто снова и снова перечитываю его и повторяю уроки. Три урока, которые он преподал мне этим посланием (истины просты, но были открыты как бы заново):

Урок первый

Надо быть довольным своим положением, обходиться малым.

Евгений пишет о том, что в Соликамске было жутко холодно этой зимой (и вообще, небезосновательно подозреваю, там всегда холодно), они спасались тонкими курточками и полушерстяными одеялами, то есть, как говорится, с грехом пополам, пока не отключили отопление — и совсем плохо стало. Мне, каждый день спящей под теплым одеялом в отапливаемой квартире, страшно даже представить такую ситуацию. Тогда разрешили поверх одеяла накинуть хранившиеся в отдельном месте телогрейки. И вот эти телогрейки согревали не только тело, но и душу. Евгений заснул, аки мла-

денец, под теплым байковым одеялом, и ему даже приснился сон из прошлой жизни о летних поездках в санаторий на Минеральных водах... В общем, счастье!

Урок второй

Простить и попросить прощения никогда не поздно.

Даже с одной стороны. Даже внутри себя. Даже сделав шаги, которых не поймут. Некоторое время назад мы отсылали Евгению книги об отцовстве. Прочитав их, он решительно взялся за ручку и написал два письма. Одно — отцу, с просьбой о прощении прежних обид, второе — брату отца, дяде, с просьбой посодействовать примирению. Вот тебе и раннее Прощеное воскресенье (письмо было датировано 1 февраля), хотя, на самом деле, попросить прощения можно в любой день, не дожидаясь особого момента. Как сообщает сам Евгений, пока ответов нет, но что это по сравнению с 27 годами разъединения?! Я восхищена его мудростью.

Урок третий

Не терять интереса к жизни и чувства юмора.

Евгений осужден на пожизненное заключение, но по закону освободиться по УДО можно через 25 лет (при соблюдении определенных условий). Евгений отбыл уже десять лет. Он надеется, что сможет освободиться и живо интересуется фермерством, в связи с чем мы побаловали его книгами по птицеводству. Оказалось, он хотел заниматься разведением кроликов, но, прочитав то, что было выслано, почерпнул много полезного и решил остановиться на птицах. Да, а книги отослал родным, авось им пригодятся.

Кстати, бандероль Евгению получить было непросто — пришлось отправить ее наложенным платежом и ему заплатить заработанными на швейном станке деньгами. При этом процедуру вручения он описал очень забавно. Обычно мы посылаем христианскую литературу, а тут, как упоминалось выше, выслали книги другого порядка — с петушками на обложке, что вызвало вопросы у тюремной администрации. На их вопрос, христианская ли это литература, Евгений выдал — а разве это не твари Божии? Было ли так на самом деле — конечно, вряд ли, Евгений и написал, что пошутил, но в чувстве юмора ему не откажешь.

И так вот иногда думаешь — кто кого больше просвещает?

Кто понимает?

Усталая молодая мама с университетским образованием, бывший милиционер с неоконченным высшим, разведенный отец, сидящий за тяжкое преступление? У каждого свой опыт, но хочется, образно говоря, снять шляпу перед тем, кто очень много осознал, выстрадал, просеял через свою душу за годы неволи...

НОВОЕ ВРЕМЯ, НОВЫЕ ЛЮДИ, НОВЫЕ ПИСЬМА

*Константин Ренжин,
писатель, фотограф, дизайнер, координатор волонтерских групп духовной переписки с заключенными, помощи Можайской исправительной колонии для несовершеннолетних и Можайской женской колонии*

Разбирая новые письма, замечаешь, как изменяются со временем запросы осужденных. Стало меньше вопросов на духовные темы, больше бытовых просьб, что-то прислать, что-то выяснить. Общаясь с некоторыми, не сразу начинаешь понимать, что тобой манипулируют. Одна из наших регулярных встреч была целиком посвящена этой проблеме. Получается, что волонтер искренне желает помочь, вкладывает часть своей души в общение, и вдруг выясняется, что его просто используют опытные бессовестные манипуляторы. Что их целью было не духовное развитие, а какие-то вещи или даже деньги. Чтобы волонтер не попался на подобные ухищрения, чтобы не разочаровался в своей деятельности и не испытывал чувство обиды, ему необходимо быть к этому готовым.

Как же отличить человека, который действительно нуждается в душевной поддержке и духовном развитии, от манипулятора? Об этом и о других проблемах общения мы и говорим на наших встречах. Также обсуждаем фильмы, книги, делимся впечатлениями от выставок, стараемся посещать интересные мероприятия. Таким образом, волонтеры приобретают опыт и знания, которые пригодятся не только в переписке, но и вообще в жизни.

О ДОБРЕ

*Антон Володин,
экс-координатор группы*

Уже почти два года я занимаюсь тюремным служением в движении «Даниловцы» и в фонде «Русская береза». В основном это переписка, духовное общение и поддержка заключенных посредством старого доброго эпистолярного жанра. За это время через меня прошло около тысячи писем, десятки телефонных звонков и несколько непосредственных контактов с «выпускниками» исправительных учреждений. Вот, например, есть очень хороший человек Славик. Мы с ним познакомились в Оптиной пустыни. Вместе трудились, жили и молились за богослужениями. Славика уже за 50, он болен туберкулезом (закрытая форма), правая рука и нога не работают, кроме того, есть дефект речи. По тюрьмам и лагерям Славик сидел в общей сложности 35 лет. Этим летом, по дороге в Оптину, я заехал к нему в город, где он лежит в местном тубдиспансере на лечении. Когда я приехал, Славик меня уже встречал, мы очень радостно приветствовали друг друга. Несмотря на то, что вся наша встреча происходила на автовокзале, Слава вел себя по-хозяйски гостеприимно. Он купил мне пирожков, а себе пива. Мы разговаривали часа два, наверное. В основном я расспрашивал его, а он рассказывал. Рассказывал о том, как его отказываются вести на операцию в Москву, потому что боятся, что он не выдержит операции, не хотят брать ответственность за него. О том, как у них в больнице парень двадцатилетний в муках помирал, а Славик плакал над ним, и когда рассказывал это, он тоже плакал. В этот момент я открыл перед собой совершенно иного человека, совершенно иную личность. Это не был зэк, за плечами которого 35 лет лагерей, это не был подвыпивший мужичок, плачущий о себе. Это был искренний человек, который всей душой переживает чужую боль, чужое страдание. В эту минуту его лицо светилось благородством, а глаза были, как у ребенка! Горящий, свежий, трезвый взгляд. Славик рассказывал, что он всем помогает в больнице. Кому-то что-то купить, периодически медицинский персонал встряхивает, чтобы лучше работали

Недавно, мы ходили в Дом кино на просмотр фильмов «Брат твой Каин» и «Папа, здравствуй». Очень интересная была встреча с режиссерами этих фильмов Ириной Васильевой и Натальей Кононенко. В обсуждении принимали участие зрители, среди которых известный адвокат Генри Резник, а также главный герой фильма «Папа, здравствуй» Андрей.

Для тех волонтеров, кто не смог прийти в Дом кино, мы устроили просмотр и обсуждение фильма «Папа, здравствуй» у себя на встрече. Диск с фильмом нам подарила Наталья Кононенко, огромная ей благодарность за приглашение на встречу и поддержку. Надеемся, что нам удастся провести показ фильма в Можайской воспитательной колонии.

Должен также рассказать о наших проектах. Уже давно идет работа по подготовке сборника, обобщающего многолетний опыт переписки «Даниловцев». Титаническая работа проделана Ириной, нашим опытным волонтером. Она отобрала из огромного архива группы самые интересные ответы на письма и рассортировала по заданной концепции. Работа над этим еще идет, предстоит все это отредактировать, доработать. В рамках этого труда собрана коллекция творчества осужденных: стихи, рисунки. Один из осужденных прислал два романа. Работы еще много.

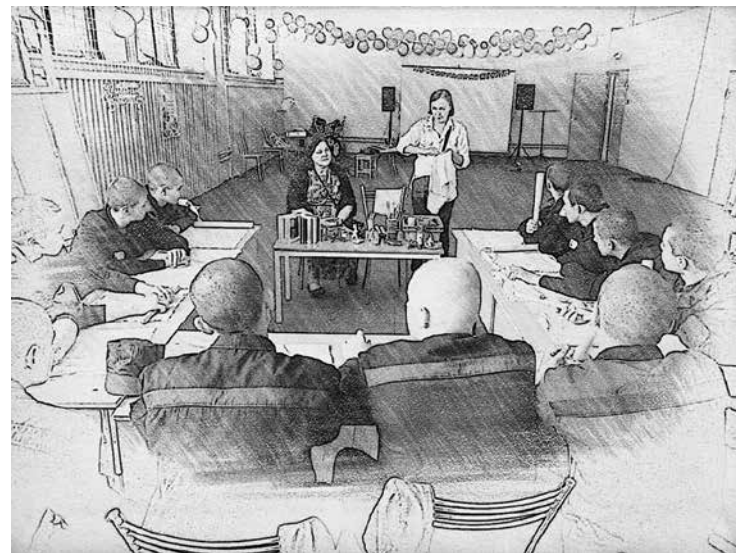
Также идет работа над брошюрой для освобождающихся «Жизнь после срока». Эта брошюра посвящена решению духовных и материальных проблем. Работа близка к завершению, надо только проверить актуальные справочные данные. Большой вклад в это дело внесла Александра, хотя она больше не ведет переписку в прежних объемах, но активно участвует в делах группы, всячески помогая и поддерживая.

Благодаря работе Алены наша группа пополняется. Один, два новых волонтера в месяц позволяют справляться с потоком писем новых подопечных. Также мы благодарим за сотрудничество группу переписки из Балашихи.

и по-человечески к больным относились. Он это рассказывал совсем как тринадцатилетний подросток, который хвастается перед друзьями, но хвастается совсем без гордости, по-детски. По крайней мере, я ее не увидел в нем.

Так мы еще просидели недолго. Пришло время прощаться. Несмотря на все мои отказы, Славик купил мне билет до Оптиной. Когда мы прощались, он сказал мне: «Спасибо, что приехал. Я тебя как увидел, мне сразу как бальзам на душу. Легко стало». Мы обнялись. Славик снова заплакал. Мне тоже захотелось плакать. Никогда бы не подумал, что для человека может такое значение иметь простое посещение его. И сколько много «человека» бывает в сердцах тех, кого мы клеймим «преступниками», «отбросами», «выродками» или просто «мусором общества». И как на самом деле мало нужно для исправления человека, который желает оно. Нужно хотя бы человеческое отношение. У одной не очень известной группы в песне есть такие слова — «Думай обо мне лучше, пусть это будет неправдой, но я буду знать, что ты думаешь так, и, может быть, стану действительно лучше». Когда общество считает кого-то зверем, то этот кто-то обязательно станет зверем. Кто в этом мире может похвалиться тем, что благодаря ему вор стал меценатом, развратный стал целомудренным, обманщик стал правдивым? Кто может этим похвалиться? Тот ли, кто гнушался общества, которое мы бы назвали низким или даже скверным? Тот ли, кто не замечая собственных ошибок, собственных падений и прегрешений, порицает каждого, кто падает и совершает ошибки? Нет. Но только Тот, Кто возлежал с мытарями, блудниками и разбойниками. Тот, Кто не осудил блудницу, а простил. Тот, Кто даже Своих убийц и клеветников не осудил, а в страшной муке молился за них, желая им прощения. И что же в итоге? В итоге самые отпетые разбойники становились святыми. Они любовью исправлялись.

К чему я написал все это? Просто попытался рассказать, как важно к человеку относиться с добром и любовью, независимо от того, кто он, даже если он уголовник... Кто знает, может быть, этот уголовник, вспомнив ваши добро и любовь, через несколько лет оставит преступный мир, подобно Славiku, будет помогать ближнему, сострадать ему и сопереживать чужую боли и страданию. Может, его молитвами живы и будете...

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В МОЖАЙСКИХ КОЛОНИЯХ

Краткая история волонтерской группы.

Посещения с 2012 года Можайской воспитательной колонии для несовершеннолетних. С 2014 года — Можайской женской исправительной колонии № 5.

Подопечные:

Взрослые осужденные женщины, нуждаются в духовной поддержке, общении, просвещении, подростки.

Цель посещения:

Сделать жизнь людей в колониях полнее и интереснее.

Формы работы с подопечными:

Мастер-классы по различным техникам художественного ремесла: лепка из глины, шелкография, аппликации, фотографическое искусство и т.п. Также проводим психологические тренинги, игры на развитие личности. Организуем концерты и выступления творческих коллективов.

ТЮРЬМА – ЭТО КОНЦЕНТРИРОВАННЫЙ МИР ЗЛА

Константин Ренжин, писатель, фотограф, дизайнер, координатор волонтерских групп духовной переписки с заключенными, помощи Можайской исправительной колонии для несовершеннолетних и Можайской женской колонии № 5

Однажды, путешествуя, я оказался в Греции. Это была единственная православная зарубежная страна, в которую меня занесло. Так получилось, что попал в Метеоры. Это горы необычной формы и наверху — монастыри. Меня там все поразило. Тишина и покой, для туристов был не сезон. Я ходил, впитывал атмосферу места, вошел в храм и как-то непродуманно стал креститься, хотя не был крещен на тот момент. И стало казаться, что все это мне близко. Сидел на горе, передо мной была такая красивая панорама, и вдруг что-то почувствовал. Пришло понимание, что Бог существует. До этого были отвлеченные теоретические познания. Какой именно Бог и какой дьявол — не разбирался. А там вдруг осознал, где искать Истину.

В Салониках зашел в собор, увидел довольно развязных туристов, и они мне как-то не понравились. Но я понял, что и сам такой, с фотоаппаратом и в шортах. А рядом были совершенно другие люди, которые не стеснялись показывать свою веру, поклонялись святым, заботились о душе. Потом поехал в Стамбул и там случайно познакомился с семьей православных из России. Они рассказали, что отправились на экскурсию в Айя-Софию. Турок-экскурсовод стал рассказывать какую-то ересь, мать семейства возмутилась, и они отделились от группы. Мы решили ходить по городу вместе. Неожиданно появился русскоговорящий грек, который предложил экскурсию по православным местам Стамбула. Меня как будто что-то вело за руку тогда, все чудом совпало. Увиденное подтолкнуло меня к пониманию. Такая мусульманская страна, мечети, а внутри — почти подпольное православие. Там не так, как у нас: стоят храмы красивые, нет.

Все они — в узких переулках, в полуподвалах. Заходишь — древние иконы. Мы с той женщиной разговорились. Я рассказал о книге, в которой прочел, что Христос жил в Индии и похоронен там. А она воскликнула: «Какая могила? Он же Бог!» И тут я задумался: а те ли книги я читал?

Когда вернулся в Москву, моя мама ни с того ни с сего сказала: «Тебе нужно креститься». Она сама тогда Библию не читала и в церковь не ходила. После крещения у меня было такое состояние, будто на крыльшках летал. А я-то думал, что на меня правила не распространяются. Откуда-то возникло понимание, что кое-что из музыки и литературы нужно выбросить на помойку, так как они откровенно в сатанизм тянут. Коллекционировал я музыку разную. Хард-рок мог под настроение послушать. Потом как-то противно стало. И книги кое-какие повыбрасывал. «Откровения скинхеда», например, или что-то про оккультизм. Жалко было несколько красивых томов Блаватской выбрасывать. Хотя гадость, конечно. В свое время я и такое почитывал. В Индии много было возможностей уйти в дебри. Когда видел туристов, которых одурманивали язычники, мне было их жаль. Мне же невозможно что-то внушить. К вере подхожу осознанно. Наверное, у меня сильный ангел-хранитель. В православии, если правильно подходить ко всему, ты — совершенно свободный человек.

Вскоре стал ходить на богословские лекции. Во время одного из занятий услышал о волонтерском движении «Даниловцы». А мне хотелось общаться с единоверцами. На презентации познакомился с координаторами и волонтерами, выбрал группу переписки с заключенными. Позже сам стал координатором группы волонтеров. Начали посещать Можайскую колонию.

Евангелие об этом прямо говорит: «В темнице был, и вы пришли ко Мне» (от Матфея 25 глава). Волонтерство — истинно христианское дело. Проповедь через переписку хороша, но она не очень наглядна и действенна. Я пишу человеку, а там, рядом с ним, сидит сосед по камере и что-то совершенно другое говорит. Когда же видишь живого человека — это прямая передача опыта. В Можайской колонии сидят ребята, которые совершили тяжелые преступления. Они совершили большой грех в своей жизни, который еще и законом

наказываются. Некоторые ребята совершенно незрелые, они попали в эту ситуацию потому, что их жизнь изначально текла в неправильном русле. Если бы они жили в нормальных семьях, где их любят мама с папой, неужели бы они совершили бы то, что совершили? Поймите: все зло из-за отсутствия любви в семье.

Государство, как известно, отделено от Церкви. И оно не ставит задачу духовного просвещения заключенных. Никто, кроме церковных людей, этим заниматься не будет. Это личное дело каждого, находящегося на своем месте (начальника колонии, воспитателя, кого-то из охраны). Как люди верующие, они могут попытаться настроить этих ребят, что существуют рай и ад, добро и зло. А государство действует с точки зрения «нарушил — зло, не нарушил — добро». Поэтому волонтеры — это очень важно. Они — не государственная организация. Это просто люди, которые приходят к заключенным по доброй воле. Помимо государства, мы как христиане, как люди, пытаемся привести заключенных к нормальному состоянию и мировоззрению. Такова наша миссия.

Я не говорю, что не нужно проповедовать напрямую. Но для этого в колонии есть храм, есть священник, который приезжает и читает им проповеди. Условия для того, чтобы изучать Евангелие, есть. Другое дело: они могут этого всего не хотеть.

Мы, волонтеры, являемся для них примером людей, которые чего-то достигли. У нас есть некие блага, мы им, например, книги, подарки разные привозим. Мы — люди из другого мира. Одна преподаватель нам сказала: «Ребята могут ничего не вылепить из глины, но уже то, что они ее мнут, может настроить их на созидательный лад». В среде маргиналов отношение к труду такое, что это ниже их достоинства. Надо как можно меньше работать и как можно веселее жить. А тут вдруг на мастер-классах им показывают, что труд может быть увлекательным.

Проводили как-то мастер-класс выжигания по коже. Уникальный случай, когда, с разрешения администрации, привезли ножи и выжигательные аппараты. Ребята увидели, что они могут сделать вещи, которые потом не стыдно продать и даже заработать на этом. У таких людей ум до-

статочно практичный. Они думают, на чем заработать, когда выйдешь. Вещи, которые делают заключенные, мы часто забираем и увозим. Например, они делали красивые букеты из бумаги для праздника «Белый цветок» в Марфо-Мариинской обители. То, что они сделали кому-то радость, случается, их окрыляет. И вот это ощущение, что ты кому-то сделал добро, нужно в них развивать.

Православие должно быть в основе духовного развития и воспитания заключенных. Наша поддержка — это работа с душой. В чем суть воспитания? Можно словами говорить: это добро, а это зло. Но судя по тому, к какому опыту ребята пришли, их сложно воспитать словами. Иисус Христос говорил, что для нас уготовано Царство Небесное. Зароете вы свои таланты или не зароете — это ваше личное дело. К чему придете — зависит от вас, потому что вы — свободные люди.

Многие заключенные становятся верующими уже после того, как они в тюрьму попали. Тюрьма останавливает их беспорядочное движение по жизни, и они начинают задумываться: как я жил. Время заключения нужно тратить не на подавление личности, а на ее развитие. То, что человек совершил ужасное преступление, не говорит о том, что он совершенно безнадежен и никуда ему дороги нет.

Волонтеры самим фактом своего существования наталкивают заключенных на определенные мысли. Представьте, что человек, никогда не видевший детей, приходит в детский сад. Там он видит детей, которые бегают, радуются, сверкают глазами, и душа начинает возвышаться. Он видит людей относительно чистых или хотя бы стремящихся к чистоте. И не в словах, а на деле. Мы ничего не навязываем, не проповедуем, но если спрашивают, всегда готовы к общению.

Мы в колонии смотрели кино «Цирк бабочек». Кино про инвалида без рук и ног, который женился и достиг успеха. Идея фильма в том, что люди способны преобразиться, подобно тому, как вредная гусеница перерождается в бабочку. Это и образ нашего мира: живем мы в несовершенном мире, полном зла. Но стремимся в рай, где зла нет. И смерть — это переходный этап. Человек, существо неоднозначное, становится жителем Царства Небесного. Мне удалось, на мой взгляд, донести до ребят эту мысль. Я пригласил представителей молодого поколения, которые учатся в Школе кино

на режиссеров, операторов. По ходу того, что увидели, удалось найти общее понимание. Ребята, которых я пригласил, они были больше профессионалами, чем проповедниками. Они могли рассказать, как делать кино, как его продавать. Технически были очень подкованы. Мне же часто приходилось общаться на духовные темы. Не всегда получается рассказать о главном. Нельзя приходить и говорить: «Вот, вы должны покаяться». На это есть священник, которого они воспринимают как начальника, которого надо слушать. Есть еще воспитатель, которого если не будешь слушаться, отхватить по-полной. Но часто у них в одно ухо вошло, из другого вылетело.

Мне удавалось что-то сказать и про таланты. Развитие талантов — богоугодное дело. Хотя евангельская притча о талантах говорит, скорее, о благодарности Богу за Его дары, чем о том, что нужно профессионально развиваться. Когда делаешь что-то хорошее, Господь дает на это силы, если трудишься. Нужно обратить внимание, что одни люди верны Богу, поняли, что Он хочет. А человек, зарывший талант, сказал: «Вот тебе твое» (Мф. 25:24-25), в смысле: «Ты мне, Бог, не нужен. Я сам по себе». За это он и был наказан. За то, что отвергал Бога. А кто вместе с Богом трудился над собой, чтобы преумножить таланты, получил награду.

Все, к чему нас призывал Христос: идти за Ним в Царство Небесное. Когда делаем хорошие дела, то делаем не для себя одного, а для других, ближних. Люби Бога и люби ближнего. Эти ребята не знают, что такое добро, зачем оно нужно, зачем делать какие-то хорошие дела. Что это за идиоты какие-то, которые делают хорошие дела бесплатно? За все надо деньги получать. И тут им говорят, что хорошие дела — это хорошо и вам самим полезно. Умножение талантов — это профессиональный рост. А если глубже понимать — то это о том, что ты должен быть с Богом.

Самое главное во всем, как известно, — любовь. Я переписывался с одним заключенным, а он потом пожаловался, что я как-то не так ему объяснил определенные вещи. Он задавал вопросы из разряда: снимать ли шапку в мороз каждый раз, проходя мимо храма, и можно ли разрезать свечу пополам или нельзя. То есть много беспокоился о внешнем благочестии. А мне наш отец Иоасаф сказал: «Не нужно так

много о мелочах, а нужно писать о самом главном — о любви». Если любите Бога, а ближнего не любите, значит, Бога тоже не любите.

Можно делать хорошие дела для удовольствия или тщеславия, но самое главное: чтобы вы это все делали ради Христа. Имели перед собой образ Царствия Небесного. Серафим Саровский говорил: «Лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк, иже не собирает со Мною, тот расточает».

Господь следит за человеком. Но если человек отвергает Бога, то Бог не будет его заставлять. Господь хочет всех спасти, в том числе и посредством лишения свободы. С одной стороны, это зло, а с другой, кто знает, может, это добро для кого-то. Весь наш мир — это тоже своего рода тюрьма. Временное бытие со злом. Есть в нем и война, и насилие. Мы можем не иметь к этому отношения, а можем иметь. Но мы в этом варимся. А тюрьма — это концентрированный мир зла. Чистилище, пройдя через которое, человек может понять что-то самое главное в своей жизни. И мы, волонтеры, помогаем это Главное осознать и применить.

ПОГОВОРИ С НИМИ...

*Анна Рымаренко,
журналист, пресс-секретарь добровольческого движения
«Даниловцы»*

Мне до сих пор приходит на память ее фамилия с окончанием «гейм» (германский корень -heim — «домашний очаг»). Она придавала моей респондентке аристократический флер и совершенно не ассоциировалась с такими местами, как зона в Сибири. Как знать, может быть, Катя и была аристократкой в каком-то непривычном смысле.

Она прислала свою фотокарточку: грубые черты лица, улыбочивые глаза и ужасающие шрамы. Катя рано осиротела, пережила тяжелое детство. Будучи совсем юной, подружилась с одним человеком, очень его любила. А он каков был:

садился, выходил и снова садился. А в перерыве между этими занятиями, случалось, уродовал Катину лицо. Катя все время хотела с ним расстаться, но не хватало сил.

Однажды, во время большого застольного праздника, к ним в дом пришла соседка и принялась унижать Катиного «мужа». Слова резали по-живому, лишали человеческого достоинства, права на жизнь и, в конце концов, убили саму соседку. Катиными руками. После чего, разумеется, суд, огромный срок и «оставь надежду всяк сюда входящий». Она честно во всем признавалась, себя не оправдывала. Отмечала, правда, что была будто в замедленном сне и до сих пор не понимает, как она, в целом миролюбивая и не злая, могла сделать то, что сделала.

Вставали в шесть утра. Как каторжные работали за зарплату, на которую можно было купить буханку хлеба или сигареты. В 22:00 — отбой. Свободное время и личное пространство были почти упразднены. Однако Катя выкраивала время для переписки со мной. Она, как дитя, радовалась праздникам: Восьмое марта, Рождество, Новый год. Обменивала какие-то вещи на открытки для меня и подписывала их красивым почерком. Было видно, как тщательно выводилась каждая буква.

Катя до умопомрачения любила свою дочь. Но та ее и знать не хотела. Все говорила ей: «А ты обо мне думала, когда это делала?» Катя страдала, как страдала бы всякая мать, и ставила свечи о здравии: дочернем и моем.

Катя, видите ли, была уверена, что переписка со мной помогает ей не сойти с ума. Возможно, так оно и было. Странно, но мы с ней действительно подружились. Катя не была ни дурой, ни попрошайкой. Она не впадала в амигошонство, не переходила границы. Несмотря на цензуру, Катя умудрялась между строк сообщать то, о чем говорить было нельзя. Писала о специфических особенностях тюремной адской машины, о том, как создаются пары и о том, что сама она держится и в эти пары вступать не хочет.

Катю выпустили досрочно за хорошее поведение. Вскоре ей повстречался еще один мужчина и принялся носить на руках, вознаграждая за ужасы тюрьмы и былой «любви». Катя писала, что они собираются обвенчаться и родить детей.

Связь у нас пропала из-за меня. Я тогда начала много работать, стало как-то не до писем. Кроме того, о переписке узнали родные и начали пугать меня приездом этой женщины в наш дом. Но никто так и не приехал. Несмотря на то, что я грубо нарушила правила переписки и дала ей (о ужас!) свой домашний адрес. Обычно все переписываются, используя в целях безопасности адрес добровольческой организации. Но я сердцем почувствовала, что ничего страшного в конкретном случае не произойдет.

Мы переписывались почти каждую неделю года четыре. Катя вся была — благодарность. Говорила, что по причине моей поддержки не сдалась. Утверждала, что именно я помогла ей кардинально измениться в лучшую сторону, бросить курить и окончательно расстаться с изувером.

Странно, но несмотря на все ужасы тюрьмы, наша переписка велась в каких-то очень мажорных тонах. Все это меня не только не грузило, но напротив — оставляло ощущение постоянно длящегося внутреннего света. Я стала по-другому смотреть на мир, меня оставила смутная душевная жажда. До этого я жила довольно бесцельно, ни к чему не стремясь. После истории с Катей наступило спокойствие и моральное удовлетворение.

P.S. Катини сокамерницы тоже жаждали переписки, но переписываться с ними на тот момент было некому. В таких ситуациях заключенные остаются практически без поддержки, один на один с пенитенциарной системой, которая способна исковеркать любого, независимо от бывшего статуса и степени психической устойчивости. Переписка для заключенных — это воздух, надежда, связь с нормальным миром, принятие, неосуждение, напоминание об их непреходящем человеческом статусе. Выйдет человек на свободу еще более озлобленным и разуверившимся или благодарным и примирившимся, — все это частично зависит от нас, оставшихся на свободе.

(История основана на реальных событиях. Рассказана девушкой-волонтером из группы переписки).

ПРОБЛЕМЫ С ТРАНСПОРТОМ – НЕ ПОМЕХА ДЛЯ ПОСЕЩЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

*Константин Ренжин,
координатор группы*

В воскресенье, 25 сентября, волонтеры посетили женскую исправительную колонию в Можайске.

Так получилось, что в последний момент волонтер с машиной не смог поехать, тем не менее сделал все, чтобы найти замену и более того, помог забрать материалы для творчества, которые нас попросили отвезти в колонию.

Так мы познакомились с Димой. У него оказалась очень старая машина, местами ржавая, чуть ли не самая первая модель «жигули — универсал». Мы набили багажник под завязку и поехали. Несмотря на солидный возраст автомобиля, мы довольно быстро доехали до колонии. Правда, за десять километров до Можайска под днищем раздался скрежет, что-то отвалилось — пришлось остановиться. Мы уже думали, что не доедем, но Дима залез под машину, постучал молотком, и все получилось — прибыли с точностью до минуты!

Татьяна Львовна провела для женщин мастер-класс по лепке из глины. Лепили вазы для цветов. Непосредственно в творческом процессе участвовало человек шесть, еще несколько подходили — интересовались.

Вазы получились, нужно теперь их раскрасить и обжечь. Мы также привезли женщинам чашки, которые они украшали лепкой на занятии в августе, и потом их надо было обжечь. Теперь эти чашки украшают выставку творчества обитателей колонии.

А тем временем наш психолог Катя Азисова провела психологический тренинг, а водитель Дима осмотрел город, посетил Лужецкий Ферапонтов монастырь. Обратном домчались тоже довольно быстро. Уже в самом центре Москвы нас хотели оштрафовать за какое-то нарушение, но отпустили с миром.

Вот так добро передается от человека к человеку, и мир становится лучше.

ПО ТУ СТОРОНУ ЗАБОРА...

*Анастасия Коломина,
экс-координатор волонтерской группы в детском наркологическом центре*

Утро было раннее. Вещи, как всегда, собирали в последний момент, плюс произошла накладка с видеоматериалами. Пришлось срочно скачивать мультики, второй рукой пытаюсь нащупать чашку чая. Картонная коробка из-под телевизора, с которой я обычно путешествую со своими мастер-классами, на этот раз осталась скучать дома. Сочетание розового и синего, вот что необходимо с утра! В синюю папку набились картон, бумага, карандаши и заготовки масок. А розовый рюкзак распух от шерсти и тканей.

«У пригородных касс!» — звучала договоренность, но количество касс на один вокзал оказалось вдвое больше ожидаемого. Изображая пони и кружа по вокзалу с телефоном, встречаю знакомое лицо! Аня... Здесь... В столь ранний час! Не сразу доходит, что у нас совместные интересы и совместное путешествие. Костя машет штативом, стараясь привлечь внимание волонтеров, а вместо этого привлекая внимание прохожих! Дружно, гуськом движемся к нужным кассам и электричке. «Сергей!» — «Очень приятно! Настя». Плюс один волонтер в наш коллектив. Костя отвечает на вопросы, а я думаю, насколько «матерым» парням будет интересно раскрашивать и клеить маски. Нужен запасной вариант...

Вот и электричка! О, и чаек и пирожки! Аня и Костя, спасители голодных волонтеров и координаторов! Два часа пролетают, как миг.

Колючая проволока, заборы, окна, люди с автоматами и собакой. Очень похоже на декорации телевизионного сериала, наверное, поэтому нет никакого страха или дискомфорта. Дискомфорт приходит с холодом! Наверное, это местное испытание для волонтеров: продержится полчаса на улице, значит, пройдет, а не продержится, значит, не готов. Подозрительно долго не появлялась девушка, забравшая наши паспорта: начались шутки про оформление кредитов и работу за еду.

Но вот мы внутри. Оставляем все ненужные здесь вещи: ключи, зарядки, телефоны. Через проходную пускают по трое. Вот ты зажат между одними дверьми, вот вторые, вот окошко, похожее на билетную кассу. Из окошка доносится монотонный голос, что-то громко и четко проговаривая про запрещенные предметы и штрафы. Кладешь паспорт — появляется рука с жетоном и бумажкой. «Не потеряй! А то не выпустят!» — то ли шутя, то ли серьезно говорит Катя.

Атмосфера напряжения и казарменного порядка начинает заполнять окружающее пространство. Ждем остальных. Дальше осмотр, точнее, досмотр. Непосредственность и «междусобойные» шутки охраны разбавляют обстановку. Никаких: «Руки за голову! Лицом к стене!» или киношного: «На пол, живо!» Просто рабочая строгость. Для меня в этой поездке досмотр был самым сложным и долгим испытанием, под пристальным взглядом чувствуешь себя неуютно.

На территории тюрьмы все кажется не таким серьезным. С досок почета на аллее смотрят на гостей Мономах, Дмитрий Донской, Карамзин... Вон спортивная площадка, а вот типичное для пионерских лагерей здание жилого корпуса. Внутри тоже ничего необычного: комнаты, лестницы, коврик с гавайской пальмой перед входом и множество ребят в зеленом. У меня сложилось ощущение, что я в кадетском корпусе. Ребята, проходя мимо, здороваются, кто-то выглядывает из комнат, кто-то с интересом рассматривает.

Самое сильное и тяжелое впечатление — это то, что ты пришел к детям. К детям, которые жаждут внимания, которые готовы рисовать, клеить, красить, да что угодно, лишь бы к ним приезжали! В то же время это ребята, которые творили невообразимые вещи и, которые, как мне кажется, в большинстве своем не раскаиваются. Я не знаю, можно ли реабилитировать преступника, но действительно ли люди, совершившие зло, собранные в одном месте, исправятся? И понимают ли они, почему и зачем им нужно исправляться?

Мне кажется, это вопросы в духе «Быть или не быть?» Дело абсолютно в другом: посетив колонию, я поняла, насколько ценна человеческая жизнь. Насколько ценно то, что ты сейчас имеешь, насколько ценна твоя свобода!

У меня нет иллюзий насчет исправления ребят: они за забором, за которым свои порядки, своя система ценностей.

А помощь волонтеров заключается в том, чтобы открыть им их сильные стороны, помочь творить и позволить выговориться.

Мне говорили, что эти ребята туповаты, без инициативны и грубы...

Но мой собственный опыт говорит о другом! Мы творили, мы старались представить себя супергероями или суперзлодеями, не было ни одной похожей маски, было много цвета! Отдельную благодарность я хочу высказать сопровождавшему нас воспитателю: это огромный труд и было очень приятно видеть, что к ребятам относятся, как к детям, несмотря на их форму, бритые головы и карточки с фотографией и номером статьи...

Приеду ли я еще раз? Думаю, да! Зачем? Да потому что!

У ТЮРЬМЫ НЕ ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Юлия Гусакова,

координатор проекта добровольческого движения «Даниловцы» «Человек — человеку»

Группа волонтеров движения «Даниловцы» направляется в женскую колонию ИК-5. Снова ожидание, наш координатор группы Костя Ренжин караулит под навесом у главного входа. В комнате для передач томятся родственники, на высокой стойке горы провианта: сгущенное молоко, сухарики, крабовые палочки, шеренги разноцветных пакетов и коробочек. Под стойкой гигантская корзина, она переполнена, рядом с нею на полу гора фантиков — похоже, тут досматривают каждую конфету.

Ждем, ждем, еще ждем. Группа устала, у всех разболелись головы. Наконец к нам выходит эффектная брюнетка на каблучках, серая с синим форма — под цвет голубых глаз. В кабинете несколько досок почета с фотографиями сотрудников (преимущественно женщины), со стены нас с интересом рассматривает молодой Путин.

Ждем, ждем, еще ждем. Заполняются разовые пропуска. «До четырех пишу вам...» — «Но мы же не успеем, можно до пяти?!» — «Да куда вам два часа... До половины пятого

пишу...» Звонит, просит пригласить группу для лепки с нашим волонтером, художницей Татьяной и женщин по списку психолога Кати Азисовой для тренинга с элементами арт-терапии.

Список — крайне важный момент: волонтерская группа приезжает в колонию раз в месяц, и случилось так, что Катя только-только наладит контакт с одной группой подопечных женщин, поймет их запросы и нужды, разработает необходимые занятия и материалы подготовит, а приезжает — приводят тех, кто на улице под руку попался... И запросы у них другие, психологу пока неизвестные, да и вообще некоторым женщинам-осужденным работа над собой чужда. Занятие на-марку. Одним словом, непросто это все. Но Катя не сдаётся.

Снова досмотр, железные двери. С нашей охранницей ждем остальных уже на территории колонии. Низкие светлые корпуса, опрятные клумбы, цветы. Начинает накрапывать дождь, усиливается до ливня. Женщины парочками бегут по аллеям укрыться под козырьки и навесы. Одеты одинаково: зеленые юбки до колена, курточки с бирками, голубые платочки, капроновые гольфы... Будто тут провал во времени: фабричные работницы-ударницы, счастливые и спортивные, бегут на обеденный перерыв! И столько в этой картине радости и счастья, столько в ней гармонии и обещаний светлого будущего... Но это иллюзия. Бегущие женщины, как высятся на занятии, чувствуют совсем иначе.

— Мне в этом месте плохо, трудно... Я не совершала этого. Меня оклеветали. Такого труда стоило мне восстановить свое доброе имя в городе, где я живу... И надо было продолжать бороться, не опускать руки, чтобы сел тот, кто действительно виноват в этом, не я... Я не преступница, нет. Не желаю верить, что я здесь. И не фотографируйте меня. Даже на фото быть здесь не хочу!

М. черноглаза, темноволоса. На предложенном Катей упражнении по выбору метафорических карт, отражающих настроение, она выбирает две:

— Это мой календарь. Я зачеркиваю дни. Жду, когда выйду. Это дорога, по которой я отсюда пойду вперед. Там моя жизнь, не здесь.

Е. не просто хороша собой, она великолепна: огромные ясные глаза, притягательные черты лица, в светлых волосах с проседью — пластиковый серебристый гребень, осанка ба-

лерины, тонкие пальцы... Она привстает, оправляет юбку — та не болтается, как на остальных осужденных, а сидит туго на широких бедрах. Е. выбрала четыре карты:

— Вот мой номер в отеле, на столике шампанское. Из окна вид на море. Вот бар, приятно проведу там время... А потом все, ночь и звезды!

Е. эрудированна, мыслит ясно, речь живая и игривая. Весьма интересная особа! Позже, когда мы рисовали, она изобразила поднос с разноцветными фруктами, вокруг яркие всполохи — и тоже бокал шампанского! Да, с шампанским Е. дружит... Многие другие, судя по лицам, тоже, и дружба их крепкая, основательная... Но последним занятия с психологом не интересны.

Остальные женщины застенчивы, глядят в пол, робеют сказать, взять со стола карточку, лист бумаги или карандаш, стараются поменьше проявлять себя. Не робеет только О. «Рисовать?левой рукой?! Ну, нет. Я не смогу!» А выходит ясный и яркий рисунок — мощная береза, крепкие корни и ствол, раскидистая крона, чуть сдвинутая ветром.

— Я скоро выхожу. Не понимаю, что происходит со временем последние дни, как-то странно чувствую его. Вроде тянется. А вроде и летит. Все мои мысли там, на воле, не здесь. Мне надо скорее выйти. Приведу себя в порядок за пару дней, сразу пойду работу искать, мне рассказали, какие справки собирать нужно... А у меня дочка, кстати, классно рисует!

— Здесь тяжело. Но совсем не так, как по телевизору рассказывают, не верьте вы им! Самое неприятное, что здесь нельзя остаться наедине с собой. Мечтаю: выйду и запрусь, смогу побыть одна наконец-то, без этих!

Все время возвращаюсь взглядом к их рукам, не могу не смотреть на них. У некоторых красные, опухшие, с обгрызенными под корень ногтями. У других тонкие, но кожа сухая, ногти длинные, с неровными краями, под ними чернота. Меня, как человека, визуальнo утомленного гламуром, простые руки женщин-осужденных просто гипнотизируют.

К нашему столу подходит еще одна, юная, белесая в рыжину, как Аленушка из сказки. Она настроена решительно:

— Мужа вот-вот освободят. У меня есть планы. Я начинаю готовиться прямо тут к новой жизни, да. Уже очень скоро все будет иначе.

Каково мне среди этих женщин? Интересно, но и жутковато, как в лихую грозу на улице без зонта. В них столько боли! И вместе с тем некоторые не надломлены своим положением, в них заметна мощная внутренняя сила, воля в жизни, к переменам, колоссально! И в этой группе мне сложнее, чем в других. С детками-то просто: они проецируют на тебя родительскую фигуру, волонтер им вроде мамы или старшей сестры на часок-другой. Как и многим женщинам, мне эта роль знакома и привычна. С пацанами из интерната или колонии чуть сложнее, но ненамного, — ты вроде мамы или учительницы... А может, просто девица, с которой можно словом перекинуться и посмеяться, уже и повеселей станет. Да и внутри своего коллектива пацанам если и не просто, то, по крайней мере, им ясны правила общения, устоявшиеся за многие годы.

Мужчины привыкли проводить время в мужских коллективах. А женщины — они ведь большей частью в семье, в чадах и домочадцах, опыт работы даже не у всех есть... Большой женский коллектив — это непривычно, и в нем женщина женщине — она кто? На какую модель тут опираться, выстраивая отношения? Мама — дочка? Коллега? Подружка? Соперница? Я в замешательстве, но Катя нет. Для этих женщин она ясно кто — специалист-психолог. Старается ответить на вопросы осужденных, прокомментировать их рисунки. И женщины ловят каждое Катино слово, несмотря на то, что почти все вдвое ее старше. В отличие от подростков, за этим столом в женской колонии собрались преимущественно те, кто знает, зачем им нужна работа над собой. А я переживаю. Что я, как волонтер, как человек, могу дать этим женщинам? Каковы мои ресурсы? И каковы их запросы? Что они в состоянии принять? Катя обнадеживает меня:

— Этим женщинам очень важно выговориться, важно поделиться своими чувствами. Им нужно, чтобы их, не осуждая, выслушали. Этого достаточно, поверь мне.

Но мне кажется, что этого мало, и я переживаю все равно. Таня не переживает, но признается, что с подростками-подопечными ей тоже уютней, чем с женщинами. Пока мы выбирали метафорические карты, общались вербально и с помощью рисунков, Танины подопечные наваяли целый противень симпатичных глиняных рыб, и Таня несет его бережно.

Женщины ободрились, прощаются, благодарят очень горячо:

— Так хорошо время прошло, настроение поднялось! Хоть отвлеклись от этого всего... Вы почаще приезжайте к нам... Спасибо вам огромное! А в следующий раз когда? В августе? Ну, меня-то уж не будет здесь, освобождаюсь я!

КОМУ НУЖНЫ ВОЛОНТЕРЫ?

*Сергей Пономарев,
волонтер группы добровольческого движения «Даниловцы»
в Можайских колониях*

Московское осеннее утро. Встреча в центре, все в сборе, поехали! Пробок нет, воскресенье. Когда Москва свободна, ехать по ней — сплошное удовольствие! Кутузовский, МКАД, Минское шоссе, поворот на Одинцово, Голицыно, Кубинка. А вот и Можайск. Поселок Дзержинский. Колония для несовершеннолетних. Несколько минут ожидания, проверка документов, досмотр. Все очень вежливо, корректно... Интересно, тяжелые решетчатые двери лязгают так, закрываясь за тобой, во всем мире или только в России?

В сопровождении сотрудника колонии идем по ее территории. Тащим глину, гитару, бумагу, то, что нам понадобится для общения с теми, к кому мы приехали в гости.

Небольшой зал, несколько столов, стулья, невысокая сцена. Здесь мы будем работать. Инструменты и глина на столе, гитара настроена, мы готовы! А вот и они. Мальчишки, дети. Несовершеннолетние преступники. Входят в зал один за другим, не толкаясь, как это обычно бывает у молодых людей, почти бесшумно. Быстро расставили стулья перед сценой, расселись. Нас представляют. Все встают. Что это? Уважение? Традиция? Правила внутреннего распорядка? «Здравствуй-те, ребята, садитесь, пожалуйста». Совсем как в школе перед уроком. Или это в школе, как здесь?

Коллега объясняет тем ребятам, которые пошли к ней, как работать с глиной. Я пока знакомлюсь, присматриваюсь.

— Что слушаете?

— Ну, шансон, в основном...

- А Цоя знаете?
- Конечно, Цой — это круто...
- А Гребенщикова? «Аквариум»?

Молчание. Так, понятно, стар для них Борис Борисович.

Или сложен.

- А Бутусова знаете?
- Молчат.
- «Наутилис Помпилиус»?
- А, ну знаем, конечно!

Что же, концепция понятна. Начинаю петь. Слушают внимательно, после песен аплодируют. Спасибо, ребята. Между песен «Кино» вставляю БГ, «Наутилус», Окуджаву, Высоцкого. Надо было им Галича спеть — испугался, зона все-таки... Зря, наверное. Видно, что стали уставать, начинают потихоньку переговариваться во время исполнения песен. Нет, вроде слушают. Ну все, финал. Встают, благодарят.

- Ну как, нормально? Понравилось?
- Да, здорово, спасибо, приезжайте еще!
- Обязательно!

И так же тихо и спокойно, как входили — на выход. Уф, 1:0 в нашу пользу. Собираемся. Говорят, что здесь содержатся малолетки с серьезными статьями. Не почувствовал. Нет ощущения, что передо мной были преступники. Нормальные ребята с человеческими лицами, внимательными глазами. Но очень, очень сдержанные. Четко контролирующие себя и друг друга. А еще показалось, что между ними очень приличные взаимоотношения. А так же между ними и... Охранниками? Воспитателями? Нет напряжения, агрессии, недовольства. Есть сдержанность.

Вот мы опять на воле. Теперь женская колония. Пришлось пару часов подождать, но уж раз приехали! Опять досмотр (на этот раз менее жесткий), проверка документов. И мы внутри. Первое ощущение — что попал в советский дом отдыха. На улице полно женщин разных возрастов. Только все одеты одинаково — длинные юбки, темно-зеленые куртки, серые шерстяные платки. Все ходят свободно, разговаривают. Сегодня выходной.

Клуб. Около трех десятков женщин сидят кружком. При нашем появлении встают. Ох, сложное чувство, когда перед тобой встают женщины! Здороваемся, раскладываем-

ся. Часть женщин будет лепить из глины, но меня услышат все. А у меня сегодня своеобразная премьера. Будут не только песни, но и текст. Читаю им выдержки из удивительной книжки Елены Виноградовой «Можно не читать», а в промежутках пою. Песни, которые к месту. Которые про то же, что и книжка. Про детство, детей, надежду, понимание, творчество, мир, веру, очищение, жизнь. Про любовь! Можно не слушать. Но они слушают! И очень внимательно. В какой-то момент замечаю, что перестали аплодировать. Это значит — победа! Услышали! Песни слились с книгой, превратились в общение, в беседу. И мир услышал. И ответил! После того, как все закончилось, сотрудница колонии попросила одну из женщин спеть. Ту песню, благодаря которой она стала лауреатом конкурса «Калина красная». Та пыталась отказаться, но потом села на стул, взяла мою гитару и спела «А мне тебя так не хватает...» О разлуке, о женской тоске, о надежде на встречу... О любви. И вот тогда стало понятно, зачем мы ехали сто километров, зачем ждали три часа, подвергались досмотрам и проверкам. А вот ради этого мгновения! Когда стих ее голос, когда отзвучал последний аккорд, возникло ощущение истинности. Это не было подделкой, стилизацией, это не был русский шансон, о котором с утра говорили мальчишки. Это было НАСТОЯЩЕЕ.

А еще стало понятно, кому все это нужно. Я имею в виду нашу волонтерскую деятельность. Это нужно тем, к кому мы приехали? Конечно! Для них это новая встреча, впечатления, развлечение, в конце концов. Это нужно тем, кто работает с ними в колонии? Мне, кстати, показалось, что в тех местах, где мы были, с сидельцами действительно работают, не сторожат их, не заставляют мотать срок, а работают... В хорошем смысле. Так вот, им мы тоже помогаем. Но больше всего это нужно нам самим! Здесь я получил удивительные впечатления, здесь мне удалось сделать настоящее дело, здесь ко мне пришел мой слушатель. Да еще и подарил царский подарок! И если, когда эти ребята и эти женщины, дай Бог, выйдут на волю, они будут жить, как нормальные, хорошие люди, в них будет жить частичка нашего сердца, мы будем к этому немножечко причастны!

ТРЕНИНГИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ И ЖЕНЩИН В МОЖАЙСКИХ КОЛОНИЯХ

*Екатерина Азисова,
волонтер группы*

Я провела коммуникативные тренинги в Можайских колониях, которые мы посещаем. В Можайской воспитательной колонии тренинг был на тему «Умение слушать». Ребята пришли на занятие только-только после празднования Дня матери, у них было хорошее настроение, они были довольны тем, что им удалось вызвать улыбки на лицах мам, даже чужих, — они им смешное представление показывали.

Группа у меня сформировалась почти полностью новая, почти все мои ребята уехали на взрослую зону. Мы познакомились, потом я рассказала о приемах активного слушания и схеме выслушивания человека, мы поговорили о том, в каких ситуациях какие приемы более уместны, потом ребята играли в психологов. Мы выбирали пару «психолог-клиент», психолог демонстрировал навыки слушания и резюмирования, ребята выдумывали интересные истории, что делало упражнение не только полезным, но и веселым.

Потом устроили дискуссию, и, хоть это было не запланировано, тема конфликта промелькнула, потому что тема дискуссии, выбранная самими ребятами, оказалась для них близкой, ребята пытались убедить друг друга, какие автомобили лучше — немецкие или отечественные. Цель была другая, — потренировать в ходе дискуссии навыки активного слушания, а пришлось вспомнить еще и об уважении друг к другу, этикетке, умении корректно формулировать точку зрения.

В конце делали резюме за день. Несмотря на то, что ребята были уставшие от насыщенности праздника, они были довольно активны.

В женской колонии проводила тренинг «Встреча с собой». Как всегда, не без сюрпризов — ко мне привели не мою группу, а новый состав, женщин, которые тоже не знали, чего от меня ждать, из-за этого они были несколько скованы. Мы делали снежинки по инструкции, и задумано было так (инструкция не очень точная), что у всех они получились

совсем разные, хотя инструкция одна для всех, и мы обсудили тему идентичности и конформного поведения, поговорили о творческом самовыражении, о том, что если мы сделали что-то не так, как другие, говорит не о том, что мы хуже, а о том, что мы другие.

Потом поиграли в комиссионный магазин, поговорили о качествах, которые хотелось бы приобрести, и от каких качеств ради этого они готовы отказаться. Ответы были практически идентичны — всем хотелось обрести терпение и уверенность в себе, некоторые были готовы ради него пожертвовать всем, всеми своими качествами, и добротой тоже. В конце делали друг другу невидимые подарки, выдуманные, но они взбодрили женщин, подняли им настроение.

«ДАНИЛОВЦЫ» В МОЖАЙСКОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ

*Константин Ренжин,
координатор группы*

В воскресенье волонтеры движения «Даниловцы» в очередной раз посетили Можайскую воспитательную колонию с мастер-классом. Поехали той же дружной компанией, что и в прошлый раз: Светлана, Татьяна Львовна, Мария и Константин.

Светлана проявила инициативу, заехала в супермаркет и купила ребятам сладостей. Татьяна Львовна взяла с собой массу художественных альбомов и материалов.

Встретили нас хорошо, все улыбались. На занятие собралось человек тридцать — это больше, чем в прошлый раз. Значит, интерес есть, и мы не зря приехали.

Татьяна Львовна кратко рассказала о символике в искусстве. Например, почему в известной картине А. А. Иванова «Явление Христа народу» у старика, выходящего из воды, повязка белого цвета, а в воде она отражается красным.

Затем предложила сделать из бумаги и картона оригинальные открытки. Ребята принялись рисовать и вырезать. Кто-то разглядывал альбомы, а кому-то было интересно поговорить.

Общение волонтеров с воспитанниками — это тоже очень важная часть мероприятия, помимо творчества. Главным образом, спрашивали, что мы за люди такие, волонтеры, и почему этим занимаемся? Многие не могли понять, зачем нам это надо. Удивлялись. Мы представляем для них совсем другую модель поведения, не ту, к какой они привыкли. И это заставляет их задуматься о своей жизни, о своем будущем. И хоть у нас было совсем мало времени на то, чтобы поделиться с ними знаниями и опытом, хочется надеяться, что из этих кратких бесед, они сделают серьезные выводы. Кто-то, может, изменит мировоззрение, отношение к людям, захочет стать лучше, добрее.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА В ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРНАТЕ (ПНИ) № 30

Краткая история волонтерской группы.

Посещения с 2017 года.

Подопечные:

В интернате живут взрослые люди с психическими расстройствами (умственная отсталость, шизофрения, деменция и др. Они лишены возможности жить самостоятельно, и по тем или иным причинам родственники и социальные службы не могут обеспечить им должную поддержку в обычных условиях. В результате, жизнь таких людей проходит в стенах ПНИ.

Цель посещения:

Сделать жизнь людей в ПНИ полнее и интереснее.

Формы работы с подопечными:

Беседы на важные темы, творческие, танцевально-двигательные и музыкальные занятия, чаепития, пикники, экскурсии, подвижные и развивающие игры, прогулки для тех, кто не может передвигаться самостоятельно.

«ВЫ НИ В ЧЕМ НЕ ВИНОВАТЫ, НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА»...

*Марина Рис,
координатор волонтерской группы в психоневрологическом интернате № 30, директор благотворительного фонда «Просто люди», юрист*

С 2004 года помогала заключенным, онкобольным, людям с муковисцидозом, детям с ДЦП. Работать с психически больными людьми решила после того, как сама пережила тяжелую депрессию. Избавившись от болезни, Марина захотела помочь тем, кому повезло меньше, кто еще страдает. Марина попыталась найти некоммерческие организации, которые занимаются психически больными людьми, и выяснила, что это направление, мягко говоря, совершенно не развито.

В России больных до сих пор лечат дешевыми нейролептиками старого поколения со страшными побочными эффектами. Критически недостаточно бесплатной психотерапии. Нет поддержки родственников, системы их психообразования. Многие психиатрические больницы и психоневрологические интернаты напоминают тюрьмы. В стране почти нет центров дневного пребывания и системы социальной поддержки на дому, которые могли бы стать альтернативой ПНИ. Мы отстаем от остального мира лет на сто.

«Я — почти никто, но сделаю все, что в моих силах, чтобы хоть что-то изменить в этой системе», — подумала Марина. Она решила принести в психиатрические больницы и ПНИ то, чего там особенно не хватает, — радость.

— **Марина, с чего все началось?**

— Началось все давно, в 2004 году. У нас в семье тогда был тяжелый период безработицы и безденежья, из которого, казалось, не было выхода. И вдруг каким-то чудом, даже не зная английского языка, я получаю должность старшего юриста в компании Ernst&Young. Мне стало понятно, что без Бога тут не обошлось, и надо как-то Его отблагодарить. Краем уха слышала, что о. Александр Мень, которого у нас в семье очень любили, незадолго до своей гибели осно-

вал фонд помощи детям РДКБ. Вот туда я и стала перечислять определенный процент с каждой зарплаты, а также следила за историями детей. Этим на какое-то время успокоилась.

Следующий этап наступил в 2009 году, когда я пришла в Церковь. На самой первой волне любви и благодарности пришла в общество милосердия «Вера, Надежда, Любовь», работавшее в тюрьмах. Там волонтерили мои родители. Начала работать с их сайтом, покупала юридическую литературу для колоний и, страшно вспомнить, отслеживала все изменения, которые были внесены в УК и УПК с прошлого века. Делалось это с той целью, чтобы заключенные были в курсе новейшего законодательства.

Когда меня вконец достали эти изменения, а организация начала готовиться к закрытию, я познакомилась с замечательным фондом «Кислород». С ними у меня связано много прекрасных фандрайзинговых проектов: благотворительных концертов, ярмарок и даже арт-аукционов. Затем я делала юридическое исследование о доступности наркотических обезболивающих средств для фондов «Вера» и «Подари Жизнь», подружилась с фондом «Добросердие», участвовала в судьбе многодетных семей и бездомных, в общем, бралась за все, с чем сталкивала судьба. Мой девиз тогда был: «Каждому просящему у тебя дай». Не все всегда получалось, не на все хватало сил и умения, но я ни о чем не жалею. Это был совершенно необходимый период осознания границ своих возможностей.

«**Вы — хороший человек, Марина**»

Пять лет назад моя жизнь разделилась на «до» и «после»: я заболела тяжелой депрессией. Я бросила работу, благотворительность, друзей, храм и легла на диван, на котором пролежала 10 месяцев. Ну, лежала бы себе и лежала, отдыхала бы от трудов. Но нет, мой диван превратился в кровавое поле битвы с собой: «Вставай, иди погуляй! Почитай! Порисуй! Спокойно!», «Ты плохо выглядишь!» «Ты сама себя до этого довела!», «Ты — ничтожество!» Так себя измучила, что становилось все хуже и хуже, несмотря на антидепрессанты, которые мне прописывал психиатр.

Переломным моментом стали слова одного психотерапевта: «Вы — хороший человек, Марина. Просто вам пришлось многое пережить. Вы не виноваты. Это болезнь, мы

ее вылечим...» Как у Достоевского: «Вы ни в чем не виноваты, Настасья Филипповна... За вами нужно много ходить...» Впервые за эти 10 месяцев я заплакала и наконец простила себя. Депрессии пришел конец. Пару-тройку раз она еще возникала ненадолго, но сила ее иссякла.

Выздоровев, я опять почувствовала невероятную благодарность и потребность как-то ее выразить. Так я решила помочь тем, кто страдает от психических болезней.

Сначала мне казалось, что мой опыт преодоления болезни может кому-то пригодиться. Сейчас я так не думаю. Это был мой, уникальный путь, и никого другого я по этому пути провести не смогу. Я стараюсь не давать никаких советов. Но могу представить, что переживают люди с психическими заболеваниями, и могу глубоко и искренне сочувствовать их страданию. Я проболела 10 месяцев, а что переживают люди годами, десятилетиями — страшно представить. Сопереживая, я всегда сохраняю веру в то, что в каждом человеке есть неповрежденная болезнью часть личности, глубинное стремление к жизни, любви, свободе, развитию, что жизнь любого человека имеет смысл. Так, митрополит Антоний Сурожский часто говорил о том, что вера в человека может помочь ему поверить в себя, вернуть себе полноту человеческого достоинства, образ Божий. Это самый главный урок, которому научила меня депрессия.

Вечные непосещенцы

— **Как вы помогаете людям с психическими заболеваниями? Ведь многие пациенты неизлечимы.**

— Я начала с малого: нашла психиатрическую больницу, готовую сотрудничать. Друзья в Фейсбуке собрали благотворительную помощь: что-то для рисования (я очень верю в арт-терапию), швейную машинку для рукоделия, одежду, стиральную машинку для этой одежды, что-то еще...

Потом ко мне присоединились другие волонтеры. Несколько храмов и друзей поддержали пожертвованиями, и мы стали навещать «непосещенцев», — так в психиатрических больницах называют пациентов, которых никто не навещает. Они лежат в больницах месяцами — без зубной пасты, щетки, без каких-либо других предметов первой необходимости, без своих продуктов. И это не какие-то единичные случаи — минимум 10% от общего числа пациентов оказы-

ваются оставленными всеми, даже самыми близкими. Такая вот беда.

Итак, мы стали к приходить к этим одиноким людям, приносить небольшие подарки. Сначала побывали в одной больнице, потом в другой. Однажды засомневалась: что значит наш маленький пакетик с шампунем и зефиром? Мы же не успеваем пообщаться, узнать человека... И тут мне рассказали, как один бездомный был так потрясен подарком, что весь день ходил в обнимку с нашим шампунем, ни за что не хотел отдавать. После этого все мои вопросы разрешились. Мы никогда не знаем, как отзовется в человеке наш маленький подарок, что он в нем отогреет.

Когда попала туда впервые, мне потребовалась помощь психолога

В психиатрических больницах самое тяжелое — это зомбированное состояние пациентов, пустые, мертвые глаза, деревянные движения. Так действуют большие дозы дешевых нейролептиков прошлого поколения. Возможно, это и неизбежные последствия после купирования острого приступа. Почему-то все люди ходят в жутких больничных халатах и пижамах, хотя законом о психиатрической помощи предусмотрено право пользоваться своей одеждой. Никому нельзя пользоваться телефоном, планшетом, хотя и это разрешено законом. Туалеты — без кабинок, ну как так можно не уважать интимную сферу человека? И запах, тяжелый больничный запах.

Но, как бы там ни было, больница — это всего лишь больница, из которой человек сегодня-завтра выпишется. А есть места, где человек с психическим расстройством проводит всю жизнь — ПНИ. Когда я впервые туда попала, мне потребовалась помощь психологов, чтобы справиться с чувством безнадежности. Я не могла понять и принять то, что человек, который не совершил никакого преступления, может всю жизнь провести в этой благоустроенной тюрьме, в общих палатах с тремя-пятью квадратными метрами личного пространства, без семьи, под присмотром персонала... И все же я решила попробовать: пусть для нескольких людей, пусть на два часа в неделю, пусть не решая всех проблем, но сделать жизнь в ПНИ более радостной, осмысленной.

Мы делаем ПНИ более открытыми

В ПНИ № 11 мы пришли по рекомендации сотрудников больницы. Сначала нам доверили общение с небольшой группой молодых людей из одного произвольно выбранного отделения. Было совершенно непонятно: чем мы будем заниматься, о чем говорить, где взять примеры волонтерской помощи таким людям, методики? Ничего же нет! Но постепенно мы сами стали придумывать какие-то игры, творческие занятия, темы для общения, мастер-классы, праздники. На занятия стало приходиться все больше и больше ребят, сейчас у нас уже не хватает места для всех желающих. Но дело тут не в количестве. Главное, чтобы каждая наша встреча стала событием. Поэтому мы все время ищем что-то новое, каждое занятие продумываем, прорабатываем и...получается! Колоссальная энергия идет, просто ни с чем не сравнимая. И мне кажется, в итоге у нас получилась отличная волонтерская программа, которую можно масштабировать. Так возникла идея создания новой группы «Даниловцев» в ПНИ № 30.

Мне очень хочется, чтобы наши волонтеры проходили обучение навыкам арт-терапии, музыкальной терапии, танцевально-двигательной терапии, сценического мастерства, чтобы потом использовать их на занятиях. У психологов есть масса интересных и мягких терапевтических методик, которые доступны непрофессионалам, лишь бы только они нас подучили немного. И еще я мечтаю создавать центры дневного пребывания для людей с психическими расстройствами, чтобы человек мог прийти в безопасное, уютное место и со смыслом провести там свой день, чтобы члены его семьи получали возможность работать и отдыхать, чтобы не было нужды отдавать своих родных в ПНИ. Для финансирования этих программ мы с тремя моими друзьями-единомышленниками создаем благотворительный фонд «Просто люди».

Маски там не работают

— Почему был выбран именно 30-й ПНИ?

— В качестве площадки для новой группы «Даниловцев» мы выбрали ПНИ № 30, потому что в этом интернате реализуется пилотный проект Департамента труда и соцзащиты населения Москвы по реформе системы ПНИ. При департаменте создана рабочая группа, куда входят представители НКО, правозащитники, психиатры, которые ищут пути

решения сложившихся в интернатах проблем и готовят эту систему к реформе, в идеале — расселению всех проживающих в квартиры с социальным сопровождением, как это было сделано в Европе. И наши волонтеры так или иначе будут участвовать в этой реформе, самим своим присутствием делая систему более открытой, прозрачной, человеческой. Это очень ответственная задача: по нашим результатам будут судить о том, что могут или не могут сделать волонтеры в ПНИ. Мы будем очень стараться.

— Почему стоит идти волонтером в эту группу?

— Это какое-то уникальное место. С одной стороны, там нечеловеческая концентрация горя на квадратный метр: предательство родных, потеря положения в мире, проявления психической болезни, ограничение движения, потеря памяти, подавление эмоций, тюремные условия, скука и рутинность, — вот все это вместе на относительно небольшой территории. А с другой стороны — сколько прекрасного. Какая радость, как глаза зажигаются, какое терпение, мужество, развитие, творчество. Мы столько любви получаем в ответ на ту малость, которую отдаем. И мы сами меняемся, становимся настоящими, подлинными, ведь маски там не работают: ты либо то, что ты есть, либо тебя просто не замечают.

— Какими основными чертами должен обладать потенциальный волонтер?

— Мне кажется, у волонтера должен быть какой-то свой жизненный опыт, потому что ему предстоит встретиться со взрослыми людьми с непростой, даже трагической судьбой. Поэтому мы установили условный возрастной ценз — от 25 лет. В остальном же мне бы хотелось, чтобы в группе были самые разные люди: интроверты и экстраверты, гуманитари и технари, веселые и задумчивые и т. д. Чтобы группа была живая, настоящая, чтобы она напоминала реальный мир, а не кабинет психотерапевта. Поэтому ждем всех!

— С какими трудностями сталкивались на практике? От чего хотелось бы предостеречь?

— Бывает так, что волонтеры поначалу боятся: слишком сильное предубеждение, что люди с психическими расстройствами агрессивны и социально опасны. И никакие аргументы, что в интернате не опаснее, чем в метро, не работают. Страх проходит, когда волонтер ближе знакомится с подопечными

и интуитивно понимает, что они доброжелательны и неопасны. Для этого просто нужно немного времени.

Иногда накрывает очень сильное сострадание к подопечным вместе с чувством собственного бессилия: что мы можем сделать для них? Приносят ли наши занятия какой-то результат? Здесь очень важно переориентироваться с результата на процесс и собственные ощущения. Если мы весело и интересно провели два часа в неделю, — в том, что мы делаем, есть смысл.

А изменения в поведении и мироощущении наших подопечных мы тоже будем наблюдать, только нужно терпение. У кого-то изменения наступят через два-три занятия, у кого-то — через год. А у кого-то мы их вовсе не заметим, но это не значит, что их нет! Я верю, что каждая наша встреча что-то меняет в каждом из нас.

Еще бывает, что подопечные начинают манипулировать волонтером, очень настойчиво требуя ласки, внимания, подарков. Нужно понять, что это следствие колоссального дефицита любви, от которого страдают люди в интернате. Но мы не обязаны его восполнить, мы ничего никому не должны. И мы способны поделиться только тем, что у нас есть. Поэтому не надо укорять себя в том, что в нас недостаточно любви и сострадания. Все идет так, как надо.

Митрополит Антоний Сурожский говорил: «Надо развить в себе способность каждого человека увидеть, услышать и, кроме того, признать, что он имеет право на существование».

Вот эти уникальные качества развивают в нас наши подопечные: мы меняемся, делаемся более внимательными, более заинтересованными, становимся способными отложить в сторону свои суждения и предубеждения о том, каким должен быть человек, и благодаря этому увидеть в нем образ Божий.

Интервью подготовила Анна Рымаренко.

ЗНАКОМСТВО С ПНИ № 30

*Вячеслав Федоров,
волонтер группы*

В воскресенье, 22 января 2017 года, был положен старт посещениям нашей группы, состоялся первый визит новой группы «Даниловцев» в психоневрологический интернат № 30.

Признаться, хотелось написать яркую заметку о первом посещении ПНИ № 30, знакомстве с его обитателями. Но оказалось, что там живут вполне обычные люди, которые окружают нас повсеместно! Люди со своими интересами, характерами, с недостатком любви и душевного тепла, заботы.

Так, например, некоторые из ребят, которые пришли на встречу, работают сантехниками и дворниками. Они увлекаются спортом и путешествиями... Да, да! Именно путешествиями! Вспомните, много ли у нас вокруг знакомых, которые считаются здоровыми и им ничего не надо, которых вообще ничего кроме телевизора не интересует? Не наводит ли это на определенные мысли? А здесь недееспособные люди, которые ездили в Карелию, Краснодарский край, другие места отдыха, собираются зимой в теплые страны. И все это на заработанные личным трудом деньги!

Относительно характеров, — кто-то более склонен к творчеству, кто-то любит больше трудиться, кто-то скромнен и стеснителен, другой, наоборот, — душа компании, всем помогает!

Недостаток душевного тепла там наиболее очевиден, они чутки к каждому проявлению внимания в их адрес, ловят каждое доброе слово! Но ведь и нам в обычной жизни этого не хватает, а любое добро в наш адрес мы пропускаем через призму лицемерия! У них возникают споры и конфликты, но мне показалось, что это происходит дружелюбней, чем в обычной жизни! Так будем же учиться у них самому главному доброте и любви!

ПОЗИТИВНОЕ НАСТРОЕНИЕ В ПНИ

№ 30

*Николай Левит,
волонтер группы*

В третий раз ездил в ПНИ № 30. Всего нас, волонтеров, в тот день было трое — Ирина Нуриманова, Ирина Гришина да я. Старшей была Ирина Гришина. Тема предстоящего посещения — театральное занятие.

Наше посещение традиционно началось с того, что мы пошли собирать группу для занятия из обитателей интерната. Сначала мы зашли в мужское отделение, где выяснилось, что 14 часов — это совершенно неподходящее время, что это время, когда только-только был обед и все отдыхают или, у кого есть на это возможность, получив пропуск на выход (я пока еще не понял, только ли на выход из отделения, из корпуса или вообще за территорию), отправились по своим делам. Да и оставшиеся, прохаживающиеся по коридору мужчины как-то без энтузиазма смотрели на нас, молча слушали наши приглашения и проходили мимо. В итоге мы заинтересовали лишь одного Владимира да еще Николая, встретив за пределами отделения, увлекли за собой, — я его запомнил по своему первому посещению.

В женском отделении все было намного отраднее! Уже с лестницы было видно, что нас ждут и в нетерпении выглядывают в окошко. Все те же лица! Здесь уже сложился постоянный коллектив. Как и в прошлый раз, Аня сказала, что ее зовут Аней, что у них в команде есть еще две Ани и вообще Аня — самое распространенное имя: «У нас одни Ани».

Занятие наше началось с того, что Ирина Гришина предложила сделать разминку. И разминка действительно пошла на пользу — сонное, ленивое настроение улетучилось, а на смену ему пришла бодрость и желание творить. Мы хлопали себя (сначала только себя, а потом и соседей) по рукам, ногам и плечам, массировали (сначала только себе, а потом и соседям) плечи. Ирина Нуриманова показала себя как опытный волонтер, имеющий в запасе большой набор идей, помогающих подопечным раскрепоститься и раскрыться. Было

видно, как некоторые, поначалу скептически настроенные взрослые, потихоньку становятся детьми. Под конец все даже с удовольствием походили, пританцовывая под музыку, «паровозиком», массируя друг другу плечи. Кроме этого, на разминке были упражнения на развитие воображения, координации и равновесия: например, стоя на одной ноге, нужно было, представляя, что к твоим рукам, ногам и голове приделаны огромные кисти с красками, рисовать ими на стенах, потолке и на полу разные фигуры!

Потом была игра в пантомиму на спортивную тематику. Было видно, как некоторые участники занятия волнуются и как преодолевают волнение. Из того, что мне особенно запомнилось: одна девушка показывала разные настольные игры: шахматы, шашки, домино. Как же ее с полужеста понимали остальные участники, безошибочно угадывая загаданную игру! Другая, показывая один из видов боевого искусства, продемонстрировала свою великолепную растяжку и владение телом, нанеся удар ногой в челюсть воображаемому противнику!

Ну и, конечно, «основным блюдом» нашего занятия была театральная постановка. В этот раз участникам было предложено самостоятельно выбрать историю и жанр. Выбор остановился на «Репке», а жанр или тема — современное прочтение.

Забыл написать, что на разминке было еще одно упражнение — «Зеркало», когда участники разбиваются по парам и в каждой паре по очереди либо двигаются, придумывая свои движения, либо повторяют движения другого, «отражая» их, как в зеркале. Мне кажется, что это упражнение дает участникам возможность ощущать свою способность влиять на другого, доверять другому и брать на себя инициативу.

В общем, благодаря ли этим упражнениям или нет, участники занятия креативили как могли, придумывая самостоятельно образы своих персонажей. В нашей команде даже авторский текст читался не волонтером, а подопечной — Аней.

Всем так понравилось занятие, так все зарядились позитивом, что, даже почти не смущаясь, поиграли после мими-спектаклей в детскую игру «Колечко», так до самого конца и не определившись, по каким правилам мы играем.

В заключение занятия Ирина Гришина поздравила всех с праздником весны и раздала всем по конфете.

ВОЛОНТЕРСТВО – ЭТО МАЛЕНЬКОЕ СЧАСТЬЕ

*Анастасия Тибакина,
волонтер группы*

Стать волонтером я хотела вот уже несколько месяцев, но все никак не решалась. Когда я нашла на сайте *volonter.ru* группу, которая посещает ПНИ, то откликнулась, потому что понимала, насколько ребятам скучно в условиях изолированности, находясь в четырех стенах интерната. Хотела бы отметить значение прекрасного координатора — Марины, которая мягко и понятно объяснила, с чем придется столкнуться, разрушила стереотипы об агрессивности подопечных.

Мой первый опыт посещения ПНИ № 30 с волонтерами пришелся на масштабное мероприятие, в котором участвовало много подопечных. Цель нашей встречи заключалась в том, чтобы у ребят была возможность выразить свои эмоции на полотнах бумаги большими кистями. С нами были художницы Лада и Инесса, которые помогали с общей композицией картины.

Страх перед неизвестным, который есть у каждого, кто идет волонтером в новое для него место, пропал, как только я увидела тех самых подопечных. Так как их было много, я успела понять, что ребята по-разному реагируют на новичков вроде меня. Кто-то с недоверием смотрел, а некоторые непосредственно и открыто начали говорить и даже обниматься! Постепенно, знакомясь с ребятами, я добралась и до замкнутых. Я чувствовала неизмеримую радость от общения с ними, а когда видела улыбки на лицах, так просто млела от счастья.

Все, чего я хотела — это поделиться теплом с людьми, которые в нем нуждаются. Конкретно в тот день я помогала девочкам решиться нанести краску на бумагу, вместе с ними генерировала идеи для рисунков и просто оказывала поддержку. У меня было мало времени, чтобы уделить внимание всем, поэтому в ускоренном режиме и в концентрированной форме проявляла внимание к ребятам.

Я советую всем, у кого есть желание нести радость в сердца, но присутствует некоторый страх или сомнения, присоединиться к волонтерам ПНИ № 30, чтобы проявить себя. Когда страх и сомнения пройдут, останется ощущение принадлежности и вовлеченности в дружную семью интерната.

«ПСИХИЧЕСКОЕ РАССТРОЙСТВО» – ЗВУЧИТ ДОВОЛЬНО ПУГАЮЩЕ, ПРАВДА?

*Юлия Гусакова,
координатор проекта «Человек — человеку» добровольческого движения «Даниловцы»*

Вчера был дождь, и сегодня, и завтра по прогнозам тоже будет. Такие вот дела. Говорят, причина в глобальном потеплении. Ну, возможно. Еще говорят, что скоро будет тотальная безработица, потому что людей вытеснят роботы. А что останется нам? Нам останется общаться друг с другом. И вот тогда будут не оазисы волонтерства посреди пустыни безразличия, как выражается руководитель добровольческого движения «Даниловцы» и Школы социального волонтерства Юрий Белановский, а тропические леса Амазонки! Мы, даниловцы, к такому повороту событий готовы, — мы девять лет возделываем наш скромный сад (18 волонтерских групп!) и делимся своими знаниями со всеми желающими в Школе социального волонтерства.

Иду в нашу новую группу в психоневрологический интернат № 30 вместе с психологом Юлией, волонтерами Аллой и Колей, который сегодня за главного. У нашего Коли явно какие-то сверхспособности, потому что как без них волонтерить в трех группах сразу — в благотворительных ремонтах, в ДДИ № 24 и тут, в ПНИ, я слабо себе представляю. В ПНИ живут или временно пребывают люди старше 18 лет, страдающие психическими расстройствами. «Психическое расстройство» — звучит довольно пугающе, правда? Но поверьте мне, в ПНИ совсем не так, как это звучит.

Шарики и шахматы

Территория ухоженная и зеленая, при входе фонтан, умиротворенность и уют. Коридоры пустынные, длинные. Вот просторный кабинет, где Юля будет проводить занятие. Психолог — ее первая профессия, и она очень увлечена ею. Мы идем за подопечными. Из мужского отделения согласился только Александр, остальные от сестры отрываться не захотели. А вот в женском отделении желающих больше, радостно стучат нам по стеклу с той стороны закрытой двери. Тут есть женщины постарше и помоложе, все наперебой называют свои имена и протягивают руки: Катя, Инна, Галина, Анна, Катя... У многих дефекты речи, поначалу трудно разобрать. Да и нет в этом особой проблемы: есть мнение, что больше двух третей информации передается невербально. Так что слова — это так, немного уточнить сигнал, вишенка на торте... Одна девушка выделяется, какая-то она другая, но я не могу понять, в чем именно. «Это Аня!» — представляет ее Коля. По дороге она интересуется, играю ли я в шахматы и не хочу ли сыграть с нею. Честно признаюсь, что знаю, как ходят фигуры, но играю так себе и не понимаю, как играть так, чтобы выиграть. Она сначала немного расстраивается, но успокаивает меня, говоря, что «...вот если предположить, что всего есть пять уровней игры, и пятый — самый высокий, то и я играю на втором примерно».

Но сегодня не шахматы. Сегодня стулья поставлены в круг, и Юля надувает по маленькому яркому шарикку для каждого. Участники представляются и кратко говорят, чего ждут от сегодняшней встречи. А ждут веселого общения, танцев и «чтоб все у нас было хорошо». А Александр ждет полдника. Играем с шарами, передавая их друг другу то по часовой стрелке, то против, сначала медленно, а потом все быстрее. Моя соседка слева, Катя, смеется, эта игра веселит ее. А соседка справа, тоже Катя, сохраняет серьезность и сосредоточенность. У нее что-то с кистями рук. Если представить, что наша кисть — это распутившийся цветок с лепестками-пальцами, так вот чтоб вы понимали: у Кати вместо кистей-цветов — кисти-бутоны. Однако это совсем не мешает ей ловко принимать и передавать шарики. Даже когда задание усложняется — надо передавать шарик за спиной — она справляется. А вот Галина со вполне обычными кистями рук и пробовать не стала, потому что это сложно, и вообще не-

много разобиделась, даже демонстративно ушла в коридор. Но вернулась. Анна-шахматистка сидит чуть поодаль и глядит на наши игры немного скептически. В какой-то момент тоже выходит в коридор, но тоже возвращается.

Музыка и танцы

К нам присоединилась волонтер Света с фотоаппаратом, и все кинулись приветствовать ее. Затем стало еще веселей, — Коля играл на гитаре и пел, девушки показывали слова песни жестами. Пытались описать настроение музыки — какой она кажется? Грустной, веселой, агрессивной? Танцевали все вместе, а после кто-то в центре круга, и все за ним повторяли. Потом забрались внутрь такой вот большой растягивающейся синой окружности из трикотажной ткани и ходили туда и сюда. А я под села к Ане. Анин скепсис усилился. Она призналась, что не понимает, для чего мы все это делаем. Странно выглядит. Как какой-то ритуал. А танцевать она не любит, потому что не умеет. Что любит? Любит составлять сама для себя разные тесты, чтобы проверить свое самочувствие и связь с миром. «Я так самоизлечиваюсь, да... Прошу извинить, я уже спрашивала вас о шахматах? Так почему вы не играете, не любите?» — «Ну, не то, чтобы не люблю... Просто мне кажется, что я плохо играю...» — «О, вы, наверное, боитесь осуждения... Если вы хотите знать, я вовсе не такая, нет. Я никогда не стану так делать. Я знаю, насколько это неприятно, когда кто-то насмехается над тобою...» И Аня берет мою руку в свои прохладные ладони и успокаивающе поглаживает.

Дальше снова были танцы, и каждая танцевала в своем стиле: Катя слева веселилась и скакала, как ребенок, Галина расхаживала барыней, Катя справа изображала игру на скрипке. Все так и сяк размахивали разноцветными тонкими платками, которые нам дала Юля. Мне было свободно и весело, очень хорошо! В какой-то момент даже Аня-шахматистка, вопреки «неумению», в шутку повязала платок на голову и тоже немного танцевала с нами. Но вот занятие подходит к концу, время прощания. Света дарит каждой девушке по напечатанной фотокарточке: портрет со своим рисунком-котом с прошлого занятия. Коты шикарны, а девушки страшно горды собой и радуются маленькому подарку. Мы кучкуемся в коридоре, говорим о прическах и цвете волос: у кого какой длины были волосы в детстве, и как их подстригли потом,

а как сейчас, и в какой цвет хотелось покрасить, но вышел немного иной, вот смотри.... Провожаем девушек до отделения. Аня-шахматистка котов не рисовала, нет. Она вообще рисовать не любит. Все по той же причине. Зато она любит чертежи, там все четко. Чертежи, шахматы, тихие звуки и сидеть в полутьме.

Послевкусие

Ливень, я еду домой и думаю вот о чем. Издалека хорошо видны различия, а вблизи — сходства. В смысле, если вы далеко от социального волонтерства, то в первую очередь обратите внимание на непохожесть. Да, внешний вид некоторых наших подопечных может казаться непривычным или даже пугающим. Некоторые медленней нас или у них есть когнитивные нарушения. Некоторые не вполне владеют своим телом или не владеют вовсе. От кого-то исходит запах — порой резкий, порой еле заметный, но и в том, и в другом случае неприятный. Иногда реакции наших подопечных не вполне обычны. И так далее, и так далее. Я знаю это точно, потому что сама когда-то была от всего этого далека. Но когда я оказалась чуть ближе и стала общаться с теми, кого в обществе «условно нормальных» принято выделять в отдельные группы — с психически больными людьми, с людьми с ограниченными возможностями, с тяжело больными, с сиротами, заключенными и бездомными — тем больше мне открывалось сходств между «ними» и «нами». Я не принуждала себя, это происходило само собой. И вот какая штука: в определенной точке становится очевидно, что нет «их» или «нас», а есть «мы, человеки», и мы похожи друг на друга. Ну, к примеру: каждому порой тревожно начинать что-то новое. Однако если отваживаешься и таки начинаешь, то приятно, когда твои маленькие успехи видят и признают. Каждый испытывает эмоции или что-то чувствует, и хочет быть принятым в этом, а отвергнутым быть — нет, не хочет. Есть те, кто вызывает в нас радостное волнение — и те, на кого мы в обиде или сердиты. Нам приятно чужое уважительное внимание. Приятно, когда нас называют по имени. И здорово проявлять себя и смотреть на других. Здорово общаться с другими людьми, оставаясь собою. Собою, исключительным, не похожим — и в то же время похожим на остальные семь с половиной миллиардов человек.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ГРУППА ПОМОЩИ БЕЗДОМНЫМ

Краткая история волонтерской группы.

Территория работы группы:

Группа работает на улице в районе станции метро «Павелецкая кольцевая».

Создана в сентябре 2012 года как совместный проект движения «Даниловцы» и благотворительного фонда «Предание».

Подопечные:

Бедные и бездомные люди. Нуждаются в духовной и материальной поддержке и сопровождении до комплексной ресоциализации.

Цель посещения:

Поддержка духовная и материальная.

Формы работы с подопечными:

Раздача горячего питания, предметов гигиены, одежды.

ВОЛОНТЕРСКАЯ ПОМОЩЬ БЕЗДОМНЫМ: ЧТО В СИЛАХ ВОЛОНТЕРСКОЙ ГРУППЫ?

*Дмитрий Иванин,
координатор волонтерской группы помощи бездомным*

О бездомных

Первые случаи встречи с бездомными запомнились мне больше всего. Один человек приехал из Беларуси с паспортом и другими документами. Стандартная история: не заплатили денег за работу на стройке. Как возвращаться домой? Где взять деньги? Стыдно... И что вообще делать?

Мы дали контакты, сказали, куда обратиться за помощью. Но он захотел попытаться исправить ситуацию сам, «перекантоваться».

В следующую нашу встречу он выглядел хуже — помятый, но все же еще с паспортом. Потом мы встретили его уже без паспорта. Дальше он стал приходить уже пьяный, и видно было, что он все больше опускается. И понятно, что чем больше человек адаптируется к такой жизни, тем ему сложнее из нее вырваться.

Среди бездомных есть и криминал. И мы признаем эту реальность.

К нам периодически приходит бездомный, который любит бравировать своим тюремным прошлым, выражаться на тюремном жаргоне, утверждать, что все, что ему нужно, он может украсть. Однако он часто приходит именно к нам! Ему важно общение, важно себя показать. Мы его принимаем. Принимаем до тех пор, пока считаем, что общение с ним для нас безопасно.

Что делает группа помощи бездомным?

Группа начиналась с индивидуальной работы с бездомными людьми: предложения еды, одежды. Со временем нас стали узнавать. Теперь на такие встречи собираются до восьмидесяти бездомных.

Но у нас есть возможность готовить 64 порции. Это максимальное количество, которое вмещается в наши кастрюли.

Поскольку готовим мы на обычной плите, большие кастрюли на ней не закипают вообще.

Готовим мы сами и только из качественных продуктов — из тех, которые ели бы сами. Перед выходом мы, кстати, едим. Продукты и одноразовая посуда для одного выхода к бездомным обходятся нам в три с половиной тысячи.

После того, как еда приготовлена, мы фасуем ее, приезжаем к известному месту у Павелецкого вокзала и говорим: «Здравствуйте, рады вас видеть!»

Мы как бы говорим бездомным: мы вас заметили, мы вас знаем и думаем о вас. Гарантированных разрешенных мест встречи с бездомными у нас нет, поэтому нам нужно учитывать массу факторов, — пятнадцатиметровую зону от метро, погодные условия и ремонты, которые происходят регулярно.

В угощение для бездомных обычно входит суп. Бездомные от плохих условий жизни и алкоголя имеют слабые желудки и чаще всего просят именно суп или бульон. Суп у нас всегда получается плотный и сытный! В зимнее время горячий суп — это еще и возможность согреться, конечно.

Добавить в суп лучок, петрушку, укроп или сметанку — это знак внимания, это важно!

Пока люди едят, у нас есть возможность пообщаться с ними или просто поздороваться. У тех, кого мы уже знаем, интересуемся, как дела, что важного произошло в их жизни. В теплое время года, конечно, общение строить проще.

Мы рассказываем бездомным об организациях, которые могут оказать помощь, в том числе, и профессиональную. Или просто предлагаем им идеи, например, что кому-то пора сходить в социальный центр «Люблино» к социальному работнику или в дом трудолюбия «Ной» поработать хоть и за небольшие деньги, но все же там будет еда и медицинское обслуживание.

Бездомные по-разному относятся к тому, что мы им даем. Для кого-то это — просто закуска, для кого-то — элемент халавы: мол, чего бы не поесть? Но есть и такие, для кого важно общение.

Для нас очень важно общение с бездомными. Напоминаем человеку, что, он — прежде всего человек, а не бомж. Он — человек, даже если и оказался в такой жизненной ситуации.

О раздаче одежды

Многое в раздаче одежды зависит от функционирования склада. Пожертвованная одежда в половине случаев не подходит для бездомных: с вырезами, белая, офисная и вечерняя, поэтому одежду мы сортируем, пригодную раскладываем по ящикам. Это довольно длительный и трудоемкий процесс. Непригодную одежду тоже надо куда-то вывозить.

Бывают необычные случаи. Например, недавно к нам обратился монтеessori-детский сад из Долгопрудного. У старших групп сада был урок, на котором они говорили, в том числе, про бездомных. После этого урока возникла идея собрать нам одежду и средства гигиены, сладости. Собрали, привезли.

Одежда жизненно важна для бездомных именно зимой. Поэтому в этот период мы стараемся искать одежду. Для нас важно иметь запас одежды для тех случаев, когда человек приходит вообще босой и без одежды.

Мы закупаем минимальный запас вещей для таких случаев. Например, это могут быть строительные комбинезоны. Но в Москве среди бездомных эти комбинезоны уже «не комифо». Однако они вполне пригодны для выживания.

Мы поняли, что для бездомного наличие обычной одежды важно еще и потому, чтобы несильно выделяться из толпы. В обществе преобладает представление, что бездомный — это пьяный мужик с бородой в рваной одежде, который сразу же бросается своим видом на глаза. Но к нам часто приходят люди, в которых не сразу разглядишь бездомного. Да, это люди, которые оказались в очень сложной ситуации, нередко даже на очень длительное время. Однако они всячески стараются поддерживать опрятный вид, следить за гигиеной.

И все же, несмотря на то, что для нас материальная сторона общения с бездомными вторична, формат нашей встречи задается прежде всего едой и одеждой. Именно этого от нас прежде всего ждут и это позволяет создать более безопасную и понятную атмосферу. Бездомные понимают, зачем они приходят и большее количество людей может прийти. Это позволяет нам удерживаться в сознании, что мы делаем важную и нужную работу и держать некоторую планку. И если у нас нет сил на общение, а такое запросто может быть, то мы все равно придем и скажем: «Дру-

зья, привет, мы здесь, мы о вас помним, мы в вас верим, мы для вас приготовили суп».

Праздники

Мы стараемся, чтобы некоторые дни в году были особенными для бездомных. Это 23 февраля, 8 марта, Новый год, Пасха.

Например, в прошлый раз подарком для бездомных были настоящие керамические салатнички. Не в том смысле, что мы подарили им по салатнику, они им не нужны. Мы предложили им еду в таких салатниках. Это не та одноразовая посуда, из которой едят бездомные, когда мы обычно приезжаем к ним с угощением. Мы так же купили специальные пластиковые вилки, но с серебристым покрытием, похожим на металлическое.

Мы отмечаем и День России. Предлагали вспомнить гимн Российской Федерации. В тексте гимна были пропущены слова. Особенно решительные бездомные даже пели гимн! Удалось поговорить и на тему того, что для них Россия, Родина, и просто пообщаться.

Была акция, когда мы с бездомными высаживали деревья на территории медицинского учреждения. Были и чтения Библии. Сейчас на это не хватает сил. Предлагали бездомным прочитать отрывок, выразить свое мнение, порассуждать вместе.

О волонтерах

Всего в группе у нас больше двадцати волонтеров. Постоянно приходят новые, но и уходят бывалые. В среднем, волонтер с нами один год.

Не все волонтеры участвуют каждый раз, но в целом, семь-восемь человек приходят. Это такая граница, когда выход к бездомным проходит нормально. Иногда может быть пятеро человек или больше.

Я думаю, очень непросто для волонтера является поиск собственной мотивации, ее изменение со временем, ответ на вопрос: «Зачем я помогаю? Что в моих силах?» Это непростые вопросы.

Вторая трудность — это, конечно, регулярность работы. Я говорил, что один выход к бездомным и его подготовка — это почти целый день. И естественно, не все волонтеры могут позволить себе это.

Я для себя понял, что у волонтерской группы есть свой формат и свои возможности, что это все-таки не профессиональное сообщество. Волонтеры могут быть при профессиональных организациях, тогда они и помогают под их крылом. Если же волонтерская группа действует, как наше сообщество, она все-таки не может выполнять профессиональные задачи относительно помощи бездомным. Но, глядя на бездомных, всегда хочется больше, лучше, менять форматы. Это постоянные изменения, рост, поиск.

Меня очень воодушевляют и вдохновляют наши волонтеры, непрерывность деятельности (несмотря на разные перестройки), смены форматов, смены местонахождения, какие-то трудности, которые возникают почти постоянно.

КУДА ВЕДЕТ САМАЯ НЕПРИГЛЯДНАЯ ОЧЕРЕДЬ И ЗАЧЕМ ОНА НУЖНА

*Анна Рымаренко,
журналист, пресс-секретарь добровольческого движения
«Даниловцы»*

Мишель Уэльбек называл бездомных жестокими, тупыми и не знающими солидарности. Чарльз Буковски утверждал, что лишь этим людям известна Истина, а Райнер Мария Рильке величал их «последними красотами земли». Вот уже восемь лет подряд «Даниловцы» регулярно и по доброй воле сталкиваются с ними лицом к лицу.

Волонтер Дима стоит перед голодной толпой. Он готов. Он разливает вкусно пахнущий свежий суп в высокие стаканы, стоя за импровизированным раскладным столиком. Процесс сопровождается спокойными репликами по делу. Шеф-повары — Дима, Паша, Василий, стоящие на раздаче, несколько часов кряду снимали мясо с бесконечной вереницы куриных остовов, крошили на мелкие кусочки, раскладывали по тарелкам. Готовили второе, заваривали чай. У «Даниловцев» правило: бездомных кормят собственноручно приготовленной пищей. Чтобы как дома, чтобы с душой. Каждую субботу на Павелецком вокзале «даниловцы» кормят

бездомных. По правую руку от Димы — Паша, ему 24 года. Паша — студент Коломенского государственного института, будущий логопед. Он, как и Дима, немногословен.

«41-й! 42-й! 43-й! 43-й? — тщето вопрошает Дима и смиряется, — 44-й». Перед началом трапезы были розданы талончики. Некоторые пытаются пройти, минуя систему, но анархические выходы пресекаются. «А также еще раз предупреждаю: кто приходит в смертельно пьяном состоянии, — пусть идет есть в другое место», — вещает Дмитрий.

Вот мирный и благодарный за все армянин Артур (все называют его Асатур). Его мама умерла. Артур может получать пенсию, но жить негде, и семьи нет. Артур — поэт, этакий Саят-Нова от нищей братии. Розовый миндаль, посыпанные манной горы и благоухающий коньяк остались в прошлом. В настоящем — русская тоска и невкусная водка. Его документы постоянно пропадают, как и нормальная одежда. Зато водка всегда находится. Он — один из немногих, кто постоянно и от всей души благодарит, просит прощения. Когда Артур бывает трезв, и ему удается раздобыть хороший костюм, он превращается в бородатого красавца, читающего стихи собственного сочинения: «Когда-то жил я, как в раю, и не заметил, что уж вырос».

Александр спрашивает Диму показать фильм на духовную тему. Саша редко появляется сильно пьяным. Приехал в Москву на заработки, но заболел и быстро остался без работы и жилья. Саша — обувной мастер, мечтает делать модельную обувь по спецзаказу. У него больные ноги, и жизнь бездомного не способствует их заживлению. Он часто начинает все с нуля. Один раз его удалось положить в больницу и подлечить, ему снимали место в хостеле, и Саша даже пытался найти работу. Но после бродяжнической жизни войти в трудовой ритм ему не удалось, и скоро он снова оказался на улице.

Худенький парень берет свою порцию дрожащими замерзшими руками. Он делает это покорно, с каким-то совершенным смирением. Рядом безмолвствует трезвая брюнетка Анна. Аня тут давно, приехала задолго до войны в Украине. По лицу видно, что натерпелась достаточно. Когда-то участвовала в открытии ресторана, занималась бизнесом. Но бросил муж, началась депрессия. А дальше — по накатанной.

На Донбассе остались дочка с мужем. «Я туда не могу поехать, а ей сюда ехать зачем? Бомжевать?»

Опрытная Татьяна в белом берете, как булгаковская Фрида, назойливо твердит одно и то же: «Обещайте. Ведь вы не забудете? Очки. Очки. У меня минус пять, минус пять».

То и дело мелькает пожилая женщина с почти античным профилем. Постепенно становится ясно, что на «Павелецкой» собрались не только те, за кем закрепилась мерзкое антигуманное сокращение «бомж», но и так называемые малоимущие.

«Ну как тебе? — спрашивает меня Паша. — Многие не выдерживают. А я в первые три выхода просто стоял и улыбался. Мне говорили: чё ты лыбишься? А мне так приятно было, что помогаю людям. Вообще в этот раз спокойно. Здесь бывают и драки»

Дима коротко и внятно объясняет собравшимся, что алкоголь вреден и вызывает спазм сосудов, дает компетентные консультации, куда и за чем обращаться в случае необходимости. Диму давно знают и любят. Бездомные задают множество вопросов: где помогают бросить пить, по какому адресу сделать документы, почему лучше идти в одно социальное учреждение, а не в другое. Диме — Дмитрию Ивановичу — 33 года. Он окончил Московский педагогический университет имени Крупской, выучившись на учителя истории и общественно-политических дисциплин. Долгое время изучал опыт благотворительных общин Европы, жил в Италии, Франции, Испании.

Деятельность «Даниловцев» разделяется на два фронта: это материальная поддержка, особенно зимой, и поддержка моральная.

«Для нас очень важно приходить по субботам сюда и показывать, что эти люди — члены общества, что они не одни. Наша цель — дать понять, что мир не только злой. Есть люди, которым они хотя бы один раз в неделю но безразличны».

Раз в неделю волонтеры-«даниловцы» помогают бездомным почувствовать себя людьми, с которыми разговаривают, которым дают советы и которых кормят. Некоторые не решаются обращаться в социальные учреждения или идти в дома трудолюбия общинного вида. «Даниловцы» помогают людям дойти до этих организаций, рассказывают про них

каждую неделю, даже если человек каждую неделю приходит пьяный, они продолжают свою работу, потому что, может быть, однажды он услышит. «Перед некоторыми людьми стоит вопрос: быть честными или воровать, многие промышленники криминалом. Наша деятельность может остановить кого-то, переориентировать на добро. Многие приходили к нам и сообщали, что ушли с улицы, устроились на работу».

СОБЫТИЯ ФЕВРАЛЯ И ЛЮДИ УЛИЦЫ

*Татьяна Зайцева,
создатель и первый координатор волонтерской группы помощи бездомным*

В феврале у нас было четыре встречи. Наверно, одно из главных впечатлений — то, что наши выходы напоминали одновременно поход каравана через пустыню и свадебный кортеж. Мы ехали от Тульской до Павелецкой на нескольких машинах, а машины были нагружены теплыми куртками, штанами, обувью, термобельем... Ну и, конечно, вкусной едой и чаем.

Если раньше мы приезжали и начинали бродить вокруг метро и искать бездомных, то теперь нас уже ждут. Видя нас, некоторые говорят: «Подождите здесь, я сейчас приведу ребят», — и идут за своими друзьями. И ждут нас не только для того, чтобы поесть — хотя и это очень важно — но и чтобы пообщаться. Ведь кому еще расскажешь о себе? А наши старинные знакомые стали спрашивать у нас, как дела.

2 февраля один наш знакомый — Алексей — сказал, что у него завтра — день рождения. Алексей не бездомный, просто очень бедный. У него есть сын, который учится в техникуме, и он старается что-то заработать на его содержание. Мы подумали и решили подарить ему перочинный нож — не просто нож, а с вилкой, ложкой, пассатижами и другими инструментами. К сожалению, нам до сих пор не удалось его встретить, но мы не теряем надежды.

Несколько раз за месяц мы вызывали бездомным скорую и соцпатруль. К сожалению, один раз нам пришлось ждать соцпатруль в течение пяти часов, и он так и не приехал. Тогда мы вызвали этому человеку — Арзу — автобус «Милосердие».

Знаменательным событием стала 23 февраля неожиданная встреча с другими людьми, которые приехали раздать бездомным еду. Мы уже раньше слышали о них, но еще ни разу не видели. Теперь познакомились и, наверно, будем дружить.

Но события — это не самое важное. Самое важное — это люди и общение с ними.

Римма и Виктор очень трогательно заботятся друг о друге. Они живут на улице, и у Риммы больная грудь. Виктор изо всех сил старается заработать ей на дорогой антибиотик (одна ампула — сто с лишним рублей) и заставляет ее есть и пить бульон.

Валера — печальный армянин, сильно болеет. Когда-то мы вызывали ему скорую, его забрали, но на следующий день выкинули из больницы на улицу. Он так изменился за эти месяцы, что мы его не узнали, когда увидели в следующий раз. Когда-то у него было четыре магазина, а теперь он на улице, и полиция бьет его за то, что он ночует в подъезде.

Александр Петрович всегда молится Богородице, получив еду. Он молится и плачет. Ему стыдно за свою жизнь. Летом он вышел из колонии и никак не уедет в провинцию к родственникам. 16 февраля доброволец Николай своими руками одел его с головы до ног, а 23 февраля он подошел к нам и попросил новые штаны. Старые сгорели, — их прямо на нем подожгли наркоманы. Александр Петрович просит помочь ему выбраться с улицы и уехать. Но пока у него нет сил самому что-то сделать для этого.

Трудно найти силы, когда ты уже давно не жил в нормальном обществе. Тут за человека можно только молиться. Именно поэтому у нас теперь есть список людей, за которых мы молимся. Присоединяйтесь к нам.

ГЛАВНАЯ ТРУДНОСТЬ НА ВЫХОДАХ К БЕЗДОМНЫМ – ЭТО ДЕРЖАТЬ ГРАНИЦЫ

*Дмитрий Иванин,
координатор волонтерской группы помощи бездомным*

Еще даже не начался Рождественский пост, а у нас уже праздничное настроение, которое не испортили шесть часов езды по Москве! Благодаря волонтеру Яне от добрых людей мы получили милые салатнички и вазы на ужин для бедных, благодаря новичку-даниловцу Элис и компании «Хоум Пак» — 1500 влажных салфеток для бездомных, а благодаря Кристине (волонтеру «Лизы Алерт») мужскую обувь, отличные толстовки и куртки для бездомных.

Усталый, я дополз до офиса, и там сюрприз — от Ольги мы получили тушенку, печенье, чай, сахар и шоколадные конфеты, которые побережем для поздравления с Рождеством.

Так радостно видеть, как наши почти пустые полки заполняются, а значит, растут шансы, что праздничное настроение будет и у тех кто одинок, беден и не имеет дома.

В минувшую субботу, 21 ноября, мы получили большую поддержку — несмотря на наше опоздание, нас дождалось более 40 человек, хотя наверняка был соблазн поехать на Курский. Их мы угостили рассольником и гречкой с печенкой. А еще у нас теперь есть вкусный фруктовый чай, мармелад и даже запас тушенки на черный день благодаря доброму другу — экс-координатору группы «Даниловцев» в РДКБ (отделения нефрологии и гинекологии) Александре Сошниковой.

А 14 ноября у «Павелецкой» был очередной раз ремонт и мы стояли на новом месте между переходом и рекламными щитами, чтобы максимально приблизиться к требуемым полицией 15 метров от входа в метро. В тот раз мы готовили борщ по заказу нашего волонтера Паши.

Недавно пришедшие волонтеры отлично влились, и я надеюсь, скоро мы сможем больше внимания уделять общению.

Главная трудность на выходах — это сохранять границы. Именно они позволяют создавать безопасное пространство

и снижать градус потребительского отношения. Свидетельствовать о возможности встречи мира бездомных и мира горожан. А нам они позволяют оставаться радушными, вежливыми, не выгорать, чувствовать себя безопасно и свободно и получать от выходов радость. Но иногда мы торопимся, забываем реагировать на пьяных, грубость или просто стараемся поскорее все закончить. И часто это чувствуется. Однажды нас даже упрекнули — «Вы же обещали пьяных не кормить!» Бывает жалко, особенно когда это старые наши знакомые, 70% процентов наших гостей приходят выпившими постоянно и уже четыре раза мы объявляли и постепенно ограничивали еду тем, от кого сильно пахнет алкоголем, клеем или кто ведет себя неадекватно. Но выпивает-то большинство, как дать четкий ориентир и держать его... И вот наш старый знакомый — Асатур, который, бывало, читал нам стихи, обсуждал Книгу Притч и шел на общение — зачастил в сильно подпитом состоянии, что сразу отражается на степени его опрятности, одетости, а порой и наличия ботинок. И вот пришлось предложить ему только хлеб и чай. Было неприятно, он не понимал, в чем дело, и пришлось долго объяснять ему и в итоге он гордо ушел.

Уже несколько встреч с нами нет волонтера Юры, и мы не вели запись на одежду, — ее просто некому было подбирать и разбирать пожертвованное. Но вот температура опустилась ниже нуля и мы все же решили взять хоть какую-то одежду и вернуться разово к поточной раздаче. Это оказалось нужным — свитера и даже весьма легкие джемперки были востребованы. Один мужчина, показавшийся нам новым, просил все подряд и, казалось, просто привлекал к себе внимание.

Из средств гигиены мы в этот раз брали лишь мыло, шампуни, салфетки и платочки, — ведь в прошлый раз щетки, пасты, станки и салфетки получили все. Однако запрос на них опять оказался велик.

В конце удалось поговорить с Иваном — это крепкий парень из Украины, он несколько раз устраивался на работу, но, очевидно, компания и ожидание лучшего его сбивают. Теперь у него опухли ноги, и он просил купить ему мазь. Я мы поговорили о «Ное» — он согласился, что на улице без тепла, покоя и просушки ноги не вылечишь, взял телефон, но опыт пребывания в подобном месте — «Спарте» его сильно смутил.

Зачем я пишу эти почти пунктирные заметки?

Раньше после каждого выхода мы заполняли свой «бортовой журнал», — пили чай и каждый мог записать свои впечатления о выходе, вопросы, мысли на будущее. Они позволяют напомнить себе о смысле нашего служения — что человек не должен превращаться в «бомжа», сводиться к ярлыку, состоянию или функции. Поэтому мы намеренно не употребляем слово «бомж» из-за его эмоциональной окраски. В трудной ситуации может оказаться каждый и не у всех находятся силы ее пережить, внутренне ее преодолеть. Никто не выбирает родиться в глубинке или воспитываться в детском доме и даже в алкоголизме есть всего лишь часть вины человека. Зато сколь вдохновляют истории, как одна живущая на вокзале и просящая милостыню женщина, на самом деле приехала в Москву с дочкой и пока та учится на проводника и живет в общежитии, мать вот так собирает ей на поддержку. Еда, одежда и предметы гигиены — важная, видимая, но самая главная часть нашего свидетельства — их может и не быть. Волонтерская группа не может оказать юридическую помощь, купить всем билеты домой, устроить в интернат, мы не только не можем предоставить душ и ночлег, но даже накормить сотни. Но что мы можем и в чем видим свой вклад в усилия сообщества решать проблему бездомность в Москве, — это стремиться создать пространство встречи с людьми, улыбнуться, узнать, как дела, рассказать, что такие-то и такие-то люди передали для них одежду или что мама недавно выписавшегося из ФНКЦ маленького мальчика купила и зажарила для них дома вот эти самые курицы. Что тех, кто хочет вести трезвый трудовой образ жизни ждут в «Ное», а согреться и поговорить с соцработником о восстановлении документов в «Ангаре спасения». Миры остаются разными и жизнь каждого — прежде всего его забота, но мы можем быть солидарными — поддержать бездомного в его пути, а профессионалов в их работе. Мы мечтаем о небольшом помещении, где сами могли бы встречаться с бездомными — зимой на улице не особенно не поговоришь, а у нас столько инициатив — группы общения, чтения Библии, кино клуб, бук-кроссинг, коучинг, творческие мастерские, компьютерные курсы, совместные праздники и обеда, — в общем, то, что может помочь восстановить человеку то внутреннее пространство, где рождаются цели и смыслы,

достоинство, творчество, желание идти вперед, пытаться еще и еще раз.

ВОЛОНТЕРЫ И БЕЗДОМНЫЕ

Данияр Шамканов,

экс-координатор волонтерской групп помощи бездомным

Что не в наших силах?

Лично я никого с улицы не вытащил и ничего такого яркого, чтобы что-то кардинально изменилось в жизни бездомных, не сделал. Мой опыт говорит мне, что нет никакого способа, нет никакого метода сделать из бездомного, из человека, живущего на улице, кого-то другого.

Существуют серьезные долгосрочные профессиональные многошаговые программы по реабилитации бездомных. Я слышал, что этим занимается известная организация «Каритас». И все-таки нет никакого простого и тем более универсального способа, метода сделать из бездомного социально-адаптированного человека.

Поэтому в нашей волонтерской группе, возможно не у всех волонтеров, присутствует такая мысль, — мы никого не стараемся вытянуть с улицы, мы никого не спасаем. Иными словами, перед группой не стоит задача изменить жизнь бездомных. Я даже больше скажу. По-моему, в состоянии бездомного нет ничего плохого. Бездомность в нравственном смысле — понятие нейтральное. И поэтому перед волонтерской группой не нужно ставить цели спасения.

О чем говорит мой опыт? Мне приходилось слышать о «наших» бездомных, то есть о тех, с кем мы встречались, кого знаем, что кто-то из них вернулся домой, кто-то устроился на работу. Самое главное то, что в моем опыте все такие чудеса происходили скрыто. Если мы будем искренни и будем делать свое дело, то чудеса произойдут; я уверен. Просто не нужно думать, что они произойдут на наших глазах и произойдут именно благодаря нам.

Что в силах волонтеров?

Самое важное для нас — это общение. Мы стараемся обращаться к бездомным по именам. Имена многих бездомных,

что я встречал, я помню даже сейчас. Еда и все остальное может быть, а может не быть. А волонтеры и время на общение с бездомными — всегда есть. О чем общаемся? Обо всем. Два года подряд у нас даже действовал кружок чтения Священного Писания для бездомных. На моей памяти было очень много приятных, замечательных моментов в общении с бездомными. Кто-то нам передавал стихи, кто-то рассказывал, что мы им начали сниться.

В нашей волонтерской группе была такая практика. Если приходит бездомный и просит какой-то помощи, то я прошу подойти других волонтеров, и мы коллективно принимаем решение. И это уже некоторое решение группы, наш общий ответ. Я знаю, что есть группы, которые идут по пути прописать все, чем они занимаются, а чем — нет. Мы, в свою очередь, пошли по другому пути.

Волонтеры могут оказать бездомным помощь в экстренных ситуациях. Кто-то только что вышел из тюрьмы, кто-то совсем недавно оказался на улице. В таких случаях нужна помощь с билетами, с документами или просто информация о социальной помощи в Москве, помощь с поиском работы. Так или иначе, мы всем этим занимались и занимаемся.

О самом главном

На встрече с бездомными очень важен мир. Эта та ситуация, когда бездомный человек может увидеть, что возможно жить иначе. Я не живу на улице, но, как мне представляется, человек, живущий на улице в своих навыках, в отношениях с другими людьми, навыках внутреннего ощущения, находится часто в обиженном, агрессивном раздраженном состоянии, часто с чувством стыда. И мне всегда было важно, что, смотря на нас, участвуя в общении, некоторые бездомные отзывались добрыми словами не только о нашей еде, но и о том, что им с нами хорошо.

Я обычно требовал от бездомных не ругаться, не курить, не выражаться и т.п., но все эти границы можно двигать ради мирного настроения, ради нашего свидетельства мира. Как бы мы себя ни вели, какую бы еду мы ни предлагали, как бы мы ее ни раздавали: в перчатках или нет, лишь бы это не препятствовало ощущению мира.

Для меня важна такая мысль: когда восстанавливаются отношения между человеком и Богом, становятся возможным

совершенно иные отношения между человеком и человеком. Ведь наша группа в каком-то смысле родилась из евангельского кружка, из группы по изучению Священного Писания. И в самом начале, когда группа начиналась, мы много обсуждали подобных вопросов.

Скажу еще вот что. Чтобы увидеть образ Божий в человеке, я думаю, надо попытаться увидеть бездомного в себе, того бездомного, к которому мы собственно и приходим. Господь Иисус Христос как-то сказал, что лисы имеют норы, птицы — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову. Сам Христос имеет опыт бездомности. Он Сам такой же бездомный, как и многие сегодня и прямо о Себе это сказал.

Иногда перед выходом мы в группе задавались вопросом — а зачем мы этим занимаемся? Один из волонтеров группы сказал, что мы учимся любить. Я думаю, что служение бездомным в волонтерской группе — это школа любви.

Совет новичкам

Расскажу историю, через которую проходят многие начинающие. На первом или втором выходе я познакомился с парой бездомных, Сергеем и его «супругой». Наступала зима. Мои знакомые решили уехать. Мы договорились встретиться, чтобы я купил им билеты и посадил на автобус. Я пришел в назначенный день в воскресенье утром и встретил только ее. То ли они повздорили, то ли поссорились. Я отвез новую знакомую на автовокзал и посадил ее на автобус. Документов у нее не было, на поезде она ехать не могла. Прошло полгода. Была уже весна. Мы с волонтерами в очередную субботу пришли к Павелецкому вокзалу, где я снова встретил эту женщину. Она узнала меня и стала рассказывать, какая у нее тяжелая ситуация дома и почему она вернулась обратно. Для меня это была непростая встреча.

Я, безусловно, за то, чтобы доверять людям. Но, честно говоря, в некоторых ситуациях, через некоторое время, когда ходишь, ходишь, ходишь и чувствуешь, что тебя обманывают, обманывают, то в какой-то момент это приводит к не очень хорошим переживаниям.

ПОЖЕРТВУЙТЕ НА НОСКИ ЧЕЛОВЕКУ!

Юлия Гусакова,

координатор проекта «Человек — человеку» добровольческого движения «Даниловцы»

Мы стоим возле выхода из метро «Павелецкая» на Новокузнецкой улице. На большом пластиковом раскладном столе — ведра с супом и чаем, хлеб. Подходят двое. У одного лицо опухшее, глаза подзаплыли, нос перебит. Он, возможно, и с похмелья, но не пьян — по крайней мере, ходит твердо, речь связная. «Вот вы ходите сюда к нам. А вам за это добром воздастся!» Ибрагим ему отвечает: «Это возможно. Но не то, чтобы мы на это рассчитывали...» «Нет, точно вам говорю!» — горячо убеждает нас собеседник и цитирует рубаи Омара Хайяма, что-то про две половинки одной души — светлую и темную. Его товарищ тоже не дурак выпить, похоже. Голос у него сиплый. Жалуеться, что подсушить башмаки негде, четвертый день с промокшими ногами, да и подлечить бы их... «Это не лишай на руке, не бойтесь! Ожог. Согнуть не могу даже...» — «А что сегодня?» — «Куриный супчик домашний, сами готовили, салатик, чай черный сладкий...» — «О-о-о, супчик куриный! Балуете вы нас!» И такая искренняя радость в голосах!

Время маленьких бесед прошло, бездомных людей становится все больше. Волнуются, толпятся, слева мужчины, справа — женщины. Координатор волонтеров движения «Даниловцы» Дмитрий Иванин кратко напоминает наши правила, раздает номерки — сначала «дамам», как он их называет, затем мужчинам. Дамы вперед. Первый волонтер на разливе супа, второй дает коробочку с салатом, третий — вилку, четвертый — пакетик с хлебом и сладким гостинцем. Бездомные люди вереницей идут мимо нас. Тут молодая брюнетка, нервная, ей хочется побыстрее и побольше. Есть женщины средних лет, есть интеллигентные старушки — бедненькие, но вроде чистенькие. И мужчины разные, — и молодые с подпухшими лицами, и постарше, побитые жизнью, с заскорузлыми руками с черными когтями, и седые старички бородастые. Есть и русские, и с Кавказа, колоритный усатый армянин

и похожий на него — тоже усатый. Но первый добродушный, а второй — и совсем наоборот.

Подопечные наши доели суп и встали в новую очередь за чаем. Волонтеры сменились — уже другие на разливе и на раздаче оставшегося хлеба. Подопечные просят беленького и сладкого, но беленького мало, а сладкого нет. На что хватило пожертвований через сайт — то мы и принесли. Чай выпит, третий подход к столику — за предметами гигиены и теплыми носками. Их, в отличие от порций еды, меньше, чем надо. Дефицит накаляет обстановку. Очередь теснит наш маленький столик со всех сторон, — наши подопечные заходят и сбоку, и со спины, пытаюсь под шумок переговорить с волонтерами и что-то лично себе вышлить в обход товарищей — лишнюю пару носков, сумку или хотя бы полиэтиленовый пакетик свежий... Недобродушный усач дошел до края терпения: возмущается, толкает товарищей, покрикивает на волонтеров... Кульминация: у хлипкого нашего стола подкашивается нога, и он оседает на бок!

«Кораблекрушение! Потонул!» — смеются наши подопечные. Но нет, стол восстановлен, раздача продолжается. Кто-то благодарит, кратко, но тепло и искренне. Кто-то просто кивает, а другие берут и уступают место следующим. Женщина маленького росточка, хрупкая и с перебитым носом просит в следующий раз непременно принести теплые колготки и юбку зимнюю, если есть.

Наша волонтерская группа помощи бездомным людям добровольческого движения «Даниловцы» каждую субботу с двенадцати дня закупает продукты, готовит и пакует скромный горячий ужин для 70 подопечных. С половины седьмого и до девяти мы стоим возле выхода из «Павелецкой» на Новокузнецкой улице. Мы беседуем с нашими подопечными, новеньким раздаем памятки, какую помощь и по каким адресам они могут получить, кормим их горячим, раздаем самые простые, но необходимые предметы гигиены и теплые вещи. Каждый из вас может помочь бездомному человеку прямо сейчас, это очень просто — пожертвовать еду или теплую одежду, или деньги для покупки необходимого, или стать волонтером — готовить с нами, паковать, раздавать, на личном транспорте довезти все необходимое до вокзала...

Не быть равнодушным — это проще, чем кажется. Потому что мы — люди. И они — люди. Бездомные ЛЮДИ. А не просто «бездомные». Всякий раз думать и говорить о них «ЛЮДИ» — и вот вы уже не ждете перемен, а сами стали той самой доброй переменной.

Мы будем помогать бездомным людям всю зиму. На ваши 100 рублей мы сможем купить 3-4 килограмма картошки и моркови, свежего хлеба. Пожертвуйте нам всего 100 рублей, и мы купим им носки и поможем выстоять еще один день.

ЗАЧЕМ БЕЗДОМНОМУ ПРАЗДНИК?

*Виктория Дегтева,
волонтер группы помощи бездомным добровольческого движения «Даниловцы»*

— Ну, что, шапки деда Мороза будут? — Марина строго и вопросительно смотрит на отряхивающего капли декабрьского дождя Диму.

— Будут, будут!

Этот выход к бездомным не был похож на обычный, — планировать его волонтеры начали задолго до назначенной даты. Огромный кулек шоколадных конфет уже неделю нетерпеливо ожидал на кухне своей очереди быть расфасованным по мешочкам. А в домах волонтеров стучали о доньшки кастрюль варящиеся яйца и овощи для новогоднего салата. И хоть по козырьку над входом в волонтерскую кухню озлобленно били капли, упорно не желающие превращаться в кружево снега, праздничное настроение захватывало дух любого входящего. По кухне разносился запах борща и пряных фруктов глинтвейна, гремели кастрюли и раздавался радостный смех людей, которые так хотели поделиться ею.

— Слушайте, зачем бездомным праздник? — спрашиваю я, сосредоточенно очищая вареную морковку от кожуры.

— Так им он как раз больше всех и нужен. Они ведь привыкли оставаться незамеченными, ненужными обществу. Привыкли, что мимо них проходят, отворачиваясь, плюют в их сторону, — отвечает один из волонтеров и лицо его приобретает несвойственное ему серьезное выражение.

— А в Новый год что?

— А в Новый год мы все детьми становимся чуть-чуть. И всем нам особенно сильно хочется, чтобы о нас кто-то заботился, чтобы хоть одно маленькое, но сбылось желание или мечта.

В 6:10 наступило время воплощать праздник. И как по Проведению у порога кухни оказалась не одна, а сразу три машины небезразличных людей, готовых везти ароматные угощения и смеющихся на задних сиденьях волонтеров. А самой большой наградой за труд стал свет в прозрачных слезящихся глазах пожилых людей, улыбки на лицах суровых мужчин, чьи губы отвыкли улыбаться, в чьей жизни так много боли, тяжести и обиды, что даже маленький, незначительный подарок — горячая еда — это настоящий повод для радости.

— Девушка, простите, пожалуйста, — обращается ко мне парень лет тридцати, с разбитым носом, в потертой одежде. Он немного стесняется, активно жестикулирует и застенчиво отводит глаза. — Можно обратиться с во-о-от такой просьбой, — внушительные размеры просьбы он обозначает руками в воздухе.

— Конечно.

— Можно мне... эту вашу шапочку Деда Мороза?

Снимаю шапку и протягиваю. Вопрос «Зачем бездомному праздник?» больше не возникает.

МАЛЕНЬКИЕ РАДОСТИ ГРУППЫ ПОМОЩИ БЕЗДОМНЫМ

*Дмитрий Иванин,
координатор группы помощи бездомным добровольческого
движения «Даниловцы»*

В мае у нашей группы было много маленьких радостей — это и новые волонтеры, и новые проекты, и просто предчувствие лета. За последнее время к нам стало приходить больше женщин, и появилось несколько домашних старушек.

Погода пугала, и мы старались готовить два горячих блюда — кратковременное тепло лишило многих бездомных

теплых вещей, а организм еще не окреп после зимы. Чтобы оптимизировать процесс, под второе мы купили специальную большую гастроемкость и изокороб, и теперь не тратим время, заранее раскладывая второе по порционным контейнерам. От горячей пищи они сильно плавилась и протекали, из-за чего и раздавать их было неприятно и в негодность пришел наш старый термоконтейнер — он был для мороженого.

Благодаря ТЦ «Вишневый сад» мы пригласили в театр наших подопечных, правда, пришел только один. Зато мы посмотрели и обсудили «Тартюфа» и попили кофе.

К нам пришли несколько новых волонтеров — Александр и Дарья. Благодаря Дарье мы наконец-то смогли перебрать последние пожертвования. Большинство вещей оказались бесполезными, — нам пришлось вынести на помойку полных восемь мешков, но мы смогли и привезти полмашины одежды на Павелецкую.

Волонтерам пришлось идти пешком, зато у наших подопечных появилась свежая одежда и небольшой запас на случай, если погода снова начнет капризничать. Однако теплую одежду уже почти никто не брал и, доверяясь интуиции бездомных, мы надеемся, что хорошая погода надежно установилась в Москве.

Мы немного поговорили о планах на лето, и опять актуальными стали вакансии сезонной и вахтовой работы, жаль, искать и проверять их пока сил не хватает, да и не многим опытным бездомным удается сразу перестроиться с уличной жизни на трезвую и трудовую. Но именно работа в сознании многих воспринимается как средство вырваться из замкнутого круга уличной жизни, и это очень нас радует.

Одному молодому человеку удалось пройти собеседование на сторожа и он просил у нас мобильный телефон, — симка у него есть, но вдруг с фирмы не дозвонятся и отдадут место другому. Еще к нам пришел настоящий албанец, который практически ничего не понимал по-русски. Он выглядел очень чисто и солидно, при нем был паспорт. Его обокрали, и он никак не может связаться с родными — у него есть внутренний номер, но он не понимает, как позвонить в Албанию, какие цифры лишние. Минут 10 мы пробовали разные комбинации с нашего мобильного, но так ничего и не добились и посоветовали ему обратиться в фонд «Гражданское

содействие», где есть переводчики. В посольство он почему-то идти не захотел.

А уже недалеко от Даниловского монастыря мы встретили Надежду — она на улице всего несколько недель, но чувствует себя надломленной — тяжелая семейная драма, потеря жилья и нежелание более обременять дальних родственников. А ведь Надежда потомственная москвичка, окончила факультет иностранных языков, работала личным помощником директора компании. Учитывая, что Надежда москвичка, мы надеемся, что ее смогут взять на ресоциализацию и оказать помощь в ЦСА им. Глинки.

Еще мы готовим небольшой вечер, посвященный Дню России — просмотр кино, чаепитие и группу общения. Учиться их проводить нам помогает Геннадий, — сам бывший бездомный и алкоголик, он долгое время вел для бездомных группы поддержки в Армии Спасения, а теперь вот передает технологию нам.

В июне состоится палаточный лагерь для бездомных «Ты не один» — удивительное событие, которое мы вспоминаем с прошлого года и очень хотим принять участие и в этот раз. А 7 июня приглашаем всех на фестиваль солидарности — городскую площадку на ул. Краснопрудной (справа от Ярославского вокзала), где жители города смогут узнать больше о жизни своих бездомных соседей, а также поучаствовать в прохождении настоящего лабиринта, мастер-классах по городскому рисованию, послушать выступление музыкальных групп и, конечно, попробовать еду, которую готовят для бездомных различные благотворительные организации.

ГЛАВА 3.

«ДАНИЛОВЦЫ» – ВОЛОНТЕРЫ И СОТРУДНИКИ

Сегодня наше движение — это 34 сотрудника и больше тысячи волонтеров! Для нас очень важно упомянуть всех, но это, к сожалению, невозможно. Вклад каждого в наше общее дело неповторим и бесконечно ценен! Вот наша управляющая команда:

Александр Боженов — председатель правления Добровольческого движения «Даниловцы»;

Павел Альшевский — исполнительный директор Добровольческого движения «Даниловцы», создатель и первый координатор волонтерской группы в ФНКЦ ДГОИ им. Дмитрия Рогачева;

Юрий Белановский — руководитель Добровольческого движения «Даниловцы», соучредитель Школы социального волонтерства;

Анна Гарибян — экс-заместитель руководителя Добровольческого движения «Даниловцы», создатель и координатор волонтерской группы в ДДИ № 15;

Андрей Мещерин — координатор по сопровождению волонтеров Добровольческого движения «Даниловцы», создатель и первый координатор волонтерской группы в детском отделении НИИ нейрохирургии им. Бурденко;

Лидия Алексеевская — директор Школы социального волонтерства, создатель и первый координатор волонтерской группы в Российской детской клинической больнице в отделениях гинекологии и нефрологии; координатор по сопровождению волонтеров Добровольческого движения «Даниловцы»;

Алена Характерова — куратор волонтерской деятельности Добровольческого движения «Даниловцы», создатель и координатор волонтерской группы в отделении микрохирургии РДКБ; экс-координатор волонтерской группы в РДКБ в отделениях нефрологии и гинекологии;

Елена Куликова — психолог Добровольческого движения «Даниловцы»; экс-волонтер группы в 6-й детской психиатрической больнице; создатель и координатор волонтерской группы в Мультикультурном детском центре «СаВа»;

Константин Ренжин — создатель и координатор волонтерских групп в подростковой и женской колониях г. Можайска, координатор волонтерской группы переписки с заключенными;

Дмитрий Иванин — координатор волонтерской группы помощи бездомным, экс-координатор по сопровождению волонтеров; создатель и координатор группы благотворительных ужинов;

Сергей Блинов — координатор волонтерской группы благотворительных ремонтов «Надежные руки»;

Екатерина Цыганкова — координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре;

Виктория Дороничева — координатор волонтерской группы в ДДИ № 24;

Ирина Молчанова — создатель и координатор волонтерской группы в ДДИ № 28;

Татьяна Сабрекова — создатель и координатор волонтерской группы в Морозовской детской больнице (отделение офтальмологии);

Екатерина Дмитриева — координатор волонтерской группы в РДКБ (отделения гинекологии и нефрологии);

Любовь Моисеева — координатор волонтерской группы в НИИ нейрохирургии им. Бурденко;

Георгий Романцов — координатор волонтерской группы в приюте «Незнайка»;

Марина Рис — создатель и координатор волонтерской группы в психоневрологическом интернате № 30, директор БФ «Просто люди»;

Ядвига Долгих — координатор волонтерской группы в ДДИ № 7;

Марианна Бушуева — координатор волонтерской группы в ЦССВ «Сколковский»;

Анна Яблокова — координатор волонтерской группы в ФНКЦ им. Д. Рогачева

Александра Желтова — координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице № 6;

Николай Титов — координатор волонтерской группы в Социальном приюте «Зюзино».

Лана Парастаева — главный редактор сайтов Добровольческого движения «Даниловцы» и Школы социального волонтерства;

Михаил Когляревский — координатор дистанционных учебных курсов Школы социального волонтерства; экс-координатор волонтерской группы в детском наркологическом центре;

Юлия Гусакова — координатор просветительского видеопроекта «Человек человеку»; волонтер группы в 6-й детской психиатрической больнице;

Анастасия Коломина — ведущая мастер-классов для волонтеров, экс-координатор волонтерской группы в детском наркологическом центре;

Оксана Ладугина — помощник исполнительного директора Добровольческого движения «Даниловцы»;

Анастасия Альшевская — помощник исполнительного директора Добровольческого движения «Даниловцы»;

Евгения Середко — помощник исполнительного директора Добровольческого движения «Даниловцы»;

Борис Блинков — видеооператор и монтажер Добровольческого движения «Даниловцы»;

Анастасия Кузина — журналист, пресс-секретарь Добровольческого движения «Даниловцы»;

Сергей Веретенников — фотограф Добровольческого движения «Даниловцы»;

Екатерина Салангина — координатор по развитию Школы социального волонтерства;

Александра Сошникова — ведущая страниц «Даниловцев» в социальных сетях, волонтер группы переписки с заключенными, экс-координатор волонтерской группы в отделениях нефрологии и гинекологии РДКБ;

Екатерина Азисова — ведущая тренингов в подростковой и в женской колониях г. Можайска, волонтер группы переписки с заключенными;

Петр Кузнецов — волонтер, специалист по интернет-продвижению сайтов.

Мы благодарим всех, кто в свое время внес неоценимый вклад в наше Движение:

Светлана Блинова — психолог, ведущая направления психологической поддержки, создатель и первый координатор волонтерских групп в детской психиатрической больнице № 6, в ДДИ № 24, координатор волонтерской группы «Дорога к дому», координатор волонтерской группы в школах-интернатах №№ 24 и 108;

Елена Чичерина — психолог, автор «Психологических гостиных»;

Наталья Суполкина — психолог, автор «Психологических гостиных»;

Владимир Горбунов — фотограф Добровольческого движения «Даниловцы»;

Алексей Бородин — координатор волонтерской группы в НИИ нейрохирургии им. Бурденко;

Сергей Майоров — создатель и координатор волонтерской группы в детском наркологическом центре;

Мария Крюковская — координатор волонтерской группы в детском наркологическом центре;

Мария Шамканова — координатор волонтерской группы в детском наркологическом центре; координатор группы благотворительных ужинов;

Сергей Рассказов — координатор волонтерской группы в детском наркологическом центре;

Елизавета Орехова — координатор волонтерской группы в детском наркологическом центре;

Анастасия Ярмош — создатель и координатор группы благотворительных мероприятий и акций, создатель и первый координатор волонтерской группы в приюте «Дорога к дому»;

Александра Соломатина — координатор волонтерской группы в ФНКЦ ДГОИ им. Дмитрия Рогачева;

Надежда Черкашина — координатор волонтерской группы в Социальном приюте «Зюзино»;

Марина Модестова — психолог, координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице № 6;

Александр Моисеенко — создатель и координатор волонтерской группы при 1-й Градской больнице;

Тарас и Юлия Лагутинские — создатели и координаторы волонтерских групп при пансионатах семейного воспитания «Кунцево» и «Одинцово»

Александра Толчина — координатор волонтерской группы «Дорога к Дому», координатор волонтерских групп в социальном приюте в г. Ступино и приюте «Незнайка»;

Татьяна Кучинко — координатор волонтерской группы в школе-интернате № 24;

Юрий Ильин — координатор волонтерской группы в школе-интернате № 24;

Марина Чижкова — координатор волонтерской группы в социальном приюте «Зюзино»;

Лариса Прокопьева — координатор волонтерской группы в социальном приюте в г. Ступино;

Елизавета Чистякова — координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице № 6;

Ирина Нуриманова — координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице № 6;

Мария Туманова — координатор волонтерской группы в детской психиатрической больнице № 6;

Калиса Патлусова — помощник руководителя движения, создатель и первый координатор волонтерской группы переписки с заключенными;

Антон Володин — координатор волонтерской группы переписки с заключенными;

Татьяна Зайцева — создатель и первый координатор волонтерской группы помощи бездомным;

Данияр Шамканов — координатор волонтерской группы помощи бездомным, волонтер группы переписки с заключенными;

Юлия Бутыгченко — координатор волонтерской группы в отделениях нефрологии и гинекологии РДКБ;

Константин Козырев — создатель и первый координатор волонтерской группы благотворительных ремонтов «Надежные руки»;

Андрей Дроздов — координатор волонтерской группы благотворительных ремонтов «Надежные руки»

Кирилл Кочкин — координатор волонтерской группы в НИИ нейрохирургии им. Бурденко, экс-координатор волонтерской группы в Детском Наркологическом Центре; экс-куратор волонтерской деятельности добровольческого движения «Даниловцы»;

Оксана Якунина — координатор волонтерской группы в Социальном приюте в г. Ступино;

Анна Рымаренко — журналист, пресс-секретарь добровольческого движения «Даниловцы».

Активные волонтеры добровольческого движения «Даниловцы» (далеко не все):

Елена Буйвилло, Валерия и Федор Нестеренко, Ксения Трускова, Александр Гречухин, Вера Зайцева, Павел Рогожин, Татьяна Никитина, Светлана Круглова, Кристина Котляревская, Станислава Зонова, Ирина Шалунова, Ольга Мироманова, Анна Куркулина, Елизавета Киселева, Елена Мулюкова, Елена Хомякова, Евгения Тишина, Наталья Воротынцева, Жанна Суркова, Александр Трофимов, Максим Рыков, Валерия Антонова, Дарья и Игорь Макаровы, Анастасия Овчинникова, Динара Гаспарян, Анастасия Кармаева, Василий Филиппов, Олег Цыро, Клара Минак, Марина Калюжина, Екатерина Горбунова, Юлия Бочарова, Александра Оганесян, Ирина Москалева, Любовь Вакуленчик, Татьяна Волженина, Никита Характеров, Максим Бацуков, Наталья Тихонова, Николай Левит, Виктория Невская, Ольга Романова, Наталья Береговская, Кристина Соколова, Александр Валентьев, Виктория Дегтева, Заяна Шаршикова, Эльмира Шульга, Екатерина Калашникова, Михаил Клинков.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С ЧЕГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ И КАКИМИ БЫЛИ ПЕРВЫЕ ГОДЫ «ДАНИЛОВЦЕВ»?

*Юрий Белановский,
руководитель добровольческого движения «Даниловцы»*

— **С чего все началось?**

— История достаточно давняя. Наше движение выросло из молодежного центра при Свято-Даниловом монастыре. Его бы просто не было без монастырской опеки, без большого, единственного в своем роде молодежного центра. Там существовали разные курсы, клубы, кружки. Приходило более 1 000 человек в год. Еще до формального появления «Даниловцев» молодежный центр уже был связан с лечебными и социальными учреждениями. Молодые люди, которых еще никто не называл волонтерами, уже ходили в больницы, центры социального обслуживания, в центр временной изоляции несовершеннолетних. Но работа тогда была скорее церковно-просветительской. Впрочем, это вполне соответствовало запросам вышеназванных учреждений.

— **Как появилось движение «Даниловцы»?**

— Началось все с вошедшего уже в предания телефонного звонка Андрея Мещеринова ко мне в марте или апреле 2008 года. Андрей — педагог с большим стажем и опытом. Он сказал, что очень хотел бы работать с детьми, которые больны раком, и предложил нам организовать такую работу на базе Патриаршего молодежного Центра при Даниловом монастыре. В то время я работал в заместителем руководителя этого Центра. Так получилось, что на тот момент в фонде «Подари жизнь», как раз задумывались над запуском волонтерской группы при Институте нейрохирургии имени Бурденко. Вскоре произошла историческая, очень важная для нас встреча Андрея и Галины Чаликовой — основателя и первого директора фонда «Подари жизнь». Галина очень поддержала Андрея, воодушевила его. Мы вместе съездили в Бурденко, посмотрели, познакомились. 7 мая Андрей и первые его помощники впервые пришли к детям. Исторически «Даниловцы» появились именно так.

Часть организаций, с которыми «Даниловцы» сейчас сотрудничают, уже были в орбите молодежного монастырского центра, мы с ними дружили. По сути, звонок Андрея запустил процесс, и дальше все нарастало, как снежный ком. Первой мыслью после предложения Андрея было: «А что мы сидим? У нас есть еще минимум три учреждения, которые нам полностью подходят для организации волонтерских групп». Там ждут не просветительской, не миссионерской деятельности, не лекций, а творческой, игровой, досуговой, социально-психологической работы. Ждут, что не батюшки в золоченых одеждах, а именно молодые люди — юноши и девушки, активные, веселые, дружные придут к детям. Эти учреждения — 6-я детская психиатрическая больница, наркологический диспансер и приют «Дорога к дому». В больнице мы начинали работать еще в конце 90-х, я лично ходил к детям. В диспансере с 2002, кажется, когда он только готовился к открытию, и в нем не было детей. С приютом мы имели некоторые разовые контакты.

Работать в диспансере и создать там волонтерскую группу предложил Сергей Майоров. В приюте «Дорога к дому» Настя Ярмош.

В то же примерно время со мной связалась девушка, благотворитель одного из отделений в РДКБ, чтобы начать там волонтерскую работу. Я предложил взяться Лиде Алексеевской, и Лида согласилась. Таким образом запустились два отделения в РДКБ — нефрологии и гинекологии.

Прежде всего, мы стали искать и привлекать волонтеров. Первое время пользовались той аудиторией, что была в орбите Патриаршего молодежного Центра. Андрею сразу же пришли на помощь Света Перегудова, Калиса Патлусова, Таня Волженина, Лида Алексеевская и другие. Молодежный Центр — это то пространство, в котором тогда общалось так или иначе около тысячи человек в год. Тогда мы еще не понимали, а сейчас, через пять лет, я понимаю, что именно благодаря этому мы смогли встать на ноги. Попробуйте мы искать помощников на стороне — не нашли бы почти никого. Вначале очень помогали активная молодежь из детского лагеря «Звезда Вифлеема», из клуба «Мелос», много пришло и с Молодежного лектория, который в те годы собирал по 250-300 человек. Срабатывали листовки в вузах. Поскольку с самого

начала был запущен сайт, то какие-то люди узнавали о нас в интернете.

Собеседования с новичками проводили каждую неделю все координаторы по очереди. В очереди стоял и я, это было важно и поучительно. Всегда приятно встречаться с людьми, узнавать что-то о них, об их мотивах, об их понимании волонтерства и каким-то образом делиться своим пониманием и опытом.

Все, о чем я рассказал, произошло в первые полгода, с сентября по январь 2008-го. У всех наших волонтеров и координаторов было личное желание помогать детям. А мы, люди уже встроенные в большую систему молодежного Центра старались построить для них пространство, в котором они могли бы работать, находить новых помощников и передавать свой опыт. Опыт работы в молодежном Центре с 1995 года ясно мне говорил, что сам Центр — это очень большой ресурс. Но нужно всерьез задуматься над созданием именно волонтерского движения, которое смогло бы не только привлекать волонтеров, но и организовывать их труд и организовать поддержку и помощь. Поэтому, можно сказать, что «Даниловцы» были сконструированы и построены сверху. Просто по-другому мы не умели. В этом, я считаю, наша особенность, но с этим связаны и наши трудности.

Думаю, что одна из наиболее трудных задач стоит перед координаторами. С самого начала мы понимали, что должны обеспечить регулярность посещений. Вне зависимости от погоды, времени года, каникул, в больницу должны прийти волонтеры. А чтобы это произошло, нужен координатор. Если уж никто не придет — придет он, у него такая ответственная задача. Но его задача и в том, чтобы добровольцам было достаточно комфортно. Мы с самого начала это позиционировали как одну из принципиальных наших особенностей: мы стремимся организовать труд волонтеров, чтобы волонтер делал именно то, ради чего он пришел. То есть если он пришел играть с детьми, а к нему пристала сестра-хозяйка и говорит: «Вымой пол», то он пол не моет. Координатор является неким буфером между самой больницей или учреждением и волонтером. Это человек, который знает внутреннюю жизнь группы, знает ее трудности, вопросы, недоумения и может транслировать их уже соответствующим специалистам — ну,

к примеру, психологам. Кроме того, координатор отвечает и за обеспечение группы всеми необходимыми ресурсами: канцтоварами, например. То есть с одной стороны, он делает то, чего желает сердце, но с другой стороны, у него есть ряд обязанностей, ответственность за группу и за подопечных учреждения. И если есть средства, то, конечно, ими нужно эту ответственность подкреплять — я говорю о зарплате. Для нас это тоже принципиально важно.

Кстати, важный принцип «Даниловцев»: мы стараемся, чтобы никто не вмешивался во внутреннюю жизнь группы, работу координатора. Дело в том, что для нас важнее всего ответственность координатора за подопечных движения. Волонтеры — люди взрослые и уж как-нибудь разберутся. А подопечные — это те, кому сейчас очень трудно в жизни. И мы не можем ставить под удар подопечных через разброд и нестроение волонтерской группы, если там возникает какой-то конфликт, а тем более, если волонтер неадекватный. Поэтому у нас есть правило, что координатор на первом собеседовании без объяснения причин может сказать человеку: «Я тебя не беру». Таких примеров не было, но правило, тем не менее, есть.

Координаторы не болтаются в воздухе, у них есть помощники в лице прежде всего психологов. Среди первых, к кому я обратился после разговора с Андреем Мещериновым, были Лена Чичерина и Наташа Суполкина. Во многом именно благодаря им «Даниловцы» как движение было сконструировано. Они начали регулярную психологическую работу с группами, стали моими консультантами по административным вопросам, чтобы нам вместе понимать происходящее, контролировать, чтобы движение развивалась.

Почти через год к нам пришел Дима Иванин. Педагог с большим опытом работы. Он занял позицию по «сопровождению волонтеров» — прообраз того, что делают сегодня Лида Алексеевская с Андреем Мещериновым. Дима много посещал учреждения с волонтерскими группами, организовывал разные творческие, учебные семинары и довольно долго вел их. Какие-то творческие люди приходили, чему-то учили. Помню один из самых ярких семинаров прошлого: как печь с детьми хлеб.

То есть примерно через год нашего существования, в «Даниловцах» была создана служба по психологической

поддержке и по обучению волонтеров. Тогда же Калиса Патлусова была взята на должность администратора движения. Калиса работала и с новыми волонтерами, и со списками, и со складом, и с общим расписанием.

— **Как появилось название?**

— Название «Даниловцы» появилось еще до всей этой истории со звонком Андрея. В Патриаршем молодежном Центре много молодежи, активной, верующей, которая хотела бы каким-то образом проявлять себя не только в Церкви. Логично было подумать о создании движения «Даниловцы», естественно, в честь князя Даниила Московского. Не столько формально, потому что мы при монастыре, а потому, что у многих очень большое доверие и уважение к московскому князю, сыну Александра Невского. Это во всех смыслах достойное имя, и важно, что оно теснейшим образом связано с Москвой. Поэтому для нас не было даже никакого другого варианта, кроме как «Даниловцы».

— **А концепция?**

— Мы исходили из того, что «Даниловцы» будут нетипичным движением. Ведь как обычно бывает? Существует группа ребят, которая сперва работает на запале и эмоциях, потом приходит привычка и даже усталость, и в результате встает вопрос о сохранении стабильности и привлечении новых людей. Если эта задача успешно решается, возникает серьезное движение. Так, например, возник «Клуб волонтеров» — крупнейшее волонтерское движение, помогающее детишкам из детских домов.

— **А у вас?**

— А у нас было все наоборот, так сказать, не снизу, а сверху, поскольку имелась мощная база и опыт молодежного центра при Даниловом монастыре. Нужно было правильно организовать то многое, что фактически уже имелось в нашем распоряжении. Множество сотрудников, специалистов.

— **Это был ресурс монастыря...**

— Да, к счастью для нас, он был с самого начала. И это огромная поддержка. Нас очень вдохновляла поддержка наместника монастыря архимандрита Алексия и руководителя молодежного центра игумена Иоасафа. Уже на старте мы имели людей, которые создавали движение как стабильную профессиональную систему. Мы не хотели прийти в Бурденко

на полгода, для нас необходимость долгосрочной и регулярной работы раз в неделю была самоочевидна. Многие думают, что волонтер способен лишь на разовые акции — скажем, три часа раз в год на морозе постоять с плакатом. Конечно, нужно быть благодарными и за это. Но нам было нужно другое. Раз в неделю группа должна быть в больнице — и точка.

— **Ответственность за ваших подопечных?**

— Разумеется, потому что дети просто сидят у лифта и ждут нас. На протяжении пяти лет мы ни одно учреждение не бросили. Эта долговременная задача ставилась изначально, под нее и формировался костяк специалистов, включая психологов, которые до этого работали в молодежном Центре. Кстати, у нас сформировалась и стала неотъемлемой частью движения служба психологической поддержки. Тогда же мы решили ежемесячно в определенные дни проводить учебные тренинги по той или иной проблеме и психологические встречи: одна для групп, другая для всех желающих волонтеров.

— **Движение жило на средства Данилова монастыря?**

— Мы очень благодарны и руководству монастыря и руководству молодежного Центра за их заботу и поддержку. Нам очень повезло, потому что «Даниловцы» возникали с самого начала как самостоятельная общественная организация, но как бы при молодежном Центре. Первое время мы не думали о деньгах. Те люди, которые были первыми сотрудниками «Даниловцев», были сотрудниками и молодежного Центра при Даниловом монастыре. Зарплаты были не очень высокие, но стабильные, и мы могли думать только о нашем деле.

Для нас вопрос о деньгах встал далеко не сразу, только через полгода, когда мы стали всерьез задумываться, где нам брать расходные материалы: пластилин, цветную бумагу, карандаши, творческие наборы, а так же всякие сладости для чаепитий с детьми и т.д. И тогда мы запустили наши благотворительные ярмарки. Первая ярмарка была в марте 2009-го, и в ней принимали участие все структуры молодежного Центра. Это было действительно очень воодушевляюще и создало нам какой-то бюджет. Впоследствии темой ярмарок занялась Настя Ярмош, что и делает до сих пор.

Так или иначе перед «Даниловцами» встала задача: не перестраивая саму нашу деятельность в подшефных учрежде-

ниях, сделать такую надстройку над ней, чтобы мы могли предстать перед обществом, занять свое место среди других добровольческих организаций и найти себе средства к существованию.

— **Как меняется из-за этого движение?**

— «Даниловцы» должны были стать и постепенно становятся таким муравьиным. В Византии было такое мифическое животное. Мы стараемся сделать так, чтобы работа волонтеров оставалась их служением, их даром детям, их творчеством, чтобы это была почти беспримесная история. А с другой стороны, одновременно со всем этим мы можем, а порой должны говорить о таких понятиях, как «должностные обязанности», «фандрайзинг», «продвижение», «реклама», «партнерские отношения», и чуть ли не «корпоративная ответственность». Вот такие два мира мы должны в себе совмещать. И, конечно, по обычным законам наш муравьиный умер бы еще в детстве, но чудом Божиим, помощью князя Даниила Московского, большой любовью к нам со стороны наших подопечных и общим трудом волонтеров, сотрудников и благотворителей, он еще живет.

Чтобы каким-то образом привлекать волонтеров и средства, мы сделали прозрачной работу групп и всего движения. Сегодня все о нас есть на сайте. Ведь люди, когда знакомятся с движением, хотят понять, как оно устроено и как работает, почему можно нам доверять, на что можно пожертвовать деньги, как помочь. Поэтому сегодня в движении очень важна работа административной группы.

— **Административная группа помогает волонтерам?**

— Да, помогает помогать. То есть наша рабочая задача, чтобы в самих учреждениях с подопечными волонтеры действительно могли реализовывать свое служение. А вот административная задача состоит в том, чтобы раз в неделю кто-то пришел. А для этого нужно привлекать средства и волонтеров, работать с ними, вести переговоры с больницами и много-много чего. То есть у административной группы действительно очень много дел, и это большая серьезная работа, которая требует профессионализма и постоянства. Поэтому все участники административной группы работают, на полную или на частичную ставку. И для меня это принципиально важно.

Эти изменения сказываются и на координаторах. Ведь они должны быть, с одной стороны, гарантами добровольческого служения на местах, а с другой стороны, у них есть теперь большая ответственность в административной сфере, чтобы представить работу движения вовне. И мы попытались эту нагрузку частично с координаторов снять. У нас появилась дополнительная должность — куратор волонтерских групп.

Интервью подготовила Жанна Суркова.

БЫТЬ ВОЛОНТЕРОМ В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ «ДАНИЛОВЦЫ»

*Андрей Мещеринов,
координатор и специалист по сопровождению волонтеров
добровольческого движения «Даниловцы», создатель и пер-
вый координатор волонтерской группы в детском отделе-
нии НИИ нейрохирургии им. Бурденко*

*Лидия Алексеевская,
директор Школы социального волонтерства, создатель
и первый координатор волонтерской группы движения
«Даниловцы» в Российской детской клинической больнице
(в отделениях гинекологии и нефрологии)*

Волонтер в «Даниловцах»

Волонтер в нашем добровольческом движении — это человек, изъявивший собственное бескорыстное желание делать то же, что делаем мы. Делать это вместе с нами. Если у него какой-то корыстный интерес, то это не волонтер. А если не с нами, пусть даже тоже самое, то это не наш волонтер.

Мы открыты для разных волонтеров. Для нас волонтер — это соратник, человек, с которым у нас много общих ценностей, точек соприкосновения, много совместных дел. Чаще всего это люди горящие, проявляющие истинный интерес, стремящиеся что-то делать

В «Даниловцах» доброволец — это человек, которого мы бережем, храним, «выращиваем». То есть, и он тоже подопечный нашей организации. Когда к нам приходят новички, мы понимаем, что им нужно внимание. Наша философия — любой человек имеет право на внимание и поддержку, неважно, ребенок ли это в онкологической больнице или студент третьего курса, который к этому ребенку пришел как волонтер. Иначе будет несправедливо, как будто только страдания дают право на любовь.

Кто волонтер для подопечного?

По отношению к своему подопечному волонтер, в лучшем случае, друг, но чаще всего — просто человек из большого мира, пришедший побыть рядом с ребенком, бездомным, с тем, кому нужна помощь. Можно сказать, что волонтер — это тот, кто пришел к нуждающемуся в гости, побыть с ним в его ситуации.

Кстати, для подопечных часто большая загадка, кто же такие волонтеры, как люди? Что ими движет?

Встречает ребенка в больнице волонтера: «Ты чего сюда пришел?» — «Э-э...» — «А к кому?» — «Ко всем, кто здесь лежит, и к тебе тоже». — «А зачем?» — «Поиграть, пообщаться, просто вместе время провести». — «Да? Ну пошли!» И через минуту уже тащит волонтера куда-то показывать свою любимую игрушку.

Подопечному часто важно знать, что волонтер от него ничего не хочет. Что он пришел не для того, чтобы лечить, учить, воспитывать, развивать, развлекать. Он просто к нему лично пришел.

Для нас важно говорить о нашем равенстве волонтера и подопечного, которое основывается на одинаковой ценности и достоинстве и на том, что мы оба одновременно нуждающиеся и помогающие. Но равенство в уважении не отменяет некоторую субординацию, старшинство и ответственность волонтера за то, что он дает подопечному. Абсолютное равенство будет обременительно и несправедливо для самого подопечного, особенно ребенка. Опыт работы с подростками однозначно говорит — не должно быть заигрывания, должно быть пространство, где нет места панибратству.

Вообще, определенная субординация и понимание своих ролей и разницы в ответственности — это условия

безопасного общения. Для младшего студента безопасно и удобно, чтобы был старший компетентный взрослый, который просит, иногда даже приказывает. Если студент, а в нашем случае подопечный или простой волонтер, вдруг поймет, что вся ответственность за ситуацию на нем, ему будет плохо.

Как бы там ни было, волонтер идет к нуждающемуся. В этом смысле позиции волонтера и подопечного неравны. Иногда жизнь подопечного сопряжена со страданиями, тяжелыми переживаниями. И изначально у волонтера установка давать, поддерживать. Это потом может произойти слом, когда волонтер поймет, что его подопечный на деле тоже чему-то учит, и они в какой-то мере партнеры. И все же, есть кто-то младший и старший. Есть тот, кто останется сейчас, к примеру, в детском наркодиспансере, и тот, кто выйдет. Есть тот, кто ест еду, а есть тот, кто приготовил ее. Разница в любом случае есть, и отвергать ее не стоит.

Ресурсы волонтера. Что у него есть? Чем он делится?

Начнем с общего. Огромным ресурсом для волонтера является сама наша организация. Внутри нее он может учиться, делиться переживаниями, общаться, иметь совместный досуг, получать поддержку не только профессиональную, но и чисто человеческую.

В нашей организации и во многих других, немалым ресурсом является сайт. На нем посетители видят, что происходит в волонтерских группах, видят отклики, фотографии со счастливыми детьми и получившимися поделками, получают вдохновение на собственное дело. Для волонтеров — это постоянная подпитка — узнавать, что хорошего произошло внутри организации, получать силы.

Но главный ресурс волонтера — это его добрая воля. Пока у него есть желание, стремление, понимание того, что нужно делать, он будет это делать даже в самых плохих условиях. А когда оно — личное желание — закончится, то даже самые лучшие поддержки, группы, сайты вернут его. Как бывает в жизни? Волонтер приходит к подопечному чаще всего после работы или учебы уставший, голодный, изможденный. Ему нужна внутренняя сила, чтобы воплотить задуманное: провести мастер-класс, игру, обучение. И, если у волонтера нет желания, и он не чувствует поддержку от организации и от своей группы, то он вскоре отступит.

Именно поэтому, устойчивость волонтерской организации — в том числе нашей — обеспечивается тем, что мы даем возможность выбирать. То есть мы не тратим силы на то, чтобы зарядить добровольца энергией, но предлагаем целый горизонт, о котором говорим: «Вот тебе много возможностей — выбери, что тебе нравится». Очень радостно, когда уже на собеседование приходят люди, которые определились, что и где они хотят делать.

О мотивации волонтеров

Мотивации у волонтеров очень разные. Непросто выделить какую-то главную. Среди приходящих к нам есть такие, что говорят: «Я сам в детстве болел этим...», «У меня брат инвалид, и я знаю, что это такое...», «Я был в больнице и помню, как там пусто...» Есть и противоположные мотивы, когда человек готов идти куда угодно, только не в больницу: «Я лежал в больнице и больше ни за что туда не пойду». Есть и те, для кого жизнь бессмысленна: «Я чувствую себя никому ненужным, мне надо, чтобы кто-то показал, что я ему нужен». Или: «Офис, работа, скучно. У меня остается много времени, и мне некуда его девать». «Друзей нет, и в этом мире я себе точку приложения не нашел». Есть «мужской» мотив: «Я же когда-то стану отцом, мне надо знать, с какой стороны к ребенку подойти». Девушек, кстати, такая сторона дела тоже интересует, но реже. Еще есть: «Я учусь на медика или психолога, и мне хочется посмотреть на свою работу с другой стороны». Замечательный мотив: «Я же должна делать добро. Все должны делать добро». Интересно потом видеть, какой стороной этот мотив поворачивается, часто за ним начинает проступать что-то конкретное, что этому волонтеру на самом деле нужно.

Есть и такие: «Дети подросли, я столько всего с ними умею». Есть стремление продлить детство, хотя это не всегда осознается: «Я столько удовольствия получаю от этого всего! Мы с ребенком там так зажигаем!» Бывает и такая цель — попробовать себя на прочность в мире, где есть смерть, страдания. Вообще, узнать свои возможности.

Для нас все такие мотивы вполне рабочие. Мы рады, что люди приходят разные.

При собеседовании у нас нет необходимости глубоко лезть в душу волонтера и стараться досконально ее изучить. Конечно, доверительная и достаточно открытая беседа

нужна. Если вдруг возникнут подозрения о каких-то недопустимых намерениях волонтера, то всегда можно их проверить и в случае чего не допустить волонтера к подопечному. Но знать особенные тонкости мотивации нам не надо. Тем более, что по ходу дела мотивация у волонтеров меняется. Нам очень важно понять, что же человек сейчас для себя ищет. В-первых, потому, что не в каждой группе новичок сможет свои запросы реализовать. Во-вторых, важно понять, как человек видит сам себя в отношении подопечных. Если волонтер находит для себя интересное направление (например, помощь в больнице), а в нем «нужного» себе человека, то здесь интересы ребенка и волонтера пересекаются, и это прекрасно.

Нам нужно помочь на собеседовании и потом в волонтерских группах сделать для человека волонтерство осознанным. Ибо это дает опору. Осознанность очень важна в отношениях «координатор-волонтер». Это залог взаимного доверия.

Надо понимать, что поведение волонтера с ребенком может быть абсолютно одинаковым при очень разной мотивации, и очень разным при одной и той же мотивации. Поэтому нам, и прежде всего координаторам групп надо знать своего волонтера, как человека, его опыт жизни.

К примеру, в отделении больницы появляется ребенок, у которого мама говорит, что они путешествуют по больницам уже два года, что ребенок измотан, а ей жить не хочется. И если координатор знает, что у него в группе есть волонтер, который несколько лет провел в больнице, то можно его попросить встречаться с этим ребенком. И это очень важно. Потому что, если ребенок находится в какой-то кризисной ситуации, он скорее будет контактировать с тем человеком, который его поймет. Но мотивом прийти в больницу для этого волонтера могло быть что-то не связанное с его больничным прошлым.

Мы знаем на опыте — часто волонтер встречается со «своим» ребенком. И это чудо. В НИИ нейрохирургии им. Бурденко в детское отделение как-то пришел волонтером наш друг из правоохранительных органов с большим опытом работы с детьми и подростками. И к нему сам подошел ребенок и они провели немалое время вместе. Потом оказалось,

что этот мальчик — вполне себе криминализирующийся детдомовец, для которого встреча с таким волонтером была очень важна. Они отлично нашли общий язык. Они встретили друг друга и нашли поддержку в друг друге.

О религиозной мотивации

В нашей практике религиозные мотивы не такие частые. «Батюшка сказал, что надо стать волонтером» встречается, но это скорее исключение, чем правило. Вообще, распознать чисто православный или иной религиозный мотив сложно. Дело в том, что за отсылками к заповедям или благословениям могут скрываться другие причины, и они очень разнятся. И совсем непросто понять, что движет человеком, что он хочет другому дать и от него получить. Заповедями очень легко «отговориться».

При этом, конечно, есть и такие, кто сознательно приходит исполнять заповедь Божью о служении ближним, о любви к ближним. В некоторых наших волонтерских группах немало таких людей.

И все же, понятно, что наше движение так или иначе связано с православным христианством. Мы никак не религиозная организация, но и наше имя и наши ценности и даже наши принципы работы серьезно в христианстве укоренены. И потом, наша организация начала свое существование в стенах Данилова монастыря.

Некоторые волонтерские группы молятся перед началом своего дела. Причем, во многом это не традиция, подталкиваемая координатором, но традиция группы. То есть, координатор и волонтеры могут несколько раз смениться, а группа как молилась, так и молится. При этом те волонтеры, которые не готовы молиться, имеют свободу этого не делать. Это всегда личный выбор.

Для некоторых наших волонтеров именно «православность» — критерий выбора добровольческой организации, причина, почему «Даниловцев» предпочитают другим движениям. Бывали случаи, когда волонтеры говорили о возможности своего воцерковления. Они хотели присмотреться к христианству через нас.

С какими волонтерами мы не работаем?

Недопустимо работать с сексуально озабоченными, агрессивными или явно неадекватными людьми. Мы

категорически не работаем с экстрасенсами и теми, кто увлекается оккультизмом. Не работаем и с теми, кому нужно провести исследование на подопечных, будь то социологи или психологи или иные специалисты.

Мы не всегда готовы принимать в волонтеры тех, кто недавно получил душевную травму и нуждается в участии специалиста психолога. Например, однажды пришла мама, только что потерявшая ребенка. Мы не взяли ее в больницу. Тогда ей самой нужна была помощь.

Есть популярная идея создания сообществ, которые являются реабилитационными и для самих волонтеров. Например, в наркологических диспансерах, когда тем, кто только восстанавливается, предлагают пойти в волонтерскую организацию и сделать доброе дело. В таких случаях, конечно, следует все рассматривать индивидуально. Но наше движение — не реабилитационный центр. Этим должны заниматься профессионалы.

Еще мотив, с которым мы не готовы работать — это желание самоутвердиться за счет детей. Хотя и редко, но в нашей практике такие случаи были. Это когда волонтер говорит ребенку: «Вот смотри, как ты плохо сделал, и как я сделал хорошо. А у тебя косо, а у меня прямо». В подобных случаях приходится расставаться.

Отдельно следует сказать и даже подчеркнуть, что мы не готовы работать с подростками, которых родители буквально «впихнули» в волонтерскую организацию. Плохо, когда у человека нет личного желания и совсем недопустимо заставлять человека.

О влиянии на мотивацию

«Даниловцы» не приемлют и не практикуют то, что называется «замотивировать людей» или «завлечь» их куда-то. Есть системы, где без «мотивирования» не обойтись, например, школы, если надо вывести старшеклассников посадить аллею в парке. Но такая работа со школьниками требует серьезного, в том числе педагогического сопровождения волонтеров и у школы есть для этого ресурс и полномочия.

Наш подход к волонтерам другой. Мы даем им реализовать свою добрую мечту. Мы создаем для этого и учебное и рабочее пространство, где можно осознавать свою мотивацию, где можно слышать других. Мы не можем поменять мо-

тивацию или дать ее. Мы можем поддержать человека в существующей мотивации или в поиске мотивации, когда старая закончилась. Порой волонтеры говорят: «Вот я ходила-ходила, все было хорошо, потом я поняла, что это стало бессмысленным. Теперь я не знаю, ходить или не ходить». А потом, могут сказать: «Я прожила с этим пару месяцев и поняла, зачем мне сегодня это надо. И теперь я «профессиональный» волонтер».

Если человека в какое-то дело втягивать или вталкивать, то хорошего контакта с подопечными не будет. Нет общего какого-то интереса. Тяжело будет и человеку. Проявится скрытый протест, будет ощущение скуки или вины. Вообще, чтобы прийти к подопечному, а это свободный сознательный выбор, каждый раз нужно себя немного принудить. И если ты делаешь это, потому что кто-то, а не ты сам этого хочешь — это каждый раз мучение.

Конечно, если волонтер — человек взрослый, воспитанный, адекватный и его куда-то «втянуть», то скорее всего трагедии не будет. Но и радости не будет, ни волонтеру, ни подопечному. Представьте, кому будет хорошо, если к нему в гости придет человек по приказу, желающий сейчас быть в другом месте?

Свобода, ответственность, права, обязанности

Есть общий принцип: свобода человека ограничивается свободой других людей. Есть и более формальный подход. Свобода ограничивается правилами. В нашем случае правилами «Даниловцев», правилами того учреждения, где мы работаем и, безусловно, законами Российской Федерации.

Волонтер, конечно, обязан соблюдать правила по отношению к подопечным, к их родителям (если речь о детях), к персоналу учреждений. Он не может вести себя, как хочется. Он не может прийти в больницу с простудой. Волонтер не может устраивать какие-то нововведения, не обговаривая это с координатором.

Основная ответственность волонтера — это, в первую очередь, извещать координатора группы о своих намерениях. Пойти или не пойти — это его свобода, но он должен поставить в известность. Если он взял на себя какую-то часть работы (организация мастер-класса с детьми, фотосъемка, репортаж) и у него не получается, он должен поставить об этом

в известность, или обговорить изменение ситуации, отказ. Всякое бывает. В этом смысле волонтер призван быть прозрачен.

И волонтер, безусловно, должен принимать решения координатора. За процесс в целом отвечает координатор, волонтер не отвечает. Координатор — ответственный и за безопасность всей группы.

При этом у каждой волонтерской группы могут быть и свои правила, свои традиции, даже своя система управления. Но тут волонтер свободен, если он захочет что-то придумать, что-то предложить, у него есть все возможности переговорить с координатором, с группой. Возможно, прежде чем он сможет проявить свою инициативу, координатор попросит его подождать пару месяцев, чтобы присмотреться, насколько человек серьезно относится к волонтерству, регулярно ли ходит, а потом — да, пожалуйста.

По факту волонтер ответственности за группу и за процесс в целом не несет. Волонтер отвечает за то, что происходит между ним и подопечным. Волонтер — участник внутренних процессов в группе и не может за них в целом отвечать.

И все же важно, когда человек начинает мыслить категориями «мы»: «Это было наше посещение». «У нас было очень здорово, но там был такой-то инцидент». Хорошо, если волонтер видит все пространство. Хорошо, если ему не все равно, что происходит между другими волонтерами. Тогда можно говорить, что этот волонтер разделяет ответственность группы. Но утверждать, что это обязательное условие — было бы неверным. Многие к этому не готовы. Но при этом они очень ответственно подходят к своему общению с подопечным.

К примеру, в игровой комнате больничного отделения сегодня много тревоги или много разочарования и гнева подопечных. Многим сегодня физически плохо. Или какой-то произошел инцидент до прихода волонтеров. И волонтерская группа во главе с координатором создает вместе в игровой свою альтернативную атмосферу. Например, какие-то дети перестали друг с другом общаться, они поругались. В принципе, мы можем в пространстве игровой потихоньку попробовать помочь, если не восстановиться этим отношениям, то хотя бы сделать так, чтобы люди увидели друг друга. Безусловно, вклад в общую атмосферу каждого волонтера

очень большой. Если волонтер не реагирует на то, что вокруг, не реагирует на других волонтеров и детей, это тяжело для общей атмосферы. Но бывает и такое.

По сути, волонтер — это тот, кто имеет право быть в группе и участвовать в процессе. Очень хорошо, когда волонтер чувствует себя частью общего процесса, чувствует свое влияние и поддерживает общий процесс. Но может и не чувствовать. Например, координатор, который, может заметить, что в игровую пришла девочка Катя, она все крушит на своем пути и некоторый баланс нарушился. Координатор может ожидать от волонтеров, что они это увидят, перестанут общаться или играть с другими детьми и займутся Катей. И волонтеры могут это сделать, а могут и не сделать.

Конечно, если эта Катя крушит все так, что даже гуашь льется на пол и потом линолеум не спасти, и какой-то волонтер рядом с Катей не оторвался от своего ребенка и не вытер эту гуашь, то со стороны персонала больницы будет скандал и неприятности для группы. В таком случае этот волонтер неправ. Но если происходящий хаос не угрожает ни дальнейшему функционированию группы, ни тем более здоровью детей, то волонтер совершенно не обязан бросать «своего» ребенка, чтобы что-то уstraивать.

И тут не просто такое поведение оценить. В любом случае — и мы это знаем из опыта — волонтерская группа — это не армейская структура, чтоб все ходили строем. Бывает такое. Пришла группа в больницу, договорились делать с детьми город из картона. А один волонтер (обычно это девушка) берет парочку детей и идет мастерить что-то из бисера. И в следующий раз они снова мастерят из бисера. И координатор, время от времени может подходить, восхищаться тем, что они делают, показывать город из картона (то есть вовлекать), но не может и не имеет права прекратить бисероплетение. И, что самое важное, всегда находятся не только волонтеры, которые не хотят, как все, но и дети, которые такие же. И они находят друг друга.

Задача координатора сделать так, чтобы дети не чувствовали принуждения, что они обязаны что-то делать. И для этого волонтеры должны быть свободными. И если кому-то из волонтеров надо два месяца или два года сидеть

только с бисером, и его будут окружать два ребенка, которые только из бисера будут что-то делать, это очень хорошо.

За что отвечают координаторы волонтерской группы?

Еще раз повторим. В «Даниловцах» мы исходим из того, что волонтер за процесс и за группу не отвечает. Это прежде всего потому, что за любым волонтером остается право в любой момент уйти, а это значит, что нагружать его серьезной ответственностью — это бессмысленно. Если волонтер готов нести ответственность только за себя и ребенка здесь и сейчас, то важно дать ему такую возможность. И не перегружать его чем-то еще.

Тогда может возникнуть вопрос: «Получается, за все отвечают координаторы и вся гора ответственности на них?» Для нас ответ такой: нет, координатор не отвечает за отношения между волонтером и ребенком, он отвечает за общую складывающуюся ситуацию. Всегда получается так, что если координатору что-то важно, то в группе найдутся два-три единомышленника, которые захотят эту ответственность разделить. Не по назначению, а по доброй воле. Если волонтер готов разделить ответственность с координатором, и может на себя ее взять и если это координатору нужно и координатор готов поделиться, то это очень позитивно. Но не каждый координатор в этом нуждается. И это тоже позитивно.

Когда координатор достаточно долго управляет группой и группа более-менее стабильна, то чаще всего люди, которые ходят больше полугода, уже готовы видеть какую-то перспективу, уже понимают картину в целом. И таким людям несложно что-то поручать, ибо они и сами к этому готовы. Но это не директивная и не формальная модель. Это модель отношений, развития и взросления.

Что волонтер может дать подопечным. Что в его силах?

Попробуем пояснить на примере больниц. Больничный день, обходы и назначения, процедуры — обычно с 8 утра до обеда. После чего пациенты ждут следующего утра, когда будут результаты чего-то или врач что-то скажет. Или будет еще одна капельница, еще один укол, после которого что-то может измениться. Поэтому вторая половина дня такова, что ее нужно быстрее прожить. При этом есть еще тревога — получится ли поспать, не станет ли ночью хуже и т. д. И эти полдня таковы, что с ними надо что-то сделать. Но при этом ни у ре-

бенка, ни у родителя, ни у персонала нет ресурсов, чтобы прожить это время как ценное. Это время надо убить.

А волонтер, приходя к ребенку, как бы «проявляет» это время, делает его ценным. И ребенок попадает в два часа «здесь и сейчас» с другими людьми, когда он действительно проживает это время. И это одна из важных вещей, зачем волонтер приходит — это возможность оказаться в настоящем и прожить это время в полноте и выразить это в общении или в творчестве.

А второе, что дает волонтер — это некая перспектива и некое раскрытие новых личных человеческих отношений. Потому что часть отношений закончилась — человек покинул свою школу или уехал из своего города. И чем больше ребенок в больнице, тем больше прерывается каких-то знакомств, особенно неглубокой дружбы, приятельства. И перспектива, если болезнь тяжелая, может представляться такой, где все меньше и меньше общения и искреннего человеческого участия. И когда приходят волонтеры, которые проявляют искренний интерес к ребенку, у него появляется ощущение, что он может заводить новые знакомства, поддерживать новые отношения, может познавать новое.

В таком случае ребенок может понимать, что если он ушел в изоляцию, то это его выбор. Да, болезнь принесла ему некоторые ограничения, но если он дальше не занимается творчеством, ни с кем не общается, то это его выбор. Он в любой момент может поменять свое решение. У него есть возможность жить по-другому, потому что рядом есть люди, которые готовы проживать этот больничный день вместе с ним. Это, наверное, самое важное, для чего нужен волонтер в больнице.

В сиротских учреждениях то же самое. Ребенок может воспользоваться приходом волонтером в своих целях, чтобы жить и развиваться. Волонтер приносит интерес к ребенку. Волонтеру интересен ребенок, а не результат от ребенка. И это редкость! В сиротских учреждениях тем более. Волонтер приносит ему свободу. «Участвуй, не участвуй; делай, как хочешь» Даже в мастер-классе можно сказать «нет» или что-то поменять. И это тоже большая редкость.

Волонтер приносит некий знак, что мир за окном готов ребенка принять! Волонтер готов выстраивать

какие-то отношения и делиться опытом этих отношений. А дальше все в руках ребенка, — как он этим воспользуется, что он с этим сделает. Это как раз та область, где ребенок может сам попробовать что-то новое, поэкспериментировать.

Зачем нужна групповая система?

В «Даниловцах» групповая система волонтерской работы с самого начала была очевидной и единственно возможной. Это когда волонтеры работают только группами и только по расписанию. У каждой группы свой координатор.

Группы для нас ценны и важны вот почему. Один человек, если он придет в больницу без каких-либо ярких и профессиональных предложений (шоу воздушных шаров, мыльных пузырей, фокусов и т. д.), будет поглощен атмосферой самого заведения. В результате не произойдет преобразования атмосферы и изменения климата, поскольку сам человек в таком тревожном месте чувствует себя некомфортно. Ему тоже нужно как-то мобилизоваться, защититься. Даже если он искренен, то он все равно очень напряжен. Если же в больничное отделение приходит несколько человек, то это уже команда друзей-единомышленников. Они не только ставят столы и кладут на них все для творчества, но и создают определенное новое пространство с новыми законами, правилами, атмосферой. И приглашают детей. Тут не кто-то один приходит в гости, а целый мир приходит в гости. В этом мире есть эмоциональная безопасность, уважение. У волонтеров есть чувство локтя, поэтому они более свободны. Качественно меняется атмосфера.

Волонтерская группа — это огромный ресурс для волонтеров и очень большой ресурс для подопечных.

Что могут группы и что одиночки? Чтобы ответить на этот вопрос, надо понять какие цели преследует та или иная организация и чего она хочет от процесса. Если мы хотим создавать пространство общения, творчества, пространство, где люди видят друг друга и общаются друг с другом — это одно. Тут группа справится. Одиночка — нет. Если мы желаем провести мастер-класс по рисованию, квиллингу, то это одиночкам вполне по силам. Или если нужно, чтобы волонтер взял какую-то справку и отвез ее в учреждение, завизировал и вернул, а другой помог маме с ребенком собрать вещи и доехать до вокзала, то это вполне могут и одиночки, которые дистанционно управляют и отчитываются.

Волонтеры-одиночки — это очень часто уникальные люди, достаточно зрелые. Волонтерство одиночек — не для каждого. Один на один прийти в больницу — это непросто. Поэтому многие пробуют, приходят два, три раза и исчезают.

Групповое волонтерство — оно для каждого. И группа в таком случае — это идеальное пространство, где каждый может себя применить, внести вклад, и мы получим то, что необходимо в больнице, в детском доме и т. д.

Система одиночек менее устойчивая. Человек заболел — мастер-класса нет, а дети ждут.

Трудно быть координатором волонтеров-одиночек. Непросто узнать, что у них происходит, почти невозможно повлиять, обезопасить, проконтролировать. Для организаторов это достаточно тяжело, так как они должны отвечать за ситуацию, на которую почти не могут влиять.

Конечно, многое зависит от входящего потока и системы отбора. Если остаются настоящие «бриллианты», то результат будет. Но сколько сил нужно потратить на поиски этих «драгоценных камней»! И даже если есть силы, то нельзя забывать, что нужно как-то справляться с разочарованием большого количества отсеянных людей.

Отличительная черта «Даниловцев» — работа волонтерских групп только по расписанию. Например, волонтерская группа в детский наркодиспансер приходят строго по четвергам и субботам в положенное время. Этому есть причина. За процесс отвечает координатор, для которого руководство группой — это работа, даже если он получает скромные деньги или не получает их вовсе. А работа должна иметь четкий и доступный ему график. Это простое условие гарантирует постоянное присутствие координатора в группе. Для нас это принципиально важно. И это конечно большое подспорье для подопечных. Это как говорил Лис Маленькому принцу: «Приходи всегда в один и тот же час... Я буду знать, к какому часу готовить свое сердце...»

В дни экономического кризиса в больницах многое непредсказуемо, у пациентов много тревоги: сколько будут стоить лекарства, будут ли квоты на лечение, будут ли работать врачи и т. д. И наша задача сделать так, чтобы хотя бы по четвергам и субботам волонтеры всегда приходили. Это

для многих наших подопечных — островок стабильности. И волонтерам проще, есть опорные точки. А бывает и такое, когда волонтер не собирался, но вдруг понял, что сегодня четверг и у него свободный час. И он может прийти в больницу. Он знает, что там будут другие люди, что он будет не один.

У волонтера и так много личной ответственности. Само решение прийти или не прийти обусловлено только его свободным выбором. Это каждый раз непростое решение. И если к этому прибавляется повторяющийся вопрос выбора дня и времени — это совсем тяжело.

Группа или команда?

Для нас группа и команда разные вещи. Команда работает на общую цель. И эта цель является таковой для всех участников. Они становятся как бы единым целым для ее достижения. Личная цель каждого совпадает с общей целью. Не на словах, а в каждом действии. В реальности команды такого уровня очень редко бывают. Команда бывает очень гибкой. Распределение ролей не жесткое, а меняющееся в зависимости от ситуации. Каждый вкладывает свои возможности, и каждый точно знает, чего ожидать от другого.

Когда мы говорим о группе, здесь нет такой общей цели. Есть стиль общения, расположение друг к другу. Один хочет одного, другой другого. И это нормально.

Что может хотеть группа? Для чего она собирается? Например, скрасить пребывание детей в больнице. И это она делает хорошо. Каждый по-своему делает. Но это не есть общая цель.

Разница очень видна в тренингах на командообразование. Все участвуют и на самом деле каждый хочет своего. И только через несколько часов работы и десятков неудач все вздрагивают и говорят: «А зачем мы все это делаем?» И если участники решают зачем они вместе это делают, то меняется вообще все, и прежде всего стиль взаимодействия. А до этого все говорили, что у них общая цель, но при этом кто-то боится ошибок, другой хочет удержать лидерство, третий просто желает потусоваться. А это, в нашем понимании — группа.

У команды всегда очень жесткие границы. Там каждый посчитан, знаем, нужен — отсутствие каждого сказывается. Команды нужны для решения профессиональных задач. Например, управленческая команда в волонтерской организации может быть очень хороша.

В волонтерстве чаще всего достаточно группы. Волонтерство — это система, куда человек приходит и уходит. Волонтерская группа должна быть открытой в этом смысле. Легче принимать каждого и легче отпускать. Группа — это то пространство где люди созвучны и в меру сил участвуют в общем деле.

О координаторах волонтерских групп

Координатор волонтерской группы для нашего движения — ключевая позиция.

Быть координатором — это уникальная возможность. Возможность человеку решить: что он хочет, чтобы происходило? Как он хочет, чтобы происходило? Чего он не допустит? Кто ему для этого нужен, сколько человек? Что ему для этого нужно? Координатор — это человек, который решает: что, как и когда будет происходить.

Для волонтеров координатор, в первую очередь, волшебник. Тот, без которого ничего нет, который может вмиг все организовать. От волонтеров часто можно услышать: «Тут было трудно, но вот подошел координатор и все проблемы испарились». Координатор для волонтера — это человек, который «с тобой», «к которому можно обратиться», «которому ты интересен», «который компетентен во всех вопросах».

Координатор, в первую очередь, это человек несущий ответственность. Иногда это просто физически ощущается. Он может прийти и ничего не делать, но детям и волонтерам легко и спокойно, потому что есть координатор. Та же самая группа, в том же составе, придя без своего лидера — может быть раздавлена.

Координатор — это своего рода герой, он делает добрые дела не своими руками, несет ответственность за то, на что до конца не может оказать влияние. Координатор — это тот человек, к которому может обратиться ребенок с какой-то невозможной просьбой: «Простите, а у вас дирижабля не найдется? Очень надо!» Дети чувствуют, что он своего рода начальник, он ресурсен, он может перестроить процесс под ребенка, если очень надо. Они даже чувствуют, что если они пытаются вынудить волонтера на что-то им нужное, но координатор сказал «нет», значит «нет»!

В отношении детей (или подопечных) координатор — и «волшебник» и «тень отца Гамлета». Он полупрозрачный,

он может все организовать, но сам он порой с детьми не занимается. Он как бы действует через волонтеров.

Те, кто становились координаторами из волонтеров, потом говорили: «Я вот не верил, а правда — я перестал общаться с детьми». Иногда просто надо запустить процесс, а потом отстраниться.

Координатор — это, безусловно, начальник. Человек, задающий границы, правила работы. Он же организатор. На нем вопросы: кто придет, кто не придет, что делать, а вдруг что-то изменится в учреждении и т. д.? Если есть какие-то задумки, то они связаны с обеспечением ресурсов. То есть это та часть общего дела, за которую координатор отвечает, но не может на нее до конца влиять. У него нет жестких рычагов управления.

Координатор — это связующее звено между административной группой движения и волонтерами. Это и связь с персоналом учреждения, где работают волонтеры. Если к группе есть какие-то замечания или просьбы, или предложения, то он доносит их до волонтеров. Так же и вопросы от группы и от волонтеров он доносит врачу, заведующему или психологу. Волонтеры категорически не наделены полномочиями общения с персоналом больницы или детского дома.

Идеальный координатор — это тот, кто чувствует себя частью управленческой команды движения. И у этой особой группы тоже есть свой координатор, к которому все может обращаться. Соответственно, все, что координатор транслирует от движения к волонтерам — это не формальная передача расписаний или правил, а трансляция того, что волонтерское дело — общее дело, оно принадлежит всем.

Что такое движение?

Можно сказать, что движение состоит из двух частей. Первая — работа с подопечными. На практике — это волонтерская группа, как целое. И все группы вместе — множество. Вторая часть — работа с волонтерами, то, что обеспечивает процесс в целом. Это все что касается привлечения волонтеров, обучения, поддержки, привлечения ресурсов, управления.

Движение — это пространство в которое мы приглашаем людей, что бы они могли проявить себя, на своем месте сделать что-то свое. Кто-то просто играет с детьми, кто-то создает свою волонтерскую группу.

Для нас движение — это еще и пространство взаимоотношений без насилия. Оно состоит из трех видов волонтерской общности: группы на местах, координаторская группа и управленческая команда. Связывает эти все пласты наш стиль взаимоотношения без насилия. Он сейчас в дефиците, но он есть, всюду транслируется и этим мы отличаемся.

«Даниловцы» — для многих место доброй воли, свободы и ответственности. А внутри каждый делает свое дело: кто-то играет с детьми, кто-то решает управленческие задачи, кто-то пишет тексты на сайт...

Искусство быть волонтером. От доброй воли — к доброму делу. — М.: Издательство «Новое Небо», 2018 — 412 с.

ISBN 978-5-907073-38-8

УДК 271
ББК 86.372-4

Искусство быть волонтером
От доброй воли — к доброму делу.

Редактор: Барабаш А. А.
Корректор: Барабаш А. А.

ООО «Новое Небо»
Адрес: 127273, г. Москва, ул. Березовая аллея, д. 7Б, этаж 2,
помещение VII, каб. 76.
Телефон: +7 (495) 668 14 54

Подписано в печать 04.05.2018. Формат 80x100/32
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-907073-38-8

Российская система возрастных ограничений.
На основании Федерального закона
Российской Федерации от 29 декабря 2010 г.
N 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»